
РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 7—10.

УДК 330.35
ББК 65.9(2Рос)-962

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ И ФАКТОРАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Происходящие процессы глобальных трансформаций мировой экономики, переход считавшейся периферийной национальной экономики России в статус ядра евразийского пространства, проведение реиндустриализации в экономике России настоятельно диктуют переход к новой парадигме экономического роста. В последние двадцать лет реальные темпы экономического роста были невысокими, порою даже наблюдалось их снижение, а в определенные периоды экономика стагнировала. В экономической литературе существуют различные подходы к определению экономического роста и его факторов. К традиционным факторам роста в последнее время добавляются новые: обострение экономических проблем и противоречий, рост бедности, возникновение нового порядка, крах международного права. Эти факторы усиливают турбулентность в мировой экономике и отрицательно сказываются на темпах роста мировой экономики. Проблемы экономического роста в России усиливаются благодаря как новым трендам, так и сложившейся структуре распределения национального богатства России. В западных странах его создание обусловлено взаимодействием природно-ресурсного, физического и человеческого капитала. В течение двадцатого века обладание высоким природно-ресурсным потенциалом позволяло экономике России обладать достаточно высокими темпами экономического роста. Производительность труда росла, менялась структура экономики, формировался индустриальный способ производства. Развитие происходило на адекватной технологической базе, характерной для данного способа производства. На этом этапе развития проявилась важнейшая закономерность экономического роста — эффект Кузнецца. Этот эффект сводится к колоколообразной зависимости уровня дохода и неравенства (получившей

название кривой Кузнецца). В зависимости от положения конкретной страны в конкретный момент времени на кривой реакция экономики на рост национального дохода будет различной. В России в определенные моменты рост национального дохода на душу населения приводил к росту неравенства, то есть в полной мере получали выгоды от экономического роста далеко не все экономические субъекты. Эффект Кузнецца зависит от господствующих форм накопления и распределения богатства. Концентрация капитала у одних групп населения максимизирует инвестиции и стимулирует дальнейший экономический рост, в иных случаях это приводит лишь к выводу капитала за границу или его консервации. На эффект Кузнецца действует ряд взаимоисключающих факторов, от их комбинации зависят величина и направление эффекта.

Масса возникающих потребностей является движущим мотивом развития и экономического роста. Экономический рост как долгосрочная тенденция создает условия формирования нового качества жизни. В XXI в. изменяется совокупность факторов роста. Факторы, позволяющие обеспечить эту тенденцию, включают в себя производственно-ресурсный потенциал, капитал, технологии, информацию, институциональные формы, модели поведения и реакцию субъектов экономики, модели управления.

Необходимо проанализировать, в какой мере в России начала XXI в. созданы предпосылки, где эффект Кузнецца может влиять на неравенство в сторону его уменьшения при росте дохода. Достаточно ли для этого обладать производственно-ресурсным потенциалом или необходимо использовать и новые факторы экономического роста. Сегодня в России экономический рост описывается в терминах традиционных моделей (природные

ресурсы, основной капитал, трудовые ресурсы, технологии производства, предпринимательские способности). Функционирующая комбинация факторов производства подвержена влиянию косвенных факторов, нивелирующих возникающий тренд. К числу косвенных факторов можно отнести: спрос на инвестиции, объемы финансового капитала, объемы совокупного спроса, принципы распределения доходов, условия концентрации и распределения ресурсов, объемы ресурсов и капитала отдельных финансовых групп, населения и распорядителей финансовых ресурсов. Прямые факторы создают объективные предпосылки экономического роста. Однако условия реализации прямых факторов определяются факторами косвенными.

Также необходимо отметить, что национальная экономика России структурно неоднородна. Она представляет собой совокупность множества регионов с различным «бэкграундом», различным географическим положением и отраслевой спецификой. Экономический рост в каждом регионе описывается своей специфической функцией, предполагающей различный характер влияния прямых факторов. Функция же, определяющая экономический рост в стране, определяется как агрегат частных, региональных функций.

В рыночной экономике ресурсы обособливаются по регионам. В ряде случаев это приводит к возникновению эффективной комбинации таких прямых факторов экономического роста. На действие прямых факторов накладывают отпечаток и факторы косвенные, способные как усилить, так и ослабить эффект от экономического роста. Действующая в регионе комбинация факторов экономического роста создает предпосылки для интенсивного или экстенсивного развития регионов, для реиндустриализации региона, формирования нового технологического уклада и позитивного действия эффекта Кузнеця.

Рассмотрим ряд эффектов, возникающих как в национальной, так и в региональной экономике России при сложившейся комбинации факторов. В процессе смены форм собственности, укоренения рыночной экономики возникла новая комбинация факторов экономического роста. Экономика плохо и медленно приспособляется к ней, в результате чего экономический рост замедляется или прекращается вовсе. Причин этого несколько: во-первых, производственные регионы обладают различным производственно-ресурсным потенциалом, и они, будучи частями единой национальной системы, в условиях становления частной формы собственности утратили значительную часть внешних связей, способности к межреги-

ональной кооперации, что ослабило ключевые точки роста в регионах. В связи со степенью зависимости от других хозяйствующих субъектов, а также с отраслевой специализацией региона действие факторов экономического роста в нем могло существенно отклоняться от общероссийского тренда. Во-вторых, в силу фрагментации комбинации факторов роста по регионам и разрушения межрегиональных связей произошло отмирание ряда производств, что существенно понизило потенциал региона, его способность к экономическому росту даже при удачной внешней конъюнктуре. Из-за этого произошли серьезные изменения в структуре региональных экономик, в том числе связанные с нерациональным использованием ресурсов, деквалификацией трудовых ресурсов, уменьшением объемов используемого капитала и его оттоком в офшорные зоны. В такой ситуации наблюдалась локализация факторов экономического роста в пределах отдельных производств по регионам. Такая локализация производств вела к утрате экономического потенциала региона, снижению конкурентоспособности — формировались локальные рынки с локальной монополией производителя. Мощнейший косвенный фактор экономического роста — конкуренция — оказался сведенным к минимуму.

Совокупность факторов экономического роста при такой комбинации этих факторов снижает эффект, так как возникает территориальная ограниченность по факторам, отсутствующим в отдельных регионах. К ним относятся: снижение численности качественных трудовых ресурсов, физический и моральный износ основных фондов, сокращение объемов доступных природных ресурсов, отставание в используемых технологиях производства, особенно среди созданных в последние двадцать лет, а также отставание в уровне организации производства и недостаточный уровень предпринимательских способностей субъектов рынка. В среде предпринимателей доминируют субъекты, ведущие традиционные виды предпринимательской деятельности: торговля, сфера питания, строительство. Отсутствует новаторство, не создаются новые производства, использующие новейшие технологии.

Среди факторов, снижающих экономический рост, необходимо отметить отсутствие конкурентных рынков, особенно в сфере создания новых технологий и новых продуктов, рост цен на производственные ресурсы, высокие процентные ставки и не стимулирующую предпринимательскую активность налоговую систему. Субъекты хозяйствования при существующей кредитной политике при расширении производства, освоении

новых рынков испытывают существенный недостаток в используемом ими финансовом капитале. Спрос и распределение денежного капитала играют в экономике регионов двойственную роль. Недостаток в финансировании снижает уровень реального объема производства и ведет к спаду темпов экономического роста, повышает уровень безработицы, из производственной сферы вымывается слой квалифицированной рабочей силы, снижается ее среднее качество. Возникновение проблем в сфере занятости при свободном движении рабочей силы усиливает тенденции ее перетока в регионы и отрасли, которые выглядят предпочтительнее. Усиливаются процессы трудовой эмиграции среди высококвалифицированной рабочей силы (в том числе среди работников интеллектуального труда), происходит уменьшение научного потенциала — основного фактора научно-технического прогресса и в предпосылки экономического роста.

Все названные факторы формируют либо тренд снижения темпов экономического роста, либо сокращения экономического потенциала. На современном этапе экономического развития необходимо учитывать сложившиеся тренды темпов экономического роста. Базовая модель включает три традиционных фактора (труд, земля и капитал), а также объединяющий их предпринимательские способности и мультиплицирующий их научно-технический прогресс. Ее реализация для достижения максимальных темпов роста возможна на уровне как всей экономики, так и отдельных регионов.

Для получения оптимальной комбинации факторов роста необходимо решить ряд сущностных проблем. В XXI в. экономика России носит многоукладный характер. Сосуществуют государственный капитализм, индустриальный капитализм, зарождаются элементы постиндустриального капитализма. Эти уклады по-разному комбинируют факторы производства и влияют на темпы экономического роста. Одно из основных отличий в них — в уровне развития технологий. И тогда задача экономического роста сводится к такой комбинации факторов производства, при которой меняется сама структура производства, увеличивается доля сектора высокотехнологичного производства. До сих пор российскую бизнес-элиту образуют представители традиционных отраслей, и в этом мы сильно отличаемся от развитых стран. А именно высокотехнологичные компании создают условия для экономического роста. Для движения в эту сторону необходимо обеспечить ускоренный отход от традиционных образцов экономического и социального поведе-

ния. Создание современного технологического уклада — необходимое условие ускорения темпов экономического роста. Необходимо создать новый «креативный» класс, но не в том смысле, в котором он прозвучал изначально, в «нулевых», а как исповедующий новые экономические ценности ускоренного развития российской экономики. Необходимо ориентироваться на замену источников «сырьевого прорыва» на соединение природных и человеческих ресурсов в интеллектуальный потенциал, способный воспроизводить опережающими темпами новые продукты и технологии, определяющие новые качественные факторы экономического роста. Создание условий для такого перехода требует формирования новых субъектов хозяйствования, российского креативного класса, способного осуществить оптимальную с точки зрения экономического роста комбинацию факторов производства. Возникает необходимость освобождения субъекта от выполнения рутинных функций в пользу творчества, генерации идей и их воплощения в производстве. Речь идет не об отдельной творческой личности, а о формировании интеллектуального котла, способного стать базой креативной экономики, основанной на экономике знаний. Зарождается новая общественно-экономическая система, в которой доминировать будут не традиционные, но новые факторы экономического роста. Креативная экономика — это постоянно развивающийся процесс возникновения новых проектов, дизайна, где оболочка выражает содержание. Необходим переход от копирования старых технологий к поиску и созданию нового, уход от массового производства к индивидуальным проектам. Необходимо создание нового стиля, в границах которого будет осуществляться жизнедеятельность людей. Проблема наращивания критической массы креативного класса, способного развить сетевую экономику и дать ответ на вызовы современного развития. При формировании креативного класса первоочередной задачей является формирование его ядра, носителей нарастающих изменений, ответственных за социально-экономические последствия экономического роста. Подтягивание к этому ядру основной массы населения, способного стать новым фактором экономического роста, заряженного на изменение сложившейся системы. В рамках креативной экономики возникает особый механизм реализации предпринимательских способностей, что усиливает действие этого фактора на экономический рост. Обладая новейшими технологиями управления, инициативой, способностью предугадывать риски, предприниматель максимизирует использование имеющихся у него ресурсов, что

стимулирует экономический рост. Происходит максимизация предпринимательского потенциала, сопровождающегося не только ростом производительности факторов (труда в первую очередь), но и ростом доходов субъектов. Переход к креативной экономике и новым факторам экономического роста — процесс небыстрый, и во время перехода необходимо решить ряд проблем, замедляющих рост и развитие. В первую очередь это касается научно-технического прогресса, в центре которого — внедрение в производство новых наукоемких технологий. Внедрение новых технологий должно ускорить вялотекущий процесс индустриализации российской экономики, ее переход на 5-й и 6-й технологические уклады. Индустриализация предполагает ограничение сырьевых монополий, закрытие или перепрофилирование нерентабельных производств. Необходима переходная модель экономического роста, которая поможет перейти к новой базовой модели, сформированной на основе нового технологического способа производства. Для этого необходим рост инновационного и инвестиционного потенциала, позволяющего создавать конкурентоспособные производства. В такой модели экономического роста формируются ядро (ядра) и периферийные части экономической системы, имеющие различные экономические потенциалы и разные факторы экономического роста. Технологический уровень развития «ядер»

гораздо выше, они способны стать локомотивами для остальной периферии, «обогащать» их комбинацию факторов экономического роста. С объединением систем в пределах определенных комбинаций факторов производства возникает эффект мультипликатора, влияющего на подъем как старых отраслей, так и новой структуры производства на основе создания новых отраслей и производств. Ядро, обладая набором высоких технологий, распространяет в периферийные области свои знания, умения и навыки, обогащая их. Периферия же, «перерабатывая» факторы роста, должна сформировать свою оптимальную комбинацию, с учетом начальных условий и влияния ядра. Впоследствии это приведет к превращению центра периферии в новое ядро — центр экономического развития и роста. Развитие потенциальных технологических ядер и периферийных центров при наличии природно-сырьевых ресурсов не сможет осуществляться без соответствующей концентрации финансовых ресурсов. Объем доступных финансовых ресурсов должен быть таким, чтобы вызывать эффект мультипликатора и способствовать большей сбалансированности экономики. Экономический рост в современных условиях возможен, только когда будет определен новый тренд общественного развития на основе высокотехнологичных производств и в целом — к новому технологическому укладу.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 3 (413). *Economic Sciences.* Iss. 60. Pp. 7—10.

ON THE POSSIBILITY AND FACTORS OF ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA

V.I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

---

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 11—18.

УДК 330
ББК У01

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТНО-ОБЪЕКТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Н. В. Ким, В. О. Ким

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В настоящее время особо актуальной и популярной для обсуждения в научной среде является проблема определения предмета экономической теории и ее объекта, а также ее составляющих — политэкономии и экономикс. В данной статье раскрывается эволюция предметно-объектного содержания экономической теории в научных исследованиях ученых всех стран мира, рассмотрены вопросы отличий предметно-объектного содержания каждого из направлений экономической теории. Обосновывается статус экономических «законов», закономерностей, их исторический характер и изменчивость. Уделено большое внимание развитию современной экономической теории на основе обобщения разнообразных направлений и школ. При этом обобщении важным является сохранение национально-исторических особенностей каждой страны. Обосновывается важность учета национальных отличий, чтобы лучше осмыслить и оценить политические, социальные и экономических процессы, которые происходят на всех этапах исторического развития в той или иной стране.

Ключевые слова: *экономика, политэкономика, экономическая теория, общественные отношения, производство, распределение, обмен, консолидирующая экономика.*

Термины «экономика», «политическая экономика», «экономикс», «экономическая теория» эволюционизировали в своем развитии, что объективно обусловлено развитием экономической формы научного знания и объектом ее исследования — экономической системы как организации, структуры и состояния хозяйственной жизни.

Общеизвестно, что под объектами исследования понимаются явление, событие, закономерности, система, которые исследуются наукой.

Объект исследования может быть как специфичным, так и общим для многих наук. Хозяйственная жизнь человека является объектом изучения для многих общественных наук, таких как политология, экономика, менеджмент, социология и др.

Предмет исследования — это та конкретная сфера события, явления, системы, на которую направлена познавательная деятельность исследователей.

В объекте и предмете исследования в концентрированном виде сосредоточено смысловое содержание той или иной науки и формы научного знания. Специфичны объект, предмет и метод исследования в фундаментальных науках. Для многих общественных наук, таких, например, как социология, политология, экономика, ме-

неджмент, характерно отсутствие специфического предмета, объекта и метода исследования. Однако для каждой конкретной научной формы знания специфично их сочетание, и это является основой выделения определенных наук в форму научного знания в рамках тех или иных их групп. Так в чем состоит отличие научной формы знания от науки?

Именно научное знание, не имеющее обязательного единства специфичных для науки предмета и метода исследования, выступает как наиболее динамичный феномен сфере приращения знания. Однако это не отменяет необходимости определения ее предметно-объектного содержания в исследовании.

Один из выдающихся научных методологов, Э. Г. Юдин, при определении понятия предмета науки отмечает его эволюционирующий характер, то есть постепенное изменение составляющих предмета исследования. С таким мнением можно согласиться при условии: прежде чем эволюционировать, предмет исследования должен обладать определенным набором постоянных признаков, которые делают его определяемым и узнаваемым. В ходе своих исследований Э. Г. Юдин приходит к следующему выводу: «Многопредметность в науке выступает и в другом смысле: один

объект часто является предметом сразу нескольких разных исследований. Это особенно характерно для науки наших дней, когда фактически любой объект исследуется методами не одной, а одновременно нескольких наук [Цит. по: 4].

Следует заметить, что термин «экономия» (от греч. *oikonomia*) появился от древнегреческих мыслителей Ксенофонта и Аристотеля. Дословный перевод термина с греческого — это искусство, правила ведения домашнего хозяйства, домоводство, если считать «ойкос» — дом, домашнее хозяйство; «номос» — правило, закон [4].

Необходимо заметить, термин «политическая экономия» был применен в научной терминологии с появлением «Трактата политической экономии» французского меркантилиста Антуана Монкретьена в 1615 г.

В экономической форме научного знания термин «политическая экономия» преобладал до конца XIX в. Именно в 1890 г. выходит работа «Принципы экономикс» одного из выдающихся английских экономистов — А. Маршалла. Экономикс — это неоклассическое направление, синтезирующее маржинализм и классическую политическую экономию. В настоящее время во многих странах мира, в частности в англо-американских, политическая экономия функционирует под названием «экономикс», в некоторых — как «экономическая теория» или как «политическая экономия». Безусловно, каждый из функционирующих терминов имеет свои особенности исследования и изложения, тем не менее они по сути и смыслу являются названиями одной и той же формы научного знания, которая эволюционирует и исследует экономические явления и процессы на разных этапах развития производительных сил общества, — экономической теории (политэкономии).

Сегодня можно выделить особенности и отличия каждого из терминов. Так, можно считать, что политэкономия — это фундаментальная, методологическая часть экономической формы научного знания, раскрывающей содержание и сущность экономических понятий, общественных отношений, закономерностей функционирования и развития экономических систем при различных способах производства на национальном и общемировом уровнях.

В изучении общей экономической теории, как любой науки, большое значение имеет определение ее предмета, то есть того круга вопросов, которые она исследует. Причем нужно различать предмет и объект экономической теории. Объектом экономической теории является экономика в целом, как организация, структура и состояние хозяйственной жизни на всех уровнях.

Предмет общей экономической теории довольно сложен и многогранен по причине разнообразия и динамичности экономической деятельности общества и человека. Поэтому невозможно коротко и всеобъемлюще определить предмет исследования, который был бы применим ко всем этапам развития человечества. Экономическая теория, исследуя происходящие реалии в экономических процессах, сама постоянно эволюционирует, а ее предмет исследования изменяется и уточняется.

Как отмечено Э. Г. Юдиным, «многопредметность в науке выступает и в другом смысле: один объект является часто предметом сразу нескольких разных исследований. Это особенно характерно для науки наших дней, когда фактически любой объект исследуется методами не одной, а одновременно нескольких наук. Итак, мы видим, что многопредметное исследование может претендовать на статус науки, но беспредметное — нет» [5].

Так, для экономической теории (политэкономии), истоки которой следует искать в воззрениях меркантилистов, предметом исследования являются процессы сферы обращения, общественное богатство в виде товаров и денег, а источниками богатства народов являлись внешняя торговля и добыча драгоценных металлов [13].

Развитие капитализма и все более глубокое проникновение капитала в сферу производства связаны с промышленной революцией планетарного масштаба. Вполне закономерно происходила утрата прежнего значения положений меркантилизма, и им на смену пришли воззрения физиократов во Франции и классической школы в Англии. Так начинался новый этап развития экономической теории (политэкономии), длившийся на протяжении XVII—XIX вв.

Физиократы в отличие от меркантилистов исследовали экономические процессы в сельском хозяйстве, а данная отрасль рассматривалась сферой, в которой находится источник общественного богатства. На том этапе формой богатства выступала, соответственно, сельскохозяйственная продукция.

На втором этапе развития экономической теории (политэкономии) английская школа политэкономии Адама Смита и Давида Рикардо заложила основы теории трудовой стоимости, в которой объектом исследования стала экономика сферы материального производства вне зависимости от отраслевых отличий, а предметом исследования — совокупность производственных (экономических) отношений. В частности, нетрудовой характер прибыли предпринимателей, роль государства в экономике и др. [14].

С достижением капиталистическим обществом высокой степени зрелости и обострением присущих ему противоречий начинается новый этап в развитии экономической теории (политэкономии). В тот период заявили о себе прагматическое и марксистское направления, и этот этап продолжался на протяжении XIX—XX столетий. Представители прагматического направления Томас Мальтус и Джеймс Милль ограничиваются описанием и поверхностной характеристикой экономических явлений. В противовес прагматическому направлению в середине XIX в. возникает пролетарская политэкономия, основы которой заложил К. Маркс. Главные открытия Маркса в экономической теории [6]:

- сформулировано учение об общественно-экономических формациях и причинах их смены;
- установлены законы развития капитализма и его внутренний источник самодвижения;
- разработана теория воспроизводства и экономических кризисов, цены производства;
- разработано учение о производстве прибавочной стоимости и др.

Во второй половине XIX в. возникло новое направление — маржинализм австрийской школы Карла Менгера и других, представлявших экономику и объяснявших экономические процессы исходя из предельных (минимальных или максимальных) величин или состояний, характеризующих не сущность явлений, а их изменение в связи с изменением других явлений.

Современный этап экономической теории (политэкономии) представлен преимущественно западными экономическими концепциями: неоклассическими, кейнсианскими и институциональными.

Как уже отмечено выше, термин «политэкономия» первоначально в переводе с греческого означал «наука о законах городского (государственного) хозяйства», так как его составляющие следующие: политейя — город, государство; ойкос — дом, хозяйство; номос — закон.

Таким образом, термин «политэкономия» дословно и означает науку о законах государственного (городского) хозяйства.

Необходимо отметить, определение экономического закона основано на философском определении как устойчивого, прочного, многократно повторяющегося явления и как выражение внутренней, существенной, необходимой, причинно-следственной взаимосвязи [1].

Существуют три точки зрения на характер экономических законов. Сторонники первой из них считают, что экономические законы объективны и

действуют независимо от воли и сознания людей, хотя действие их проявляется через практическую деятельность людей, опосредуется политическими, идеологическими, нравственными и другими отношениями, которые могут противодействовать естественно-историческому развитию общественного производства.

Учитывая сказанное, характер действия тех или иных экономических законов может проявляться в безусловной, абсолютной форме и в форме господствующей тенденции. Отсюда разделение экономических законов на абсолютные и закономерности — тенденции. Абсолютные законы — это законы, выражающие важнейшие, определяющие, главным образом качественные стороны экономических процессов. Законы-тенденции — это выражающие преимущественно количественные характеристики экономических явлений.

Объективный характер экономических законов означает, что их можно открывать, изучать и познавать. Познание экономических законов позволяет обществу учитывать их действие в своей хозяйственной практике и благодаря этому добиваться значительных успехов в развитии экономики.

Вторая точка зрения заключается в отрицании объективного характера экономических законов. Ее сторонники считают, что экономические законы создаются самими людьми, а потому их можно игнорировать, отменять одни и создавать другие. Реализация подобных взглядов в хозяйственной практике неизбежно ведет к субъективизму и волюнтаризму, что негативно влияет на экономическое развитие общества. Указанные взгляды принято называть субъективно-идеалистическими.

Противоположную точку зрения на характер экономических законов отстаивают сторонники фетишистских взглядов. Они не отрицают объективный характер экономических законов, но при этом считают, что эти законы действуют стихийно, что люди не могут познать их, а следовательно, не могут согласовывать свою практическую деятельность с действием тех или иных экономических законов.

Вместе с тем нельзя не заметить вечность и абсолютный характер естественных законов, тогда как экономические «законы» носят исторический характер и изменчивы; они являются, скорее, закономерностями или тенденциями [15]. Безусловно, экономические «законы», как и законы естественные, носят объективный характер, то есть их действие не зависит от воли и сознания людей. Вместе с тем их действие опосредствовано сознанием и волей людей, и в этом смысле

осуществление экономических «законов» субъективно [15].

Исходя из изложенного политэкономия как перевод с греческого — наука о «законах» домашнего хозяйства — претерпела изменения. В политэкономии исследуются закономерности или тенденции экономических явлений, процессов, событий, характерные для конкретного уровня производительных сил, способа производства, институциональных условий хозяйствования и др. факторов. И определяющим в закономерностях или тенденциях экономических явлений, процессов, событий является способ производства, отношения собственности.

Нельзя не отметить и тот факт, что экономические знания выделались в самостоятельную форму научного знания тогда, когда было раскрыто столько экономических форм, что стало очевидным, что они как по количеству, так и по качественной характеристике не укладываются в область общеправовых или философских или правовых знаний. Более того, все сферы хозяйственной жизни (производства) в масштабе страны, мира политэкономия изучить не в состоянии — это задача всей совокупности экономических дисциплин. Поэтому возникла необходимость появления как общетеоретических, так и прикладных экономических дисциплин.

При этом принято считать, что в «общей экономической теории» систематизирована совокупность знаний об организации, структуре и состоянии хозяйственной жизни, знаний об общественном производстве на общетеоретическом уровне. Ее предмет исследования может совпадать с объектом и охватывает, по сути, все явления и закономерности функционирования и развития экономики.

Таким образом, экономическую теорию в определенной степени можно рассматривать как системное и обобщенное понятие. В реальной жизни экономическая теория сегодня представлена двумя основными экономическими направлениями или дисциплинами, которые могут отличаться многомерностью и широтой предмета и объекта исследования. К таким экономическим дисциплинам относятся «политическая экономия» и «экономикс».

Необходимо заметить, в научной литературе встречаются различные варианты классификации экономических форм научных знаний. В соответствии с одним из вариантов все экономические дисциплины разграничиваются: на общеэкономические — экономическая теория, политэкономия, экономикс, экономическая история, история экономических учений; функциональные — статистика, бухгалтерский учет, финансы; отрасле-

вые — экономика строительства, сельского хозяйства и т. д. [Там же].

Второй вариант классификации научных форм экономических научных знаний может быть представлен по вертикали, в нем, соответственно, выделяют: формы научного знания микроэкономического уровня, такие как микроэкономика (общетеоретическая дисциплина), экономика предприятия (прикладная дисциплина); формы научного знания мезоэкономического уровня, как, например, региональная экономика (прикладная дисциплина); формы научного знания макроэкономического уровня, как, например, макроэкономика (общетеоретическая дисциплина); и, наконец, супермакроэкономического уровня, как международная политэкономия (общетеоретическая дисциплина).

Чем же отличаются общетеоретические дисциплины «экономикс» и «политэкономия», которые в то же время являются составными частями экономической теории? Экономикс в классическом виде представляет форму научного знания микроэкономического и макроэкономического уровней. В микро- и макроэкономике могут быть разные объекты исследования, но предмет исследования один — система рыночных общественных отношений, рассмотренных с позиции стоимости и поведения людей и государства в экономике, помогающей удовлетворять потребности человека в мире ограниченных ресурсов.

Попробуем разобраться, что же является предметом политэкономии в самом обобщенном виде? Предметом исследования политэкономии являются экономические процессы, явления, события, понятия (категории) для выражения сущности экономических явлений, их характеристика и их изменение, закономерности, социально-экономическая сущность производства и совокупность общественных (производственных и экономических) отношений, возникающих между людьми, их группами, государством в процессе производства, обмена и распределения, соответствующих данной ступени развития производительных сил, господствующего способа производства, уровню сложившихся институтов.

Безусловно, как уже отмечено, системообразующим элементом в политэкономии являются отношения собственности. Именно право собственности на материальные блага и средства производства будет решающим в распределении, обмене и потреблении материальных благ и услуг. В функционировании любой системы производственные отношения всегда являются определяющими, поэтому центральное место в политической экономии отводится именно исследованиям отношений собственности.

Решающий вклад в исследования отношений собственности сделал К. Маркс, акцентировав научное исследование именно на анализе капиталистических производственных отношений в сфере экономической жизни общества. Субъектами этих отношений выступают капиталисты и наемные рабочие.

В начале XX в. взгляд был прикован еще к одному субъекту отношений — государству. И это связано с тем, что существуют некоторые вещи, с которыми хорошо справляется рынок, а есть вещи, которые мы называем «провалами» рынка, которые рынок урегулировать не может. Решением проблем «провалов рынка» должно заняться государство. Безусловно, рынок первичен, но если он не справляется, то государство должно вмешаться. В течение XX в. государство в разных странах участвовало в разрешении «провалов» рынка, и к 1970-м гг. накопился такой опыт, который позволил экономистам говорить уже о «провалах бюрократии» наряду с «провалами рынка». Оказалось, что государство еще хуже справляется с теми задачами, с которыми не справился рынок [7]. Все то, что рыночная система в себя не умещает, действующая политическая система не всегда способна разрешить, в частности проблемы с «провалами» рынка, и они превращаются во внешние эффекты — как положительные, так и отрицательные. На поверку оказалось, что для того, чтобы решить проблему внешнего эффекта, нужно установить право. Ведь еще Рональд Коуз говорил, что «права есть ключ к решению проблемы внешних эффектов» [Цит. по: 8].

Сегодня можно говорить о гражданском обществе как еще об одном субъекте общественных отношений о взаимных правах. Главная роль гражданского общества — это взаимные права, имеющие очень большой экономический смысл [9].

Так, вопрос о том, какие права надо устанавливать и как этими правами обмениваться, — это вопрос компетенции гражданского общества. Собственно, обилие вариантов решения вопросов прав — это и есть предмет деятельности в той сфере, где нет монополии власти, где есть разные группы интересов, где есть разные субъекты, способные свои права присваивать, отчуждать, обменивать, реализовывать и т. д. Пропорции разных групп интересов в каждый данный момент и в каждой стране будут оказываться разными и далеко не вечными.

Поэтому можно констатировать, что в настоящее время политическая экономия сформировалась как форма научного знания, изучающая общественные (экономические, производственные) отношения, возникающие между людьми, груп-

пами людей, государством, институтами гражданского общества в процессе общественного производства. Это составляет ее предмет исследования на современном этапе [17].

В условиях становления и развития экономической интеграции возникает потребность в осуществлении анализа экономических процессов и явлений на глобальном уровне, то есть на уровне межгосударственных экономических объединений и мирового сообщества. Более того, в последнее время в связи с явным переформатированием мировой системы, ее глобализацией и интернализацией на арену выходит понятие устойчивой системы, или ресурсо-ориентированной модели экономики [10]. Ее постулатом является неразрывность связей между собственно экономикой, социумом и природой. Стратегическое направление ресурсо-ориентированной модели экономики есть отказ от стихийных методов и экономическое планирование в зависимости от ресурсопотребления каждого отдельного государства и планеты в целом [3. С. 9].

Еще в 2012 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе ведущие представители мировой интеллектуальной элиты заявляли, что эра капитализма и свободного рынка уже заканчивается [11]. Пора создать новый тип нравственного капитализма и новый глобальный порядок, основанный на социально ответственной экономике. Поэтому объектом политэкономии будущего становится хозяйственная деятельность гуманистической постиндустриальной цивилизации, основанной на новом, VI технологическом укладе, без дополнительной нагрузки на окружающую среду, «кластере базисных прорывных и эпохальных новаций», на справедливой для всех стран финансово-экономической системе, легитимной и обеспеченной мировой валюте, в которой важнейшее значение приобретут требования к качеству жизни и комфортности среды обитания и формирование экономических стимулов в сфере частного сектора [12].

Это будет уже политэкономия нравственного капитализма, политэкономия хозяйства, основанного на общественном договоре. И тогда предметом исследования помимо производственных и экономических отношений станут общественные отношения экологического и социального характера. Можно говорить, что предмет исследования политэкономии будет постоянно трансформироваться в зависимости от уровня развития производительных сил и запросов общества, в том числе на мировом уровне, рассматриваемых с позиции не только стоимости, но и нравственности, справедливости и права.

Список литературы

1. Алексеев, П. В. Философия : учеб. для вузов / П. В. Алексеев, А. В. Панин. — М. : Проспект, 1996. — 500 с.
2. Егоров, Ю. Л. Методологические проблемы современного научного познания : учеб. пособие для студентов и аспирантов / Ю. Л. Егоров. — М. : ГТУ МИЭТ, 1993. — 124 с.
3. Гринберг, Р. С. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? / Р. С. Гринберг. — М. : Магистр, 2011.
4. Ким, Н. В. Методологические и институциональные проблемы аудита : дис. ... д-ра экон. наук / Н. В. Ким. — Краснодар, 2008.
5. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. — М. : Эдиториал УРСС, 1997. — 444 с.
6. Маркс, К. Соч. : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1955.
7. Аузан, А. Административные барьеры в экономике: институциональный анализ / А. Аузан, П. М. Крючкова. — М. : ИИФ СПРОС КонфОП, 2002.
8. Лейбенштейн, Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» / Х. Лейбенштейн. — СПб. : Экон. шк., 1995.
9. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997. — 180 с.
10. Модель устойчивой консолидирующей экономики Ким Н. В. [Электронный ресурс]. — URL: i-news.kz/news/2013/05/07/7000877...ustoichivoi (дата обращения 25.01.2018).
11. Ким, Н. В. Модель экономики будущего: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] / Н. В. Ким. — URL: [http://customs.esrae.ru/pdf/2016/1\(1\)/7.pdf](http://customs.esrae.ru/pdf/2016/1(1)/7.pdf) (дата обращения 25.01.2018).
12. Пакт о глобальном регулировании мировой экономики [Электронный ресурс]. — URL: thenews.kz/2011/05/03/808995.html (дата обращения 25.01.2018).
13. Предмет экономической теории [Электронный ресурс]. — URL: <http://uchebnikonline.ru/> (дата обращения 25.01.2018).
14. Политэкономия как составная часть экономической теории [Электронный ресурс]. — URL: http://uchebnikonline.com/politekonomia/politichna_ekonomiya_-_schetinin_ai/politekonomiya_skladova_chastina_ekonomichnoyi_teorii.m (дата обращения 25.01.2018).
15. Предмет и метод политической экономии [Электронный ресурс]. — URL: http://life-prog.ru/2_105702_tema--predmet-i-metod-politicheskoy-ekonomii.html (дата обращения 25.01.2018).
16. Предмет экономической теории [Электронный ресурс]. — URL: <http://megalektsii.ru/> (дата обращения 25.01.2018).
17. Курс общей экономики [Электронный ресурс]. — URL: <http://biblioclub.ru/> (дата обращения 25.01.2018).

Сведения об авторах

Ким Наталья Васильевна — доктор экономических наук, профессор Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, профессор кафедры таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. kimnv.51@mail.ru

Ким Владислав Олегович — магистрант Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Kimob@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 11–18.*

SUBJECT-OBJECT CONTENT OF ECONOMIC THEORY

N.V. Kim

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kimnv.51@mail.ru

V.O. Kim

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Kimob@mail.ru

Nowdays the problem of definition of the subject and object of the economic theory and its components of political economics and economics is the most actual and popular to discuss. The article discovers the evolution of subject-object content of economic theory in scientific investigations of scientists all over the world, the questions of distinctions of subject-object content of each tendency of economic theory. The article substantiates the status of economic “laws”, common factors, its historical character and mobility. The article pays great attention to the development of modern economic theory on the base of socialization of different tendencies and schools. But in spite of this socialization it is very important to keep the national historical peculiarities of each country. The article substantiates the importance to pay attention to pays great attention distinctions to comprehend and value the current political, social and economic processes, which take place at all stages of historical evolution in any country.

Keywords: *economy, political economics, economic theory, subject, object, law, common factors, public relations, production, distribution, exchange, consolidating economy.*

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. *Filosofia* [Philosophy]. Moscow, 1996. 500 p. (In Russ.).
2. Egorov U.L. (ed.). *Metodologicheskiye problemy sovremenogo nauchnogo poznaniya* [Methodological problems of modern perception]. Moscow, 1993. 124 p. (In Russ.).
3. Grinberg P.S. *Globalizatsia, transformatsia, krizis — chto dal'she?* [Globalization, transformation, crisis — what's the next?]. Moscow, Magistr Publ., 2011. (In Russ.).
4. Kim N.V. *Metodologicheskiye i institutsional'nye problemy audita* [Methodological and institutional problems of audit. Thesis]. Krasnodar, 2008. (In Russ.).
5. Yudin E.G. *Metodologiya nauki* [Methodology of science]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997. 444 p. (In Russ.).
6. Marx K. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. (In Russ.).
7. Auzan A., Kryuchkova P.M. *Administrativnye bar'ery v ekonomike: institutsional'nyy analiz* [Administrative barriers to the economy: institutional analysis]. Moscow, IIF SPROS KonfOP Publ., 2002. (In Russ.).
8. Leybensteyn Kh. *Allokativnaya effektivnost' v sravnenii s "X-effektivnost'yu"* [Allocative efficiency in compare and son with “X-efficiency”]. St. Petersburg, Economic school Publ., 1995. (In Russ.).
9. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutes, institutional changes and functioning of economy]. Moscow, Fund of economic book “Nachala” Publ., 1997. 180 p. (In Russ.).
10. Kim N.V. *Model' ustoychivoy konsolidiruyushchey ekonomiki* [Model of stable consolidating economy]. Available at: i-news.kz/news/2013/05/07/7000877...ustoichivoi, accessed 25.01.2018 (In Russ.).
11. Kim N.V. *Model' ekonomiki budushchego: problemy i puti ikh resheniya* [Model of the future economy: problems and ways to solve them]. Available at: [http://customs.esrae.ru/pdf/2016/1\(1\)/7.pdf](http://customs.esrae.ru/pdf/2016/1(1)/7.pdf), accessed 25.01.2018. (In Russ.).
12. *Pakt o global'nom regulirovanii mirovoy ekonomiki* [Pact about global regulation of world economy]. Available at: <http://thenews.kz/2011/05/03/808995.html>, accessed 25.01.2018. (In Russ.).
13. *Predmet ekonomicheskoy teorii* [The subject of economic theory]. Available at: <http://uchebnikonline.ru/>, accessed 25.01.2018. (In Russ.).
14. *Politekonomiya kak sostavnaya chast' ekonomicheskoy teorii* [Political Economics as a Part of Economic Theory]. Available at: http://uchebnikonline.com/politekonomia/politichna_ekonomiya_-_schetinin_ai/politekonomiya_skladova_chastina_ekonomichnoyi_teoriiyi.htm, accessed 25.01.2018. (In Russ.).

---

15. *Predmet i metod politicheskoy ekonomii* [The subject and method of political economics]. Available at: http://life-prog.ru/2_105702_tema--predmet-i-metod-politicheskoy-ekonomii.html, accessed 25.01.2018. (In Russ.).

16. *Predmet ekonomicheskoy teorii* [The subject of economic theory]. Available at: <http://megalektsii.ru/>, accessed 25.01.2018. (In Russ.).

17. *Kurs obshchey ekonomiki* [Course of general economy]. Available at: <http://biblioclub.ru/>, accessed 25.01.2018. (In Russ.).

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 19—29.

УДК 332.1
ББК 65.04

ИСТОЧНИКИ РОСТА ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В. И. Бархатов, Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Российская экономика ориентирована в первую очередь на производство промышленной продукции. В большинстве регионов доля промышленного продукта в валовом региональном продукте существенно превышает 75—80 %. Устойчивый рост регионов зачастую зависит от конъюнктуры именно промышленного сектора. Уральский регион не является исключением. Исторически регион всегда относился к промышленному. Цель статьи — проанализировать возможные источники роста Уральского региона (федерального округа). Методология анализа базируется на построении нелинейной эконометрической функции, в которой регрессорами выступают, во-первых, трудовые кадры, во-вторых, капитальные ресурсы. Кроме того, авторы выдвигают гипотезу о возможном воздействии объемов банковского кредитования, направленного на инвестиции в основной капитал. Этот показатель вводится в функцию в качестве третьего регрессора. Построение функции даст ответ на вопрос, какие факторы (человеческий капитал, инвестиции в основной капитал или же объемы кредитования, направленного на пополнение основного капитала) и в какой степени влияют на темпы роста промышленного производства в регионе.

Ключевые слова: *промышленный регион, рост региона, объемы промышленного производства, инвестиции в основной капитал, кредиты банков.*

Проблема роста промышленного региона является актуальной не первое десятилетие. Стратегия научно-технологического развития РФ остро ставит вопрос о необходимости роста конкурентоспособности национальной экономики, а также о достижении связности территорий нашей большой страны [10]. Только благодаря национальной целостности, связности регионов и росту таковых можно нарастить и конкурентоспособность страны.

В экономической литературе нет единого понимания, какой именно регион считать промышленным. Например, у Р. И. Гильмановой это такой административный субъект РФ, где доля валовой добавленной стоимости промышленности в валовом региональном продукте составляет не ниже 33 % [4. С. 9].

Существуют и иные концепции промышленного региона. Например, говоря о «регионах промышленного типа», М. К. Куманеева называет следующие признаки промышленного региона [7]. Во-первых, это наличие серьезной ресурсной базы. Во-вторых, аграрная отрасль не должна превы-

шать 10 % ВРП. В-третьих, должен преобладать традиционный технологический уклад. А это означает низкую активность внедрения инноваций. В-четвертых, напряженная ситуация с экологией. Однако, на наш взгляд, экологическая напряженность, скорее, является не столько признаком промышленного региона, сколько следствием низкой экологической эффективности промышленных предприятий. Более того, традиционные способы производства не должны быть основополагающими. Инновационная активность — это то, что нужно промышленному региону в качестве «драйвера» развития.

М. В. Матвеева, А. П. Чупров, анализируя роль государственной политики, в качестве источников промышленного развития региона называют, во-первых, степень открытости экономики региона, во-вторых, активность внедрения промышленных инноваций, в-третьих, устойчивость к воздействию внешних факторов и, наконец, гармоничность развития экономики региона [8].

Исследуя успешность малых и средних предприятий Челябинской области, источником роста

промышленного предприятия В. И. Бархатов называет интеллектуальный капитал предпринимателя и работника, который формирует фундамент технологического производства [2].

Говоря о промышленном потенциале Хабаровского края, К. В. Филиппова называет следующие причины, сдерживающие развитие промышленного региона: структурная изоляция от остальной части России, низкая внутрирегиональная транспортная связь при условии большой территории, очаговый характер расселения при низкой плотности населения [16].

Элементом синтетической классификации регионов посвящены работы Л. М. Григорьева, Ю. В. Урожаевой, Д. С. Иванова, которые в качестве группировочных показателей называют численность населения, ВРП, объем производства, объем инвестиций, объем иностранных инвестиций, число студентов, долю городского населения, дотационность регионального бюджета и др. [5].

Проблеме развития Уральского региона особое внимание уделял А. И. Татаркин [11—14]. Среди признаков саморазвития региона он выделил: превышение темпа прироста ВРП над средненациональным в течение длительного периода, обеспеченность региона собственными источниками, стабильное положительное сальдо торгового и платежного баланса и пр.

Множество исследований посвящено природе промышленного региона [4; 7], а также вопросам экономического роста региона и роста его конкурентоспособности [6; 7; 11], поиску источников такого роста [2; 12—14]. Тем не менее однозначного и универсального ответа на вопрос, каковы же эти драйверы роста промышленного региона, все еще нет.

В целях дальнейшего анализа примем, что промышленный регион — регион, где доля промышленного производства превышает 50 %. Согласно ФЗ «О промышленной политике» под промышленностью понимается определенная на основании Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (далее по тексту статьи ОКВЭД) совокупность видов экономической деятельности, относящихся к добыче полезных ископаемых, обрабатывающему производству, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, а также ликвидации загрязнений [15]. Иными словами, в соответствии с ОКВЭД это четыре раздела: В — добыча полезных ископаемых; С — обрабатывающие производства; D — обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; E — водо-

снабжение, водоотведение, организация сбора, утилизация отходов, ликвидация загрязнений [9].

В Уральском федеральном округе доля только двух разделов (В и С) в общем объеме региональной выручки по состоянию на конец 2016 г. составила 64,35 % [1]. Ввиду того, что авторы статьи являются постоянными жителями УрФО, анализ будет сосредоточен именно на этом федеральном округе.

Методология и инструментарий

С целью проведения количественного анализа возможных источников роста промышленного региона обратимся к эконометрическому инструментарию. За основу возьмем функцию Кобба — Дугласа, появившуюся в экономической теории в первой трети XX в. В первоизданном виде функция выглядит так:

$$Q = A \times L^\alpha \times K^\beta, \quad (1)$$

где Q — объем производства (как правило, в физических единицах измерения), K — объем капитала компании (также в неких условно-физических единицах, как правило, нестоимостных); L — объем труда (аналогично в физических единицах измерения, например количество человеко-часов); A , α , β — параметры функции.

Вся доступная статистическая региональная отчетность, как правило, содержит данные, измеренные в стоимостных единицах. А следовательно, если речь идет о временной выборке, то построенная эконометрическая модель может иметь существенный недостаток, который просто не позволит получить достоверную (адекватную) функцию. Многие функции, построенные на фактических данных, имеют такие «болезни», как, например, автокорреляция — это взаимозависимость случайных остатков регрессионной модели [3]. Автокорреляция, как правило, характерна для временных рядов. Именно такая выборка и характерна для целей нашего исследования. Вероятность появления автокорреляции в нашем случае действительно высока, так как используемые показатели в качестве единицы измерения будут иметь денежные единицы. Динамика стоимостных показателей, как правило, инерционна. А именно инерционность многих экономических законов и является причиной автокорреляции. Поэтому, чтобы снизить вероятность появления таковой, несколько модифицируем функцию и будем использовать не просто величины, а именно индексы (темпы роста):

$$i_Q = A \times i_L^\alpha \times i_K^\beta, \quad (2)$$

где i_Q — индекс изменения выручки компаний региона; i_L — индекс изменения трудовых ресурсов компаний региона; i_K — индекс изменения капитала компаний региона; A, α, β — параметры функции.

Для проведения более полного анализа построим несколько функций:

Регрессия 1: покрывает все отрасли Уральского региона — все разделы ОКВЭД (включая промышленный сектор). В качестве показателя « L — трудовые ресурсы» примем среднюю численность работников региона по всем отраслям (чел.); в качестве показателя « K — капитал» — инвестиции в основной капитал (тыс. р.). Q — выручка от продаж компаний всех отраслей экономики.

Регрессия 2: строится аналогично регрессии 1, однако в качестве показателя « L — трудовые ресурсы» примем фонд начисленной в регионе заработной платы (тыс. р.).

Регрессия 3: выборку здесь представляют компании только раздела В согласно ОКВЭД (добыча полезных ископаемых). В качестве показателя « L — трудовые ресурсы» примем среднюю численность работников региона раздела В (чел.); в качестве показателя « K — капитал» — инвестиции в основной капитал раздела В (тыс. р.). Q — выручка от продаж компаний раздела В.

Регрессия 4: строится аналогично регрессии 3, однако в качестве показателя « L — трудовые ресурсы» примем фонд начисленной в регионе по разделу В заработной платы (тыс. р.).

Регрессия 5: строится аналогично регрессии 3, однако выборку здесь составляют компании раздела С ОКВЭД (обрабатывающие производства).

Регрессия 6: строится аналогично регрессии 4. Выборка — компании раздела С ОКВЭД (обрабатывающие производства).

Для удобства восприятия указанных функций построим свою таблицу, которая позволит резюмировать регрессоры и выборки, актуальные для каждой функции (табл. 1).

Построение указанных шести функций предполагает включение в модель лишь двух регрессоров. Однако, вероятно, на практике существует и множество иных факторов, оказывающих влияние на рост региона. Далее проанализируем, оказывает ли влияние на рост промышленного региона состояние финансового рынка. Для этого в качестве третьего регрессора включим показатель «темп роста объема кредитов банков, направленных на инвестиции в основной капитал». В этом случае эконометрическая модель будет иметь следующий вид:

$$i_Q = A \times i_L^\alpha \times i_K^\beta \times i_{BL}^\gamma, \quad (3)$$

где i_Q — индекс изменения выручки компаний региона; i_L — индекс изменения трудовых ресурсов компаний региона; i_K — индекс изменения капитала компаний региона; i_{BL} — индекс изменения объемов кредитов банков, направленных на инвестиции в основной капитал; A, α, β, γ — параметры функции.

Аналогично для более глубокого анализа построим не одну функцию такого вида (с тремя регрессорами):

Регрессия 7: выборка — компании раздела В согласно ОКВЭД (добыча полезных ископаемых); показатель « L — трудовые ресурсы» — средняя численность работников региона раздела В (чел.); показатель « K — капитал» — инвестиции в основной капитал раздела В (тыс. р.); показатель « BK — банковские кредиты» — объем кредитов банков, направленных на инвестиции в основной

Таблица 1

Модели построения регрессии вида $i_Q = A \times i_L^\alpha \times i_K^\beta$

Модель	Регрессоры		Выборка, разделы ОКВЭД
	1	2	
Регрессия 1	Темп роста средней численности работников	Темп роста инвестиций в основной капитал	Все разделы
Регрессия 2	Темп роста фонда начисленной заработной платы	Темп роста инвестиций в основной капитал	Все разделы
Регрессия 3	Темп роста средней численности работников	Темп роста инвестиций в основной капитал	Раздел В
Регрессия 4	Темп роста фонда начисленной заработной платы	Темп роста инвестиций в основной капитал	Раздел В
Регрессия 5	Темп роста средней численности работников	Темп роста инвестиций в основной капитал	Раздел С
Регрессия 6	Темп роста фонда начисленной заработной платы	Темп роста инвестиций в основной капитал	Раздел С

капитал (тыс. р.). Q — выручка от продаж компаний раздела В.

Регрессия 8: строится аналогично регрессии 7, однако в качестве показателя « L — трудовые ресурсы» примем фонд начисленной в регионе заработной платы (тыс. р.).

Регрессия 9: строится аналогично регрессии 7, однако выборку здесь составляют компании раздела С ОКВЭД (обрабатывающие производства).

Регрессия 10: строится на базе выборки, аналогичной в регрессии 9 (раздел С); включает показатели из регрессии 8.

Резюмируем вышесказанное в табл. 2.

Все десять функций будут построены из расчета временной выборки за период 2005—2016 гг.

Результаты и выводы

Проанализируем динамику факторов и проведем сравнительный анализ таковых для всех отраслей региона и для обрабатывающей промышленности (раздел С).

На рис. 1 показана динамика средней численности работников всех отраслей УрФО; рис. 2 иллюстрирует динамику фонда начисленной заработной платы по всем отраслям ОКВЭД в Уральском регионе.

Сравнение результатов, отраженных на рис. 1 и 2, позволяет сделать вывод о том, что при условии снижения средней численности работников в регионе фонд заработной платы рос. За период с 2007 по 2016 г. видно стабильное снижение средней численности работников в регионе. Снижение составило 14,6 % за весь указанный

период. Самое сильное снижение кадров произошло в 2009 г. и по сравнению с 2008 г. составило 5,13 %. В дальнейшем каждый год значение убывало в среднем на 1,28 %. При этом фонд начисленной заработной платы с каждым годом стабильно рос — исключение составляет лишь 2009 г., в котором этот показатель сократился на 1 %. В среднем за период с 2005 по 2016 г. фонд начисленной заработной платы рос на 11,81 %. Причем темпы роста замедляются.

На рис. 3 показана динамика инвестиций в основной капитал.

Положителен факт значительного роста показателя: за период с 2005 по 2016 г. инвестиции в основной капитал выросли в 5,13 раза. Такой рост существенно опередил инфляцию.

Итогом работы предпринимательского сектора Уральского федерального округа стал рост валовой выручки региона в 3,23 раза (за тот же период с 2005 по 2016 г.). Динамика выручки показана на рис. 4.

В среднем за рассматриваемый период выручка всех предприятий региона год от года росла на 11,67 %. При этом в 2009 году произошел спад выручки на 10,33 %.

На рис. 5—8 представлена динамика аналогичных показателей — но уже актуальных для раздела С классификатора ОКВЭД (обрабатывающая промышленность). Ввиду отсутствия статистических данных по состоянию на 2005 год рассматриваемый диапазон лет сократим до 2006—2016 гг.

В целом динамика всех индикаторов, представленных для всех отраслей региона, сопоставима

Таблица 2

Модели построения регрессии вида $i_Q = A \times i_L^\alpha \times i_K^\beta \times i_{BL}^\gamma$

Модель	Регрессоры			Выборка, разделы ОКВЭД
	1	2	3	
Регрессия 7	Темп роста средней численности работников	Темп роста инвестиций в основной капитал	Темп роста кредитов банков, направленных на инвестиции в основной капитал	Раздел В
Регрессия 8	Темп роста фонда начисленной заработной платы	Темп роста инвестиций в основной капитал	Темп роста кредитов банков, направленных на инвестиции в основной капитал	Раздел В
Регрессия 9	Темп роста средней численности работников	Темп роста инвестиций в основной капитал	Темп роста кредитов банков, направленных на инвестиции в основной капитал	Раздел С
Регрессия 10	Темп роста фонда начисленной заработной платы	Темп роста инвестиций в основной капитал	Темп роста кредитов банков, направленных на инвестиции в основной капитал	Раздел С

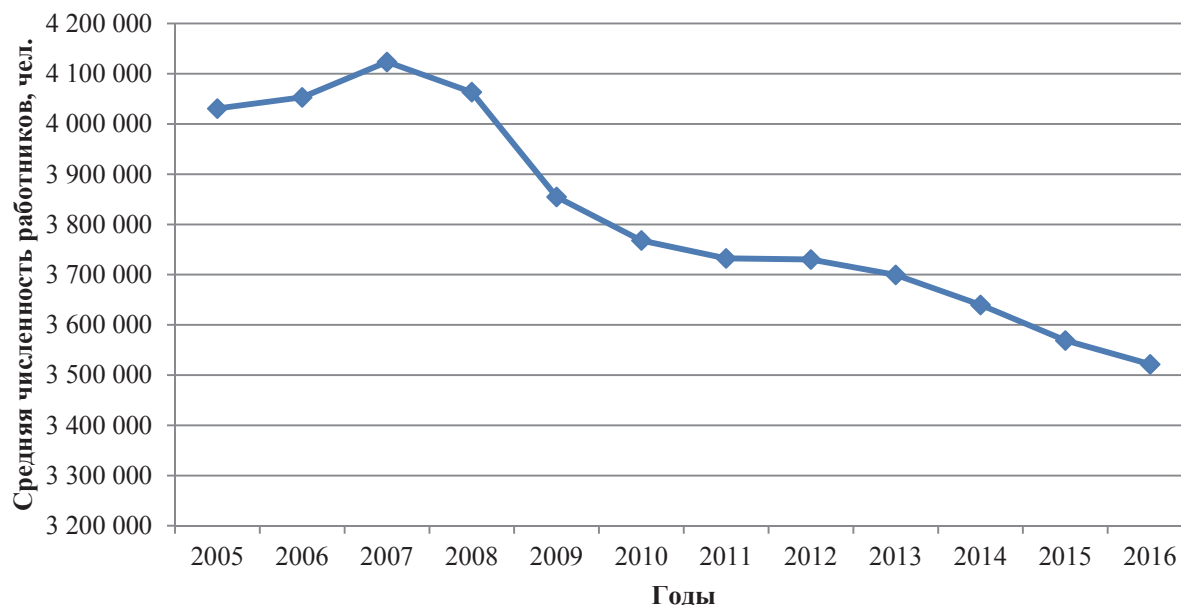

Рис. 1. Динамика средней численности работников всех отраслей Уральского федерального округа¹

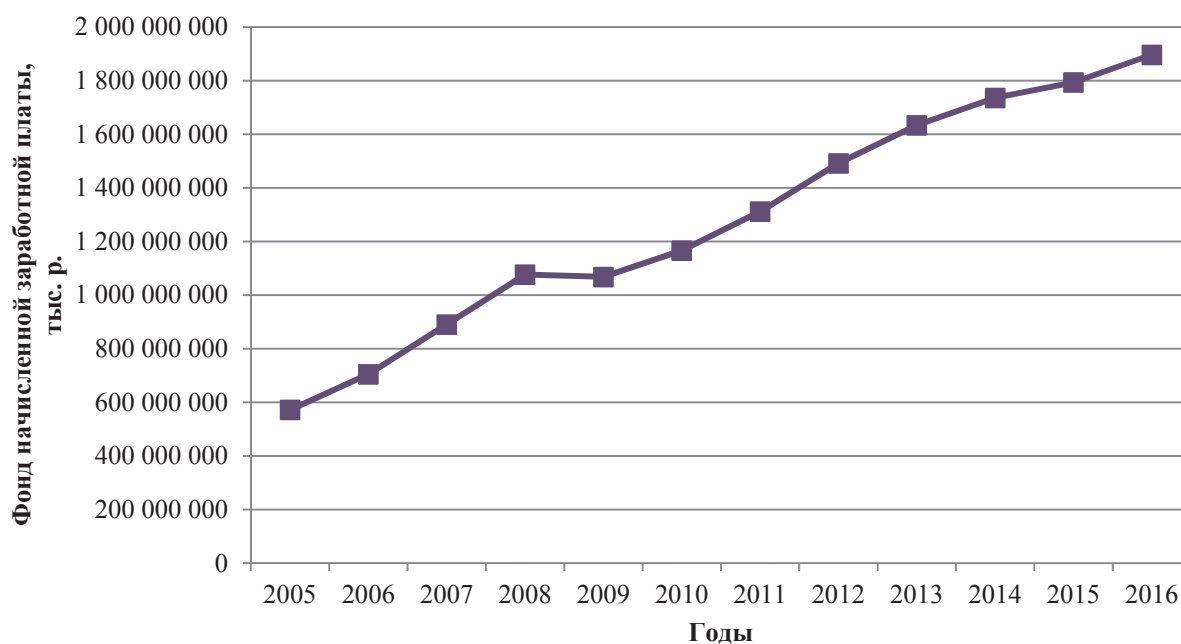

Рис. 2. Динамика фонда начисленной заработной платы всех отраслей Уральского федерального округа

с динамикой тех же индикаторов, но показанных для раздела С. Исключение составляет лишь рис. 7, который не повторяет контуры рис. 3. Тем не менее за период 2006—2016 гг. инвестиции в основной капитал в обрабатывающем секторе региона все же выросли. Рост составил 3,04 раза.

Результаты построения функций, показанных в табл. 1 и 2, отражены в табл. 3.

¹ Источник рис. 1—8: данные первого независимого рейтингового агентства FIRA PRO [1].

К сожалению, ни одно из полученных уравнений не является полностью адекватным. Тем не менее ввиду того, что большая часть уравнений относится к значимым на основании F-статистики, можно сделать ряд выводов. Во-первых, связь между ростом инвестиций в основной капитал и ростом выручки предприятий региона однозначно положительная. Это видно из уравнений 1, 2, 7, 8, 10 — степени β .

Во-вторых, в 5, 6 и 10-м уравнениях степень α является значимой и притом положительной. Это значит, что с ростом как численности работников,

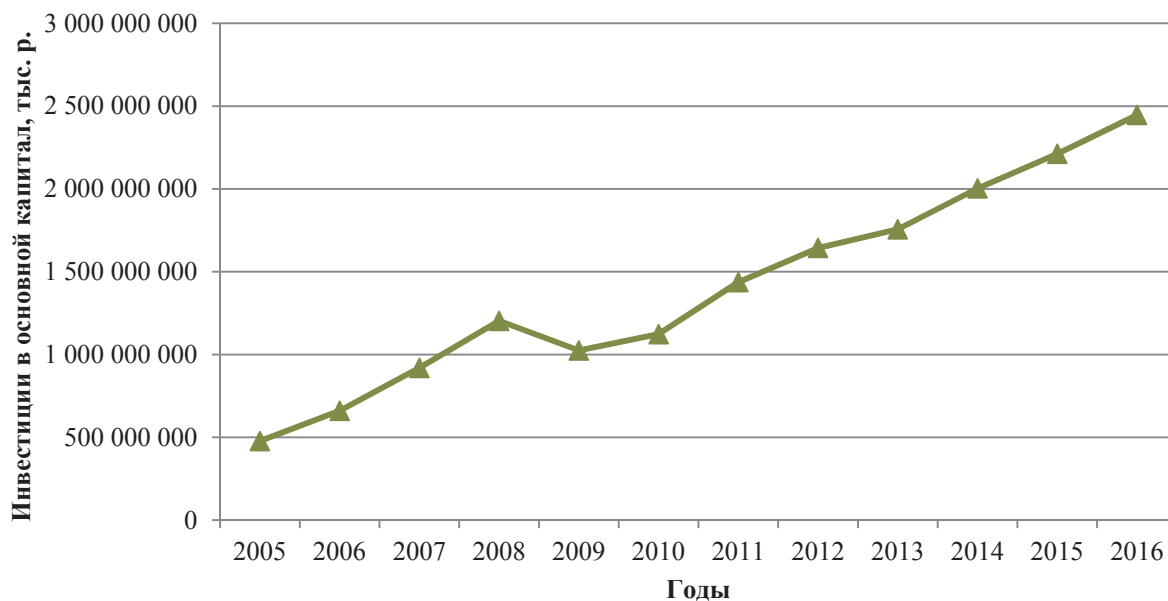

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал всех отраслей Уральского федерального округа

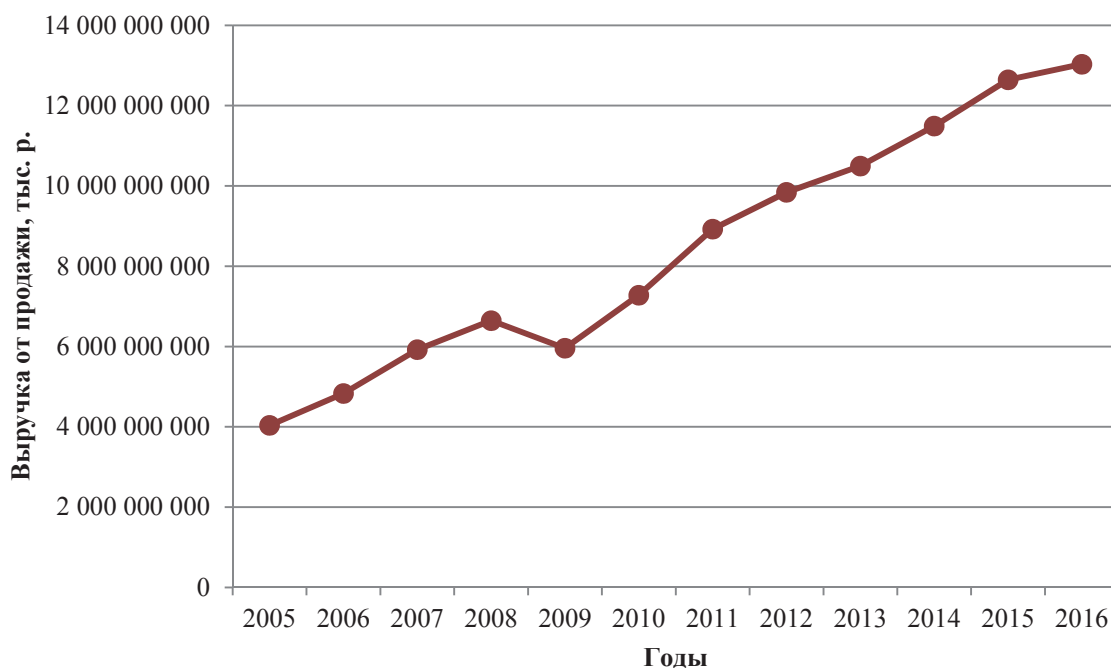

Рис. 4. Динамика выручки от продажи всех отраслей Уральского федерального округа

так и фонда оплаты труда будет расти выручка предпринимателей. Такая зависимость характерна для обрабатывающих производств (раздел С). Для всех отраслей в целом и раздела В в частности сделать такой вывод мы не можем, так как степень α во всех остальных уравнениях не является значимой.

В-третьих, степень воздействия трудовых ресурсов на темпы роста выручки оказалась в разы выше степени воздействия капитальных ресурсов

(степень α в уравнениях, где она является значимой, а именно в 5, 6 и 10-м, оказалась больше степени β , которая значима в уравнениях 1, 2, 7, 8, 10).

В-четвертых, если анализировать уравнения 7—10, то становится очевидной обратная связь между ростом выручки предприятий региона и ростом банковских кредитов, направленных на инвестиции в основной капитал. Иными словами, чем выше темпы банковского кредитования,

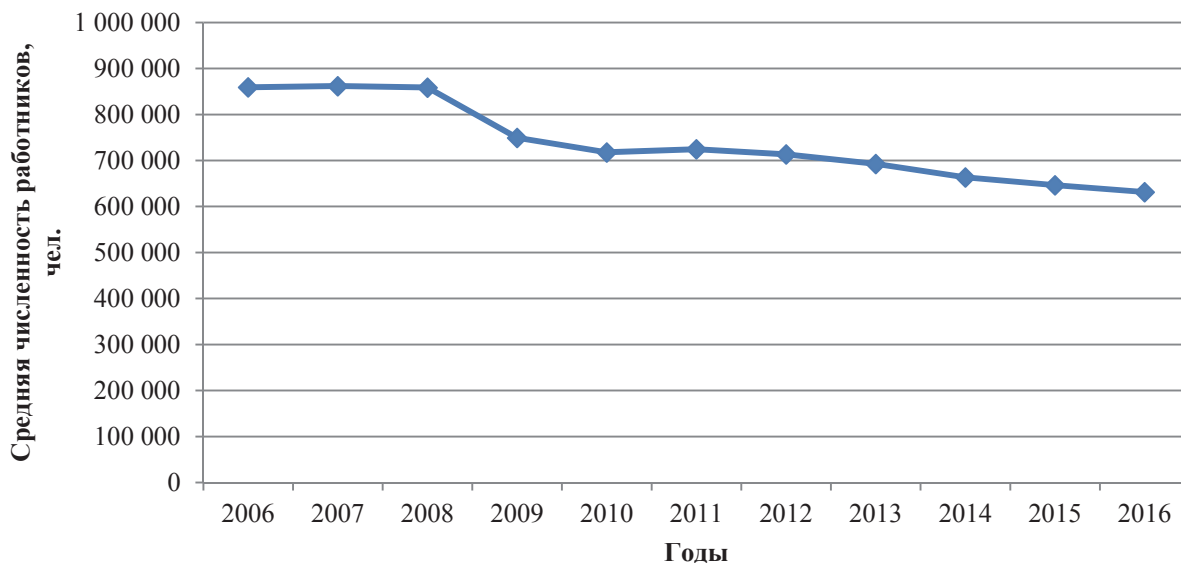

Рис. 5. Динамика средней численности работников обрабатывающих производств Уральского федерального округа

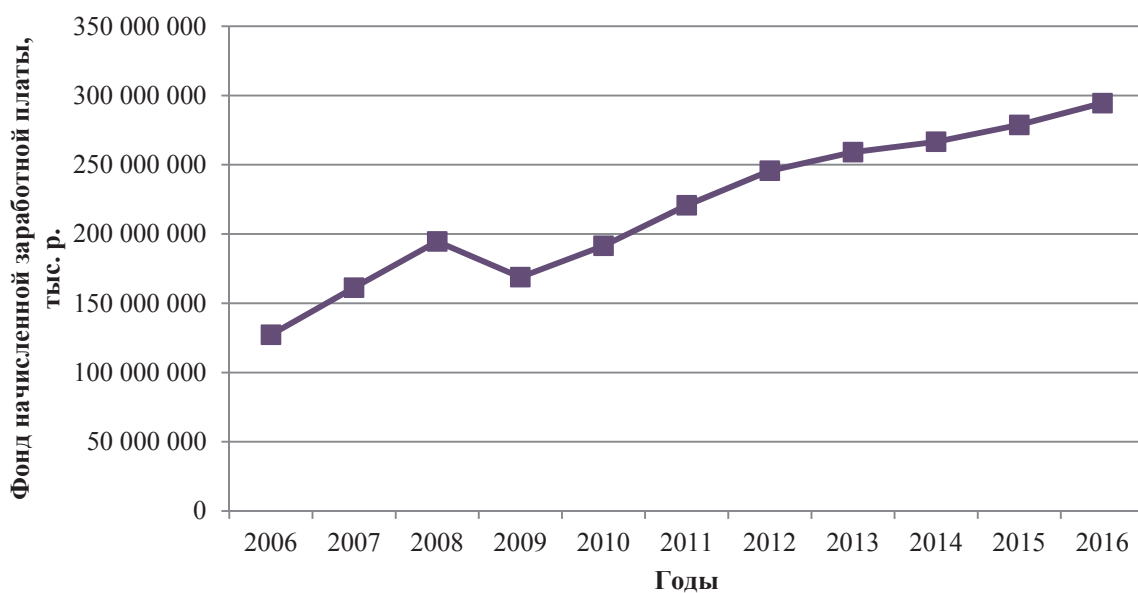

Рис. 6. Динамика фонда начисленной заработной платы обрабатывающих производств Уральского федерального округа

направленного на инвестиции в основной капитал, тем, наоборот, ниже темпы роста выручки предприятий. Между тем такая обратная связь оказалась характерной как для отрасли «добыча полезных ископаемых» (раздел В), так и для отрасли «обрабатывающие производства» (раздел С).

Скорее всего, можно говорить о возникновении так называемой «финансовой ловушки». Назовем

так выявленный феномен. Вероятно, банковские кредиты для промышленных предприятий настолько дороги, что даже при относительно существенном росте банковского кредитования (что видно из рис. 3 и 7) аналогичного роста выручки не наблюдается. Следовательно, банковский кредит никак нельзя назвать «драйвером» роста промышленного региона.

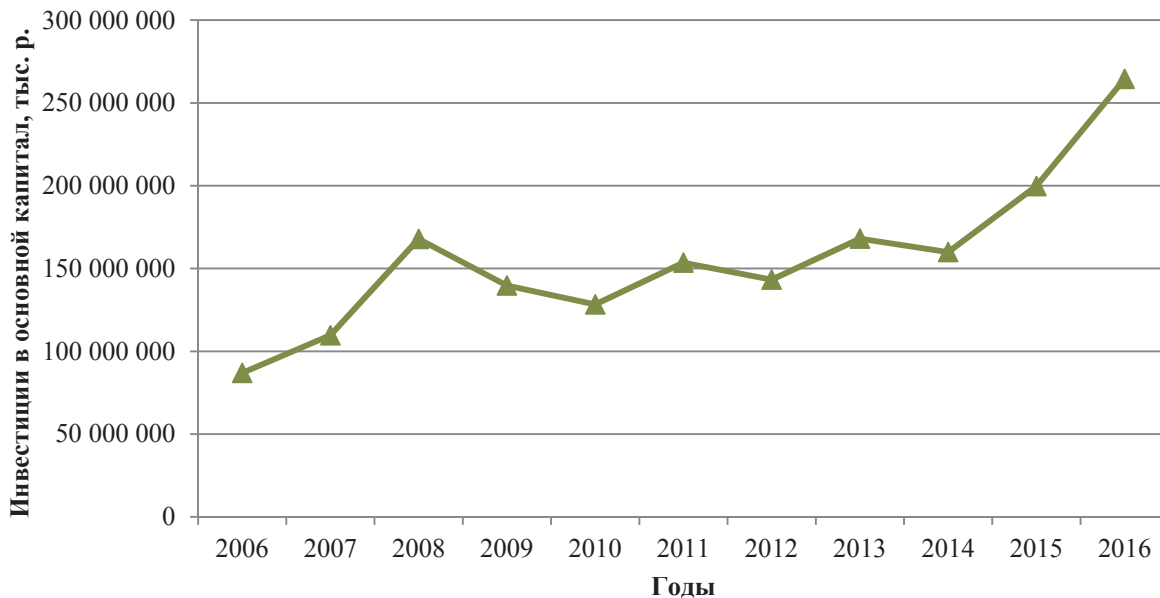

Рис. 7. Динамика инвестиций в основной капитал обрабатывающих производств Уральского федерального округа

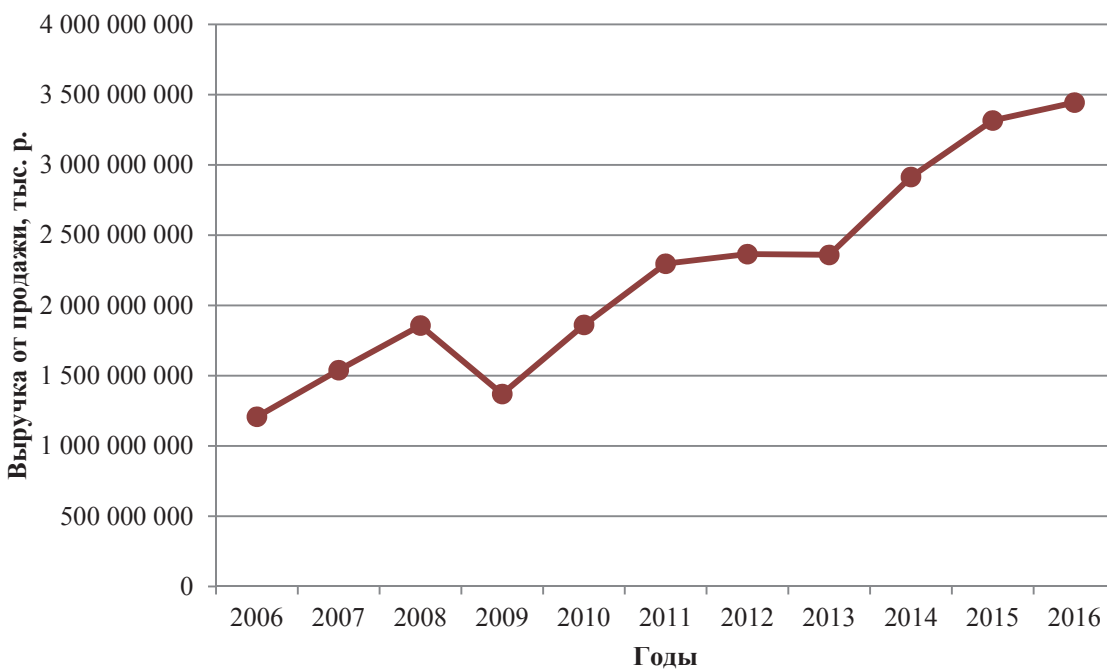

Рис. 8. Динамика выручки от продажи предприятий обрабатывающих производств Уральского федерального округа

Таблица 3

Результаты построения эконометрических регрессий

Модель	Регрессия	Нормированный коэффициент детерминации (R2)	Значимость уравнения на уровне 5 %	Значимость параметров на уровне 5 %
Регрессия 1	$i_Q = 1,029 \times i_L^{0,161} \times i_K^{0,537}$	0,63	значимо	А не значим, α не значим, β значим
Регрессия 2	$i_Q = 1,035 \times i_L^{-0,278} \times i_K^{0,69}$	0,64	значимо	А не значим, α не значим, β значим
Регрессия 3	$i_Q = 1,027 \times i_L^{-0,56} \times i_K^{0,48}$	0,38	не значимо	А не значим, α не значим, β значим
Регрессия 4	$i_Q = 1,094 \times i_L^{-0,9} \times i_K^{0,637}$	0,45	не значимо	А значим, α не значим, β значим
Регрессия 5	$i_Q = 1,29 \times i_L^{4,053} \times i_K^{-0,258}$	0,49	значимо	А значим, α значим, β не значим
Регрессия 6	$i_Q = 0,99 \times i_L^{1,533} \times i_K^{-0,149}$	0,58	значимо	А не значим, α значим, β не значим
Регрессия 7	$i_Q = 1,035 \times i_L^{-0,257} \times i_K^{0,582} \times i_{BL}^{-0,064}$	0,83	значимо	А значим, α не значим, β значим, γ значим
Регрессия 8	$i_Q = 1,022 \times i_L^{0,232} \times i_K^{0,508} \times i_{BL}^{-0,068}$	0,84	значимо	А не значим, α не значим, β значим, γ значим
Регрессия 9	$i_Q = 1,328 \times i_L^{4,412} \times i_K^{-0,135} \times i_{BL}^{-0,4}$	0,49	не значимо	А значим, α значим, β не значим, γ значим
Регрессия 10	$i_Q = 0,99 \times i_L^{1,718} \times i_K^{0,006} \times i_{BL}^{-0,482}$	0,65	значимо	А не значим, α значим, β не значим, γ значим

Список литературы

1. База данных Первого рейтингового агентства FIRA PRO [Электронный ресурс]. — URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#company> (дата обращения 17.02.2018).
2. Бархатов, В. И. Трансформация критерия успешности промышленных предприятий малого и среднего бизнеса в России / В. И. Бархатов // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации : сб. тр. междунар. науч. конф., Симферополь, 6—7 окт. 2016 г. — М. : Антиква, 2016. — С. 498—502.
3. Эконометрика : учеб. пособие / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц, Е. В. Николаева, Д. А. Плетнев. — Челябинск, 2014. — 237 с.
4. Гильманова, Р. Л. Республика Татарстан как промышленный регион / Р. Л. Гильманова // Менеджмент в экон. системах : электрон. науч. журн. — 2011. — № 32.
5. Григорьев, Л. М. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики [Электронный ресурс] // Л. М. Григорьев, Ю. В. Урожаева, Д. С. Иванов. — URL: <http://viperson.ru/articles/sinteticheskaya-klassifikatsiya-regionov-osnova-regionalnoy-politiki> (дата обращения 17.02.2018).
6. Исаева, А. С. Перспективы повышения конкурентоспособности регионов в условиях санкций и снижения цены на нефть / А. С. Исаева, Ю. Ш. Капкаев // Россия в меняющемся мире: социально-

экономические, политические и гуманитарные ориентиры : материалы XXXII Междунар. науч.-практ. конф., Урал, 20 апр. — 20 мая 2015 г. — М., 2015. — С. 42—46.

7. Куманеева, М. К. К вопросу об оценке устойчивого развития регионов промышленного типа / М. К. Куманеева // Актуал. вопр. развития соврем. о-ва. — 2014. — Т. 2. — С. 440—443.

8. Матвеева, М. В. Государственная политика промышленного развития регионов Сибири и Дальнего Востока в условиях экономической нестабильности / М. В. Матвеева, А. П. Чупров // Фундамент. иссл. — 2017. — № 9-2. — С. 466—470.

9. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. — URL: <http://regforum.ru/okved/razdel/> (дата обращения 17.02.2018).

10. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://sntr-rf.ru/> (дата обращения 17.02.2018).

11. Татаркин, А. И. Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения их социально-экономической и экологической емкости / А. И. Татаркин, Г. А. Гершанок // Вестн. НГУ. Сер.: Соц.-экон. науки. — 2006. — Т. 6, вып. 1. — С. 40—48.

12. Проникая в будущее. Инновационный портрет Уральского мегарегиона : монография / А. И. Татаркин, В. С. Бочко, В. Л. Берсенёв [и др.]. — Екатеринбург, 2016. — 274 с.

13. Татаркин, А. И. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис / А. И. Татаркин, С. В. Дорошенко // Экономика региона. — 2011. — № 1. — С. 15—23.

14. Татаркин, А. И. Саморазвивающиеся территориальные экономические системы. Диалектика формирования и функционирования / А. И. Татаркин, Д. А. Татаркин // Экономика. Налоги. Право. — 2009. — № 5. — С. 3—13.

15. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О промышленной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения 17.02.2018).

16. Филиппова, К. В. Изменения промышленного производства в регионах российского Дальнего Востока / К. В. Филиппова // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2017. — № 6. — С. 119—121.

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 19—29.*

GROWTH SOURCES OF INDUSTRIAL REGION IN URAL FEDERAL DISTRICT

V.I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

D.S. Bents

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The Russian economy is focused, first of all, on production of industrial output. In the majority of regions the share of an industrial product in a gross regional product significantly exceeds 75—80 %. Steady growth of regions often depends on an environment of industrial sector. The Ural region isn't an exception. Historically the region was always an industrial one. The article's purpose is to analyse possible sources of growth of the Ural region (the federal district). The methodology of the analysis is based on creation of nonlinear econometric function with following regressors: labour and capital resources. Besides, authors make a hypothesis of possible influence of the bank crediting directed to investments into fixed capital. This indicator is entered into the function as the third regressor. Creation of function will answer the question, what factors (the human capital, investments into fixed capital or volumes of the crediting directed to investments into fixed capital) and in what degree influence growth rates of industrial production in the region.

Keywords: *industrial region, growth of the region, industrial outputs, investments into fixed capital, credits of banks.*

References

1. *Baza dannykh Pervogo reytingovogo agentstva FIRA PRO* [Database of the First rating agency FIRA PRO]. Available at: <https://pro.fira.ru/search/index.html#company>, accessed 17.02.2018. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I. Transformatsiya kriteriya uspekhov promyshlennykh predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii [The criterion's transformation of success of the small and medium industrial enterprises in Russia]. *Metodologiya ustoychivogo ekonomicheskogo razvitiya v usloviyakh novoy industrializatsii: sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 6—7 oktyabrya 2016 goda* [Methodology of sustainable economic development in the conditions of new industrialization: collection of works of the international scientific conference. Simferopol, 6—7 Oct., 2016]. Moscow, Antikva Publ., 2016. Pp. 498—502.
3. Barkhatov V.I., Bents D.S., Nikolaeva E.V., Pletnev D.A. *Ekonometrika* [Econometrics]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2014. 237 p.
4. Gil'manova R.L. Respublika Tatarstan kak promyshlennyy region [Republic Tatarstan as industrial region]. *Menedzhment v ekonomicheskikh sistemakh: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management in economic systems: digital scientific journal], 2011, no. 32. (In Russ.).
5. Grigor'yev L.M., Urozhaeva Yu.V., Ivanov D.S. *Sinteticheskaya klassifikatsiya regionov: osnova regional'noy politiki* [Synthetic regions' classification as a basis of regional policy]. Available at: <http://viperson.ru/articles/sinteticheskaya-klassifikatsiya-regionov-osnova-regionalnoy-politiki>, accessed: 17.02.2018. (In Russ.).
6. Isaeva A.S., Kapkaev Yu.Sh. Perspektivy povysheniya konkurentosposobnosti regionov v usloviyakh sanktsiy i snizheniya tseny na nef't [The prospects of increase in competitiveness of regions in the conditions of sanctions and reduction of oil price]. *Rossiya v menyayushchimsya mire: sotsial'no-ekonomicheskiye, politicheskiye i gumanitarnye oriyentiry: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Russia in the changing world: social and economic, policy and humanitarian guidelines: materials of the international conference]. Moscow, 2015. Pp. 42—46.
7. Kumaneva M.K. K voprosu ob otsenke ustoychivogo razvitiya regionov promyshlennogo tipa [On the assessment of sustainable development of industrial-type regions]. *Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva* [Questions of modern society development], 2014, Vol. 2, pp. 440—443. (In Russ.).
8. Matveeva M.V., Chuprov A.V. Gosudarstvennaya politika promyshlennogo razvitiya regionov Sibiri Dal'nego Vostoka v usloviyakh ekonomicheskoy nestabil'nosti [State policy of industrial development of regions of Siberia and the Far East in the conditions of economic instability]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic researches], 2017, no. 9-2, pp. 466—470.
9. *Obshcherossiyskiy klassifikator vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti* [All-Russian Classifier of Economic Activities]. Available at: <http://regforum.ru/okved/razdel/>, accessed 17.02.2018. (In Russ.).
10. *Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* [Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation]. Available at: <http://sntr-rf.ru/>, accessed 17.02.2018. (In Russ.).
11. Tatarkin A.I., Gershanok G.A. Metodologiya otsenki ustoychivogo razvitiya lokal'nykh territoriy na osnove izmereniya ikh sotsial'no-ekonomicheskoy i ekologicheskoy yomkosti [Methodology of asset of sustainable development of region based on changes in social economic and ecological capacity]. *Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of NGU. Series: Social and economic Sciences], 2006, vol. 6, iss. 1, pp. 40—48. (In Russ.).
12. Tatarkin A.I., Bochko V.S., Bersenyov V.L. *Pronikaya v budushcheye. Innovatsionnyy portret Ural'skogo megaregiona* [Getting into the future. Innovative portrait of the Ural megaregion]. Yekaterinburg, Institute of economy of the Ural office of RAS Publ., 2016. 274 p.
13. Tatarkin A.I., Doroshenko S.V. Region kak samorazvivayushchayasya sotsial'no-ekonomicheskaya sistema: perekhod cherez krizis [Region as selfdeveloping system — transit through crisis]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2011, no. 1, pp. 1—23. (In Russ.).
14. Tatarkin A.I., Tatarkin D.A. Samorazvivayushchiyesya territorial'nye ekonomicheskiye sistemy. Dialektika formirovaniya i funktsionirovaniya [Self-developing regional economic systems: evolution of forming and functioning]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2009, no. 5, pp. 3—13. (In Russ.).
15. *The Federal law from 31.12.2014 No. 488-FZ (as amended on 31.12.2017) "About industrial policy in Russia"*. Available at: www.consultant.ru, accessed 17.02.2018. (In Russ.).
16. Filippova K.V. Izmeneniya promyshlennogo proizvodstva v regionakh rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Changes of industrial production in regions of the Russian Far East]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], 2017, no. 6, pp. 119—121.

УДК 332.1
ББК 65.04

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Е. М. Колмакова¹, И. Д. Колмакова², Н. А. Дегтярева³

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия

Потребности сбалансированного развития российской экономики в условиях глобализации требуют проведения исследований в области взаимосвязи пространственных изменений регионов и стратегий их социально-экономического роста. Взаимосвязь пространственного развития территории со стратегическим планированием экономики проявляется во включении в структуру разрабатываемых в субъектах РФ стратегий социально-экономического роста блоков управления пространственным развитием территорий. В статье изложены основные направления пространственного изменения региона во взаимосвязи со стратегией его развития на период до 2035 г. на примере Челябинской области. Раскрыты перспективные формы пространственного развития: территория опережающего развития (ТОР), промышленный кластер, агломерация.

Ключевые слова: *регион, пространственное развитие, стратегия социально-экономического развития, территория опережающего развития, агломерация, промышленный кластер.*

Модернизация российской экономики, связанная с переходом к инновационному развитию, обусловила перенос стратегического управления экономикой на уровень регионов. В связи с этим усилился интерес к такому направлению экономических исследований, как исследование пространственного развития экономики региона.

Региональное экономическое пространство связано с территориальной интеграцией хозяйственных связей и отношений, а его специфика определяется территориальным размещением ресурсов региона.

Устойчивое пространственное развитие регионального хозяйства невозможно без увязки со стратегией социально-экономического роста региона. Необходимость взаимосвязи пространственного развития территории со стратегическим планированием экономики проявляется во включении в структуру разрабатываемых в субъектах РФ стратегий социально-экономического роста блоков управления пространственным развитием территорий.

Вопросы пространственного развития регионов изучали многие отечественные и зарубежные экономисты. Проблема пространственного развития территории в контексте обеспечения конкурентных преимуществ рассматривалась в работах А. И. Татаркина [2], А. Ю. Даванкова, Д. Н. Замятина [3], Е. А. Колесник, Г. Н. Пряхина, И. Д. Колмаковой, В. П. Максимова [4], В. С. Си-

линцева, Е. М. Колмаковой, Р. И. Гарипова [5] и др. Исследование шкалы приоритетов территориального развития с точки зрения устойчивости роста экономики, обеспечения территориальной целостности содержится в работах Д. В. Климова [6], Я. А. Дикова, И. В. Нусратуллина [7], Е. М. Колмаковой [8]. Вопросам создания и развития городских агломераций уделено внимание в работах отечественных экономистов: Е. Г. Анимцы, А. Г. Гранберга, Д. А. Сирина [9], Е. В. Яроцкой [10], С. В. Кормаковой, С. В. Мокичева [11] и других; а также зарубежных ученых: J. Page [12], D. Puga [13], Q. Yuan, X. Luo [14], J. Trullén-Thomas, R. Voix-Domenech [15], M. Gerritse, D. Arribas-Bel [16] и др. Однако пока не полностью исследованы вопросы о факторах и условиях регионального управления пространственным развитием территории в новых условиях.

Изначально предпосылки для развития той или иной территории (в большей или меньшей степени) заложены на федеральном уровне. Минэкономразвития Российской Федерации осуществляет деятельность по формированию, согласованию и координации в рамках страны стратегического планирования, стратегического и территориального планирования, перспективного пространственного планирования, инвестиционного климата в регионах и др.

Инструментами воздействия являются поддержка и реализация различных программ и

проектов. Например, с 2014 г. попытки оценить инвестиционный климат в различных субъектах РФ предпринимаются автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ). Данная организация разработала систему показателей для оценки субъектов по различным направлениям («Регуляторная среда», «Институты для бизнеса», «Инфраструктура и ресурсы», «Поддержка малого предпринимательства» и т. д.). Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ формируется посредством анализа показателей трех типов: опросных, экспертных и статистических.

Практически пространственное развитие представляет собой процесс изменений пространственной организации обустройства занимаемой государством территории и пространственного распределения мест обитания и характера деятельности основных социальных и профессиональных слоев общества, вносящих наиболее значимый вклад в его прогрессивное развитие.

Этот процесс определяется характером изменений пространственного структурирования:

- территории по характеру ее освоения, обустройства и использования;
- демографической ситуации и миграционного поведения населения, определяемых характером изменений направленности социально-экономического развития общества;
- функций системы управления развитием территории.

Соответственно, стратегия пространственного развития государства должна определять направленность:

- изменений социальной структуры общества и связанных с ними изменений направленности его социально-экономического развития;
- структурирования пространственной организации освоения, обустройства и использования территории, способствующей повышению эффективности социально-экономического развития общества;
- регулирования изменений демографической остановки и миграционных потоков, влияющих на удовлетворение потребностей территории в человеческом капитале;
- системы организации управленческой деятельности по регулированию развития территории [17. С. 14].

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предусматривалась разработка совершенно нового для России типа документа, синтезирующего в себе задачи стра-

тегического и территориального планирования, — Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Она должна выявить приоритеты социально-экономического развития территорий, дать оценку сложившейся системе расселения в Российской Федерации, предложить рекомендации по ее гармонизации.

Задачи Стратегии пространственного развития РФ:

- повышение степени интегрированности (связности) и сбалансированности пространства на основе активизации и укрепления межрегиональных связей и снижения межрегиональной дифференциации, закрепления населения на геополитически значимых территориях;
- создание пространственной среды, благоприятной для жизнедеятельности и формирования человеческого капитала, повсеместное повышение доступности услуг социальной инфраструктуры;
- инновационный путь развития экономики, содействующий повышению ее конкурентоспособности; согласованное использование рациональных форм пространственной организации и условий преференциального развития, а также потенциала городских агломераций и межрегиональных взаимодействий в рамках макрорегионов;
- обустройство инфраструктуры территории, улучшение ее транспортной и информационной обеспеченности, доступность населенных мест и мобильность населения, а также эффективная реализация транзитного потенциала;
- повышение экологической безопасности и сохранение окружающей среды, неистощительное природопользование;
- максимальное раскрытие социально-экономического потенциала отдельных территорий страны, создание новых центров развития;
- формирование крупных пространственных структур — глобально конкурентоспособных макрорегионов, осуществляющих долгосрочные мегапроекты межрегионального сотрудничества;
- совершенствование государственного регулирования — обеспечение гибкости системы управления пространственным развитием в сочетании с его саморегулированием, использование проектного подхода, повышение эффективности взаимодействия органов власти всех уровней, активизация местного самоуправления и межмуниципального сотрудничества [18].

Пространственное развитие должно обеспечить инновационное развитие экономики, создать условия для функционирования «экономики знаний». Однако существует ряд вызовов глобального и внутреннего характера, препятствующих эффективному пространственному развитию РФ (рис. 1).

В настоящее время субъектами РФ разрабатываются стратегии социально-экономического развития до 2030 или 2035 гг. Некоторые регионы в рамках стратегии определяют и целевое видение развития своей территории до 2050 гг.

Проект Стратегии социально-экономического развития на период до 2035 г. (далее Стратегия) разработан также в Челябинской области и включает:

- комплексный анализ социально-экономического развития Челябинской области, место Челябинской области в экономике Уральского федерального округа и экономике Российской Федерации;
- оценку конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и потенциала развития Челябинской области;
- оценку социального развития и качества развития человеческого капитала Челябинской области;

- оценку экономического развития Челябинской области в разрезе ключевых видов экономической деятельности;
- оценку достижения основных социально-экономических показателей и факторов экономического развития Челябинской области;
- описание и анализ ключевых проблем развития Челябинской области;
- определение конкурентных преимуществ и стратегических целей развития Челябинской области.

Важное место в Стратегии занимают вопросы пространственного развития территории.

Пространственная система организация экономики Челябинской области включает 37 муниципальных районов и 16 городских округов. Административно-территориальные единицы Челябинской области достаточно сильно дифференцированы, несмотря на то что в целом область имеет статус промышленного региона, специализирующегося на металлургии.

По данным Госкомстата, за период 2011—2017 гг. увеличение численности населения наблюдается лишь в 8 муниципальных образованиях

Рис. 1. Глобальные и внутренние вызовы пространственному развитию РФ

(максимальный рост на 14,88 % в Сосновском муниципальном районе). В остальных муниципальных образованиях произошло снижение численности населения (максимальное — на 14,57 % в Карабашском городском округе) [19].

Особенностью пространственного развития территории Челябинской области является наличие 16 моногородов (Аша, Усть-Катав, Трехгорный, Снежинск и др.).

В целях реализации положений Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» определен перечень из 21 территории области, подлежащей комплексному и устойчивому развитию в первоочередном порядке по инициативе органов местного самоуправления.

Стратегической задачей развития региона является реализация перспективных форм пространственного развития — территорий опережающего развития (ТОР), промышленных кластеров и агломераций (рис. 2).

Семь муниципалитетов вместе с Челябинском включены в состав схемы терпланирования Челябинской агломерации: два городских округа (Челябинск, Копейск) и пять муниципальных районов (Сосновский, Еткульский, Еманжелинский, Коркинский, Красноармейский). Проектный план Челябинской агломерации определяет основные направления развития укрупненной территории для комплексного и взаимосвязанного развития ее муниципалитетов, в числе которых транспортная, социальная и инженерная инфраструктура, промышленность, сохранение рекреационного комплекса агломерации — заказников, памятников природы, объектов археологического наследия. В рамках развития агломерации в долгосрочной перспективе планируется сформировать единую транспортную систему, в том числе за счет строительства малого транспортного кольца вокруг Челябинска, а также большого транспортного кольца через города — центры муниципалитетов. Это позволит увеличить долю автодорог с твердым асфальтовым покрытием областного и муниципального значения с 76 % в 2017 г. до 100 % к 2040 г.

Планируется также создание агломерации «Горный Урал», в которую должны войти Златоустовский, Миасский, Карабашский городские округа, Саткинский, Кусинский, Чебаркульский муниципальные районы.

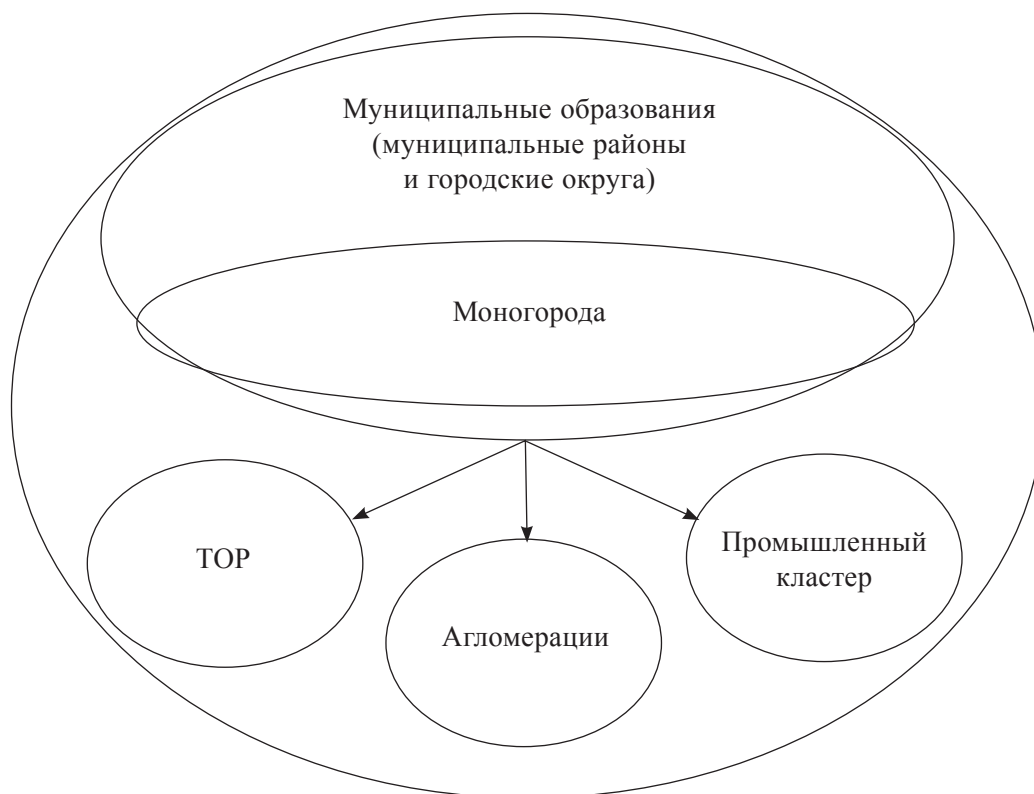

Рис. 2. Основные направления пространственного развития региона

Целями создания агломераций являются:

- формирование комплекса мероприятий, направленных на повышение потенциала инвестиционного развития и диверсификации экономики территории;
- стимулирование развития городской среды и публичных пространств, создающих условия для повышения качества жизни граждан, за счет обустройства и облагораживания городов;
- развитие и повышения уровня образования населения, создание благоприятной социокультурной среды.

Постановлением Правительства РФ № 115 от 6 февраля 2018 г. созданы ТОР в городах Снежинск и Озерск Челябинской области. Территория опережающего социально-экономического развития — часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО), в рамках которой установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятной среды для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного развития экономики и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Создание ТОР «Снежинск» будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию закрытого административно-территориального образования, созданию дополнительных рабочих мест, сохранению кадрового потенциала города, созданию гражданских производств на основе инновационных разработок предприятий атомной отрасли, привлечению инвестиций. Озерск как моногород, связанный с атомным энергопромышленным комплексом, согласно постановлению, подготовленному Минэкономразвития России, получит определенные границы ТОР, а также особый правовой режим предпринимательской деятельности, предусматривающий минимальный объем капитальных вложений резидентов.

По мнению ученых, концентрация агломерационных и кластерных территорий в северной части региона (исключение — город Магнитогорск) усиливает территориальную неоднородность, что может привести к усилению дифференциации до-

ходов населения Челябинской области и развитию производственного разрыва. В то же время стратегический потенциал «коридора» новых территориальных форм имеет серьезный потенциал, который в перспективе может обеспечить дальнейшие шаги в снижении территориального неравенства [20. С. 352].

В результате мероприятий по развитию Челябинской агломерации, по данным Министерства строительства и дорожной инфраструктуры Челябинской области, к 2040 г. планируется увеличить численность проживающих на ее территории до 2 млн чел. против нынешних 1,5 млн, общую площадь жилищного фонда — до 62 млн кв. м с 38 млн.

Изменение концепции пространственного развития региона в пользу территориально-экономического объединения муниципальных образований становится значимой характеристикой современного этапа. Создание агломераций направлено на использование их в качестве антикризисного инструмента для экономики муниципальных образований Челябинской области в целях ускорения их роста, сглаживания диспропорций в освоении территорий, укрепления экономических связей за счет создания новых производств, что формирует более комфортную среду для развития бизнеса, обеспечивает повышение качества жизни населения. Создание агломераций обеспечивает преимущества всем ее субъектам в привлечении средств бюджетов и средств частных инвесторов, а также возможность участия в федеральных инвестиционных программах. Объединение финансовых ресурсов территорий, входящих в агломерацию, позволяет консолидировать и аккумулировать собственные ресурсы региона, а также привлечь значительно больше федеральных средств для решения более масштабных и серьезных задач.

Соединение всех данных факторов может дать агломерационный эффект для развития региона в целом и каждого муниципального образования в отдельности.

Создание ТОР поможет в реструктуризации и модернизации градообразующей базы моногородов Челябинской области, в развитии их «центральных» функций и производств, определяющих научно-технический прогресс всего региона.

Список литературы

1. Колмакова, Е. М. О роли инвестиционного проектирования в социально-экономическом развитии территории / Е. М. Колмакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 15 (344). Экономика. Вып. 45. — С. 124—128.

2. Татаркин, А. И. Конкурентная активность территорий в пространственном развитии Российской Федерации / А. И. Татаркин // Экономика и упр. — 2012. — № 11 (85). — С. 20—29.
3. Даванков, А. Ю. Особенности управления пространственным развитием крупнейшего города в современной России / А. Ю. Даванков, Д. Н. Замятин. — Челябинск, 2008. — 132 с.
4. Научно-методические основы обеспечения самодостаточности малых городов / Н. А. Берг, Е. А. Колесник, И. Д. Колмакова, В. П. Максимов [и др.]. — Екатеринбург, 2009.
5. Территориальное планирование сбалансированного социо-эколого-экономического развития / И. Д. Колмакова, Е. М. Колмакова, В. С. Силинцев, Р. И. Гарипов // Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики. — Челябинск, 2016. — С. 250—291.
6. Климов, Д. В. Экономические инструменты управления пространственным развитием территорий / Д. В. Климов // Terra Economicus. — 2009. — Т. 7, № 3-3. — С. 218—220.
7. Диков, Я. А. Пространственное развитие территорий: комплексный подход / Я. А. Диков, И. В. Нусратуллин // Экон. исслед. и разработки. — 2017. — № 7. — С. 15—23.
8. Колмакова, Е. М. Потенциал и ограничения реализации пространственно-инвестиционно-инновационной модели роста региона / Е. М. Колмакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 21 (350). Экономика. Вып. 47. — С. 82—86.
9. Сирина, Д. А. Эволюция принципов развития Свердловской агломерации в XX—XXI вв. / Д. А. Сирина // Науч. обозрение. — 2016. — № 17. — С. 47—55.
10. Яроцкая, Е. В. К вопросу о критериях идентификации городской агломерации в условиях инновационного развития регионов / Е. В. Яроцкая // Вестн. науки Сибири. — 2012. — № 5 (6). — С. 185—190.
11. Кормакова, Е. С. Агломерации — стратегическая составляющая устойчивого развития региональной экономической системы / Е. С. Кормакова, С. В. Мокичев // Экон. науки. — 2011. — № 81. — С. 99—103.
12. Parr, J. B. Missing elements in the analysis of agglomeration economies / J. B. Parr // Intern. Regional Sci. Rev. — 2002. — Vol. 25, iss. 2. — P. 151—168.
13. Puga, D. The magnitude and causes of agglomeration economies / D. Puga // J. of Regional Sci. — 2010. — Vol. 50, iss. 1. — P. 203—219.
14. Yuan, Q. A comparative study on agglomeration effects of the central cities of three urban agglomerations in China — a case study of producer services / Q. Yuan, X. Luo // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2nd Intern. Conf. on Intelligent and Interactive Systems and Applications, IISA 2017, Beijing, China, 17—18 June 2017. — Beijing, 2018. — Vol. 686. — P. 664—668.
15. Trullén-Thomas, J. The Marshallian industrial district and inclusive urban growth strategy / J. Trullén-Thomas, R. Boix-Domenech // Economia e Politica Industriale. — 2017. — Vol. 44, iss. 4. — P. 449—456.
16. Gerritse, M. Concrete agglomeration benefits: do roads improve urban connections or just attract more people? / M. Gerritse, D. Arribas-Bel // Regional Studies. — 2017.
17. Вильнер, М. Я. О стратегии пространственного развития России / Я. М. Вильнер // Упр. развитием территории. — 2016. — № 3. — С. 14—17.
18. Проект Концепции пространственного развития Российской Федерации на период до 2035 года. — М., 2016.
19. Муниципальная статистика [Электронный ресурс] // Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. — URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/municipal_statistics/main_indicators/usloviay_godovay (дата обращения 22.02.2018).
20. Отчет о научно-исследовательской работе «Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года». — Челябинск, 2017.

Сведения об авторах

Колмакова Евгения Микаеловна — старший преподаватель кафедры «Экономика и управление на предприятиях строительства и землеустройства» Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. Janenet@mail.ru

Колмакова Ирина Дмитриевна — доктор экономических наук, завкафедрой «Государственное и муниципальное управление» Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kolmirina@mail.ru

Дегтярева Нина Адамовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. degtyareva_na56@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 30—37.*

SPATIAL DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONTEXT OF THE STRATEGY FOR SOCIO-ECONOMIC GROWTH

Ye.M. Kolmakova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. katekol_mn@mail.ru

I.D. Kolmakova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kolmirina@mail.ru

N.A. Degtyareva

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. degtyareva_na56@mail.ru

The needs of a balanced development of the Russian economy in the context of globalization call for research on the interrelationship between spatial changes in regions and strategies for their social and economic growth. The relationship between spatial development of the territory and strategic planning of the economy is manifested in the inclusion in the structure of the socio-economic growth strategies of the spatial development management units developed in the subjects of the Russian Federation. The article outlines the main directions of the spatial change of the region in correlation with the Strategy of its development for the period up to 2035 on the example of the Chelyabinsk region. Perspective forms of spatial development are revealed: the territory of advanced development (TOR), industrial cluster, agglomeration.

Keywords: *region, spatial development, strategy of social and economic development, territory of advanced development, agglomeration, industrial cluster.*

References

1. Kolmakova E.M. O roli investitsionnogo proektirovaniya v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii territorii [On the role of investment design in the socio-economic development of the territory]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 15 (344), pp. 124—128. (In Russ.).
2. Tatarin A.I. Konkurentnaya aktivnost' territoriy v prostranstvennom razvitii Rossiyskoy Federatsii [Competitive activity of territories in the spatial development of the Russian Federation]. *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management], 2012, no. 11 (85), pp. 20—29. (In Russ.).
3. Davankov A.Yu., Zamyatin D.N. *Osobennosti upravleniya prostranstvennym razvitiyem krupneyshego goroda v sovremennoy Rossii* [Features of spatial development of the largest city in modern Russia]. Chelyabinsk, 2008. 132 p. (In Russ.).
4. Berg N.A., Vereshchagina T.A., Galiullina G.S., Garipov R.I., Gordeev S.S., Gryazev M.A., Davankov A.Yu., Degtyarev P.Ya., Zamyatin D.N., Kolesnik E.A., Kolmakova I.D., Korotina N.Yu., Krasil'nikova I.G., Leonova N.A., Maksimov V.P. [et al.]. *Nauchno-metodicheskiye osnovy obespecheniya samodostatochnosti malykh gorodov* [Scientific and methodological basis for ensuring the self-sufficiency of small towns]. Yekaterinburg, 2009. (In Russ.).
5. Kolmakova I.D., Kolmakova E.M., Silintsev V.S., Garipov R.I. Territorial'noye planirovaniye sbalansirovannogo sotsio-ekologo-ekonomicheskogo razvitiya [Territorial planning of balanced socio-ecological and economic development]. *Upravleniye sbalansirovannym razvitiyem territorial'nykh sistem: voprosy teorii i praktiki* [Management of Balanced Development of Territorial Systems: Issues of Theory and Practice]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 250—291. (In Russ.).
6. Klimov D.V. Ekonomicheskiye instrumenty upravleniya prostranstvennym razvitiyem territoriy [Economic instruments for spatial development management]. *Terra Economicus* [Terra Economicus], 2009, vol. 7, no. 3-3, pp. 218—220. (In Russ.).
7. Dikov Y.A., Nusratullin I.V. Prostranstvennoye razvitiye territoriy: kompleksnyy podkhod [Spatial development of territories: an integrated approach]. *Ekonomicheskiye issledovaniya i razrabotki* [Economic Research and Development], 2017, no. 7, pp. 15—23. (In Russ.).
8. Kolmakova E.M. Potentsial i ogranicheniya realizatsii prostranstvenno-investitsionno-innovatsionnoy modeli rosta regiona [Potential and limitations of the implementation of the spatial-investment-innovation model of the region's growth]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 21 (350), pp. 82—86. (In Russ.).

9. Sirin D.A. Ehvolyutsiya printsipov razvitiya Sverdlovskoy aglomeratsii v XX—XXI vv. [Evolution of the principles of development Sverdlovsk agglomeration in the XX—XXI centuries]. *Nauchnoye obozreniye* [Scientific Review], 2016, no. 17, pp. 47—55. (In Russ.).
10. Yarotskaya E.V. K voprosu o kriteriyakh identifikatsii gorodskoy aglomeratsii v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya regionov [On the issue of criteria for the identification of urban agglomeration in conditions of innovative development of regions]. *Vestnik nauki Sibiri* [Bulletin of Siberian Science], 2012, no. 5 (6), pp. 185—190. (In Russ.).
11. Kormakova E.S., Mokichev S.V. Aglomeratsii — strategicheskaya sostavlyayushchaya ustoychivogo razvitiya regional'noy ekonomicheskoy sistemy [Agglomeration is a strategic component of sustainable development of the regional economic system]. *Ekonomicheskiye nauki* [Economic sciences], 2011, no. 81, pp. 99—103. (In Russ.).
12. Parr J.B. Missing elements in the analysis of agglomeration economies. *International Regional Science Review*, 2002, vol. 25, iss. 2, pp. 151—168.
13. Puga D. The magnitude and causes of agglomeration economies. *Journal of Regional Science*, 2010, vol. 50, iss. 1, pp. 203—219.
14. Yuan Q., Luo X. A comparative study on agglomeration effects of the central cities of three urban agglomerations in China — a case study of producer services. *Advances in Intelligent Systems and Computing 2nd International Conference on Intelligent and Interactive Systems and Applications, IISA 2017; Beijing; China; 17—18 June 2017. Vol. 686*. Beijing, 2018. Pp. 664—668.
15. Trullén-Thomas J., Boix-Domenech R. The Marshallian industrial district and inclusive urban growth strategy. *Economia e Politica Industriale*, 2017, vol. 44, iss. 4, pp. 449—456.
16. Gerritse M., Arribas-Bel D. Concrete agglomeration benefits: do roads improve urban connections or just attract more people? *Regional Studies*, 2017.
17. Vil'ner M.Ya. O strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [On the strategy of spatial development of Russia]. *Upravleniye razvitiyem territorii* [Territory management], 2016, no. 3, pp. 14—17. (In Russ.).
18. *Proekt Kontseptsii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2035 goda* [Draft Concept of Spatial Development of the Russian Federation for the period until 2035]. Moscow, 2016. (In Russ.).
19. Munitsipal'naya statistika [Municipal statistics]. *Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya munitsipal'nykh obrazovaniy* [Main indicators of socio-economic status of municipalities]. Available at: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/municipal_statistics/main_indicators/usloviay_godovay (In Russ.).
20. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote "Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Chelyabinskoy oblasti na period do 2035 goda"* [Report on the research work "Strategy of social and economic development of the Chelyabinsk region for the period until 2035"]. Chelyabinsk, 2017.

УДК 332.1
ББК 65.04

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

А. Ю. Даванков, А. Г. Прахин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Современные оценки эффективности территориальной хозяйственной деятельности определяют лишь объективные возможности поддержания и повышения благосостояния, конкретное же их использование зависит от субъективной воли и интересов самого населения. Такой подход соответствует необходимости пересмотра ряда постулатов отечественной науки о регионах в сторону поиска оптимальных условий жизнедеятельности, здоровья населения и прочего, то есть перехода от преимущественно количественного к более качественному предоставлению индивидуальных и общественных благ и услуг в соответствии с интересами населения. Таким образом, оценка устойчивой сбалансированной хозяйственной деятельности может быть выражена междисциплинарным показателем, сочетающим статистические (объективные) и социологические (субъективные — интересы населения) данные. В статье раскрыты новые междисциплинарные взгляды на законы общественного развития с позиции «экономики природы», а именно самоорганизации природных систем, рассматриваемых в синергетических и квантово-релятивистских концепциях.

Ключевые слова: *территория, хозяйственная деятельность, баланс интересов, стратегические интересы, самоорганизация, синергетика, индивидуальная и коллективная хозяйственная деятельность.*

Учет интересов населения при оценке эффективности территориального развития требует использования новых естественно-научных подходов, основанных на принципах объективного мира, а не на прибыли — главном принципе капитализма, его господствующего класса, но не общества в целом. Нами подробно рассмотрены теоретическая сущность индивидуальных, общественных и территориальных социо-эколого-экономических интересов и потребностей. Определены принципы согласования стратегических интересов и технология их проектирования [7].

С точки зрения интересов населения, их реализации на территориях разного уровня возникает вопрос об объекте исследования: что развить — экономику в традиционном рыночном ее понимании или территориальное хозяйство?

Соотношение понятий «хозяйство» и «экономика» с начала прошлого века по сегодняшний день было разным. Еще в трудах В. И. Даля [11], Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [4], С. Н. Булгакова [6] рассматривалась философия хозяйства. Теоретические исследования экономики постепенно усложнялись, и происходило вытеснение понятия «хозяйство» понятием «экономика». Экономика представлялась денежным хозяйством, целью функционирования которого является прибыль [13], в «Большом экономическом словаре» поня-

тие «хозяйство» вообще отсутствовало [2]. Однако в 1991 г. вновь возродился интерес, но уже к проблеме муниципального (территориального) хозяйства [27]. При этом прослеживается аналогия трактовок муниципального хозяйства, даваемых современными исследованиями, с трактовками и концепциями дореволюционных российских ученых и ученых 1920-х гг. [7].

Развитие «философии хозяйства» мы видим в трудах нашего современника Ю. М. Осипова [17], а также Л. В. Смирягина [24], Е. В. Попова [19] и др.

Объектом настоящего исследования является территориальное хозяйство, а предметом — отношения, возникающие при обеспечении населения социо-эколого-экономическими благами в соответствии с его интересами. При этом хозяйственная деятельность понимается прежде всего как производство общественных благ. Индивидуальные и общественные потребности и интересы достаточно широко разрабатывались рядом общественных наук. В то же время они существенно отличаются по своему формированию, выявлению, способу удовлетворения. Интересы (экономические, экологические, социальные) представляются и выражаются как отдельными субъектами (индивидуальные интересы), их группами (групповые интересы), так и населением в целом (территориальные интересы). Триаду совокупности интересов субъектов территориального общества мы предлагаем определять как систему стратегических интересов.

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для Института экономики УрО РАН на 2018 г.

В идеале территориальные интересы общества необходимо сбалансировать таким образом, чтобы реализация социальных потребностей не ущемляла экономические или экологические интересы и не приводила к перекосу в удовлетворении экономических и экологических потребностей. В этом случае можно говорить о безопасной сбалансированной территориальной хозяйственной деятельности, а для ее обеспечения необходим междисциплинарный инструментарий баланса стратегических интересов.

Самоорганизация искусственных и естественных систем. Анализ научной литературы, связанной с междисциплинарными исследованиями [1; 10; 15; 20; 25; 26], позволяет сделать выводы о наличии у сложных социально-экономических систем ряда системных закономерностей, характерных и для природных систем: для эволюционного развития характерны периоды роста, нормальной жизнедеятельности и спада. Цикличность в развитии обусловлена изменениями жизнеспособности, которые обеспечиваются рядом системных свойств, в том числе самоорганизацией. Под свойством самоорганизации понимается способность системы в случае отклонения параметров в пределах допустимых значений возвратиться к равновесному состоянию благодаря собственным или внешним ресурсам путем перестройки структуры системы [29]. Это позволяет рассмотреть процесс развития территориальной системы в целом, в том числе изучить как внутренние проблемы подсистем (экономической, экологической и социальной), так и межподсистемные, возникающие от их взаимодействия [8]. Взаимосвязи между подсистемами обуславливают появление новых проблем, которые не могут быть выявлены в рамках подсистемного изучения территориальной хозяйственной деятельности [9].

Одним из таких направлений изучения системных закономерностей может стать подход к самоорганизации, в рамках которого анализируются конкретные социо-эколого-экономические стратегии развития человечества с учетом знаний о закономерности и эффективности преобразования природных целостностей [22].

Следуя закону сохранения энергии, отметим, что процесс самоорганизации возможен при условии обеспечения самодостаточности, то есть сохраняется непрерывно меняющееся динамическое неравновесие между состояниями взаимосвязей внутренних структур. Для природы характерна реализация чисто экономических процессов, связанных с распределением, обменом и концентрацией материальных ингредиентов в естественных системах. Изменяемые состояния концентраций

благодаря альтернативному выбору и возникающим востребованиям способствуют созданию системных образований, использованию во времени их работоспособности, способствуют их деградации в том случае, когда они перестанут соответствовать условиям экономической самоорганизации. При этом на каждом последующем и возрастающем уровне самоорганизации природной среды по вектору целенаправленного развития возникают саморегулирующие действия [8].

По аналогии преобразования объективно мира самоорганизация человека происходит в самой его биологической основе в пределах, определяемых самоорганизацией человечества (общества) как социального системного преобразования. В случае дезорганизации пропорций в цепях преобразований происходит деградация системы. Удовлетворение интересов человека в самоорганизации возможно при содействии самоорганизации социальных сообществ в соответствии с самоорганизацией природного мира.

Экономичность представляет собой величину сокращения затрат на работоспособность систем в случае получения ими равных результатов на протяжении своего жизненного цикла. Также определить эффективность функционирования естественных систем можно посредством соотношения позитивных и негативных, или рациональных и иррациональных действий, соотношения результата и издержек.

Результатом жизнедеятельности системы является сумма энергии взаимодействия (структурирования и производства) и энергии движения (приспособления своего состояния к состоянию окружающей среды). Экономичность является оценочной категорией по сравнительному преимуществу действий системы во времени. Природа воспользуется той альтернативой, которая из всех существующих возможностей в данный момент принесет максимальную системную ценность [Там же].

Экономичность представляется разностью скоростей изменения созидательных и деградирующих тенденций, способствующих функционированию и интенсификации продуктивности систем в течение всего жизненного цикла.

Рассматривая естественный или искусственный производительный обмен между системами, необходимо выделить две характеристики, связанные с предельным и достаточным уровнем эффективности обмена, а также с достаточным уровнем концентрации элементов и действий, способствующих функционированию системы.

Анализ процессов самоорганизации систем природного и искусственного происхождения по-

зволяет говорить о существовании допустимого предела концентрации элементов и процессов, которые оказывают влияние на формирование и функционирование систем предела, не превышающего жизненного результата в единицу времени. В случае превышения допустимой концентрации возникает монополия более сильных структур, появляются препятствия для альтернативного выбора слабыми структурами. Следствием концентрации ресурсов выше допустимого уровня может стать нарушение основных принципов естественного производительного отбора и искажение планируемых результатов, что будет способствовать удалению системы от градиента целенаправленных действий среды. Таким образом, нарушение естественного хода обмена, отсутствие учета в своей деятельности целевых естественных установок является невыгодным. Но современная экономическая политика нашего государства это обстоятельство не учитывает.

Синергетика как направление согласований территориальной хозяйственной деятельности. В последние десятилетия начала распространяться новая точка зрения на законы общественного развития. Она связана с синергетикой — новым междисциплинарным направлением, возникшим на стыке физики, химии, биологии, экологии, социологии, психологии и экономики.

В переводе с греческого под синергетикой (*synergeia*) понимается содружество, сотрудничество, где основой акцент делается на согласованность взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого [3; 16; 23; 28].

Итак, в чем же состоит отличие синергетики от других областей знания? Синергетика не существует сама по себе. Она связана с другими науками, по крайней мере двойко [30]. Во-первых, *системы являются объектом исследования не только синергетики, но и других наук. Во-вторых, разные науки привносят в синергетику свои идеи.* При этом синергетика — фундаментальная концепция, составляющая ядро современной научной картины мира. В самой краткой трактовке синергетику можно определить как теорию *самоорганизации систем* различной природы [5].

К началу 1970-х гг. были получены результаты, связанные со спонтанным возникновением упорядоченных структур. К ним относятся в первую очередь исследования, которые проводились в Свободном университете Брюсселя под руководством Ильи Пригожина — бельгийского ученого, который в 1977 г. получил Нобелевскую премию за работу в области неравновесной термодинамики [21]. Исследуя явления самоорганизации в химических процессах, Пригожин пришел к

выводам, которые помогли ему создать собственную обобщенную теорию самоорганизации, далеко выходящую за пределы химии. Теория называлась по-разному: нелинейная неравновесная термодинамика, наука о сложном, теория перехода от хаоса к порядку, но чаще всего — теория диссипативных систем (структур) [18. С. 146]. Пригожин предпочитал не использовать термин «синергетика», хотя внутреннее содержание его исследования, бесспорно, относится к синергетической теории эволюции и самоорганизации сложных систем. Таким образом, вторая половина XX в. была отмечена усиленным развитием научных направлений, пытающихся понять мир в его целостности, усмотреть в искусственно рассеченных сферах нечто существенно общее. Сущность синергетики раскрывается в универсальном характере изучаемых ею закономерностей, а значит, в междисциплинарном характере проводимых в ее рамках исследований. Первостепенное значение имеет общность процессов эволюции и самоорганизации, возникающих в физических, химических, биологических, социальных и иных системах.

Синергетика стала ответом на проблемы, связанные со стереотипным, линейным мышлением, заключающимся: 1) в представлении о хаосе как исключительно деструктивном начале мира; 2) рассмотрении случайности как второстепенного, побочного фактора; 3) представлении неравновесности и неустойчивости как состояний, которые необходимо преодолеть ввиду их разрушительной роли; 4) представлении процессов, происходящих в мире как обратимых во времени и предсказуемых на неограниченно больших промежутках времени; 5) представлении мира, связанного жесткими причинно-следственными связями; 6) утверждении линейности причинных цепей. Преодолеть указанные стереотипы позволила синергетика, создавшая разветвленный категориальный аппарат.

В общем виде самоорганизация систем на основе бифуркационного механизма заключается в следующем. Развитие системы происходит в два этапа: эволюционный (адаптационный или стационарный) и бифуркационный (скачок). В ходе эволюционного процесса медленно накапливаются количественные и качественные изменения параметров системы и ее компонентов, с учетом которых в точке бифуркации (краткого момента неустойчивости, когда поведение всей системы может зависеть от одной случайной флуктуации) система выберет один из возможных для нее аттракторов (область притяжения).

Аттрактор представляет собой схождение траекторий к одной точке или замкнутой петле, в

пределах которой регулярно колеблется состояние системы. При этом начальные условия движения не оказывают влияния на точку схождения. В результате выбора аттрактора происходит качественный скачок и формирование новой диссипативной структуры системы, соответствующей выбранному аттрактору, учитывая изменения внешних условий. Для эволюционного этапа развития характерно наличие механизмов, которые могут подавить сильные флуктуации (случайные возмущения) системы, ее компонентов или среды и вернуть ее в устойчивое состояние, свойственное ей на этом этапе. В системе постепенно растет энтропия, так как накопление изменений системой, ее компонентами и внешней средой приводит к падению способности системы адаптироваться и нарастает неустойчивость. Возникает точка перехода, или точка бифуркации, ветвления. На фазе бифуркации развитие становится непредсказуемым, поскольку на него оказывают влияние как внутренние флуктуации, сила и направленность которых поддается прогнозированию, если проанализировать историю развития и современное состояние системы, так и внешние флуктуации, вследствие чего сложно или невозможно сделать прогноз. В некоторых случаях скачок обуславливает выбор аттрактора, «противоположного» прошлому. После формирования новой диссипативной структуры система вновь переходит к плавным изменениям, и цикл повторяется. «Какой из возможных каналов эволюции выберет система, по какой траектории пойдет ее развитие после точки бифуркации — предсказать заранее нельзя. Это обстоятельство носит принципиальный характер, поскольку выбор траектории развития будет зависеть от случайных воздействий на систему, которые могут быть очень малыми, но в силу природной изменчивости всегда присутствуют. Можно лишь утверждать, что, какой бы вариант ни оказался выбранным, системе придется подчиниться некоторому своду законов природы» [12].

При этом результатом флуктуации в точке бифуркации может быть как самоорганизация благоприятной ситуации, так и движение системы к хаосу. Подобное развитие событий делает особенно важным выбор в этот момент правильных управленческих воздействий. С другой стороны, именно эти воздействия могут стать опасными как никогда. «Бифуркация это не только “шаг в светлое будущее”, но и огромный риск вообще “выйти из игры”» [14]. В этой связи к управлению ситуацией в точке бифуркации предъявляется ряд требований:

— ориентиром управленческого воздействия должен стать выигранный аттрактор;

— воздействие осуществляется заранее (то, что возможно сейчас, не будет таковым позднее; процессы, вышедшие из-под контроля, могут приводить к необратимым изменениям);

— в управлении сложившейся ситуацией необходимо использовать прошлый опыт, который позволит найти выигранный аттрактор и перейти на него.

Данный методический инструментарий, разработанный на основе синергетического подхода, создает реальную возможность объединения функций управления, выполняемых разными структурами управления. Все это повышает эффективность управления хозяйственной деятельностью по обеспечению населения социально-эколого-экономическими благами в условиях неопределенности.

Таким образом, в настоящее время в рамках синергетики в основном предпринимаются попытки снять эвристические ограничения традиционных экономических подходов, направленные на создание внешних и внутренних конкурентных преимуществ, а не на становление синергетических (сотруднических) преимуществ, то есть на создание самоорганизационных систем.

Квантово-релятивистская теория изучения индивидуальной и коллективной хозяйственной деятельности населения. Для объяснения современных социально-эколого-экономических процессов могут также использоваться квантово-релятивистская картина мира и соответствующие ей представления о квантово-волновой природе хозяйственной деятельности населения территорий разного уровня в соответствии с выбранными ценностями, интересами и потребностями.

Для квантово-релятивистского аспекта характерно то, что первичным элементом территориальной системы — микросубъектам (индивидам) — свойствен двойной характер деятельности поведенческой. Микросубъекты могут быть и в виде волны, и в виде частицы. Подобное научное мировоззрение обуславливает наличие специфических законов жизнедеятельности населения, а именно в выборе интересов, ценностей и потребностей, которые отличают их от поведения макросубъектов (фирм, рынка, государства или других институтов). Вместе с тем синтез квантово-релятивистских и системных представлений о двойственном характере населения в целом и индивидов в частности позволяет рассматривать и описывать хозяйственную деятельность как динамический нелинейный волновой процесс, результатом которого является формирование макросубъектов, возникновение и эволюция структур территориальной системы. Такой подход

наиболее адекватно отражает направления выбора населением интересов, ценностей и потребностей в соответствии с современным уровнем общенаучных знаний.

Основными чертами *корпускулярного свойства* индивида являются: его принадлежность в данный момент времени к единственному функциональному виду хозяйственной деятельности (покупатель или продавец, потребитель или производитель). Отсюда следует то, что его действия определены и принципиально предсказуемы. Корпускулярная деятельность возникает в случае взаимодействия индивида с каким-либо одним макрообъектом. Это поведение рассматривается как дискретный процесс, а в качестве метода его описания используется сравнительная статика. Поэтому традиционная экономическая теория, ориентированная на механистическую научную картину мироустройства, развивает исключительно корпускулярные представления о хозяйственной деятельности индивида. Однако эта деятельность человека имеет не только корпускулярный, но и волновой характер.

Волновая деятельность индивида заключается в его способности одновременно в процессе жизнедеятельности находиться в нескольких точках экономического пространства, представляя в одном лице в один и тот же момент времени многомерную сущность. Для индивида одновременно могут быть характерны несколько функциональных качеств: потребитель и производитель благ (частных и/или общественных). Он также может иметь несколько оценок своего текущего благосостояния. Неоднозначность оценки благосостояния может быть связана с неравенством объективной и субъективной оценки, или, что то же самое, неудовлетворенностью человека тем, что он имеет. Субъективная оценка или интерес человека может одновременно относиться к нескольким благам: 1) блага, которых он желает, но не имеет; 2) блага, которые имеет, но от которых хотел бы отказаться.

В рамках традиционной экономической теории принцип рациональности ориентирован на обязательное равенство объективных и субъективных оценок благосостояния. Это возможно в том случае, если у индивида есть единственная функция, если индивид в любой момент времени находится только в одной точке пространства, а вероятность его нахождения в других точках равна нулю. Такое положение в реальной действительности можно отнести к частному случаю корпускулярно-волнового состояния микросубъекта.

Необходимо отметить, что традиционная экономическая теория придает иной смысл термину «волна», под которой понимают колебания харак-

теристик экономической системы. В экономике образ волнового восприятия может быть предст-авлен экономическими циклами. Волна — *синусоидальная траектория*, в пределах которой происходит изменение номинальных и реальных параметров макроэкономической системы. Большинство авторов, работающих в рамках традиционной теории, используют термин «волна» как синоним понятия «цикл» или «колебание». С позиций квантово-релятивистского мировоззренческого комплекса *волна жизнедеятельности индивида* представляет собой процесс колебания вероятности пребывания индивида в определенном состоянии, характеризуемом функциональными качествами, а также объективной и субъективной оценками благосостояния.

Благодаря волновому характеру деятельности индивидов, полевой форме экономических взаимодействий и механизму структуризации экономических систем можно описать динамику территориальной хозяйственной деятельности, используя категории нелинейной динамики, например *солитона*. Солитон является устойчивая волна, способная сохранять свою форму при взаимодействиях. Для солитона характерно объединение в себе двойственных черт нелинейной волны и частиц, динамика которых имеет линейный характер.

Можно выделить два вида устойчивых форм деятельности — солитон индивидуальной и солитон коллективной деятельности. Оба вида являются результатом эволюции волновых функций. Следует отметить, что не каждое коллективное образование, даже институционально сосредоточенное под одной крышей (семья, фирма, муниципальное образование, регион и т. п.), является образованием солитонного типа. Солитон отсутствует там, где формирования в процессе эволюции неспособны воспроизводить свои функциональные качества. Возникает неустойчивость коллективной деятельности, что в конечном счете разрушает организационную форму.

Устойчивая конструкция любой территориальной системы может быть представлена мультисолитонном, то есть совокупностью солитонов коллективной деятельности населения. По структуре локализации хозяйственной деятельности населения можно судить о структуре ее активности. При этом устойчивая локализация на фоне общей эволюции коллективной деятельности свидетельствует о фактической реализации намерения населения осуществлять определенный вид социо-эколого-экономической активности и иметь определенную величину благосостояния.

Таким образом, в процессе территориальной хозяйственной деятельности можно наблюдать

две альтернативные формы коллективного поведения индивидов: с неустойчивой локализацией и с устойчивой локализацией в экономическом пространстве — солитонного типа. Вторую форму организации коллективного ведения хозяйства признают более предпочтительной в силу ее особых свойств: благодаря экономическому солитону можно преодолеть неопределенность в коллективном поведении индивидов, линеаризация нелинейного волнового процесса способствует адекватному прогнозированию динамики развития хозяйства. Наличие солитонов обеспечивает плавную эволюцию территориальной хозяйственной деятельности, предостерегая ее от стохастических резких переходов (структурных переходов, катастроф и т. п.) и нерегулярных колебаний.

Заключение. Уровень знаний (объем информации, качество ее обработки и степень распространения) о тех или иных законах развития природы и возможность использования этих знаний в процессе ведения хозяйства для более полного удовлетворения интересов и потребностей населения — важный управляющий параметр, запускающий механизм самоорганизации территориальной системы. Иными словами, управляющий параметр может состоять в осознании людьми ограниченности ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей.

Для описания динамики территориальной системы следует различать понятия «коллективное явление» и «коллективный эффект». Под *коллективным явлением* в территориальной системе понимается проявление взаимодействий населения, воплощенное в коллективной деятельности. Коллективное явление определяет «фактическую» структуру территориальной системы, в том числе видимую и скрытую ее части. Коллективные явления отражают саму ее природу, ее главное свойство. Именно механизм их возникновения является механизмом перехода от микроуровня к более высокому уровню взаимодействия. *Коллективные эффекты* — это конкретные структурные формы коллективной деятельности, обусловленные типом взаимодействий. Они представляют только видимую часть структуры системы. К ним можно отнести фирмы, рынки, структуры территорий разного иерархического уровня.

Такое представление позволяет реализовать принцип методологического единства индивидуального и коллективного взаимодействия. Определив коллективное поведение как механизм изменения, приводящегося к новой территориальной структуре, территориальное сообщество можно трактовать как динамику конкретной структурной формы. В свою очередь динамика изменения интересов территориального сообщества обуславливает эволюцию городской среды в целом.

Рассмотренные в работе методические основы синергетики открывают принципы сборки эволюционного целого из частей, формирования сложных структур из относительно простых. Независимые, еще не объединенные структуры существуют, «не чувствуя друг друга». Они живут в разных «темпомирах», то есть каждая из них развивается в своем темпе. Сложную структуру можно представить как объединение структур «разных возрастов» — структур, которые находятся на разных стадиях развития. Устанавливающийся темп развития целого выше, чем тот темп развития, который был у самой быстроразвивающейся структуры, вошедшей в целое. С экономической точки зрения данный принцип гласит: *выгоднее развиваться вместе, так как это ведет к экономии материальных и духовных затрат.*

Синергетика является элементом универсальной методологической парадигмы, которая относится к тем областям знаний, где объектом изучения являются сложные системы, явления самоорганизации, и представляет собой единый междисциплинарный подход к исследуемым предметам. При этом синергетику необходимо рассматривать как одну из фундаментальных концепций, являющихся ядром современной научной картины мира. Синергетика есть не что иное, как теория самоорганизации систем различной природы.

Рассматривавшаяся ранее как наука об оптимальном распределении ограниченных материальных ресурсов, сейчас, в XXI в., экономика исследуется как ядро целостного системного строения общества, способное к самоорганизации и развитию на основе взаимодействия не только объекта и субъекта, но также субъекта и субъекта. Отсюда возникла тенденция к интеграции территориальной социальной, экологической и экономической деятельности в сложную самоорганизационную систему.

Список литературы

1. Баландин, Р. К. Геологическая деятельность человечества: техногенез / Р. К. Баландин. — Минск, 1979. — 304 с.
2. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриеляна. — М. : Ин-т новой экономики, 1999.
3. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2. М. : Совет. энцикл., 1991. — 351 с.

4. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — М. : Терра, 1993. — 489 с.
5. Буланичев, В. А. Синергическое моделирование образовательных процессов / В. А. Буланичев, Л. А. Серков. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН : Изд-во АМБ, 2007. — 232 с.
6. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. — М. : Наука, 1990.
7. Даванков, А. Ю. Интересы территориальной хозяйственной системы / А. Ю. Даванков, А. В. Кочеров, Е. С. Морозова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 10 (406). Экон. науки. Вып. 58. — С. 37—45.
8. Системные взаимодействия биосферных и техногенных процессов в социо-эколого-экономических системах / А. Ю. Даванков, Е. А. Постников, А. В. Кочеров, А. В. Мальнова // Журн. экон. теории. — 2017. — № 3. — С. 75—85.
9. Даванков, А. Ю. Социально-экономическая оценка природно-техногенных комплексов / А. Ю. Даванков. — Екатеринбург : УрО РАН, 1998. — 232 с.
10. Даванков, А. Ю. Нейтрализация техногенеза на нарушенных территориях населенных пунктов / А. Ю. Даванков, В. Д. Оленьков, В. Э. Безганс. — Екатеринбург, 1998. — 64 с. (Препринт. УрО РАН).
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. — М. : Терра, 2000. — С. 359.
12. Данилов-Данильян, В. И. Экологизация народного хозяйства — основа устойчивого развития / В. И. Данилов-Данильян // Экономика. Экология. Бизнес. — М. : Ирис-Пресс, 1995. — С. 5—13.
13. Лаженцев, В. Н. Хозяйство как объект исследования в системе общественных наук / В. Н. Лаженцев // Журн. экон. теории. — 2017. — № 3. — С. 11—22.
14. Моисеев, Н. Н. Экология глазами математика / Н. Н. Моисеев. — М. : Молодая гвардия, 1988.
15. Моторина, Л. В. Промышленность и рекультивация земель / Л. В. Моторина, В. А. Овчинников. — М. : Мысль, 1975. — 240 с.
16. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. — 896 с.
17. Осипов Ю. М. Философия хозяйства / Ю. М. Осипов // Время философии хозяйства. — М., 2003. — С. 434—437.
18. Артоболевский, И. И. Политехнический словарь / И. И. Артоболевский. — М. : Совет. энцикл., 1977.
19. Попов, Е. В. Институциональное обеспечение локальных общественных благ / Е. В. Попов, А. Ю. Веретенникова, Е. А. Севостьянова. — Екатеринбург, 2016. — 68 с. (Препринт. Институт экономики УрО РАН).
20. Преображенский, В. Г. Междисциплинарные исследования территориальных систем и моделирование / В. Г. Преображенский. — Системные исследования... Вопросы географии. — М. : Мысль, 1977. — Сб. 104. — С. 95—104.
21. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. В. И. Лршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. — М. : Прогресс, 1986. — 432 с.
22. Прыкин, В. Б. Стратегия экономики. Природный экогармонизм / В. Б. Прыкин. — М. : Юнити-Дана, 2000. — 267 с.
23. Словарь иностранных слов. — 15-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1988. — 608 с.
24. Смирнягин, Л. В. Местное самоуправление и муниципальное экономическое развитие в контексте концепции экономики общественного сектора / Л. В. Смирнягин // Лекции по экономике города и муниципальному управлению. — М. : Ин-т экономики города, 2004. — С. 13—37.
25. Современные методологические подходы к междисциплинарным исследованиям территориальных социо-эколого-экономических систем / А. Ю. Даванков, П. Я. Дегтярев, Г. А. Шеломенцев [и др.]. — Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2014. — 128 с.
26. Социально-экономические направления нейтрализации негативных исследований техногенеза : науч. докл. / ЧелГУ, ИЭ УрО РАН. — Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2017. — 40 с.
27. Верещагина, Т. А. Теоретико-методологические подходы к исследованию малых городов / Т. А. Верещагина. — Челябинск, 2006. — 230 с.
28. Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения / под. ред. Г. Н. Складневской. — СПб., 1998. — 586 с.
29. Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики / ред. кол.: акад. А. И. Татаркин (рук.), д-р экон. наук, проф. А. Ю. Даванков, д-р экон. наук, доц. Г. Н. Пряхин, д-р экон. наук, проф. В. В. Седов, канд. экон. наук, проф. А. Ю. Шумаков. — Челябинск, 2016. — 295 с.
30. Хакен, Г. Синергетика : пер. с англ. / Г. Хакен. — М., 1980. — 406 с.

Сведения об авторах

Даванков Алексей Юрьевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. iserp@csu.ru

Пряхин Алексей Геннадьевич — аспирант третьего года обучения кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pgn248@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 38—46.*

INTERDISCIPLINARY TOOL FOR ASSESSING OF TERRITORIAL ECONOMIC ACTIVITIES

A. Yu. Davankov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. iserp@csu.ru

A. G. Pryakhin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pgn248@csu.ru

Modern assessments of the effectiveness of territorial economic activity assess only objective opportunities for maintaining and improving welfare, while their specific use depends on the subjective will and interests of the population itself. This approach corresponds to the need to revise a number of postulates of the Russian science on the regions in the direction of finding the optimal conditions for life activity, public health, etc. That is, the transition from a predominantly quantitative to a higher quality provision of individual and public goods and services in accordance with the interests of the population. Thus, the assessment of sustainable balanced economic activity can be expressed by an interdisciplinary measure combining statistical (objective) and sociological (subjective — interests of the population) data. The article reveals new interdisciplinary views on the laws of social development from the perspective of the “natural economy”, namely the self-organization of natural systems considered in synergetic and quantum-relativistic concepts.

Keywords: *territory, economic activity, balance of interests, strategic interests, self-organization, synergetics, individual and collective economic activities.*

References

1. Balandin R.K. *Geologicheskaya deyatel'nost' chelovechestva: tekhnogenez* [Geological activity of mankind: technogenesis]. Minsk, 1979. 304 p. (In Russ.).
2. Azrielyan A.N. (ed.). *Bol'shoy ekonomicheskii slovar'* [The Big Economic Dictionary]. Moscow, Institute for a New Economy Publ., 1999. (In Russ.).
3. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' v 2 t. T. 2* [The Great Encyclopaedic Dictionary in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., 1991. 351 p. (In Russ.).
4. Brokgauz F.A., Yefron I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Terra Publ., 1993. 489 p. (In Russ.).
5. Bulanichev V.A., Serkov L.A. *Sinergicheskoye modelirovaniye obrazovatel'nykh protsessov* [Synergistic modelling of educational processes]. Yekaterinburg, 2007. 232 p. (In Russ.).
6. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of the economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 43 p. (In Russ.).
7. Davankov A.Yu., Kocherov A.V., Morozova E.S. *Interesy territorial'noy khozyaystvennoy sistemy* [The interests of regional economic system]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 10 (406), pp. 37—45. (In Russ.).
8. Davankov A.Yu., Postnikov E.A., Kocherov A.V., Mal'nova A.V. *Sistemnye vzaimodeystviya biosfernykh i tekhnogennykh protsessov v sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistemakh* [The System of interaction of biosphere and anthropogenic processes in socio-ecological-economic systems]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2017, no. 3, pp. 75—85. (In Russ.).
9. Davankov A.Yu. *Sotsial'no-ekonomicheskaya otsenka prirodno-tekhnogennykh kompleksov* [Socio-economic assessment of natural and man-made complexes]. Yekaterinburg, 1998. 232 p. (In Russ.).

10. Davankov A.Yu., Olen'kov V.D., Bezgans V.E. *Neytralizatsiya tekhnogeneza na narushennykh territoriyakh naseleennykh punktov* [Neutralization of technogenesis in the disturbed territories of settlements]. Yekaterinburg, 1998. 64 p. (Preprint, UrB RAS) (In Russ.).
11. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 t. T. 4* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vol. vol. 4]. Moscow, Terra Publ., 2000. Pp. 359. (In Russ.).
12. Danilov-Danil'yan V.I. *Ekologizatsiya narodnogo khozyaystva — osnova ustoychivogo razvitiya* [Ecologization of the national economy is the basis of sustainable development]. *Ekonomika. Ekologiya. Biznes* [Economics. Ecology. Business]. Moscow, Ayriss-Press Publ., 1995. Pp. 5—13. (In Russ.).
13. Lazhentsev V.N. *Khozyaystvo kak ob'ekt issledovaniya v sisteme obshchestvennykh nauk* [The economy as an object of research in the system of social sciences]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2017, no. 3, pp. 11—22. (In Russ.).
14. Moiseev N.N. *Ekologiya glazami matematika* [Ecology through the eyes of a mathematician]. Moscow, 1988. (In Russ.).
15. Motorina L.V. Ovchinnikov V.A. *Promyshlennost' i rekul'tivatsiya zemel'* [Industry and land reclamation]. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 240 p. (In Russ.).
16. Gritsanov A.A. *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998. 896 p. (In Russ.).
17. Osipov Yu.M. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of economy]. *Vremya filosofii hozyaystva* [Time of philosophy of economy]. Moscow, 2003. Pp. 434—437. (In Russ.).
18. Artobolevsky I.I. *Politekhnicheskii slovar'* [Polytechnic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., 1977. (In Russ.).
19. Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Sevost'yanova E.A. *Institutsional'noye obespecheniye lokal'nykh obshchestvennykh blag* [Institutional provision of local public goods]. Yekaterinburg, 2016. 68 p. (Preprint, Institute of Economics, UrB RAS). (In Russ.).
20. Preobrazhenskiy V.G. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya territorial'nykh sistem i modelirovaniye* [Interdisciplinary researches of territorial systems and modelling]. *Sistemnye issledovaniya... Voprosy geografii. Sb. 104* [System Researches... Questions of Geography. Book 104]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. Pp. 95—104. (In Russ.).
21. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos: A new dialogue between man and nature]. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p. (In Russ.).
22. Prykin V.B. *Strategiya ekonomiki. Prirodnyy ekogarmonizm* [Strategy of the economy. Natural ecoharmony]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2000. 267 p. (In Russ.).
23. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, 1988. 608 p. (In Russ.).
24. Smirnyagin L.V. *Mestnoye samoupravleniye i munitsipal'noye ekonomicheskoye razvitiye v kontekste kontseptsii ekonomiki obshchestvennogo sektora* [Local self-government and municipal economic development in the context of the concept of the economy of the public sector]. *Lektsii po ekonomike goroda i munitsipal'nomu upravleniyu* [Lectures on the economy of the city and municipal government]. Moscow, Institute of Urban Economics Publ., 2004. Pp. 13—37. (In Russ.).
25. Davankov A.Yu., Degtyarev P.Ya., Shelomentsev G.A. *Sovremennyye metodologicheskiye podkhody k mezhdistsiplinarnym issledovaniyam territorial'nykh sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistem* [Modern methodological approaches to interdisciplinary research of territorial socio-ecological and economic systems]. Yekaterinburg, 2014. 128 p. (In Russ.).
26. *Sotsial'no-ekonomicheskkiye napravleniya neytralizatsii negativnykh issledovaniy tekhnogeneza. Nauchnyy doklad* [Socio-economic directions of neutralizing negative studies of technogenesis. Scientific report]. Yekaterinburg, 2017. 40 p. (In Russ.).
27. Vereshchagina T.A. *Teoretiko-metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu malykh gorodov* [Theoretical and methodological approaches to the study of small towns]. Chelyabinsk, 2006. 230 p. (In Russ.).
28. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka XX veka. Yazykovyye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the XX century. Language changes]. St. Petersburg, 1998. 586 p. (In Russ.).
29. *Upravleniye sbalansirovannym razvitiyem territorial'nykh sistem: voprosy teorii i praktiki* [Management of balanced development of territorial systems: theory and practice]. Chelyabinsk, 2016. 295 p. (In Russ.).
30. Haken G. *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow, 1980. 406 p. (In Russ.).

УДК 338.242:353
ББК 65.050.23

УГРОЗЫ И РИСКИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ МОНОГОРОДА

Е. А. Колесник

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены основные стратегии развития российских моногородов с неудовлетворительной социально-экономической ситуацией. Самой универсальной среди них выступает диверсификация моноэкономики. Несмотря на бесспорные преимущества диверсификации, в статье перечислены риски и угрозы, сопутствующие ее проведению и ставящие под сомнение ее эффективность. Сформулированы необходимые условия проведения эффективной диверсификации, учитывающие возможность использования потенциала градообразующего предприятия и его персонала, соответствие стратегическим целям развития моногорода, необходимость сохранения уникальности местного сообщества и его культуры, наличие государственной поддержки. Особое внимание уделено разработке предложений по усилению инвестиционной деятельности государства, направленной на подбор инвесторов для моногородов с учетом вышеперечисленных условий.

Ключевые слова: *моногород, стратегии развития, диверсификация, эффективность диверсификации, риски и угрозы диверсификации.*

На сегодняшний день отмечается рост интереса ученых к вопросам развития моногородов в условиях социально-экономического кризиса. Разработанные и утвержденные Постановлением Правительства РФ критерии отнесения поселений к моногородам позволили определить их точное количество¹, а затем классифицировать по группам с разной степенью сложности социально-экономического положения. На середину 2016 г. только 71 город (22 %) из 319 был отнесен к категории со стабильной социально-экономической ситуацией², что подчеркивает актуальность исследований в области повышения жизнеспособности моногородов, характеризующихся уязвимостью их экономики.

Целью данного исследования является анализ имеющихся стратегий по развитию моногородов с нестабильной социально-экономической ситуацией и выявление сопутствующих их реализации возможных угроз и рисков.

Ряд исследований современных авторов, среди которых следует выделить труды М. А. Бая-

вой [1], А. И. Татаркина и возглавляемого им коллектива [3], Е. М. Крюковой [4], И. В. Манаевой [5], А. Н. Ряховской [12], Р. Б. Ротенберга [13], А. Е. Шаститко [15], позволяет определить основные сценарии и стратегии осуществления структурных преобразований в социально-экономической системе моногородов. Большинство из них выступают сторонниками диверсификации моноэкономики. Целью диверсификации экономики города является снижение рисков, характерных для монопродуктовой экономики, повышение разнообразия опорных отраслей и увеличение занятости населения. Диверсификация должна обеспечить расширение номенклатуры и конкурентоспособности продукции или услуг, предоставляемых местными предприятиями и учреждениями, повысить уровень кооперации с другими предприятиями [14. С. 123].

По мнению Р. Б. Ротенберга, «процедура генерации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода должна опираться на результаты стратегического анализа экономического потенциала моногорода, что позволит выявить его конкурентные преимущества и возможные барьеры для процессов диверсификации [13. С. 67]. Центральным элементом в предлагаемом Р. Б. Ротенбергом алгоритме преобразований является градообразующее предприятие и оценка его возможностей по обеспечению реализации социальных целей городского развития. Возникающие при данном подходе риски обусловлены стратегическими перспективами градообразующего предприятия и возможностями их реализации.

¹ О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения : Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 (<http://government.ru/docs/14049>); Об утверждении перечня моногородов : Постановление Правительства Рос. Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. (<http://government.ru/orders/selection/405/14052/>).

² Распоряжения Правительства РФ № 1398-р от 29.07.2014 : с изм. на 13.05.2016 г. (<http://docs.cntd.ru/document/420210942>).

М. А. Баева также рассматривает стратегию диверсификации монопродуктовой экономики города в качестве приоритетной. По ее мнению, основные риски ухудшения социально-экономической ситуации связаны с выбором стратегии диверсификации экономики города [1. С. 26]. Схожей точки зрения придерживаются О. Ю. Недорезова, А. Н. Пыткин, А. Н. Ласунов [7; 8].

И. В. Манаева на основе проведенного авторского исследования обосновывает следующие сценарии развития российских моногородов: 1) смена устаревшей промышленности на стратегическую; 2) диверсификация экономики; 3) развитие туристско-рекреационной зоны; 4) расселение моногорода [6; 9]. Первый и последний сценарии являются противоположными по характеру преобразований, но схожими по значительному уровню затрат на их осуществление. Как следствие, имеют невысокую вероятность применения в нынешних социально-экономических условиях. Развитие туристско-рекреационной зоны предполагает наличие привлекательных для развития туризма объектов и природно-климатических условий, что далеко не всегда присуще моногородам и ограничивает возможность применения данной стратегии. Самым универсальным способом реорганизации моноэкономики по-прежнему называется ее диверсификация, позволяющая решать проблему монопрофильности поэтапно, используя производственный потенциал градообразующего предприятия и его квалифицированный персонал.

А. Д. Ризов обобщает классические подходы выхода моногорода из зоны риска депрессивности и предлагает стратегии адаптации к внешней среде, ориентации на сферу услуг, дотирования и расселения [10; 11], где первые две стратегии реализуются посредством увеличения разнообразия местной экономики, то есть ее диверсификации.

Е. М. Крюкова предлагает три модели развития, которые, по ее мнению, можно адаптировать ко всем российским монопрофильным поселениям: управляемое сжатие, при котором происходит сокращение жилой территории и компактное расселение жителей, которые не хотят переезжать; стабильный моногород, где градообразующее предприятие работает стабильно, но нет потенциала для диверсификации; индустриальная диверсификация для городов, обладающих потенциалом диверсификации [4. С. 180—181].

Таким образом, диверсификация экономики моногородов и их градообразующих предприятий в настоящее время выступает базовой концепцией их развития. Несмотря на наличие государственной поддержки для реализации стратегии дивер-

сификации, к сожалению, нельзя отметить большой масштаб улучшения ситуации в моногородах. Идея диверсификации не вызывает сомнений, но плохо продуманная организация данного процесса в условиях конкретного моногорода и его социума таит значительное количество рисков и угроз не улучшения, а ухудшения социально-экономического положения и утраты тех преимуществ, которыми обладает каждый моногород в силу его специфики и уникальности.

История создания каждого из 319 официально признанных моногородов, обладает как общими, так и уникальными чертами. Общим является наличие особой общегосударственной значимости таких городов и, как правило, непосредственного участия государства в их появлении и последующем становлении и развитии. То есть каждый моногород выполняет не только традиционные функции: социальную, экономическую, демографическую и прочие, но и особую функцию «государева города» — от оборонного до курортного. Учитывая, что в 319 российских моногородах проживает свыше 14 млн чел. (10 % населения страны), имеющих схожие социально-экономические проблемы, обусловленные схожими причинами, нельзя ограничиваться исключительно местным, локальным уровнем их решения. Тем самым подтверждается необходимость формирования государственной политики в отношении моногородов.

Целью такой политики должно выступать содействие проведению эффективной диверсификации их экономики. Под эффективностью диверсификации в данном контексте понимается достижение ее запланированного уровня, соотношенного с привлеченными государственными и частными инвестициями. По мнению Е. М. Крюковой, «в условиях сложной экономической ситуации особенно важно теоретически и методологически правильно обосновать варианты развития моноспециализированных предприятий, образующих вокруг себя монопоселения, в силу того, что просчеты в этом случае, как правило, неисправимы» [4. С. 178.]

Диверсификация экономики моногорода может быть признана эффективной только при соблюдении ряда условий. Выделим наиболее значимые среди них:

- выбор направлений диверсификации соответствует стратегическим целям развития моногорода и его градообразующего предприятия;
- максимальное использование и развитие трудового, производственного и инвестиционного потенциала градообразующего предприятия;

- сохранение уникальности местного сообщества и его культуры;
- наличие государственной поддержки диверсификации.

Невыполнение каждого из перечисленных условий ведет к снижению эффективности диверсификации.

Так, диверсификацию, при которой на базе наукоемкого градообразующего предприятия начинается выпуск товаров массового потребления, производство которых не требует использования накопленного производственного и трудового потенциала, нельзя считать эффективной даже при условии освоения в полном объеме предназначенных для этого средств. Угроза деградации экономики моногорода вследствие диверсификации должна учитываться при разработке стратегии ее проведения. Кроме того, следует учитывать, что не каждый моногород обладает достаточным потенциалом диверсификации и готов самостоятельно определить стратегические направления ее проведения [2; 16].

Понимая, что моногород — это не только градообразующее предприятие, формирующее основу местной экономики, но и люди, живущие в нем, при проведении диверсификации нельзя забывать о социальной стороне преобразований. Факторами риска в этой связи выступают: невостребованность трудового потенциала местного сообщества, члены которого нередко обладают уникальными навыками и знаниями; невозможность самореализации жителей, значение которой возрастает в современном обществе, и др.

Согласно опросу, проведенному зимой 2015 г. Федеральной службой охраны, почти 60 % жителей моногородов недовольны тем, как они живут, назвав социально-экономическое положение своих городов «нетерпимым», 36 % заявили, что найти достойную работу в их городе фактически невозможно, а 5 % сообщили, что живут за чертой бедности. Аналогичный опрос приводился и летом 2016 г. Сравнение результатов опроса показало, что за полгода восприятие социально-экономической ситуации в моногородах в целом ухудшилось¹.

Уникальные черты каждого моногорода обусловлены как его специализацией, так и влиянием моноспециализации на городское сообщество и образ его жизни.

Не случайно в признанном российском центре текстильной промышленности — моногороде Иваново находится Ивановская государственная текстильная академия. В моногороде Магнито-

горск Челябинской области, основу экономики которого составляет Магнитогорский металлургический комбинат (ММК), действует Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова — известного советского металлурга, возглавлявшего ММК в годы Великой Отечественной войны. Этот список может быть продолжен, так как он вполне закономерен. В этом и заключается взаимное влияние экономической и социальной подсистем города, приводящих к формированию особой городской культуры моногорода. Изменение одной из составляющих городской системы неизбежно отражается на остальных. Соответственно, угроза деградации местной экономики влечет за собой угрозу деградации человеческого капитала моногорода, что неизбежно приведет к его угасанию.

Моногорода России не однородны, а делятся на несколько типов в зависимости от перспектив градообразующего предприятия, его собственника, потенциала городской экономики, численности населения и ряда других факторов [5. С. 22]. Поэтому в основе современной государственной политики в отношении моногородов лежит дифференцированный подход к городам различного типа и различного уровня стабильности их социально-экономического положения. Так как моногорода пока неспособны компенсировать возрастающие кризисные риски, они вправе рассчитывать на дополнительные меры государственной поддержки. Особенно в них нуждаются те моногорода, градообразующие предприятия которых ориентированы на внутренний спрос. Так, в докладе, подготовленном Аналитическим центром при Правительстве РФ и Федеральной службой охраны в 2016 г., отмечается, что таким предприятиям негде сбывать продукцию, она скапливается на складах, постепенно превращаясь в залежавшийся товар, растет безработица, а предприятия моногородов готовы продолжать сокращать свои издержки, увольняя персонал².

К числу мер государственной поддержки можно отнести созданный по решению Правительства РФ Фонд развития моногородов, принятие ряда нормативно-правовых актов, регулирующих и создающих условия для развития моногородов: федеральный закон о ТОСЭР, ряд постановлений Правительства РФ, государственные программы поддержки [12] т. п.

Тем не менее одной из самых острых проблем реорганизации экономики моногорода остается поиск заинтересованных инвесторов. На сегодняшний день решение этой проблемы относится в

¹ <http://rusrand.ru/response/monogoroda-2016-za-obochnoy-jizni-mogut-okazatsya-16-tys-chelovek>

² <http://rusrand.ru/response/monogoroda-2016-za-obochnoy-jizni-mogut-okazatsya-16-tys-chelovek>

первую очередь к компетенции органов местного самоуправления. Отсутствие средств в местном бюджете на развитие города — еще одна общая для всех без исключения моногородов проблема. Поиск и привлечение инвесторов требуют проведения большой по объему и ресурсам работы. У моногорода, тем более с непростой социально-экономической ситуацией, их не хватает. Средства Фонда развития моногородов также весьма ограничены.

По состоянию на 1 января 2017 г. фондом заключено 57 генеральных соглашений о сотрудничестве по развитию 64 моногородов с 34 субъектами Российской Федерации, а также 18 соглашений о софинансировании создания инфраструктуры в моногородах, в соответствии с которыми общий объем принятых финансовых обязательств составил 8,65 млрд р.¹ Простые математические расчеты позволяют определить средний размер финансовой помощи для одного моногорода. Это примерно 15 млн р., что, конечно, значительно

¹ Демографическая и семейная политика: некоторые важные результаты и показатели 2016 года (<http://government.ru/info/27261/>).

ниже реальных затрат на проведение диверсификации.

Поэтому на сегодняшний день привлечение дополнительных инвестиций в местную экономику, несмотря на их жизненную необходимость, сталкивается с серьезными трудностями. Преодолеть их самостоятельно моногородам не под силу [15].

В этой связи для усиления государственной поддержки диверсификации моногородов представляется целесообразным создание Центра инвестиций как структуры, координирующей и иницирующей в масштабах страны инвестиционные процессы в моногородах. Формирование единой базы данных о реальных и потенциальных инвесторах, подбор инвестиционных площадок для реализации проектов с максимальным учетом стратегических направлений развития моногородов и их градообразующих предприятий позволило бы повысить эффективность проводимой диверсификации. Для самих инвесторов заключение инвестиционных соглашений с государственной структурой значительно повысило бы их надежность. Тем самым удалось бы снизить присущие процессу диверсификации инвестиционные риски.

Список литературы

1. Баева, М. А. Выбор направлений диверсификации экономики моногорода / М. А. Баева // *Соврем. наука: актуал. проблемы и пути их решения.* — 2013. — № 5. — С. 26—31.
2. Иванова, О. П. Критерии оценки проектов диверсификации экономики моногорода / О. П. Иванова, Г. Д. Антонов, И. С. Антонова // *Сиб. финанс. шк.* — 2015. — № 1 (108). — С. 13—15.
3. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Э. В. Пешина, Е. Г. Анимица, В. С. Бочко, П. Е. Анимица ; под науч. ред. А. И. Татаркина, М. В. Фёдорова. — Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. — 81 с.
4. Крюкова, Е. М. Определение моделей диверсификации и развития моногородов на основе применения методики экономической оценки эффективности / Е. М. Крюкова // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки.* — 2015. — № 5 (145). — С. 178—186.
5. Манаева, И. В. Методический подход к разработке сценариев социально-экономического развития моногорода / И. В. Манаева // *Ямальс. вестн.* — 2016. — № 1 (6). — С. 21—30.
6. Манаева, И. В. Методические рекомендации по выбору сценария развития моногорода / И. В. Манаева, Ю. В. Болтенкова // *Проблемы развития территории.* — 2016. — Вып. 6 (86). — С. 196—208.
7. Недорезова, О. Ю. Моногорода в России: особенности, тенденции, перспективы / О. Ю. Недорезова // *Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем.* Елабуга, 19—20 нояб. 2015 г. : сб. тр. конф. — Елабуга, 2015. — С. 285—288.
8. Пыткин, А. Н. Современные аспекты трансформации промышленных моногородов / А. Н. Пыткин, А. Н. Ласунов // *Рос. предпринимательство.* — 2014. — № 21 (267). — С. 54—60.
9. Растворцева, С. Н. Развитие методического обеспечения оценки прогнозирования социально-экономического состояния моногорода / С. Н. Растворцева, И. В. Манаева. — М. : Экон-Информ, 2016. — 113 с.
10. Ризов, А. Д. Моделирование управления и прогнозирования социально-экономического развития депрессивных регионов / А. Д. Ризов // *Дискуссия.* — 2014. — № 4 (45). — С. 93—97.
11. Ризов, А. Д. Старопромышленные моногорода: стратегии устойчивого развития в условиях инновационной экономики / А. Д. Ризов // *Стратегия устойчивого развития регионов России.* — 2016. — № 33. — С. 40—45.

12. Ряховская, А. Н. Роль государственных программ в развитии моногородов / А. Н. Ряховская, С. Е. Кован, О. Г. Крюкова ; под ред. проф. А. Н. Ряховской. — М. : Магистр, 2014. — 63 с.
13. Ротенберг, Р. Б. Стратегическое регулирование процессов структурных преобразований в экономике моногорода / Р. Б. Ротенберг // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 2 (32). — С. 67—78.
14. Соколова, Г. Н. Инструменты диверсификации экономики моногорода / Г. Н. Соколова, А. Е. Яковлев, Н. В. Морозова // Соврем. тенденции развития науки и технологий. — 2015. — № 6—8. — С. 123—125.
15. Шаститко, А. Е. Моногорода: новый взгляд на старую проблему / А. Е. Шаститко, А. Ф. Фатинова // Балтийск. регион. — 2015. — № 1 (23). — С. 7—35.
16. Ярушкина, Н. А. Конкуренентоспособность моногорода как фактор и результат развития градообразующего предприятия / Н. А. Ярушкина, Э. Г. Матюгина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2015. — № 10. — С. 43—53.

Сведения об авторах

Колесник Елена Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. gmu@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 47—52.*

THREATS AND RISKS OF DIVERSIFICATION OF ECONOMY OF MONO-INDUSTRIAL TOWNS

Ye.A. Kolesnik

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. gmu@csu.ru

The article describes the main strategy of development of Russian mono-industrial towns with poor socio-economic situation. The most common among them is the diversification of the mono-industrial economic. Despite the unquestionable benefits of diversification, the author lists the risks and threats associated with its implementation, and the questioning of its effectiveness. Formulated the necessary conditions for effective diversification, taking into account the possibility of using the potential of the main enterprise and its personnel to meet the strategic development of the mono-industrial towns, the necessity of preserving the uniqueness of the local community and its culture, the availability of government support. Special attention is paid to the development of proposals on strengthening investment activity of the state directed on selection of investors to mono-industrial towns with the above conditions.

Keywords: *mono-industrial towns, development strategy, diversification, efficiency of diversification, risks and threats of diversification.*

References

1. Baeva M.A. Vybora napravleniy diversifikatsii ekonomiki monogoroda [The choice of directions of economic diversification of mono-industrial town]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya* [Modern science: current problems and ways to solve them], 2013, no. 5, pp. 26—31. (In Russ.).
2. Ivanova O.P. Kriterii otsenki proektov diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Criteria for evaluating projects for diversifying the economy of mono-industrial town]. *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School], 2015, no. 1 (108), pp. 13—15. (In Russ.).
3. Peshina E.V., Animitsa Ye.G., Bochko V.S., Animitsa P.Ye. *Kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiya monoprofil'nogo goroda* [Conceptual approaches to the development of a strategy for the development of a single-city city]. Yekaterinburg, 2010. 81 p. (In Russ.).
4. Kryukova E.M. Opredeleniye modeley diversifikatsii i razvitiya monogorodov na osnove primeneniya metodiki ekonomicheskoy otsenki effektivnosti [Determination of models of diversification and development of single-industry towns based on the application of the methodology of economic evaluation of efficiency]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: The Humanities], 2015, no. 5 (145), pp. 178—186. (In Russ.).

5. Manaeva I.V. Metodicheskiy podkhod k razrabotke stsensariyev sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya monogoroda [Methodological approach to the development of scenarios for the socio-economic development of a single-industry city]. *Yamal'skiy vestnik* [Yamal Bulletin], 2016, no. 1 (6), pp. 21—30. (In Russ.).

6. Manaeva I.V. Metodicheskiye rekomendatsii po vyboru stsensariya razvitiya monogoroda [Methodological recommendations for the selection of a single-industry development scenario]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 2016, no. 6 (86), pp. 196—208 (In Russ.).

7. Nedorezova O.Yu. Monogoroda v Rossii: osobennosti, tendentsii, perspektivy [Monocities in Russia: Features, Trends, Prospects]. *Sotsiokul'turnaya sreda rossiyskoy provintsii v proshlom i nastoyashchem* [Sociocultural environment of the Russian province in the past and present]. Elabuga, 2015. Pp. 285—288. (In Russ.).

8. Pytkin A.N. Sovremennyye aspekty transformatsii promyshlennykh monogorodov [Modern aspects of the transformation of industrial monocities]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2014, no. 21 (267), pp. 54—60. (In Russ.).

9. Rastvortseva S.N. *Razvitiye metodicheskogo obespecheniya otsenki prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo sostoyaniya monogoroda* [Development of methodological support for estimating the forecasting of the socio-economic state of a single-industry city]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2016. 113 p. (In Russ.).

10. Rizov A.D. Modelirovaniye upravleniya i prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya depressivnykh regionov [Modelling of management and forecasting of social and economic development of depressed regions]. *Diskussiya* [Discussion], 2014, no. 4 (45), pp. 93—97. (In Russ.).

11. Rizov A.D. Staropromyshlennyye monogoroda: strategii ustoychivogo razvitiya v usloviyakh innovatsionnoy ekonomiki [Old-industry monocities: sustainable development strategies in an innovative economy]. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii* [Strategy of sustainable development of Russian regions], 2016, no. 33, pp. 40—45. (In Russ.).

12. Ryakhovskaya A.N. *Rol' gosudarstvennykh programm v razvitiy monogorodov* [The role of state programs in the development of single-industry towns]. Moscow, Magistr Publ., 2014. 63 p. (In Russ.).

13. Rotenberg R.B. Strategicheskoye regulirovaniye protsessov strukturnykh preobrazovaniy v ekonomike monogoroda [Strategic regulation of the processes of structural transformation in the economy of a single-industry city]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 2 (32), pp. 67—78. (In Russ.).

14. Sokolova G.N. Instrumenty diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Tools for diversifying the economy of a single-industry city]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* [Modern trends in the development of science and technology], 2015, no. 6—8, pp. 123—125. (In Russ.).

15. Shastitko A.E. Monogoroda: novyy vzglyad na staruyu problemu [Monotown: a new look at the old problem]. *Baltiyskiy region* [The Baltic region], 2015, no. 1 (23), pp. 7—35. (In Russ.).

16. Yarushkina N.A. Konkurentosposobnost' monogoroda kak faktor i rezul'tat razvitiya gradoobrazuyushchego predpriyatiya [Competitiveness of a single-industry city as a factor and result of the development of the city-forming enterprise]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: yesterday, today, tomorrow], 2015, no. 10, pp. 43—53. (In Russ.).

УДК 332.1
ББК 65.049

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Т. А. Верецагина¹, П. Я. Дегтярев¹, А. И. Тюнин^{1, 2}

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

По причине деиндустриализации негативного типа и в условиях современного системного кризиса подавляющее большинство малых городов России утратили импульсы к дальнейшему росту и качественному развитию. В статье сформулированы представления о причинах кризиса традиционной модели развития малых городов. Процесс их деградации проанализирован посредством специфической причинно-следственной связи — ловушки (порочного круга) развития. На примере Челябинской области рассмотрен типичный жизненный цикл малого города и оценена интенсивность процессов депопуляции в данном типе поселений. Предложены четыре сценария возрождения и устойчивого развития малых городов Южного Урала.

Ключевые слова: *малый город, жизненный цикл, деиндустриализация, депопуляция, ловушка (порочный круг) развития.*

В рыночных условиях особенно острой стала проблема устойчивого развития территорий, находящихся за пределами сфер влияния крупнейших городов, которые в площадном отношении доминируют в России и в которых сосредоточено около 40 % ее населения. Поселенческий каркас данных территорий составляют так называемые местные хозяйственные центры и прежде всего малые города. Традиционная модель их развития, сформировавшаяся в рамках плановой экономики, базировалась на преимущественно экстенсивной индустриализации «сверху» и характеризовалась нарастающими дисбалансами между градообразующим и градообслуживающим секторами хозяйства.

Предпринятое авторами исследование имеет целью не просто вскрыть причины кризиса традиционной модели развития малых городов, но и интерпретировать их «развитие» в последние 50—60 лет как деградацию.

В качестве полигона исследования избрана Челябинская область — типичный старопромышленный регион¹. На ее территории насчитывается 25 малых городов, в том числе 16 моногородов — узкоспециализированных, наиболее проблемных, в которых проживает почти 1,2 млн чел. (более 33 % общей численности населения региона и 42 % городского) [2].

На протяжении XX в. количество малых городов в России возросло, а их доля в населении страны уже в 1960-е гг. прекратила рост. Одно-

временно наблюдался ускоренный рост доли в населении страны больших городов (табл. 1).

Социально-экономическое положение малых городов, «сжатие» их хозяйственного и демографического потенциала уже более полувека является объектом научного осмысления [1; 3; 10; 13; 15]. На современном этапе экономического развития данная проблема приобрела новую окраску, поскольку переход к рынку со всей очевидностью обнаружил экономическую несостоятельность целого ряда производств, созданных в советский период [2]. В стране усилились центроостремительные тенденции («сдвиг деловой активности в крупнейшие центры»). Общество стало более мобильным при выборе мест проживания и работы. Наиболее активная часть трудового контингента в поисках работы и лучшего качества жизни в буквальном смысле стала «голосовать ногами», вовлекаясь или в процесс безвозвратной миграции, или работая вне места постоянной регистрации (маятниковые и вахтовые миграции).

Фактически за последние 20—30 лет малые городские поселения превратились в главный *фокус сосредоточения проблем, характерных для деградирующей экономики.*

Малый город как средоточие процессов экономической активности может жить и развиваться только в рамках двух моделей: 1) *модель экзогенного роста* (за счет внешнего импульса, то есть приобретения городом экономических функций общенационального масштаба — модель развития «сверху»); 2) *модель эндогенного роста* (за счет внутреннего импульса, то есть перехода на модель самодостаточного развития). У сотен городов страны *по причине деиндустриализации*

¹ Старопромышленный регион — это территория давнего индустриального освоения (первая и вторая промышленные революции), в отраслевой структуре хозяйства которых доминируют отрасли, не являющиеся лидерами современного этапа научно-технического прогресса.

Таблица 1

Динамика городского расселения в России

Год	Число городов		Доля в населении страны, %	
	Малых и средних	Больших (св. 100 тыс. чел.)	Малых и средних	Больших (св. 100 тыс. чел.)
1926	498	22	8	7,3
1959	775	92	17,4	26,9
2010	936	144	18,8	48,9

Составлено и рассчитано по: [5]; [12].

негативного типа больше нет внятных перспектив развития. Отсутствие внешних и внутренних импульсов к развитию — главная причина «сжатия» демографического и хозяйственного потенциала большинства малых городов. Именно поэтому они становятся главным средоточием экономических, социальных и экологических проблем.

Особенности и проблемы развития малых городов достаточно общие и могут быть описаны посредством следующих логических схем:

1. *Малолюдность и бюджетная несамодостаточность* → невозможность развития полноценной социально-бытовой (жизнеобеспечивающей) инфраструктуры → негативный имидж территории.
2. *Монопрофильный характер экономики* → узость рынка труда → миграционный отток молодежи и низкая закрепляемость трудовых кадров.
3. *Низкий платежеспособный спрос* → «мелкий» рынок → отрицательный эффект масштаба → торможение развития.

Отдельные проявления системного, то есть всеохватного кризиса в их развитии имели место уже в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Совсем не случайно, что первая научная работа, посвященная убыли населения в малых городах Челябинской области, была опубликована в 1972 г. [4]. Из проведенных авторами расчетов следует, что в 1959—1989 гг. в Челябинской области почти для половины малых городов региона был характерен рост численности населения. С начала 1990-х гг. для всех малых городов стала характерна убыль населения — депопуляция (табл. 2).

Таблица 2

Изменение тренда в динамике численности населения малых городов Челябинской области

Период	Оценка тренда
1959—1989	Прирост в 12 городах (48 % от общего числа малых городов)
1990—2016	Убыль в 25 городах (100 %)

Рассчитано по: [11]; [12].

Под жизненным циклом какого-либо объекта понимают процессы последовательного изменения его состояний (от момента возникновения и до исчезновения) [8; 14]. Типичный жизненный цикл малых городов региона — это волна с повышательной и понижательной стадиями численности населения (рис. 1).

С целью корректной оценки интенсивности процессов депопуляции в малых городах региона были проанализированы статистические данные за период 1926—2016 гг. по каждому поселению и выявлен год достижения ими максимальной численности.

Интенсивность процесса депопуляции может быть оценена через сопоставление максимальной численности населения за весь период существования городского поселения (N_{max}) с его современной численностью (N_{2016}). Так, Карабаш достиг максимальной численности населения в 1930-е гг., Коркино и Нязепетровск — в 1950-е, Верхний Уфалей — в 1960-е. К началу 2016 г. некоторые города региона потеряли свыше половины населения по отношению к историческому максимуму численности (табл. 3).

К убыли населения прибавились новые проявления кризиса традиционной модели развития: деградация градообразующих предприятий (утрата прежних экономических функций, без адекватного замещения их новыми — передовыми и прогрессивными), ускоренный регресс инфраструктуры жизнеобеспечения, неблагоприятный социальный микроклимат и др. (табл. 4).

И все это на фоне доминирования частнохозяйственной идеологии в развитии. Узость рынка труда вследствие моноотраслевой специализации и деградация градообразующих предприятий усиливают миграционный отток из малых городов, формируют своеобразный порочный круг нищеты, прозябания и маргинализации. Малый город, лишенный экономических функций, из места проживания молодых и трудоспособных превращается в место доживания лиц старших возрастных групп.

Проблемный характер малых городов обусловлен несоответствием их демографического (Дп)

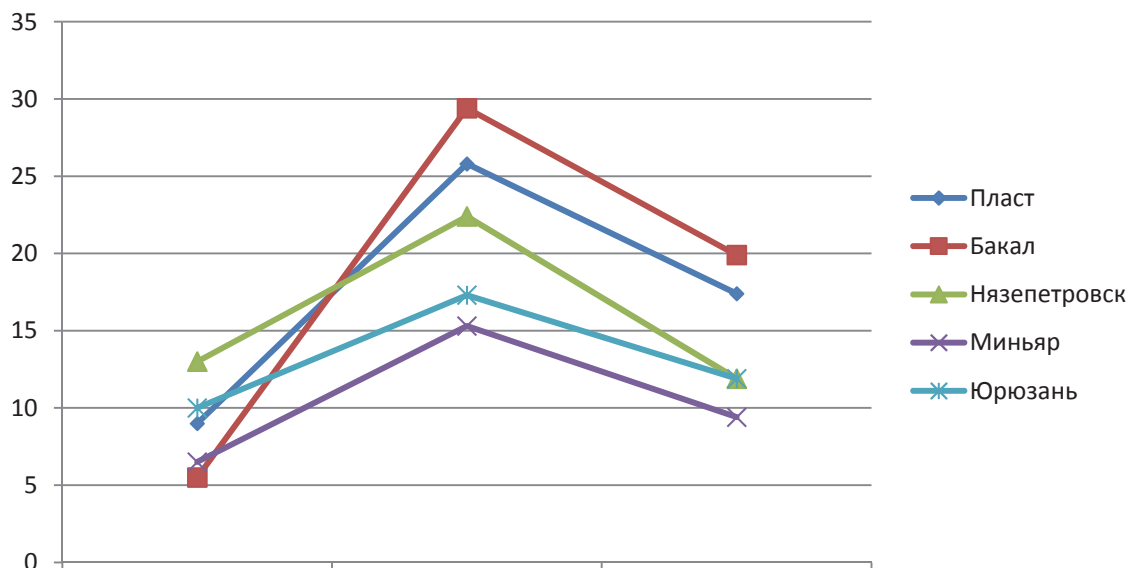

Рис. 1. Типичные жизненные циклы малых городов Челябинской области, людность, тыс. чел.

Таблица 3

Депопуляция малых городов Челябинской области, тыс. чел.

Населенный пункт	Максимальная людность / год ее достижения	Численность постоянного населения, 1.01.2016	Убыль населения к тах людности, %
Города горнозаводской зоны			
Аша	39 100 / 1992	30 146	29,7
Миньяр	16 000 / 1967	9 459	40,8
Сим	21 329 / 1979	13 365	37,3
Усть-Катав	31 400 / 1992	22 627	27,9
Катав-Ивановск	24 972 / 1989	16 333	34,5
Юрюзань	18 294 / 1989	11 908	34,9
Бакал	31 000 / 1967	19 942	35,6
Сатка	51 000 / 1992	42 437	16,7
Куса	22 800 / 1992	17 521	23,1
Касли	21 837 / 1959	16 488	24,4
Карабаш	38 300 / 1939	11 336	70,4
Кыштым	42 852 / 1989	38 604	9,9
Верхний Уфалей	40 000 / 1967	28 267	29,3
Относительно изолированные города			
Троицк	91 000 / 1986	75 828	16,6
Карталы	42 801 / 1970	28 697	32,9
Нязепетровск	22 497 / 1959	12 061	46,3
Верхнеуральск	17 400 / 1913	9 321	46,4
Города, входящие в Челябинскую городскую агломерацию			
Еманжелинск	36 000 / 1967	29 487	18,0
Коркино	84 962 / 1959	35 186	58,5
Пласт	25 897 / 1959	17 483	32,4
Чибаркуль	51 800 / 1996	40 609	21,6
Южноуральск	41 700 / 1992	37 716	9,5
Города — закрытые административно-территориальные образования			
Озерск	91 800 / 2003	80 070	12,7
Снежинск	50 500 / 2003	49 746	1,49
Трехгорный	34 700 / 2007	32 540	6,22

Рассчитано по: [11]; [12].

Таблица 4

Причины кризиса традиционной модели развития малых городов

Причины	Отдельные проявления
Экономические	Узость рынка труда и деиндустриализация негативного типа Бюджетная несамодостаточность большинства муниципальных образований (собственные и регулируемые доходы)
Социальные	Опережающий рост стоимости жизни на периферийных территориях по отношению к крупным городам Ускоренная деградация инфраструктуры жизнеобеспечения на периферийных территориях (здравоохранение, образование, общественный транспорт и др.) Изменение предпочтений граждан относительно мест приложения труда и проживания; новые стандарты потребления Маргинализация социума
в том числе демографические	Механическая убыль населения Естественная убыль населения Ухудшение возрастной структуры населения
Институциональные	Декларативный характер государственной региональной политики в отношении проблемных ареалов Доминирование частнохозяйственной идеологии в развитии
Пространственные	Специфика российской урбанизации Ухудшение транспортно-географического положения в общей системе расселения в связи со смещением акцентов в пространственном развитии Стихийный процесс формирования агломераций на базе крупнейших городов

и производственного (Пп) потенциалов: трудовые ресурсы малых городов неэффективно используются:

$$Дп > Пп.$$

Данный дисбаланс складывался десятилетиями, и было бы наивно думать разрешить его в кратчайшие сроки. Проблема многих малых городов как раз в том и состоит, что они даже на местном (локальном) уровне не включены в хозяйственные связи, развиваются вне контекста потребностей региона (за счет эффективной внутриобластной кооперации между предприятиями), созданы «сверху» и потому неполноценны в условиях деградирующей экономики.

По нашему мнению, процесс деградации малых городов может быть описан посредством цепочки причин и следствий (рис. 2). Таким образом, если указанные в «цепочке» тенденции не будут переломлены, в перспективе все большая часть населения и производства будет сосредоточиваться в крупнейших городах и их пригородных зонах.

При отсутствии внятных экономических функций главным фактором существования города становится его географическое положение. Роль позиционного эффекта в развитии чрезвычайно возрастает. Под позиционным эффектом предлагаем понимать конкурентные преимущества, обусловленные выгодным местоположением малого города относительно так называемых каркасных

территорий — крупнейших городов и связующих их инфраструктурных жгутов. Приходим к важному обобщению: чем хуже относительное местоположение малого города по отношению к крупным центрам и транспортным коридорам межрегионального значения, тем ниже его жизнеспособность в условиях деградирующей экономики.

Современная реакция научного сообщества на системный кризис малых городов [7; 9] расценивается нами как ошибочная и несистемная. На системный кризис и ответ должен быть системным. Вместо этого во второй половине 2016 г. было принято решение о присвоении некоторым наиболее проблемным городам страны статуса территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). В Челябинской области статус ТОСЭР получили два города: Бакал и Верхний Уфалей. Благодаря особому статусу предприятиям — резидентам ТОСЭР обещают предоставить ряд льгот. Например, налог на добычу полезных ископаемых будет снижен до 0 % в течение первых четырех лет с постепенным повышением до 100 %. Налог на прибыль будет снижен до 5 % в течение пяти лет и на 10 % в течение десяти лет. Резиденты ТОСЭР будут освобождены от налога на имущество. Социальные взносы для работодателей будут снижены с 30 до 7,6 % в течение 10 лет и др.

Но снизить налоги для собственников капитала и развивать города — это не одно и то же! Инвестировать нужно в человеческий капитал и жизне-

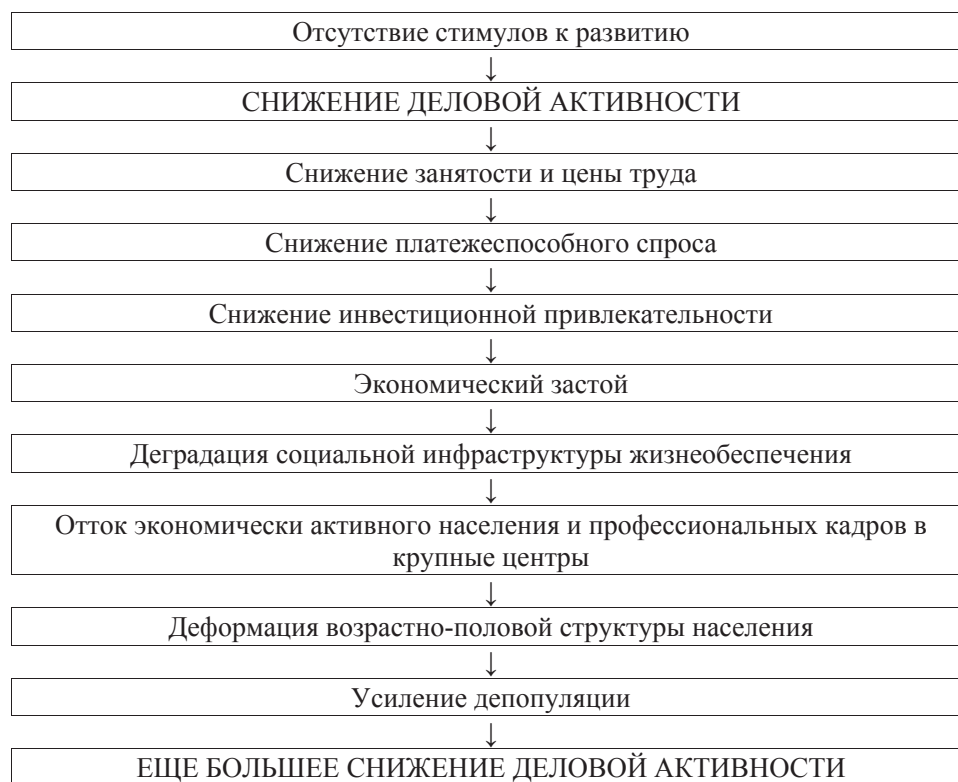

Рис. 2. Порочный круг (ловушка) развития малых городов в рамках традиционной модели

обеспечивающую инфраструктуру малых городов. Они должны стать самыми привлекательными для проживания. Власти почему-то считают, что для развития проблемных городских поселений достаточно иметь свободные земельные участки, свободные трудовые ресурсы и льготные налоги. А что получают рядовые граждане этих городов, кроме низкой зарплаты и низкого качества городской среды? Кто и из каких источников финансирования будет восстанавливать социальную инфраструктуру малых городов? Она находится в таком плачевном состоянии, что о развитии вести речь пока преждевременно.

Окончательные выводы об эффективности статуса ТОСЭР как инструмента развития делать преждевременно. Но в условиях, когда в стране отсутствуют эффективные механизмы борьбы с мошенничеством в экономической сфере, нельзя исключать возможности их превращения во внутренние офшоры. В них будут «скрываться» от налогообложения юридические лица и «опережающее развитие» на проверку может оказаться очередной аферой с целью обогащения узкого круга лиц. Данное предположение основывается на практике функционирования в России свободных (с 1990-х гг.) и особых (с 2006 г.) экономических зон (СЭЗ и ОЭЗ). Разница между СЭЗ, ОЭЗ и ТОСЭР лишь в том, что на развитие последних не предполагается привлечение средств из федерального бюджета.

К сожалению, официальные власти продолжают испытывать гипертрофированные иллюзии относительно оздоровления наиболее проблемных городов за счет имитации активной экономической политики по отношению к ним. Из ничего и получится ничего! К глубокому сожалению, СМИ активно тиражируют сказки о том, что «завтра проблемы монопрофильных поселений будут решены». В условиях деградации они не только не будут решены, но и выйдут на новый уровень остроты.

Мы считаем, что превращение территорий со значительным потенциалом для развития в «неперспективные» — во многом результат перехода России на модель экспортно-ориентированной экономики неполного цикла. В стране получают достаточный импульс к развитию только немногочисленные анклавные, подключившиеся к глобальной экономике, а именно: ареалы добычи первичных энергоресурсов; столичные сервисные ареалы (обслуживающие финансовые потоки); крупнейшие города-миллионники; некоторые средние и малые города с экспортными производствами полупродуктового и сырьевого типа. Все прочие территории подвергаются процессу экономического опустынивания. Следовательно, решение проблемы малых городов следует искать в рамках такой экономической политики, которая бы в большей степени отвечала национальным

интересам и приближалась по своим основным параметрам к внутренне ориентированной экономике полного цикла.

При разработке «дорожной карты» ревитализации малых городов Челябинской области на период до 2030 г. предлагаем реализовать несколько сценариев их качественного развития.

Сценарий 1. Малые города как местные центры, возглавляющие развитие тяготеющих к ним сельских территорий. При реализации данного подхода в городах следует развивать перерабатывающие отрасли АПК и сферу бытового обслуживания. Сценарий в наибольшей мере отвечает условиям Аграрного Юга (Карталы, Верхнеуральск, Троицк). Здесь желательно развивать комплексную переработку зерна (мукомолье, крупяное производство, комбикормовая промышленность и др.), молока (сыроварение, молочноконсервная промышленность), мяса и шерсти.

Сценарий 2. Малые города как центры размещения цехов и филиалов головных предприятий больших городов. Сценарий в наибольшей мере отвечает условиям Горнозаводского района (Сим, Миньяр, Касли, Кыштым, Катав-Ивановск) и спутникам Челябинска. Развитие этих городов в рамках «филиальной экономики» повысит их конкурентоспособность, позволит модернизировать устаревшие технологии (за счет более развитых центров).

Сценарий 3. Малые города как центры науки и высоких технологий. Сценарий в наибольшей мере отвечает условиям ЗАТО (Трехгорный, Снежинск, Озерск). В этих центрах еще в советский период сложилась мощная научно-исследовательская и опытно-конструкторская база. Они могут стать центрами диффузии инноваций в гражданский сектор экономики.

Сценарий 4. Малые города как центры туризма и рекреации. Сценарий может быть реализован в развитии таких городов, как Чебаркуль, Миньяр,

Юрюзань, и некоторых других. Данные города следует рассматривать в качестве центров, организующих туристические потоки.

На основании изложенного приходим к следующим обобщениям:

1. На современном этапе развития малые города — это главный территориальный фокус сосредоточения экономических, социальных и экологических проблем деградирующей национальной экономики.
2. Проблемы в развитии малолюдных и монофункциональных городских поселений накапливались на протяжении многих десятилетий (с 1960-х гг.) и не являются только следствием трансформации плановой экономики в квазирыночную.
3. Традиционная модель развития малых городов себя исчерпала, а новая не может быть реализована в рамках доминирования в стране частнохозяйственной идеологии, отражающей интересы компрадорской буржуазии.
4. Хронические недовложения средств в инфраструктуру малых городов поставили их на грань коммунальной катастрофы. Низкое качество городской среды стимулирует миграционный отток экономически активного населения.
5. Люди, проживающие в малых городах и не имеющие возможностей мигрировать, становятся заложниками разваливающегося на их глазах хозяйства.

В заключение особо подчеркнем, что критически оценивать следует не объективные процессы пространственной самоорганизации общества (усиление крупногородских тенденций), а анклавный характер развития страны в условиях сырьевой — полупродуктовой экономики неполного цикла.

Список литературы

1. Анимица, Е. Г. Градоведение / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова // Междунар. журн. эксперим. образования. — 2006. — № 11.
2. Дегтярев, П. Я. Экономика деградации. / П. Я. Дегтярев. — Челябинск : Край РА, 2017. — 320 с.
3. Баканов, С. А. Депрессивные города Урала в 1960—1980-е годы: Анализ социально-экономических и демографических факторов : монография / С. А. Баканов. — Челябинск, 2005. — 192 с.
4. Кирин, Ф. Я. Проблемы малых городов Челябинской области / Ф. Я. Кирин // Вопр. географии Юж. Урала, 1972. — С. 32—44.
5. Лаппо, Г. М. География городов / Г. М. Лаппо. — М. : ВЛАДОС, 1997. — 427 с.
6. Лаппо, Г. М. Города России: Взгляд географа / Г. М. Лаппо. — М. : Новый хронограф, 2012. — 504 с.
7. Нещадин, А. Городская агломерация как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России / А. Нещадин, А. Прилепин // О-во и экономика. — 2010. — № 12. — С. 14—19.
8. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М. : АСТ, 2007. — 976 с.

9. Патрушев, А. В. Разделение России на 20 агломераций: реальность или утопия / А. В. Патрушев // Экономика региона. — 2011. — № 1. — С. 241—244.
10. Пивоваров, Ю. Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы / Ю. Л. Пивоваров. — М. : ВЛАДОС, 1999. — 232 с.
11. Челябинская область — 75 лет: прошлое и настоящее : стат. сб. — Челябинск : Челяб. обл. ком. гос. статистики, 2008. — 304 с.
12. Регионы России: Основные социально-экономические показатели городов, 2015. — М. : Росстат, 2016. — 984 с.
13. Функции городов и их влияние на пространство / под ред. Л. Г. Руденко. — Киев : Феникс, 2015. — 292 с.
14. Тургель, И. Д. Имитационное моделирование жизненного цикла моноспециализированного горного города / И. Д. Тургель, А. В. Зорин // Изв. УрГЭУ. — 2006. — № 2. — С. 75—80.
15. Хорев, Б. С. Проблемы городов / Б. С. Хорев. — М. : Мысль, 1971. — 416 с.

Сведения об авторах

Верещагина Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. vereshchagina48@mail.ru

Дегтярев Павел Яковлевич — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. dp19721@mail.ru

Тюнин Александр Иванович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. ait61@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 53—60.

CRISIS OF THE TRADITIONAL MODEL OF DEVELOPMENT SMALL CITIES

T.A. Vereshchagina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vereshchagina48@mail.ru

P.Ya. Degtyarev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dp19721@mail.ru

A.I. Tyunin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. ait61@mail.ru

Due to deindustrialization of the negative type and in the conditions of the current systemic crisis, the vast majority of small Russian cities lost their impulses for further growth and qualitative development. The article formulates the concept of the causes of the crisis of the traditional model of development of small towns. The process of their degradation is analyzed through a specific cause-effect relationship — a trap (vicious circle) of development. On the example of the Chelyabinsk region, a typical life cycle of a small city is considered and the intensity of the depopulation process in this type of settlements is estimated. Four scenarios of the revival and sustainable development of small towns of the Southern Urals are proposed.

Keywords: *small city, life cycle, deindustrialization, depopulation, trap (vicious circle) of development.*

References

1. Animitsa E.G., Vlasova N.Y. Gradovedeniye [City studies]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International journal of experimental education], 2006, no. 11 (In Russ.).
2. Degtyarev P.Ya. *Ekonomika degradatsii* [Economics of degradation]. Chelyabinsk, 2017. 320 p. (In Russ.).

3. Bakanov S.A. *Depressivnye goroda Urala v 1960—1980-e gody: Analiz sotsial'no-ekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov* [Depressive cities of the Urals in the 1960—1980s: Analysis of socio-economic and demographic factors]. Chelyabinsk, 2005. 192 p. (In Russ.).
4. Kirin F.Ya. Problemy mal'nykh gorodov Chelyabinskoy oblasti [Problems of small towns of the Chelyabinsk region]. *Voprosy geografii Yuzhnogo Urala* [Questions of geography of the Southern Urals]. Chelyabinsk, 1972. Pp. 32—44. (In Russ.).
5. Lappo G.M. *Geografiya gorodov* [Geography of cities]. Moscow, Vldos Publ., 1997. 427 p. (In Russ.).
6. Lappo G.M. *Goroda Rossii: Vzglyad geografa* [Cities of Russia: The Geographer's View]. Moscow, New chronograph Publ., 2012. 504 p. (In Russ.).
7. Neshchadin A., Prilepin A. Gorodskaya aglomeratsiya kak instrument dinamichnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Urban agglomeration as an instrument of dynamic social and economic development of Russian regions]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2010, no. 12. pp. 14—19. (In Russ.).
8. *Noveyshiy slovar' inostrannykh slov i vyrazheniy* [The newest dictionary of foreign words and expressions]. Moscow, 2007. 976 p. (In Russ.).
9. Patrushev A.V. Razdeleniye Rossii na 20 aglomeratsiy: real'nost' ili utopiya [The division of Russia into 20 agglomerations: reality or utopia]. *Ekonomika regiona* [The economy of the region], 2011, no. 1, pp. 241—244. (In Russ.).
10. Pivovarov Y.L. *Osnovy geourbanistiki: Urbanizatsiya i gorodskie sistemy* [Fundamentals of geourbanistics: Urbanization and urban systems]. Moscow, 1999. 232 p. (In Russ.).
11. *Chelyabinskaya oblast' — 75 let: proshloye i nastoyashcheye. Stat. sb.* [Chelyabinsk region — 75 years: past and present. Statistical compendium]. Chelyabinsk, 2008. 304 p. (In Russ.).
12. *Regiony Rossii: Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli gorodov* [Regions of Russia: Basic social and economic indicators of cities]. Moscow, 2016. 984 p. (In Russ.).
13. *Funktsii gorodov i ikh vliyaniye na prostranstvo* [Functions of cities and their influence on space]. Kiev, 2015. 292 p. (In Russ.).
14. Turgel' I.D., Zorin A.V. Imitatsionnoye modelirovaniye zhiznennogo tsikla monospetsializirovannogo gornogo goroda [Simulation modelling of the life cycle of a mono-specialized mining city]. *Izvestiya UrGEHU* [Izvestiya UrGeU], 2006, no. 2, pp. 75—80. (In Russ.).
15. Horev B.S. *Problemy gorodov* [Problems of cities]. Moscow, 1971. 416 p. (In Russ.).

УДК 338.43
ББК 65.32

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДСТВА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОГО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Д. Г. Галкин

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия

Параллельное существование исторически сменяющих друг друга систем производства продовольствия в различных странах актуализирует необходимость развития концепции устойчивой интенсификации производства продовольствия: выделения субъектов и объектов, целей управления, методов и средств их достижения. Представлены рекомендации по формированию организационно-экономического механизма управления развитием производства экологически чистого продовольствия, выделены его элементы, определена роль государства. В качестве экономической составляющей механизма определены инструменты, меры государственной поддержки, в качестве организационной — механизм взаимодействия государства, науки и бизнеса. Использованы общенаучные методы изучения экономических явлений и процессов. Результаты вносят определенный вклад в теорию и методологию развития производства экологически чистого продовольствия.

Ключевые слова: *управление, организационно-экономический механизм, сельское хозяйство, экология, продовольствие, государство, наука, предпринимательство, инновационное развитие.*

Автором выдвинута гипотеза о том, что усовершенствованная концепция устойчивой интенсификации производства продовольствия предоставит возможность реализации потенциала отдельных эколого-экономических зон и организаций на основе технологических, организационных и экономических мероприятий [1]. В связи с этим целесообразно развитие теоретических и методологических основ управления производством экологически чистого продовольствия.

Цель статьи заключается в разработке рекомендаций по созданию механизма управления развитием производства экологически чистого продовольствия для обеспечения устойчивости его функционирования.

Под инновационным развитием производства экологически чистого продовольствия автор понимает последовательный эволюционный переход отраслей агропромышленного комплекса региона к устойчивому состоянию за счет появления синергетических эффектов в результате нового сочетания факторов производства, обеспечивающих сохранение или повышение качества окружающей среды, природных ресурсов, здоровья населения, достижение заданного уровня экономического роста [1].

Представление методологии как учения об организации деятельности предполагает описание субъектов и объектов, целей управления, методов и инструментов их достижения.

Системный подход позволяет представить управление производством экологически чистого продовольствия в виде управляющей и управля-

емой подсистем (субъект и объект управления). Управление производством экологически чистого продовольствия должно реализовываться в институциональной среде, создающей условия для концентрации организаций вокруг научно-исследовательских и образовательных учреждений, способных удовлетворять спрос на научные разработки. *Управляющую подсистему* можно рассматривать в качестве совокупности объектов управления (органов управления на федеральном и субфедеральном уровнях, научно-исследовательских и образовательных учреждений, межмуниципальных ассоциаций, кооперации сельскохозяйственных организаций), которая с применением методов и инструментов осуществляет целенаправленное воздействие на управляемую подсистему.

Инновационное развитие производства экологически чистого продовольствия предполагает наличие трех управляющих подсистем более низкого порядка.

Первую — государственную — образуют органы управления отраслями на федеральном и субфедеральном уровнях. Управление производством экологически чистого продовольствия на этом уровне связано с разработкой и реализацией мер, направленных на устойчивое и взаимосвязанное развитие научного сектора и организаций сфер АПК. *Вторую* — научно-образовательную — составляют научно-исследовательские и образовательные учреждения, обеспечивающие подготовку квалифицированных кадров, создание новых сортов растений и пород животных,

техники и технологий, экологически чистых удобрений, кормов для животных, ветеринарных лекарственных препаратов. Кроме того, на подсистему возлагается разработка научных рекомендаций и прогнозов инновационного развития производства экологически чистого продовольствия. *Третью* — предпринимательскую — образуют сельскохозяйственные и перерабатывающие организации, призванные удовлетворить общественные потребности в экологически чистом продовольствии. Предполагается, что функционирование организаций возможно на основе стратегий, совмещающих функции управления (планирования, организации процессов, учета, контроля, мотивации, регулирования и координации, стратегического маркетинга) с различными фазами жизненного цикла экологически чистого продовольствия.

К *управляемой подсистеме* относятся: этапы создания фундаментальных и прикладных инноваций; факторы производства и их сочетание; экономические отношения, возникающие между участниками сегмента рынка экологически чистого продовольствия.

Воздействие на управляемую систему должно обеспечить достижение *главной цели* — повышение конкурентоспособности и устойчивости производства экологически чистого продовольствия на основе экспортно-ориентированной модели. На нижестоящем уровне предлагается система целей государственной, научно-образовательной и предпринимательской подсистем:

- выявление территорий и создание на них благоприятных условий для производства экологически чистого продовольствия (государство);
- наращивание научного потенциала, создание инноваций, защита объектов интеллектуальной собственности, рекомендации по управлению экономическими системами (наука и образование);
- переход к устойчивому развитию производства экологически чистого продовольствия на основе технологического и организационного обновления (предпринимательство).

В качестве совокупности способов и средств воздействия на управляемую подсистему следует использовать комплекс взаимосвязанных организационных и экономических мер, направленных на достижение вышеуказанных целей, — организационно-экономический механизм управления. К настоящему времени учеными разработано множество универсальных моделей механизма управления социально-экономическими системами, элементы которых могут способствовать

инновационному развитию производства экологически чистого продовольствия.

В частности, В. А. Иванов представил структуру экономического механизма инновационной деятельности в агропромышленном комплексе с учетом специфического характера инноваций в сельском хозяйстве. Основными элементами экономического механизма являются: государственная поддержка инноваций, планирование инноваций, стратегическое управление инновациями, финансирование инновационных процессов, ценообразование на инновационную продукцию, налогообложение и страхование инновационных рисков, маркетинг инноваций [2].

М. А. Матвеева предлагает разделять механизм управления инновациями на функциональные группы, в том числе механизмы: организации инновационной деятельности, создания инноваций, финансирования инновационной деятельности, мотивации разработчиков, технологического трансфера, интеллектуальной собственности, планирования и взаимодействия участников процесса создания инноваций [3].

М. Н. Чечурина при создании модели механизма инновационного развития руководствуется совокупностью методологических принципов: открытости экономических систем, неравномерности экономических процессов, необратимости экономической эволюции, нелинейности экономических преобразований, множественности путей достижения целей [4]. С ее точки зрения, целесообразность построения иерархической системы управления инновационным развитием связана с необходимостью согласования системных, групповых и индивидуальных интересов управляющих подсистем, а также с многообразием целей, на достижение которых ориентирована система.

По мнению Л. И. Ушвицкого, А. А. Тер-Григорьянца, управление инновационным развитием также основывается на соблюдении ряда методологических принципов, которые разделяются на общие и специальные. Исследователи считают, что управлять развитием систем можно с позиций единства процесса и результата. Инновационное развитие как процесс проходит ряд стадий, в частности: определение целей, обоснование путей их достижения, разработка комплекса мероприятий для достижения поставленных целей, меры на стадиях жизненного цикла и т. д. Инновационное развитие как результат связано с оценкой результативности целей инновационного развития [5].

Д. В. Ходос, З. Г. Шапорова представляют экономический механизм управления инновационным развитием как систему взаимосвязанных форм и способов организации и стимулирования

НИОКР, государственной поддержки. По мнению ученых, в основу организации и стимулирования инновационной деятельности в сельском хозяйстве должны быть положены принципы государственно-частного партнерства, позволяющие создавать механизмы, которые мотивировали бы бизнес к участию в развитии инновационных процессов [6].

С точки зрения Г. В. Суловицкой, И. И. Фролова, А. Ю. Сорокина, управление инновационным развитием целесообразно осуществлять через механизм стимулирования и мотивации, позволяющий создавать благоприятные условия для инновационной деятельности на мезоэкономическом уровне и уровне хозяйствующих субъектов [7].

Ю. И. Жевора и Д. С. Донецкий предлагают механизм стимулирования инновационного развития за счет прямых методов (программно-целевые, административно-ведомственные мероприятия) и косвенных (формирование инновационного климата, стимулирование создания инноваций через льготное кредитование и налогообложение, ускоренную амортизацию, государственное страхование займов) [8].

С другой стороны, развитие производства продовольствия на основе экосистемного подхода предполагает создание такого механизма управления, который способствовал бы уменьшению воздействия технологий производства на окружающую среду и одновременно повышал бы эколого-экономическую эффективность производства продовольствия.

В соответствии с требованиями экологических стандартов к производству, переработке, хранению и транспортировке продукции сельского хозяйства З. В. Никитина предлагает модель организационно-экономического механизма управления производством экологической продукции, включающего комплекс организационных и экономических мер [9].

О. Ю. Воронкова представляет организационно-экономический механизм развития и функционирования сельского хозяйства, ориентированного на производство органической продукции как последовательность действий и совокупность инструментов при осуществлении организационно-экономических, инновационно-технологических и управленческих мероприятий, направленных на оптимальную организацию производства в процессе перехода хозяйствующих субъектов на органическое производство [10].

Изучение существующих организационно-экономических механизмов управления развитием систем позволяет выделить авторскую модель механизма (рис. 1), основанную на сочетании прин-

ципов традиционного и экосистемного подходов к производству продовольствия, понятия «инновационное развитие производства экологически чистого продовольствия», обозначенных объектов и субъектов управления, их целей. Предлагаемый механизм представлен как системный комплекс мер, определяющих инновационное развитие производства экологически чистого продовольствия, функций оперативного, тактического, стратегического управления инновационной деятельностью.

Федеральному и субфедеральному уровням свойственны особенности управления производством экологически чистого продовольствия. Федеральный уровень включает действия государства, направленные на создание благоприятных условий в регионах для развития производства экологически чистой продукции и повышения эффективности использования региональных ресурсов. Субфедеральный уровень предполагает целевые действия региональных органов власти, направленные на наиболее эффективное использование ресурсов региона для развития производства экологически чистого продовольствия. На уровне хозяйствующих субъектов целесообразна реализация эталонных (базовых) стратегий инновационного развития производства продукции, а также проведение прикладных исследований.

Модель механизма (см. рис. 1) позволяет придать желаемое направление развитию производства экологически чистого продовольствия, способствующее достижению стратегических и тактических целей управления. Каждый уровень управления включает объект, субъект, ресурсы, формы, методы, инструменты, концепцию. Составляющие управления развитием производства экологически чистого продовольствия на федеральном уровне представлены на рис. 2.

Для достижения обозначенного результата мероприятия аграрной, научно-технологической, налоговой, таможенной, бюджетной, кредитной политики могут быть разделены на функциональные группы:

1. Прямые бюджетные выплаты: субсидирование краткосрочного кредитования, части затрат, связанных с производством; компенсация части затрат на страхование урожая.
2. Бюджетные выплаты, носящие стимулирующий характер: защита интересов товаропроизводителей во внешнеэкономической деятельности, государственные закупки экологически чистого продовольствия, создание системы экологической сертификации (технические регламенты и стандарты), поддержка аграрной науки (финансирование фундаментальных исследований), ценовая

Рис. 1. Модель организационно-экономического механизма управления развитием производства экологически чистого продовольствия

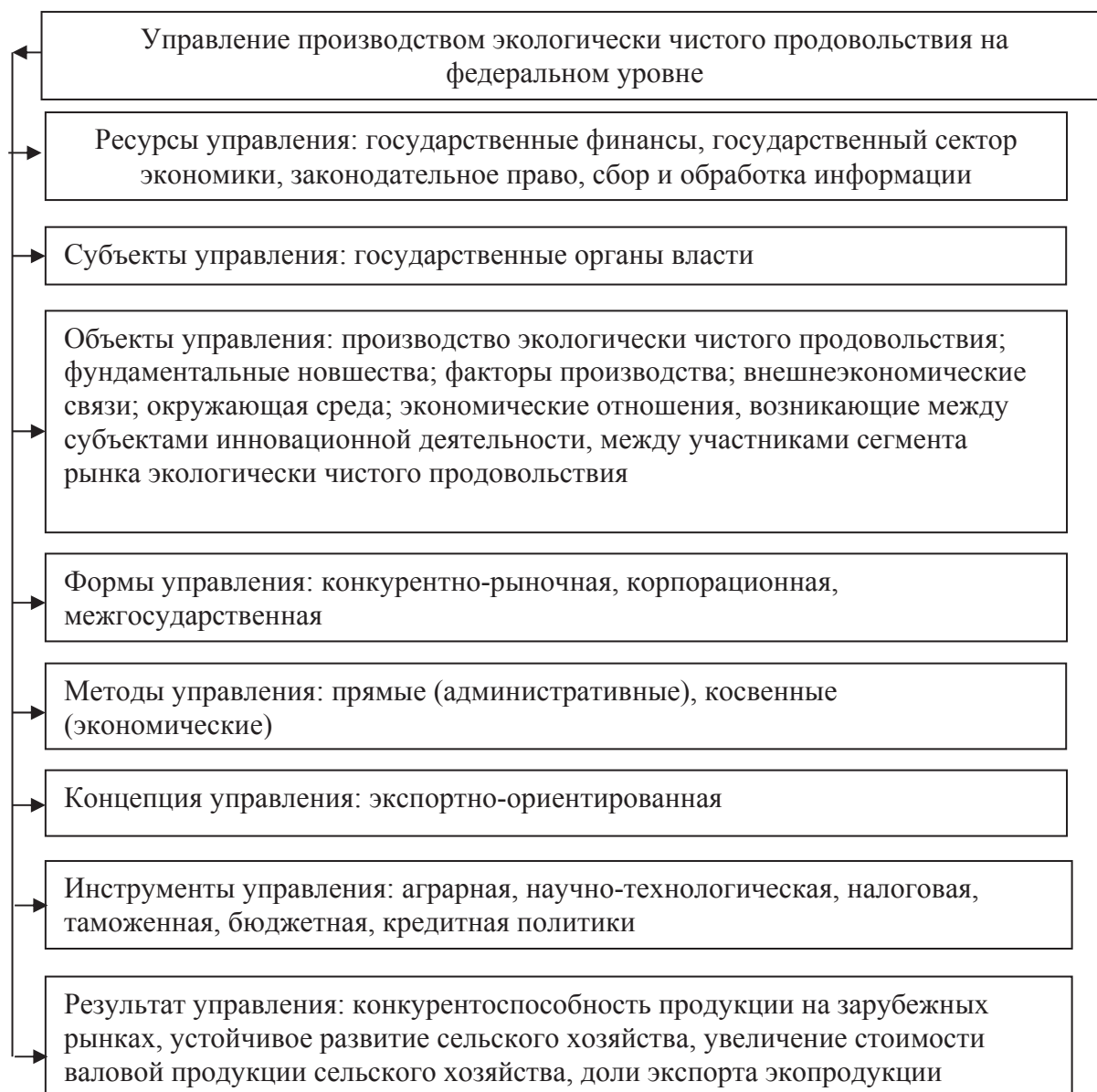

Рис. 2. Модель управления развитием производства экологически чистого продовольствия на федеральном уровне

политика (поощрительные цены и надбавки на экологически чистую продукцию).

3. Организационно-экономические мероприятия: реализация федеральных целевых программ, стимулирование природоохранной деятельности, создание специального налогового режима, формирование в существующей технологической платформе отдельного эколого-ориентированного направления развития АПК.

В соответствии с требованиями ГОСТ Р 56508-2015 «Продукция органического производства. Правила производства, хранения, транспортирования», ГОСТ Р 56104-2014 «Продукты пищевые органические. Термины и определения»,

СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» управление развитием производства экологически чистого продовольствия подразумевает реализацию нормативно-правовых, экономических и организационных мероприятий, представленных в таблице (с. 66). В свою очередь существующая зависимость между экономической выгодой и соблюдением экологических требований позволяет увязать экономические интересы и воздействие технологий производства на окружающую среду с помощью эколого-экономического стимулирования.

Таким образом, меры по развитию производства экологически чистого продовольствия, а именно:

**Мероприятия федерального уровня, способствующие
инновационному развитию производства экологически чистого продовольствия**

№	Мероприятия
1. Нормативно-правовая составляющая	
1.1	Определение типа модели национального рынка экологически чистого продовольствия: государственная (контроль осуществляется Министерством сельского хозяйства, гарантом качества сертификации является государство); смешанная (передача части полномочий частным организациям, сертифицирующим экопродовольствие); негосударственная (наличие крупной частной организации, осуществляющей функции по сертификации и надзору за сертифицирующими организациями более низкого порядка; по опыту Швеции и Нидерландов). В настоящее время модель не определена
1.2	Федеральные законодательные и иные нормативные акты, целевые программы, обеспечивающие организацию производства экологически чистого продовольствия. Приоритеты развития производства экопродовольствия нашли отражение в Доктрине продовольственной безопасности РФ [11], Государственной программе по развитию сельского хозяйства и регулированию рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. [12]. В 2018 г. в Государственную Думу внесен Законопроект «О производстве органической продукции» [13]. Направления развития производства экопродовольствия в целевых программах не выявлены
1.3	Документация, отражающая порядок признания продукции экологически чистой (согласование с международной стандартизацией). В 2014—2015 гг. разработаны ГОСТ Р 56104-2014 «Продукты пищевые органические. Термины и определения», ГОСТ Р 56508-2015 «Продукция органического производства. Правила производства, хранения, транспортирования», приближенные к базовым стандартам IFOAM [14] и регламенту ЕС об экологическом производстве и маркировке экологической продукции № 834/2007 [15]
1.4	Внутренние документы, регулирующие производство экологически чистой продукции (экологические индикаторы, сертификаты, маркировка, информационные центры, руководства по созданию экологически чистой продукции). В настоящее время ряд организаций оказывает услуги в области добровольной сертификации экопродовольствия, например: НП «Экологический союз» — маркировка «Листок жизни», АНО «ТЕСТ-Санкт-Петербург» — система сертификации продукции по критериям экологичности. Единые символы, отражающие принадлежность продовольствия к экологически чистому, не определены
1.5	Единые методические рекомендации по организации производства экологически чистой продукции для сельскохозяйственных организаций. Не приняты на федеральном уровне
2. Экономическая составляющая	
2.1	Мониторинг производства экологически чистого продовольствия, оценка ресурсного потенциала территорий и организаций, эффективности инновационных проектов, выделение экологически безопасных зон и районов
2.2.	Государственная поддержка производства экологически чистой продукции: стимулирующие условия инвестирования в технологии экологического земледелия; субсидирование части затрат на выполнение работ по землеустройству; льготный налоговый режим
2.3.	Государственные закупки экологически чистой продукции
2.4	Грантовая поддержка проектов, направленных на развитие экологически чистого продовольствия
2.5	Ценовая политика (ценовые надбавки на экологически чистую продукцию)
2.6	Стимулирование руководителей организаций на создание и развитие экологических производств, сохранение окружающей среды, повышение плодородия почвы
3. Организационная составляющая	
3.1	Контроль за соблюдением требований предъявляемых к производству экологически чистого продовольствия, состоянию окружающей среды
3.2	Распространение опыта производства экологически чистой продукции, повышение квалификации кадров
3.3	Экологическое воспитание и образование потребителей
3.4	Интеграция сельскохозяйственных, перерабатывающих, научных, образовательных, консалтинговых, сертификационных и других организаций в рамках отдельного эколого-ориентированного направления развития АПК

совершенствование законодательства, структуры сертифицирующих и надзорных учреждений, оказание финансовой, информационной и маркетинговой поддержки, интеграция сельскохозяйственных, перерабатывающих, научных, образовательных, консалтинговых, сертификационных и других организаций — целесообразно осуществлять в рамках отдельного стратегического направления АПК. При этом должны быть выделены такие инструменты, которые согласовывали бы интересы и тематики научных исследований на федеральном, субфедеральном уровнях, формировали бы единый сегмент рынка интеллектуальной собственности и новаций, способствуя инновационному развитию производства экологически чистой продукции.

Системный подход позволяет выделить в управлении производством экологически чистого продовольствия три управляющие подсистемы: государственную, научно-образовательную, предпринимательскую. Каждая из них и в совокупности, воздействуя на управляемую подсистему, стремится достичь обозначенных целей, выстроенных по принципу «дерева целей».

К управляемой подсистеме отнесено создание фундаментальных и прикладных инноваций, факторы производства и их сочетание, а также

экономические отношения, возникающие между участниками сегмента рынка экологически чистого продовольствия.

В качестве набора способов, приемов и средств воздействия на управляемую подсистему следует использовать комплекс взаимосвязанных организационных и экономических мер, направленных на достижение целей, — организационно-экономический механизм управления развитием производства экологически чистого продовольствия.

Специфика целей, ресурсов, объектов, субъектов, форм, методов, концепции и инструментов управления производством экологически чистого продовольствия предполагает выделение производства данного вида в отдельное стратегическое направление АПК.

На федеральном уровне цель, ресурсы, объекты, субъекты, формы, методы, концепции и инструменты объединены моделью управления производством экологически чистого продовольствия, которая может быть направлена на реализацию представленной совокупности нормативно-правовых, экономических и организационных мероприятий. Обозначенные мероприятия выделены в качестве начальных предпосылок и призваны определить вектор развития производства экологически чистого продовольствия.

Список литературы

1. Галкин, Д. Г. Развитие регионов агропромышленной специализации в постиндустриальной экономике: новые подходы к производству продовольствия / Д. Г. Галкин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 10 (406). Экон. науки. Вып. 58. — С. 94—101.
2. Иванов, В. А. Методологические основы инновационного развития агропромышленного комплекса / В. А. Иванов // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2008. — № 2. — С. 50—59.
3. Матвеева, М. А. Механизмы управления инновационной деятельностью в экономических системах / М. А. Матвеева // Упр. экон. системами. — 2006. — № 7. — С. 15—18.
4. Чечурина, М. Н. Развитие экономических систем на основе управленческих инноваций : дис. ... д-ра экон. наук / М. Н. Чечурина. — М., 2015.
5. Ушвицкий, Л. И. Управление инновационным развитием национальной экономики / Л. И. Ушвицкий, А. А. Тер-Григорьянц // Вестн. Северо-Кавказ. федер. ун-та. — 2015. — № 2 (47). — С. 185—192.
6. Ходос, Д. В. Экономический механизм инновационного развития сельского хозяйства региона [Электронный ресурс] / Д. В. Ходос, З. Е. Шапорова // Упр. экон. системами. — 2013. — № 3. — URL: <http://uecs.ru/uecs-51-512013/item/2011-2013-03-05-06-41-03>.
7. Суровицкая, Г. В. Институциональные аспекты совершенствования управления инновационной деятельностью / Г. В. Суровицкая, И. И. Фролов, А. Ю. Сорокин // Креатив. экономика. — 2014. — № 12 (96). — С. 31—43.
8. Жевора, Ю. И. Механизм стимулирования инновационной деятельности в сельском хозяйстве / Ю. И. Жевора, Д. С. Донецкий // Наука. Инновации. Технологии. — 2011. — № 4. — С. 276—282.
9. Никитина, З. В. Организационно-экономический механизм экологизации сельскохозяйственного производства: теория, методология, практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / З. В. Никитина. — М., 2010.
10. Воронкова, О. Ю. Развитие сельского хозяйства, ориентированного на производство органической продукции (на материалах Алтайского края) : дис. ... д-ра экон. наук / О. Ю. Воронкова. — Новосибирск, 2015.

11. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 30 янв. 2010 г. № 120 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. — URL: <http://www.garant.ru/>.

12. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. — URL: <http://www.garant.ru/>.

13. О внесении проекта Федерального закона «О производстве органической продукции» № 372830-7 от 24.01.2018 [Электронный ресурс] // Союз органического земледелия. — URL: <http://sozrf.ru/zakon/>.

14. Нормативные требования IFOAM для системы органического производства и переработки [Электронный ресурс] // Экологический союз. — URL: http://ecounion.ru/wp-content/uploads/2014/08/ifoam_norms_version_2012_rus.pdf/.

15. Регламенты ЕС. Регламент ЕС об экологическом производстве и маркировке экологической продукции № 834/2007 [Электронный ресурс] // Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору. — URL: <https://www.fsvps.ru/>.

Сведения об авторе

Галкин Денис Геннадьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, анализа и статистики Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул, Россия. gennadichu@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 61—69.*

INNOVATIVE DEVELOPMENT PRODUCTION OF ECOLOGICALLY PURE FOOD: CONCEPT, OBJECTIVES, ROLE OF THE STATE

D.G. Galkin

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia. gennadichu@mail.ru

The parallel existence of historically changing food production systems in different countries actualizes the need for development of the concept sustainable intensification of food production: the identification of subjects and objects, management objectives, methods and means to achieve them. The recommendations of the formation of the organizational and economic mechanism for the development production of ecologically clean food are presented, its elements are singled out, the role of the state is determined. As an economic component of the mechanism, a development model, issues of financing, public administration have been singled out. As an organizational one, the mechanism of interaction between the state, science and business. The general scientific methods of studying economic phenomena and processes are used. The results contribute to the theory and methodology the development of ecologically clean food production.

Keywords: *management, organizational and economic mechanism, agriculture, ecology, food, the state, science, entrepreneurship, innovative development.*

References

1. Galkin D.G. Razvitiye regionov agropromyshlennoy spetsializatsii v postindustrial'noy ekonomike: novyye podkhody k proizvodstvu prodovol'stviya [Development of regions of agro-industrial specialization in post-industrial economy: new approaches to food production]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 10 (406), pp. 94—101. (In Russ.).

2. Ivanov V.A. Metodologicheskiye osnovy innovatsionnogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa [Methodological foundations of innovative development of the agro-industrial complex]. *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2008, no. 2, pp. 50—59. (In Russ.).

3. Matveyeva M.A. Mekhanizmy upravleniya innovatsionnoy deyatel'nost'yu v ekonomicheskikh sistemakh [Mechanisms of management of innovative activity in economic systems]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami* [Management of economic systems], 2006, no. 7, pp. 15—18. (In Russ.).

4. Chechurina M.N. *Razvitiye ekonomicheskikh sistem na osnove upravlencheskikh innovatsiy* [Development of economic systems based on managerial innovation. Thesis]. Moscow, 2015. (In Russ.).
5. Ushvitskiy L.I., Ter-Grigor'yants A.A. Upravleniye innovatsionnym razvitiyem natsional'noy ekonomiki [Managing the innovative development of the national economy]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North-Caucasian Federal University], 2015, no. 2 (47), pp. 185—192. (In Russ.).
6. Khodos D.V., Shaporova Z.Ye. Ekonomicheskiy mekhanizm innovatsionnogo razvitiya sel'skogo khozyaystva regiona [Economic mechanism of innovative development of regional agriculture]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami* [Management of economic systems], 2013, no. 3. Available at: <http://uecs.ru/uecs-51-512013/item/2011-2013-03-05-06-41-03>, accessed 09.02.2018. (In Russ.).
7. Surovitskaya G.V., Frolov I.I., Sorokin A.Yu. Institutsional'nyye aspekty sovershenstvovaniya upravleniya innovatsionnoy deyatel'nost'yu [Institutional Aspects of Improving the Management of Innovation Activities]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2014, no. 12 (96), pp. 31—43. (In Russ.).
8. Zhevoru Yu.I., Donetskii D.S. Mekhanizm stimulirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti v sel'skom khozyaystve [The mechanism of stimulating innovation in agriculture]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* [Science. Innovation. Technologies], 2011, no. 4, pp. 276—282. (In Russ.).
9. Nikitina Z.V. *Organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm ekologizatsii sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva: teoriya, metodologiya, praktika* [Organizational and economic mechanism of greening of agricultural production: theory, methodology, practice. Abstract of thesis]. Moscow, 2010. (In Russ.).
10. Voronkova O.Yu. *Razvitiye sel'skogo khozyaystva, oriyentirovannogo na proizvodstvo organicheskoy produktsii (na materialakh Altayskogo kraya)* [The development of agriculture, oriented to the production of organic products (on the materials of the Altai Territory). Thesis]. Novosibirsk, 2015. (In Russ.).
11. On the approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation: Presidential Decree. *Informatsionno-pravovoy portal GARANT* [Information and Legal Portal GARANT], 2010, no. 120. Available at: <http://www.garant.ru/>, accessed 24.02.2018. (In Russ.).
12. On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Foodstuffs for 2013—2020: Decree of the Government of the Russian Federation. *Informatsionno-pravovoy portal GARANT* [Information and Legal Portal GARANT], 2012, no. 717. Available at: <http://www.garant.ru/>, accessed 24.02.2018. (In Russ.).
13. O vnesenii proekta federal'nogo zakona “O proizvodstve organicheskoy produktsii” [On the introduction of the draft federal law “On the production of organic products”]. *Soyuz organicheskogo zemledeliya* [Union Organic Agriculture], 2018, no. 372830-7. Available at: <http://sozrf.ru/zakon/>, accessed 24.02.2018. (In Russ.).
14. Normativnyye trebovaniya IFOAM dlya sistemy organicheskogo proizvodstva i pererabotki [Normative requirements of IFOAM for the system of organic production and processing]. *Ehkologicheskiy soyuz* [Ecological Union], 2012. Available at: http://ecounion.ru/wp-content/uploads/2014/08/ifoam_norms_version_2012_rus.pdf/, accessed 24.02.2018. (In Russ.).
15. Reglamenti YeS. Reglament YeS ob ekologicheskom proizvodstve i markirovke ekologicheskoy produktsii № 834/2007 [Regulations of the EU. EU Regulation on Environmental Production and Labeling of Ecological Products No. 834/2007]. *Federal'naya sluzhba po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru* [Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance], 2007. Available at: <https://www.fsvps.ru/>, accessed 24.02.2018. (In Russ.).

УДК 332.14
ББК 65.050.22

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

О. И. Бабина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В современных условиях развития региональной экономики принятие управленческих решений невозможно представить без эффективной системы стратегического планирования. Эффективная система стратегического планирования, в свою очередь, должна базироваться на современных программных средствах, в основе которых лежит метод имитационного моделирования. Этот метод является одним из наиболее точных и достоверных при анализе процессов планирования региона, так как при создании модели позволяет в максимальной степени учесть условия развития региона. Имитационная модель в региональном планировании может восприниматься как своеобразный «тренажер», который позволит прогнозировать социально-экономическое развитие региона при наличии различных неконтролируемых факторов внешней среды. В статье представлена концептуальная модель социально-экономического развития региона, включающая описание основных модулей имитационной модели, входных параметров и выходных показателей модели, а также дана схема процесса планирования региона с помощью имитационной модели.

Ключевые слова: *стратегическое планирование, регион, метод имитационного моделирования, модель, концептуальная модель.*

Стратегическое планирование социально-экономического развития региона приобретает особую актуальность, так как является основой сбалансированного роста экономики региона в целом. В настоящее время при планировании используются различные подходы и методы, что затрудняет оценку и сравнимость полученных результатов. В результате подготавливаемые стратегии развития характеризуются низким качеством. Относительные отклонения показателей социально-экономического развития регионов достигают 47—52 % [10].

В связи с этим появляется необходимость расширения области использования моделей из класса имитационных. Имитационное моделирование является современным инструментом решения задач стратегического планирования региональных систем. Суть имитационного моделирования заключается в разработке компьютерной программы и проведении на ней серии экспериментов, позволяющих определять оптимальные сценарии работы данной системы [13. Р. 2033; 16. Р. 13]. Имитационная модель позволяет решать разнообразные задачи типа «что будет, если...», относящиеся к анализу поведения объекта моделирования [15. Р. 320].

Кроме того, моделирование процессов стратегического планирования региональных систем с использованием технологии имитационного моделирования является эффективным средством анализа их структуры, позволяет эффективно органи-

зовать работу таких систем, наметив оптимальные стратегии развития, помогает совершенствовать методы стратегического планирования и повышать эффективность и продуктивность функционирования системы в целом.

В научной литературе [1—6; 8; 10; 12] существует описание достаточно широкого набора имитационных моделей, которые возможно применять для решения практических задач стратегического планирования. Так, например, в работе [5] представлена имитационная модель прогнозирования социально-экономического развития региона, ядро которой составляет комплекс имитационных моделей, реализуемый на основе методов системной динамики и современных технологий компьютерного моделирования. Рассматриваемая имитационная модель региона позволяет прогнозировать основные показатели социально-экономического развития региона, финансовые и экономические показатели, проводить комплексный анализ уровня и качества жизни в территориальном разрезе в долгосрочной и краткосрочной перспективе, а также прогнозировать доходы и планировать расходы местного бюджета, прогнозировать состояние отраслевых (производственных) и региональных комплексов и др.

Модель, описанная в работе [12], применяется для аналитических и прогнозных расчетов основных показателей экономического развития Кировской области. В имитационной модели рассматривается взаимодействия семи типов эконо-

мических агентов: 1) производители; 2) банки; 3) домашние хозяйства; 4) собственники; 5) область; 6) Центральный банк; 7) внешняя торговля.

В модели [1] обосновывается экономика региона с высоким уровнем выделения базовых видов экономической деятельности, в которой присутствуют четыре группы взаимодействия: инновационный, экологический, инвестиционный и финансовый. С помощью разработанной имитационной модели можно строить краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные прогнозы социально-экономической динамики региона в зависимости от той или иной стратегии управления региональным развитием и входящих в его структуру различных секторов, а также сравнивать различные экономические стратегии развития.

Рассматриваемая в работе [4] имитационная модель представляет собой нормативную балансовую динамическую математическую модель, состоящую из трех различных секторов экономики: инновационного, сырьевого и промышленного. Динамика материальных и финансовых балансов в модели задана изменением запасов продуктов, факторов производства и денег. С помощью модели можно, задавая начальные значения по валовому и конечному продукту, рассчитывать матрицу производственных затрат, а уже далее находить прогнозные значения валового продукта по каждой отрасли. Расчеты по имитационной модели дают количественную оценку динамики макропоказателей экономики страны и региона в целом.

В работе [10] представлена комплексная имитационная модель социально-экономического развития Российской Федерации в региональном разрезе на основе программно-инструментального комплекса «Прогноз». Она представляет собой конструктор динамических моделей социально-экономических процессов, который позволяет как формировать новые модели, так и задействовать уже готовые модели экономической динамики, финансового планирования.

Модель [2] используется для синтеза и рационального отбора стратегий регионального развития Мурманской области. Модель реализована с помощью аппарата интервальной нечеткой логики и позволяет оценивать разрабатываемые стратегии с точки зрения «допустимости» их реализации для социально-экономической системы путем исследования траекторий «движения» динамической модели данной системы в пространстве ее внутренних состояний.

С помощью модели [8] можно строить долгосрочные и краткосрочные прогнозы основных социально-экономических и финансовых показателей региона, формировать и исследовать

различные стратегии регионального развития. Имитационная модель представлена в виде модельного комплекса «Сирена-2». Отличительной особенностью программного комплекса «Сирена-2» является возможность проведения межрегиональных сравнений, выявление тенденций развития нескольких регионов.

Имитационная модель, представленная в работе [3], является иерархически структурированной и логически связанной композицией моделей трех типов: комплекса моделей поведения экономических агентов, системы динамических балансовых моделей и интегрирующих их в единую среду модели управления. Практическая реализация имитационной модели позволит проводить различные вычислительные эксперименты для оценки степени взаимного влияния изменений экономических условий на макроуровне на функционирование экономических субъектов на микроуровне, вырабатывать рыночные механизмы воздействия на микросреду, обеспечивающие достижение целевых параметров экономического развития региона в средне- и долгосрочной перспективе.

В работе [6] описывается агент-ориентированная модель, имитирующая социально-экономическое состояние региона на основе реконструкции его внутренней структуры, а также структуры и поведения действующих на его территории самостоятельных экономических агентов. Создаваемая модель предназначена для апробации различных вариантов управляющих воздействий на уровне региона, а также для проведения экспериментов при варьировании множества параметров внешней для региона среды и различных сценариев развития экономики страны в целом. Приведенный обзор имитационных моделей прогнозирования социально-экономического развития региона показал, что регион рассматривается как сложная динамическая система, учитывающая разнообразные информационные, финансовые, материальные и энергетические потоки. Моделирование такой системы предполагает выявление большого количества сложных взаимосвязанных причинно-следственных связей между факторами, имеющих, в свою очередь, стохастический характер.

Кроме того, следует заметить, что описание большей части рассмотренных имитационных моделей имеет теоретический характер. В моделях изображаются общие принципы функционирования моделируемой системы и ее краткая характеристика. Описание внутренней структуры модели, ее основных блоков и взаимодействий внутри системы опускается, не указывается, какие именно показатели рассчитываются по модели,

отсутствует также интерпретация полученных с помощью модели результатов, не раскрываются вопросы валидации и верификации модели.

Данное обстоятельство предопределяет необходимость разработки нового инструментария, используемого при формировании и выборе прогнозов социально-экономического развития региона.

Для решения вышеуказанной проблемы сформулирована цель исследования — разработать комплекс моделей социально-экономического развития региона, который позволит рассчитывать основные социально-экономические показатели региона для различных сценариев развития экономики края и оценивать мероприятия, направленные на повышение эффективности его функционирования.

Разработанная имитационная модель социально-экономического развития Красноярского края должна решать следующие задачи:

- анализ и прогнозирование динамики валового регионального продукта;
- анализ изменения среднедушевых расходов и доходов населения;
- расчет и анализ основных показателей социального развития региона;
- расчет и анализ основных показателей промышленности региона.

Для решения этих задач используются официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, размещенные в открытом

интернет-ресурсе [9] за период с 2010 по 2017 г., данные Министерства экономического развития и инвестиционной политики Красноярского края [11], а также система имитационного моделирования Vensim 5.0 PLE, применяемая для разработки и реализации комплекса имитационных моделей социально-экономического развития региона.

Имитационная модель реализована на основе метода системной динамики и включает следующие модули: основные социально-экономические показатели; население; уровень жизни населения; здравоохранение, культура и образование; финансы и инвестиции; добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства; предприятия и организации (рис. 1).

Из рис. 1 видно, что между моделями существуют тесные взаимосвязи, которые осуществляют логическое, информационное и алгоритмическое единство. Комплекс моделей включает сотни уравнений. Каждая модель отражает свой аспект социально-экономического развития региона. Ниже представлено краткое описание каждой из моделей.

Модуль «Основные социально-экономические показатели». В данном модуле рассчитывается совокупность показателей, характеризующих социально-экономическое развитие региона (валовой региональный продукт, объем инвестиций в основной капитал, оборот розничной торговли и суммарный объем оказанных платных услуг на душу населения, индекс потребительских цен,

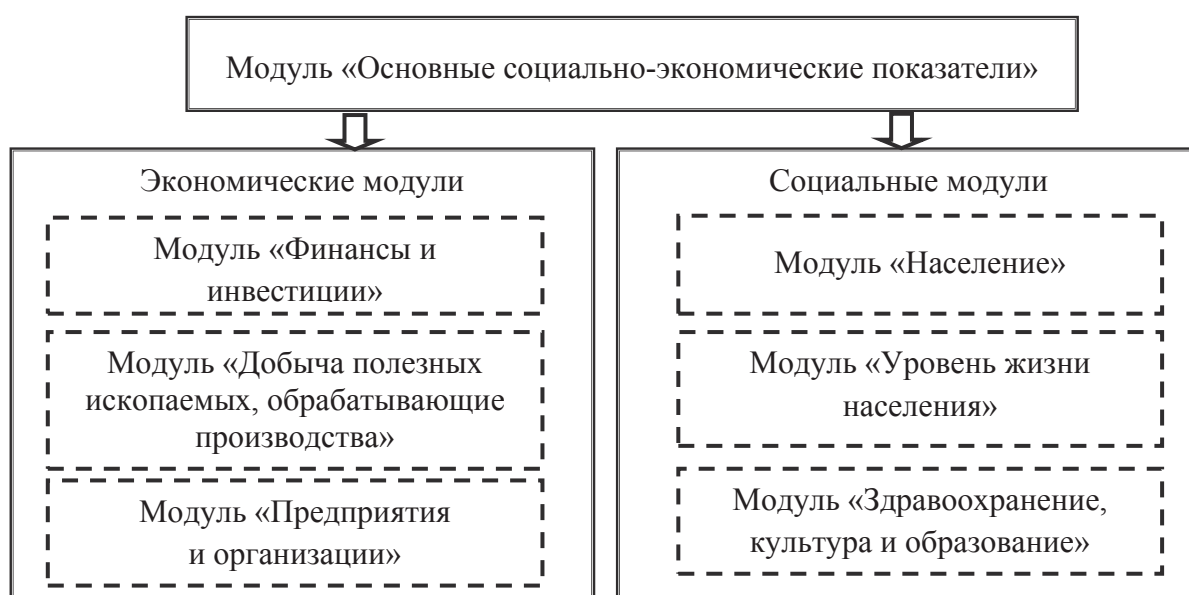

Рис. 1. Основные модули имитационной модели социально-экономического развития региона

уровень безработицы, общая площадь жилых помещений, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и др.).

Модуль «Население». В модуле «Население» рассчитываются величины, характеризующие изменение численности населения во времени [роста населения (темпы) и прироста населения (общего, естественного, миграционного)]. Модуль «Население» включает расчет следующих показателей: среднегодовую численность населения; среднегодовую численность занятых в экономике (в том числе по отраслям); уровень экономической активности населения; уровень безработицы; коэффициент естественного прироста; продолжительность жизни и т. д.

Модуль «Уровень жизни населения». Модуль включает расчет социально-экономических параметров, отвечающих за уровень и структуру потребления, условия труда, структуру и степень удовлетворения социально-культурных потребностей, степень развития сферы услуг, величину и структуру внерабочего и свободного времени и т. д. В систему показателей качества жизни населения входят следующие группы показателей: доходы населения, стоимость жизни, потребление населения, основные интегральные показатели жизни населения, обеспечение и охват населения объектами инфраструктуры и техническими средствами отраслевой социальной сферы, демографические параметры.

Модуль «Здравоохранение, культура и образование». Совокупность отраслей национального хозяйства, создающая социальные блага в виде услуг здравоохранения, культуры, образования и туризма, моделируется в модуле «Здравоохранение, культура и образование».

Модуль «Финансы и инвестиции». В модуле «Финансы и инвестиции» рассчитываются: доходы консолидированных бюджетов, расходы консолидированных бюджетов, сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, кредиторская и дебиторская задолженность организаций, инвестиции в основной капитал, инвестиции в основной капитал на душу населения и поступление прямых иностранных инвестиций.

Модуль «Добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства». В модуле происходит расчет показателей, характеризующих динамику производства по разделам ОКВЭД «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» и их подразделам.

Модуль «Предприятия и организации». Результативность модуля «Предприятия и организации»

можно охарактеризовать следующими показателями: число предприятий и организаций, число малых предприятий, производство основных видов сельскохозяйственной продукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах, число организаций с участием иностранного капитала отдельных стран, оборот оптовой торговли, оборот розничной торговли, оборот розничной торговли на душу населения и др.

Кроме того, имитационную модель социально-экономического развития Красноярского края можно представить в виде «черного ящика» (рис. 2), для которого определены его входные параметры и основные выходные показатели процесса его функционирования [7. С. 110; 14. Р. 211]. Он рассматривает взаимодействия между потоками денежных средств, материальных, связанными воедино через информационную сеть. Так как исследователю известно содержание всех внутренних процессов модели, то вместо понятия «черный ящик» можно применять также известное понятие «серый ящик».

Рисунок 2 показывает, что применение имитационного моделирования на мезоуровне позволит определить рассчитывать такие важные социально-экономические показатели региона, как валовой региональный продукт, инвестиции, среднедушевые располагаемые доходы и расходы населения, индексы цен, определить уровень занятости населения.

На рис. 3 приведена схема процесса принятия решения, которая показывает итеративный характер процесса и иллюстрирует взаимосвязь входных параметров модели и выходных показателей эффективности с модулями имитационной модели.

Управление процессом принятия решения начинается с ввода начальных данных моделирования. Далее в блоках имитационной модели происходит расчет основных показателей модели. Затем проводится анализ данных. Полученные результаты моделирования сравниваются с плановыми показателями и указаниями руководства. Процесс прогона модели продолжается до тех пор, пока не будут проанализированы все интересующие варианты плановых показателей.

Таким образом, представленная имитационная модель предназначена для управления такой сложной социально-экономической системой, как регион. Разработанная модель позволяет решать разнообразные задачи типа «что будет, если...», относящиеся к анализу поведения объекта моделирования. Модель позволяет экспериментировать со стратегиями социально-экономического развития региона, оценивать последствия

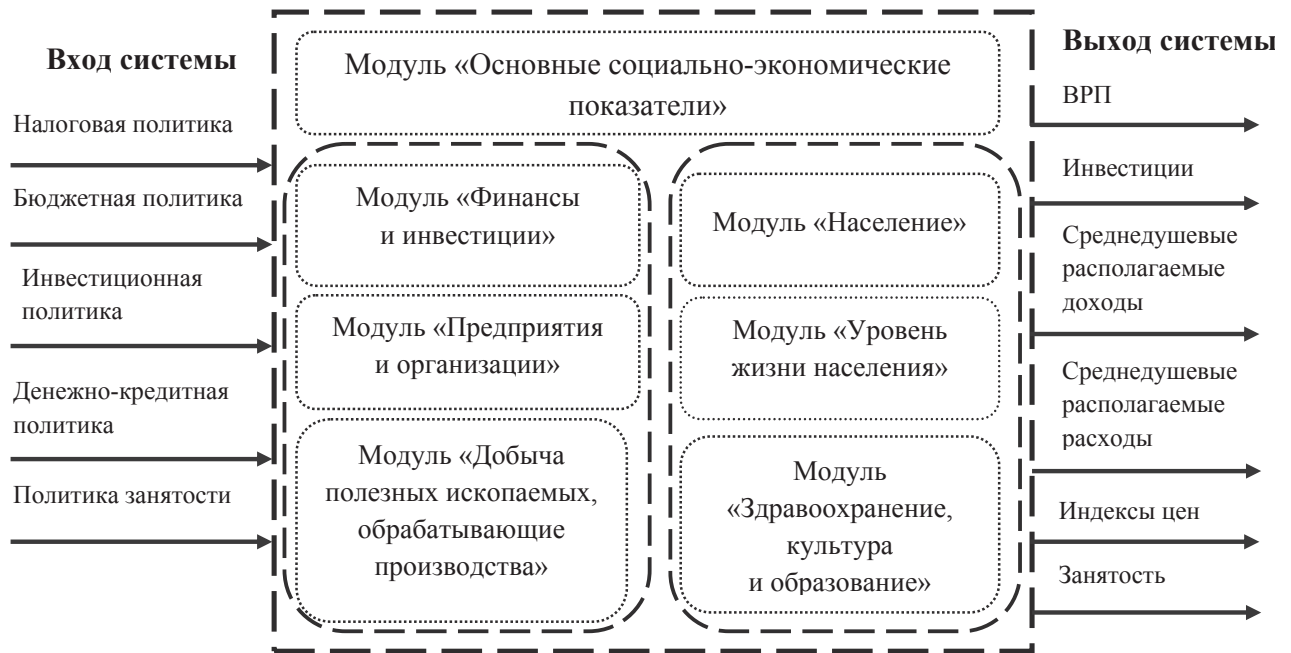

Рис. 2. Имитационная модель социально-экономического развития региона как «серый ящик»

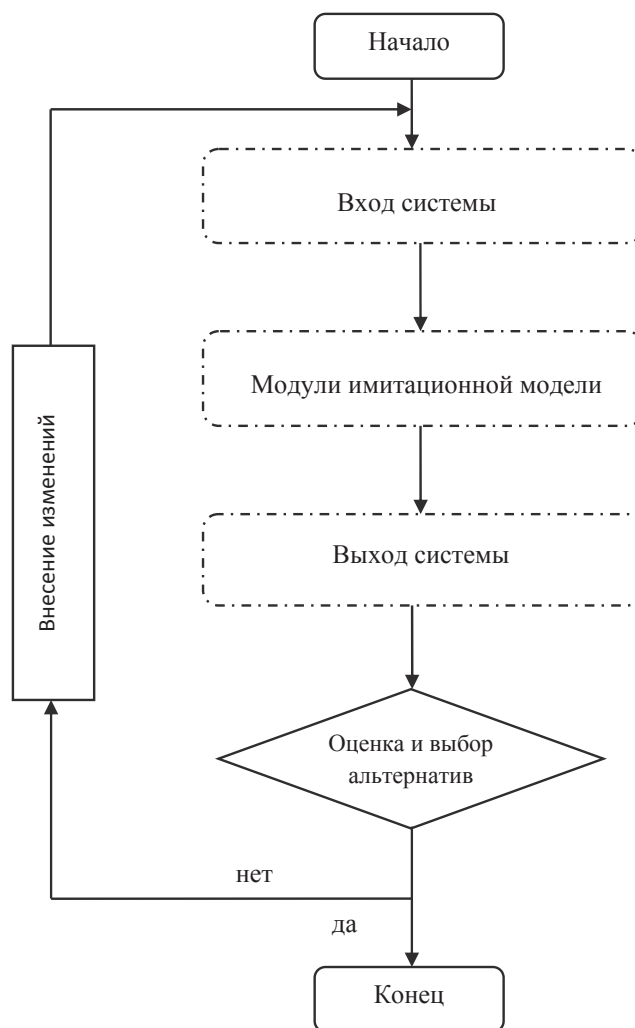

Рис. 3. Схема процесса стратегического планирования региона с помощью имитационной модели

управленческих решений на региональном уровне до того, как они будут реализованы на практике.

Разработанная имитационная модель состоит из семи модулей: «Основные социально-экономические показатели», «Население», «Уровень жизни населения», «Здравоохранение, культура и образование», «Финансы и инвестиции», «Добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства», «Предприятия и организации». Каждый из этих модулей тесно взаимосвязан с другими, и совместно они образуют логическое, информационное и алгоритмическое единство.

Имитационная модель построена в программной среде Vensim 5.0 PLE. В имитационной модели предусмотрена возможность варьирования значениями параметров. Это позволяет анализи-

ровать различные варианты развития процессов в региональной системе.

Построенная имитационная модель является открытой и адаптивной, то есть может быть расширена дополнительными структурными модулями. Кроме того, существующие модули можно детализировать, например, путем включения новых переменных. Предложенную модель (с некоторой корректировкой) можно использовать в практике управления и изучения других регионов Российской Федерации. Использование модели для анализа и планирования деятельности региональной системы позволит сократить длительность процесса стратегического планирования, а также снизить затраты на осуществление процесса планирования.

Список литературы

1. Батейкин, Д. В. Имитационная модель социально-экономического развития региона / Д. В. Батейкин // Новое слово в науке: перспективы развития. — 2016. — № 1 (7). — С. 207—213.
2. Горохов, А. В. Системная динамика в управлении региональным развитием (на примере Мурманской области) / А. В. Горохов, В. А. Путилов, А. А. Шестаков // Проблемы управления и моделирования в сложных системах : тр. 6-й Междунар. конф. — Самара : СНЦ РАН, 2004. — С. 370—375.
3. Гранберг, А. Г. Проект СИРЕНА: методология и инструментарий / А. Г. Гранберг, В. Е. Селиверстов, С. А. Суспицын. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 256 с.
4. Козлицкая, А. В. Идентификация параметров математической модели развивающейся экономики [Электронный ресурс] / А. В. Козлицкая, А. В. Кошечев, А. И. Фетинина // Науч.-тех. вестн. информ. технологий, механики и оптики. — 2008. — № 51. — С. 354—360. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-parametrov-matematicheskoy-modeli-razvivayusheysya-ekonomiki> (дата обращения 10.03.2017).
5. Лычкина, Н. Н. Компьютерное моделирование социально-экономического развития регионов в системах поддержки принятия решений / Н. Н. Лычкина // Материалы III Международной конференции «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO'04. — М. : ИПУ РАН, 2004. — С. 1—26.
6. Низамутдинов, М. М. К вопросу о подходах к построению модели экономики регионов / М. М. Низамутдинов, Л. С. Ямилова // Проблем. анализ и гос.-управленч. проектирование. — 2010. — Т. 3, № 4. — С. 52—63.
7. Советов, Б. Я. Моделирование систем : учеб. для вузов / Б. Я. Советов, С. А. Яковлев. — 5-е изд., стер. — М. : Высш. шк., 2007. — 343 с.
8. Сушко, Е. Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация / Е. Д. Сушко. — М. : ЦЭМИ РАН, 2012. — 54 с. (Сер. #WP/2012/292. Препр. / Учреждение Рос. акад. наук «Центр. экономико-мат. ин-т РАН»).
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.krasstat.gks.ru> (дата обращения 08.04.2016).
10. Ушаков, А. К. Разработка прогнозов социально-экономического развития регионов с использованием комплексной имитационной модели / А. К. Ушаков, Л. А. Рязанова, Д. Л. Андрианов // Рос. экон. журн. — 2000. — № 2. — С. 72—78.
11. Федоренко, К. П. Эволюция подходов к структурированию процесса стратегического управления / К. П. Федоренко // Стратегич. менеджмент. — 2012. — № 2. — С. 136—147.
12. Шатров, А. В. Моделирование развивающейся экономики Кировской области с помощью интеллектуальной системы ЭКОМОД / А. В. Шатров // II Всероссийская научная конференция с молодежной научной школой «Математическое моделирование развивающейся экономики ЭКОМОД-2007». — Киров : ВятУ, 2007. — С. 259—271.
13. The future of the simulation industry / J. Banks, J. C. Hagan, P. Lendermann [et al.] // Proceedings of the 2003 Winter Simulation Conference. — 2003. — P. 2033—2043.

14. Optimierung und Simulation / J. Biethahn, A. Lackner, M. Range, O. Brodersen. — Oldenburg : Wissenschaftsverlag, 2004. — 315 p.
15. Robinson, S. Simulation: The practice of model development and use / S. Robinson. — John Wiley & Sons, 2004. — 336 p.
16. Shannon, R. E. Introduction to the art and science of simulation / R. E. Shannon // Proceedings of the 1998 Winter Simulation Conference. — 1998. — P. 7—14.

Сведения об авторе

Бабина Ольга Ивановна — старший преподаватель Института управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия. babina62@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 70—77.*

CONCEPTUAL MODELLING OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

O.I. Babina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, babina62@yandex.ru

In modern conditions of regional economy development adoption of the correct administrative decisions in the long term can't be presented without the effective system of strategic planning. The effective system of regional strategic planning, in turn, has to be based on modern software in a basis which the method of simulation lays. The method of simulation is one of the most exact and reliable at processes of region strategic planning as during creation of model allows to consider conditions of development of the region in the maximum degree. The simulation model in regional strategic planning can be perceived as peculiar "exercise machine" which will allow to predict social and economic development of the region in the presence of various uncontrollable factors of external environment. The conceptual model of social and economic development of the region including the description of the main modules of simulation model, input parameters and output indicators of model is presented in article and also the scheme of process of strategic planning of the region by means of simulation model is submitted.

Keywords: *strategic planning, region, method of simulation, model, conceptual model.*

References

1. Bateykin D.V. Imitatsionnaya model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Simulation model of social and economic development of the region]. *Novoye slovo v nauke: perspektivy razvitiya* [New word in science: prospects of development], 2016, no. 1 (7), pp. 207—213. (In Russ.).
2. Gorokhov A.V., Putilov V.A. Shestakov A.A. Sistemnaya dinamika v upravlenii regional'nym razvitiem (na primere Murmanskoy oblasti) [System dynamics in management of regional development (on the example of Murmansk region)]. *Materialy 6-y Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy upravleniya i modelirovaniya v slozhnykh sistemakh"* [Proceedings of the 6th International conference "Problems of management and modelling in difficult systems"]. Samara, 2004. Pp. 370—375. (In Russ.).
3. Granberg A.G., Seliverstov V.Ye., Suspitsyn S.A. [et al.]. *Proekt SIRENA: metodologiya i instrumentariy* [SIRENA project: methodology and tools]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 256 p. (In Russ.).
4. Kozlitskaya A.V., Koshcheev A.V., Fetinina A.I. Identifikatsiya parametrov matematicheskoy modeli razvivayushchey ekonomiki [Identification of parameters of mathematical model of developing economy]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki* [Scientific and technical journal of information technologies, mechanics and optics], 2008, no. 51, pp. 354—360. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-parametrov-matematicheskoy-modeli-razvivayushchey-ekonomiki>, accessed 10.03.2017. (In Russ.).
5. Lychkina N.N. Komp'yuternoye modelirovaniye sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov v sistemakh podderzhki prinyatiya resheniy [Computer modelling of social and economic development of regions in the systems of support of decision-making]. *Materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii "Identifikatsiya sistem i zadachi upravleniya" SICPRO'04* [Proceedings of the III of the International SICPRO'04 conference "Identification of Systems and Task of Management"]. Moscow, 2004. Pp. 1—26. (In Russ.).

6. Nizamutdinov M.M., Yamilova L.S. K voprosu o podkhodakh k postroeniyu modeli ekonomiki regionov [To a question of approaches to creation of model of regional economy]. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlenskoye proektirovaniye* [Problem analysis and state and administrative design], 2010, vol. 3, no. 4, pp. 52—63. (In Russ.).
7. Sovetov B.Ya., Yakovlev S.A. *Modelirovaniye sistem* [Modelling of systems]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 343 p. (In Russ.).
8. Sushko Ye.D. *Mul'tiagentnaya model' regiona: kontseptsiya, konstruktsiya i realizatsiya* [Multi-agent model of the region: concept, design and realization]. Working Paper #WP/2012/292. Moscow, TsEMI RAN Publ., 2012. 54 p. (In Russ.).
9. *Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Krasnoyarskomu krayu*. Available at: <http://www.krasstat.gks.ru>, accessed 08.04.2016. (In Russ.).
10. Ushakov A.K., Ryazanova L.A., Andrianov D.L. [et al.]. *Razrabotka prognozov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov s ispol'zovaniyem kompleksnoy imitatsionnoy modeli* [Development of forecasts of social and economic development of regions with use of complex simulation model]. *Rossiyskiy ekonomicheskyy zhurnal* [Russian economic journal], 2000, no. 2, pp. 72—78. (In Russ.).
11. Fedorenko K.P. *Evolyutsiya podkhodov k strukturirovaniyu protsessa strategicheskogo upravleniya* [Evolution of approaches to structuring process of strategic management]. *Strategicheskyy menedzhment* [Strategic management], 2012, no. 2, pp. 136—147. (In Russ.).
12. Shatrov A.V. *Modelirovaniye razvivayushcheyssya ekonomiki Kirovskoy oblasti s pomoshch'yu intellektual'noy sistemy EKOMOD* [Modelling of developing economy of the Kirov region by means of the intellectual EKOMOD system]. *II Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya s molodezhnoy nauchnoy shkoloy "Matematicheskoye modelirovaniye razvivayushcheyssya ekonomiki EKOMOD-2007"* [Proceedings of the All-Russian scientific conference with youth school of sciences "Mathematical modelling of developing economy of EKOMOD-2007"]. Kirov, 2007. Pp. 259—271. (In Russ.).
13. Banks J., Hagan J.C., Lendermann P., McLean C., Page E.H., Pegden C.D., Ulgen O., Wilson J.R. The future of the simulation industry. *Proceedings of the 2003 Winter Simulation Conference*. 2003. P. 2033—2043.
14. Biethahn J., Lackner A., Range M., Brodersen O. *Optimierung und Simulation*. Oldenburg, Wissenschaftsverlag Publ., 2004. 315 p.
15. Robinson S. *Simulation: The practice of model development and use*. John Wiley & Sons, 2004. 336 p.
16. Shannon R.E. Introduction to the art and science of simulation. *Proceedings of the 1998 Winter Simulation Conference*, 1998. Pp. 7—14.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 78—88.

УДК 331.101.3
ББК 65

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ¹

В. Н. Белкин¹, Н. А. Белкина¹, О. А. Антонова^{1,2}

¹ Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье основное внимание сосредоточено на социально-экономических вопросах модернизации трудовых отношений на российских предприятиях как одном из условий модернизации всей экономики. В предлагаемом исследовании выдвигается гипотеза, в соответствии с которой предполагается, что на данном этапе развития российской экономики модернизация трудовых отношений на предприятиях возможна без коренных изменений в системе отношений собственности на средства производства и в отношениях управления. Процессы модернизации трудовых отношений рассматриваются на примере внедрения в практику на ряде предприятий авторской системы стимулирования инновационной активности персонала «Инновация». Используются материалы социологических опросов как рядовых работников предприятий, так и их руководителей, это позволяет убедительно показать возможность реальных процессов модернизации трудовых отношений в современных российских условиях, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Ключевые слова: модернизация экономики страны, трудовые отношения, система стимулирования инновационной активности персонала «Инновация», инновационная активность персонала, модернизационная государственная политика, система управления инновационной активностью персонала, путь вестернизации, национальный путь, социально-психологическая среда.

Самим ходом развития мировой экономики перед Российской Федерацией поставлена историческая задача перехода на постиндустриальную экономику. Для решения этой задачи необходима не только модернизация технико-технологического базиса экономики, но и системы трудовых отношений. В связи с этим возникает необходимость определить движущие силы модернизации. Опыт западноевропейских стран а также Японии и США показывает, что такими силами являются государство, бизнес и работники. Необходимо активное взаимодействие этих сил. Инициатором и организатором модернизации экономики в РФ может стать только государство. Модернизационная государственная политика, по мнению Э. Я. Эльянова, должна опираться на систему льгот и поощрений, стимулирующих инвесторов вкладывать средства в новые отрасли, модернизацию традиционных отраслей, создание механиз-

мов государственных гарантий для иностранного капитала, планомерное улучшение качества бизнес-среды [4. С. 236].

Основной задачей государства является обеспечение заинтересованности бизнеса и работников в модернизации. Это позволит «модернизации сверху» опираться на «модернизацию снизу». Однако, как показывает опыт, Российское государство пытается переложить основное модернизационное бремя на частный бизнес. Это отмечают в своих исследованиях ученые: Л. И. Лукичева [6—8], С. Н. Яшин [9], В. П. Горшенин [12], В. Н. Гунин [13], В. К. Дерманов [14], А. П. Егоршин [15], В. Л. Макаров [16].

Но бизнес в Российской Федерации не гоняется за патентами, лицензиями, инновациями в технике, технологии, организации производства, труда и управления, Происходит это в связи с тем, что рынок в стране монополизирован. Монополия позволяет предприятиям получать высокие прибыли не за счет роста эффективности производства, а за счет роста цен. Обеспечение конкуренции — важнейшая задача государства. Лишь она создает

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-010-00025 «Теоретико-методологические основы модернизации трудовых отношений в российской экономике».

такие условия, при которых внедрение инноваций является вопросом жизни и смерти предприятий. Но и этого недостаточно. Как показывает опыт развитых стран, нужны разные налоговые, кредитные, таможенные льготы для инновационного бизнеса. Следовательно, государство должно стремиться обеспечить двустороннюю систему стимулирования бизнеса, чтобы ему было выгодно модернизировать и опасно не модернизировать свой капитал.

Однако роль государства этим не исчерпывается. Недостаточно изменить внешнюю рыночную среду предприятий. Необходимо также существенно повлиять на их внутреннюю среду. Она зависит не только от топ-менеджеров и собственников, она зависит также от позиции государства. Для обеспечения конкурентоспособности экономики страны, проведения ее модернизации необходимо повышение трудового потенциала персонала предприятий, а это предполагает инвестиции в персонал. Однако такие инвестиции невелики или вообще отсутствуют. В этих условиях задача государства состоит в том, чтобы обеспечить заинтересованность предприятий в подготовке и переподготовке персонала, как это делается в ведущих европейских странах, США и Японии. Об этом упоминают в своих работах Й. Руус [10], Э. Брукинг [11].

Для успешной модернизации экономики страны необходима также заинтересованность десятков миллионов работников в труде и инновационной деятельности. Как показывают наши исследования, практически во всех российских предприятиях лежат на поверхности большие резервы роста эффективности производства, труда и управления. Однако они остаются «вещью в себе», не мобилизуются. Широко распространенные традиционные системы стимулирования труда, оставшиеся от плановой экономики, не создают должной мотивации работников к увеличению трудового вклада, порождают демотивацию труда и оппортунистическое поведение работников. Все это не позволяет эффективно использовать имеющийся на предприятиях трудовой потенциал персонала.

У большинства российских предприятий отсутствуют современные системы управления инновационной активностью персонала. Как показывают наши опросы, большинство работников многих предприятий считают, что всякая инициатива наказуема. По этой причине нет возможности использовать интеллектуальный потенциал работников. Все это свидетельствует о назревшей необходимости модернизации трудовых отношений. К сожалению, российская экономическая на-

ука не уделяет этому важнейшему направлению модернизации экономики должного внимания.

Конкурентоспособность российских предприятий в решающей степени зависит от конкурентоспособности их персонала. Россия располагает весьма образованными работниками. Однако они поставлены в такие условия, при которых у них нет должных мотивов реализовать свои творческие способности. И причина здесь не только в системах стимулирования труда, но и в отстраненности российских работников от участия в собственности и управлении. Фирмы ведущих стран мира ушли далеко вперед. Они привлекают работников к участию в собственности и управлении. А это порождает высокую мотивацию труда и обеспечивает реализацию творческого потенциала персонала. Важно отметить, что эти процессы происходят при участии и поддержке государства.

Как показывает опыт развитых стран, сложились два пути модернизации: модернизация по западной модели, так называемая вестернизация страны, и модернизация по национальной модели. Испания, Португалия, Греция идут по первому пути. Второй путь характерен для Японии, Южной Кореи, Сингапура, Китая.

В своем исследовании Ю. С. Емельянов, А. А. Хачатурян отмечают, что начиная с 1990-х гг. Россия идет первым путем, то есть вестернизации, который определяется как «догоняющая модернизация». Для России это тупиковый путь. Вестернизация не соответствует менталитету русского народа, его духовной культуре, нравственным ценностям, историческим традициям. Она сопровождается силовым внедрением в сознание народа чуждой ему культуры, что приводит к конфликту ментальных ценностей. В этом одна из причин алкоголизма, наркомании, суицида и других негативных последствий. Опыт такой «модернизации» со всей очевидностью показывает, что необходимо отказаться от вестернизации и перейти к модернизации по второму пути по примеру восточных стран, то есть к модернизации по национальной модели [3. С. 19—21].

Стратегическая задача российской модернизации — обеспечение высокого качества жизни населения страны, что может быть достигнуто за счет растущего производства товаров и услуг. Эта задача может быть решена только в сфере труда. В связи с этим со всей остротой встает проблема мотивации труда и инновационной активности работников. К сожалению, большинство высокообразованных российских работников находятся в таких организационно-экономических условиях, в которых не всегда выгодно работать много и проявлять творчество. По существу, масса работников

российских организаций — это армия работников отчужденного труда. Отчуждение труда является главным сдерживающим фактором роста производительности труда и эффективности производства в российской экономике.

Проблемы управления инновационным потенциалом предприятий становятся особо актуальными в условиях перехода к инновационной экономике. Однако инновационная активность российских предприятий находится на очень низком уровне. Причины этого можно разделить на три группы.

Во-первых, это экономическая политика государства. Инновационные предприятия не получают поддержки от государства с помощью налоговой, кредитной и таможенной политики. Государство не обеспечивает конкурентную среду в экономике. Это приводит к монополизации рынков, предприятия могут существовать без внедрения современных техники, технологий, новых товаров и т. д.

Во-вторых, это низкая инновационная активность самих предприятий. Она вызвана, кроме указанного выше, отсутствием на большинстве предприятий инновационного потенциала: наука, специальных кадров и структурных подразделений, занимающихся НИР, ОКР и т. п. К сожалению, на большинстве российских предприятий сложилась внутренняя неблагоприятная для развития инноваций среда. Она порождает социально-психологические барьеры на инновационном пути в сознании персонала. Кроме того, как правило, рентабельность производства низкая, что лишает большинство предприятий финансовых возможностей для приобретения наука и создания собственного инновационного потенциала.

В-третьих, недостаточно научно проработаны проблемы управления инновационным потенциалом предприятий. До сих пор нет единства мнений российских ученых по таким вопросам, как интеллектуальный капитал предприятия, инновационный потенциал предприятия, остаются открытыми многие вопросы управления инновационным потенциалом и т. д. Вполне понятно, что все это затрудняет инновационную деятельность предприятий.

Инновационный потенциал персонала предприятия является одним из основных источников экономического развития предприятия. К сожалению, этот потенциал в большей его части остается на российских предприятиях «вещью в себе». Для того чтобы поставить его на службу стратегическим интересам предприятия, необходимо разработать и ввести систему стимулирования инновационной деятельности работников. Подавляющее большинство их не принимают участия

ни в рационализации, ни в изобретательстве. Для успеха дела предприятие должно гарантировать персоналу ряд материальных и социальных благ за инновационную деятельность. Лишь при этих условиях в сознании работников появятся материальные и социальные мотивы инновационной деятельности.

Вполне понятно, что вопросы перехода страны к инновационной экономике нашли отражение во многих публикациях. Обращает на себя внимание, что в фокусе исследователей находятся теоретические и методические вопросы, такие как определение понятий «инновация», «инновационная активность», методика оценки инновационной активности предприятий и т. д. Однако практически не рассматриваются главные, по нашему мнению, проблемы. Это управление инновационной деятельностью на предприятиях, стимулирование инновационной активности персонала, экономические и социально-психологические барьеры на пути инновационного развития предприятий.

Понимая необходимость и всю сложность перехода экономики на инновационные рельсы, мы на протяжении ряда лет проводили исследования указанных проблем на предприятиях разных отраслей. В центре этих исследований находилась внутренняя среда предприятий. Проведенные исследования позволили сделать вывод, что на большинстве обследованных предприятий не сложилась система управления инновационной деятельностью персонала. На отдельных предприятиях стимулируется рационализаторская деятельность работников. Однако ее уровень очень низкий. Даже на крупных предприятиях одно внедренное рационализаторское предложение приходится на 100 и более работников в год.

Инновационная деятельность персонала в решающей степени зависит от системы трудовых отношений, в которую погружены работники. Они могут стимулировать инновационную активность, они же могут гасить ее, не давая возможности реализоваться инновационному потенциалу работников. Характерны в связи с этим результаты наших социологических опросов, проведенных на предприятиях разных отраслей, которые представлены в табл. 1.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что на предприятиях доля рабочих, считающих, что всякая инициатива наказуема, в 1,5 раза больше, чем доля рабочих, полагающих, что инициатива поощряется. Заслуживают особого внимания результаты опроса рабочих по поводу их отношения к рабочим-рационализаторам. Менее половины из них — около 40 % — относятся к ним уважительно и поддерживают их. Каждый третий считает

Таблица 1

**Оценка рабочими инновационной среды на предприятиях
(в % от числа респондентов) [1. С. 24]**

№ п/п	Вопросы и варианты ответов	Металлургический завод	Машиностроительный завод	Сельскохозяйственная организация
1	Скажите, пожалуйста, в Вашем коллективе какой принцип фактически действует:			
	— всякая инициатива поощряется;	40	44	36
	— всякая инициатива наказуема?	60	56	64
2	Если в Вашем цехе, участке есть рабочий-рационализатор, то (Вы):			
	— отношусь к нему с уважением и поддерживаю его;	35	44	41
	— считаю его выскочкой, нескромным человеком;	55	36	38
	— мне все равно, рационализатор он или нет	10	11	21

их выскочками, нескромными людьми, каждый десятый относится к ним равнодушно. Таким образом, проведенное исследование показало, что реальная система трудовых отношений предприятий неблагоприятна для проявления рабочими инновационной активности.

Предприятия, стремящиеся повысить инновационную активность персонала, возлагают особые надежды на менеджеров. В связи с этим нами были проведены опросы руководителей на ряде предприятий разных отраслей. Задача заключалась в том, чтобы выявить, достаточно ли мотивированы руководители проявлять инновационную активность. Полученные материалы опросов, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что на предприятиях сложилась такая ситуация, в которой более половины руководителей первичного уровня управления (мастера, начальники участков, смен и т. п.) считают, что инновационная активность наказуема.

Из материалов табл. 2 видно, что инновационная активность руководителей подрывается в связи с тем, что их непосредственные вышестоящие руководители не всегда поддерживают их инициативы. На это указывают более половины респондентов. Каждый второй руководитель имеет негативный опыт инновационной активности. Половина их вообще никак не была поощрена, каждый пятый-шестой руководитель был не рад, что предложили инновацию. Руководители низового уровня управления, по своему положению

больше других знающие недостатки и проблемы производства, поставлены в такие условия, что далеко не каждый из них заинтересован в инновациях.

На одном из машиностроительных заводов нами было выявлено отношение руководителей высшего и среднего уровней управления к инновационной активности. Опрос показал, что 14 и 27 % респондентов соответственно никак не поощрялись за инновации; были не рады, что предложили инновации, 7 и 8 % руководителей; считают, что инновация наказуема 14 и 15 %. Только 64 % руководителей высшего и 55 % среднего уровня управления полагают, что инновационная активность предприятий играет решающую роль в конкурентной борьбе. Каждый пятый руководитель (20 %) считает себя не способным к инновациям и не желает ими заниматься.

Таким образом, результаты опросов, проведенных на предприятиях трех отраслей, показывают, что практически не сложилась система управления инновационной деятельностью персонала; существующие системы трудовых отношений порождают психологические барьеры в сознании работников на инновационном пути развития предприятий; большинство менеджеров предприятий недооценивают роль инноваций в конкуренции, и значительная часть их не желают заниматься этой деятельностью.

На инновационную активность персонала предприятий влияют не только денежные поощрения,

Таблица 2

**Оценка инновационной среды предприятий руководителями
первичного (низового) уровня управления (в % от числа опрошенных) [2. С. 26]**

№ п/п	Вопросы и варианты ответов	Завод резинотехнических изделий	Металлургический завод	Машиностроительный завод
1	Скажите, пожалуйста, какой принцип в Вашем коллективе фактически действует:			
	— всякая инициатива поощряется;	38	34	52
	— всякая инициатива наказуема	62	66	48
2	Поддерживает ли Ваши инициативы вышестоящий руководитель?			
	— поддерживает;	47	44	44
	— не поддерживает	53	56	56
3	Если по Вашему предложению внедрены какие-нибудь инновации, то:			
	— Вас поощряли материально;	5	7	8
	— Вас поощряли только морально;	15	12	2
	— Вас поощряли материально и морально;	11	13	3
	— Вас никак не поощряли;	54	51	15
	— Я был не рад, что предложил инновацию	15	17	45
				9

но и социально-психологическая среда, в которой трудятся работники, а также корпоративная культура предприятия. Следовательно, необходима социальная мотивация работников, которая предполагает вовлеченность работников в дела предприятия. В том случае, если среди работников распространен фирменный патриотизм, работники крепко связаны с предприятием, то это неизбежно положительно отразится на уровне инновационной активности персонала. Если же предприятие воспринимается работниками как чуждый им бизнес, всего лишь как временное место работы, то трудно ожидать от них активности в инновационной сфере.

Несмотря на возросший интерес ученых к проблемам инновационной деятельности предприятий, до сих пор еще не сложилось общего толкования основных понятий, описывающих инновационные процессы. Так, например, неоднозначно трактуются понятия «инновация», «инновационная активность», «рационализаторство», «рационализаторское предложение» и т. д. Отсутствуют такие понятия, как «стиму-

лирование инновационной деятельности предприятия», «мотив инновационной деятельности работников», «внутренняя инновационная среда предприятия» и т. д. Вполне понятно, что это порождает недопонимание разных авторов, неточности в оценках инновационной деятельности предприятий, а также серьезные проблемы при развертывании инновационной деятельности персонала предприятий. Чтобы в какой-то степени преодолеть отмеченные недостатки, нами была разработана система основных понятий, описывающих инновационную деятельность предприятий (см. рисунок).

Чтобы оказать методическую помощь предприятиям в развитии инновационной деятельности, нами была разработана система стимулирования инновационной активности персонала предприятий «Инновация». В основу данной системы был положен опыт нашей работы на двух предприятиях — открытом акционерном обществе «Уралэлектромедь» (ОАО «Уралэлектромедь») и открытом акционерном обществе «Шадринский автоагрегатный завод» (ОАО «ШААЗ»).

Перечень понятий инновационной деятельности предприятия

Основные черты этой системы:

- целью системы является повышение эффективности производства и конкурентоспособности предприятия;
- основной задачей является усиление инновационной деятельности работников предприятия за счет разработки эффективной системы стимулирования инновационной деятельности персонала;
- данная система — это система мелких улучшений, то есть система инновационных предложений, по которым не рассчитывается экономический эффект. Эта система является российским вариантом японской системы бережливого производства «Гемба Кайдзен», практикуемой на предприятиях японской корпорации «Тойота».

Однако, если отдельные предложения могут принести значительный экономический эффект, они направляются в систему БРИЗ предприятия. В таких случаях по этим предложениям составляется проект, который рассматривает комиссия специалистов, определяется экономический эффект и рассчитывается размер вознаграждения авторам предложения, которое выдается не ранее чем по прошествии одного года с начала внедрения проекта.

Перечень инновационных предложений очень широк. Это предложения по совершенствованию

техники и технологии, высвобождению оборудования, улучшению организации производства, качества продукции, труда, управления, условий труда, обучения работников, использованию новшеств в виде организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого и административного или иного характера. Предложения признаются инновациями, если они ранее не внедрились на данном предприятии.

Непосредственные руководители ежемесячно осуществляют сбор, учет, оценку и стимулирование инноваций подчиненных работников. Руководитель принимает от подчиненных ему работников предложения, изложенные в письменной форме на специальном бланке, и регистрирует их в журнале.

Предложения подаются работниками индивидуально или группой, устно или письменно. Если работник не может сам оформить предложение, то руководитель на специальном бланке делает краткое описание текущей ситуации и предлагаемого изменения, указывает области, которые будут затронуты предложением: безопасность, качество, сокращение времени, затрат, рост производительности труда и прочие улучшения.

Положение о стимулировании инновационной активности работников ОАО «Уралэлектромедь» содержит меры материального и морального

стимулировании новаторов. Материальное поощрение не должно быть меньше 400 р. и больше 4500 р.

При разработке Положения особое внимание было уделено руководителям. В отношении их нужно было решить две задачи: заинтересовать их самих заниматься инновационной деятельностью и заинтересовать их в том, чтобы их подчиненные вносили инновационные предложения. Сравнительно просто решается первая задача — путем материального вознаграждения и морального поощрения руководителей. Гораздо сложнее оказалось решение второй задачи.

На подавляющем большинстве российских предприятий руководитель, как правило, поставлен в такие условия, что инновационная активность подчиненных работников лично ему не приносит ничего, кроме хлопот по поводу оформления предложения, ходатайства перед вышестоящим руководством, взятия на себя ответственности за оценку и зачастую за внедрение предложения. Таким образом, инициатива подчиненного работника дает руководителю дополнительную неоплачиваемую работу и ответственность. Из-за этого, как показывает практика, многие руководители негласно сдерживают инновационную активность подчиненных.

В связи с этим было принято решение поставить руководителей в особые условия так, чтобы они не только получали поощрение за инновации, но и экономически наказывались, если инновационную активность не проявляют они сами и их подчиненные. Это потребовало разработать особую систему стимулирования инновационной деятельности руководителей.

Чтобы соблюсти требования трудового законодательства, в должностные инструкции руководителей и в положения о структурных подразделениях вносятся статьи об обязательной инновационной деятельности. Следовательно, она вменяется им в обязанность, обретает юридическую основу. Кроме того, ведется учет и отчетность руководителей о внедренных ими ин-

новациях за каждый истекший месяц. Наряду с этим учитывается среднее число инноваций, приходящихся на одного подчиненного работника. Таким образом, руководитель оказывается лично заинтересованным в активизации инновационной деятельности подчиненного коллектива.

Оценка инновационной деятельности руководителей осуществляется по истечении каждого полугодия. Ознакомившись с отчетом руководителя, оценочная комиссия, определив его личную деятельность и деятельность подчиненного коллектива за полугодие, принимает решение: повысить норматив личной премии руководителя на следующее полугодие, сохранить его неизменным или понизить его на определенную величину. В этих условиях каждый руководитель получает экономический мотив: получить личное вознаграждение за счет повышения размера премии.

Накопленный опыт работы по системе «Инновация» показал, что она обязательно должна быть формализована. Она должна представлять собой систему документов, в которых прописаны для рядовых работников и особенно руководителей их права, обязанности, способы решения задач, возможные пределы вознаграждения и т. д. Система «Инновация» позволяет материально вознаграждать новаторов. Наряду с этим инновационная деятельность увлекает работников, поднимает их над однообразной текущей трудовой деятельностью, заставляет создавать новое.

Система «Инновация» была внедрена в ОАО «Уралэлектромедь» в 2010 г. Инновационная деятельность персонала до этого находилась на низком уровне. Так, в предшествующие внедрению системы «Инновация» годы подавалось от 100 до 150 инновационных предложений в год. Насколько велико влияние системы «Инновация» на инновационную активность работников, видно из табл. 3.

Данные табл. 3 показывают, что работа по системе «Инновация» дала очень высокий результат. В первый же год работы по этой системе произошел настоящий перелом в участии работников

Таблица 3

Динамика инновационной деятельности работников ОАО «Уралэлектромедь» в 2010—2013 гг.

№ п/п	Показатели	2010	2011	2012	2013
1	Количество работников, подавших инновационные предложения	2950	3449	2679	2847
2	Количество инновационных предложений	4005	4338	3545	3711
3	Выплаты по инновационным предложениям, тыс. р.	5699	8272	6069	6724
4	Средняя выплата на одно предложение, р.	1423	1907	1712	1813
5	Доля затрат на выплаты за инновационные предложения в фонде зарплаты ОАО, %	0,22	0,22	0,16	0,18

ОАО в отношении инновационной деятельности: было внедрено более 4 тыс. предложений. Все это повторилось в 2011 г. Снижение числа предложений в 2012—2013 гг. произошло в связи с повышением требований к инновациям.

Достоинство системы «Инновация» заключается в том, что она построена по простому и всем понятному принципу: «внес предложение — получи вознаграждение по итогам за месяц». Как показала практика, в среднем новатор за одно предложение получал: в 2010 г. — 1433 р., в 2011 г. — 1907 р., в 2012 г. — 1712 р., в 2013 г. — 1812 р. Расходы на оплату инновационной активности персонала оказались незначительными: от 0,22 до 0,16 % фонда зарплаты ОАО. Система «Инновация» оказала положительное влияние на динамику экономических показателей ОАО за первые три года — производительность труда выросла на 131 %, фонд зарплаты — на 135 %, средняя зарплата — на 151 %. Особенно выросли расходы на всевозможные льготы для работников — 180 %.

Такое большое повышение инновационной активности персонала ОАО «Уралэлектромедь» произошло за счет действия системы «Инновация». Она изменила отношение работников к инновациям, что удалось зафиксировать с помощью социологических опросов. Перед внедрением системы в 2009 г. был проведен опрос руководителей по их отношению к инновационной деятельности. А затем в 2013 г., то есть спустя 3 года, опрос был повторен. Опрос руководителей дал результаты, представленные в табл. 4.

Очень важными являются следующие результаты опроса. Получали материальное поощрение за инновации 21 % (2009) и 71 % (2013) опрошенных, то есть рост более чем в 3 раза. Практически не осталось, по мнению респондентов, морально-го поощрения без материального.

Выросла доля руководителей, желающих заниматься инновациями, в 1,4 раза, с 51 до 72 %, а доля нежелающих снизилась в 1,7 раза, с 49 до 28 %.

Таблица 4

**Сравнительный анализ итогов опросов руководителей
ОАО «Уралэлектромедь» по вопросам инновационной деятельности
(в % от числа опрошенных)***

Вопрос	Ответы	2009	2013
1. Приходилось ли Вам заниматься инновационной деятельностью?	Да	95,1	95,7
	Нет	4,9	4,3
2. Считаете ли Вы, что каждый руководитель должен заниматься инновационной деятельностью?	Да	88,1	69,6
	Нет	2,4	13,0
	Затрудняюсь ответить	9,5	17,4
3. Если по Вашему предложению внедрялись инновации, то:	Вас поощряли:		
	Материально	21,6	71,1
	Морально	24,3	0,0
	Материально и морально	48,6	26,7
	Никак не поощряли	18,9	2,2
4. Способны ли Вы к инновациям?	Я был не рад, что сделал предложение	2,7	0,0
	Да	84,6	86,4
5. Желаете ли заниматься инновациями?	Нет	15,4	13,6
	Да	51,3	72,4
6. Какой принцип действует на предприятии?	Нет	48,7	27,6
	Да	51,3	72,4
7. Какой принцип действует на предприятии?	Всякая инициатива поощряется	33,3	78,0
	Всякая инициатива наказуема	66,7	22,0
8. Ориентируете ли Вы подчиненных на инновационную деятельность?	Всякая инициатива поощряется	33,3	78,0
	Всякая инициатива наказуема	66,7	22,0
9. Проявляют ли подчиненные инновационную активность?	Да	95,1	63,6
	Нет	4,9	75,0
	Проявляют часто	46,3	34,2
9. Оцените уровень рационализаторской работы на предприятии.	Редко	53,7	60,5
	Не проявляют	2,4	5,3
	Высокий	—	21,2
9. Оцените уровень рационализаторской работы на предприятии.	Средний	—	48,5
	Низкий	—	6,1
	Затрудняюсь ответить	—	24,2

* Опросы были проведены в августе 2009 г. (опрошено 10 % их числа) и в июле 2013 г. (11 %).

Окончание табл. 4

10. Что нужно предпринять для улучшения инновационной деятельности на предприятии?	Увеличить размер материального поощрения	–	43,8
	Регулярное посещение тематических выставок, семинаров, презентаций	–	0,0
	Создать отдельную группу по мониторингу и внедрению инноваций	–	6,3
	Изменить систему экспертной оценки	–	6,3
	Повысить материальную заинтересованность	–	37,5
	СМК не должна быть формальностью	–	6,3

Доля респондентов считающих, что на предприятии действует принцип «всякая инициатива поощряется», выросла с 33 до 78 %, то есть более чем в 2 раза. А доля респондентов, считающих, что действует принцип «всякая инициатива наказуема», уменьшилась в 3 раза (с 67 до 22 %). Следовательно, получен не только экономический, но и социальный эффект. Стимулирование инновационной деятельности на предприятии значительно улучшилось.

Опыт применения системы «Инновация» выявил следующие ее сильные стороны. Прежде всего она меняет социально-психологическую среду, в которой находятся новаторы. Работники получают четкий сигнал о том, что инновационная деятельность всячески поощряется материально и морально. По итогам каждого полугодия определяются лучшие по инновационной активности структурные подразделения, руководители, специалисты и рядовые работники. Инициатива и

новаторство уже не являются наказуемым делом. Перед руководителями-новаторами открывается путь к карьерному росту.

Главная заслуга системы «Инновация» состоит в том, что она преодолевает уравнильность в распределении зарплаты между творчески активными и пассивными руководителями и рядовыми работниками. А это приводит к улучшению социально-психологической среды на предприятии, поднимает уровень корпоративной культуры, фирменного патриотизма, понижает уровень оппортунистического поведения персонала. Вместе с тем повышается экономическая и социальная ответственность работников. Все это вместе взятое существенно улучшает отношение работников к труду, повышает инновационный потенциал персонала предприятия. По существу, на основе системы «Инновация» на предприятиях реально происходит модернизация трудовых отношений.

Список литературы

1. Белкин, В. Н. Социально-экономические основы оппортунизма работников российских предприятий : монография / В. Н. Белкин, Ю. В. Безобразова. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2011. — 160 с.
2. Белкин, В. Н. Модернизация трудовых отношений на российских предприятиях (опыт открытого акционерного общества «Уралэлектромедь») : монография / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2013. — 73 с.
3. Емельянов, Ю. С. Человеческий капитал в модернизации России: институциональный и корпоративный аспекты / Ю. С. Емельянов, А. А. Хачатурян. — М. : Едиториал УРСС, 2011. — 416 с.
4. Эльянов, А. Я. Проблемы модернизации в эпоху глобализации / А. Я. Эльянов // Современные проблемы развития : материалы теорет. семинара в ИМЭМО РАН. — М. : ИМЭМО РАН, 2010. — С. 236—239.
5. Белкин, В. Н. Совершенствование управления инновационным потенциалом промышленного предприятия / В. Н. Белкин, Н. А. Лузин. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2014. — 136 с.
6. Лукичева, Л. И. Управление интеллектуальным капиталом : учеб. пособие / Л. И. Лукичева. — М. : Омега-Л, 2010. — 239 с.
7. Лукичева, Л. И. Управление интеллектуальным капиталом / Л. И. Лукичева. — М. : Омега-Л, 2009. — 551 с.
8. Лукичева, Л. И. Внутрифирменное управление интеллектуальными активами / Л. И. Лукичева, Д. Н. Егорычев. — М. : Омега-Л, 2004. — 124 с.

9. Экономика и финансовое обеспечение инновационной деятельности : учебник : в 2 т. Т. 2: Финансовое обеспечение / С. Н. Яшин, И. Л. Туккель, Е. В. Кошелев, Ю. В. Захарова. — Н. Новгород : Изд-во Нижегород. госун-та, 2016. — 709 с.
10. Руус, Й. Интеллектуальный капитал: практика управления / Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрём ; пер. с англ. под ред. В. К. Дерманова. — СПб. : Высш. шк. менеджмента, 2010. — 238 с.
11. Брукинг, Э. Интеллектуальный капитал / пер. с англ. под ред. Ковалик. — СПб. : Питер, 2001. — 288 с.
12. Горшенин, В. П. Управление инновационным потенциалом персонала корпорации : дис. ... д-ра экон. наук / В. П. Горшенин. — Челябинск, 2006. — 384 с.
13. Гунин, В. Н. Инновационная активность предприятий: сущность, содержание, формы / В. Н. Гунин. — М. : ГУУ, 2000. — 114 с.
14. Дерманов, В. К. Интеллектуальный капитал: практика управления. Рецензия на книгу: Roos G., Pike S., Fernstrom L. *Managing Intellectual Capital in Practice*. 2005 г. / В. К. Дерманов // Рос. журн. менеджмента. — 2006. — Т. 4, № 3. — С. 171—180.
15. Егоршин, А. П. Мотивация трудовой деятельности : учеб. пособие / А. П. Егоршин. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 464 с.
16. Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технической безопасности / под ред. В. Л. Макарова. — М. : Наука, 2004. — 128 с.

Сведения об авторах

Белкин Владимир Никифорович — доктор экономических наук, профессор, директор Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Белкина Надежда Андреевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономико-правовых основ управления» Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 78—88.*

MODERNIZATION OF LABOUR RELATIONS AT RUSSIAN ENTERPRISES

V.N. Belkin

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

N.A. Belkina

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

O.A. Antonova

*Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru*

The article focuses on the socio-economic issues of modernization of labour relations at Russian enterprises, as one of the conditions for the modernization of the entire economy. In the proposed study, a hypothesis is advanced, according to which it is assumed that at this stage of the development of the Russian economy, the modernization of labour relations at enterprises is possible without fundamental changes in the system of ownership relations between the means of production and management relations. The processes of modernization of labour relations are considered on the example of the introduction into practice at a number of enterprises of the author's System for Stimulating Innovative Activity of Personnel "Innovation". The article uses the materials of sociological surveys, both ordinary workers of enterprises and their managers, which allows convincingly to show the possibility of real processes of labour relations modernization in modern Russian conditions, which confirms the hypothesis put forward.

Keywords: *modernization of the country's economy, modernization of the labour relations of the enterprise, a system for stimulating the innovative activity of personnel at innovation enterprises, innovative activity of enter-*

prise personnel, modernization of state policy, management systems for innovative activity of enterprise personnel, ways to modernize national economies, the path of westernization and the national path, the socio-psychological internal enterprise environment.

References

1. Belkin V.N., Bezobrazova Yu.V. *Sotsial'no-ekonomicheskiye osnovy opporunizma rabotnikov rossiyskikh predpriyatiy* [Socio-economic basis of employees' opportunism in Russian enterprises]. Yekaterinburg, Institute of Economics, UrB RAS Publ., 2011. 160 p. (In Russ.).
2. Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A. *Modernizatsiya trudovykh otnosheniy na rossiyskikh predpriyatiyakh* [Modernization of labour relations at Russian enterprises]. Yekaterinburg, Institute of Economics, UrB RAS Publ., 2013. 73 p. (In Russ.).
3. Yemel'yanov Y.S., Khachatryan A.A. *Chelovecheskiy kapital v modernizatsii Rossii: institutsional'nyy i korporativnyy aspekty* [Human Capital in Russia's Modernization: Institutional and Corporate Aspects]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 416 p. (In Russ.).
4. El'yanov A.Ya. Problemy modernizatsii v epokhy globalizatsii [Problems of Modernization in the Era of Globalization]. *Sovremennye problemy razvitiya* [Modern problems of development]. Moscow, 2010. Pp. 236—239. (In Russ.).
5. Belkin V.N., Luzin N.A. *Sovershenstvovaniye upravleniya innovatsionnym potentsialom promyshlennogo predpriyatiya* [Improving the management of the innovative potential of an industrial enterprise]. Yekaterinburg, Institute of Economics, UrB RAS Publ., 2014. 136 p. (In Russ.).
6. Lukicheva L.I. *Upravleniye intellektual'nyim kapitalom* [Management of Intellectual Capital]. Moscow, Omega-L Publ., 2010. 239 p. (In Russ.).
7. Lukicheva L.I. *Upravleniye intellektual'nyim kapitalom* [Management of Intellectual Capital]. Moscow, Omega-L Publ., 2009. 551 p. (In Russ.).
8. Lukicheva L.I. *Vnutrifirmennoye upravleniye intellektual'nymi aktivami* [Intrafirm management of intellectual assets]. Moscow, 2004. 124 p. (In Russ.).
9. Yashin S.N., Tukkel' I.L., Koshelev E.V., Zakharova Yu.V. *Ekonomika i finansovoye obespecheniye innovatsionnoy deyatel'nosti in 2 t. T. 2: Finansovoye obespecheniye* [Economics and financial support of innovation in 2 vol. Vol. 2: Financial security]. Nizhny Novgorod, 2016. 709 p. (In Russ.).
10. Ruus J. *Intellektual'nyy kapital: praktika upravleniya* [Intellectual Capital: Management Practice]. St. Petersburg, 2010. 238 p. (In Russ.).
11. Brooking E. *Intellektual'nyy kapital* [Intellectual Capital]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p. (In Russ.).
12. Gorshenin V.P. *Upravleniye innovatsionnym potentsialom personala korporatsii* [Management of the innovative potential of staff corporation]. Chelyabinsk, 2006. 384 p. (In Russ.).
13. Gunin V.N. *Innovatsionnaya aktivnost' predpriyatiy: sushchnost', sodержaniye, formy* [Innovative activity of the enterprises: essence, the content, forms]. Moscow, GUU Publ., 2000. 114 p. (In Russ.).
14. Dermanov V.K. *Intellektual'nyy kapital: praktika upravleniya*. Retsenziya na knigu: Roos G., Pike S., Fernstrom L. *Managing Intellectual Capital in Practice*. 2005 [Intellectual Capital: Practice of Management. Book review: Roos G., Pike S., Fernstrom L. *Managing Intellectual Capital in Practice*. 2005]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2006, vol. 4, no. 3, pp. 171—180. (In Russ.).
15. Egorshin A.P. *Motivatsiya trudovoy deyatel'nosti* [Motivation of labour activity]. Moscow, 2006. 464 p. (In Russ.).
16. Makarov V.L. *Innovatsionnyy menedzhment v Rossii: voprosy strategicheskogo upravleniya i nauchno-tekhnicheskoy bezopasnosti* [Innovative management in Russia: issues of strategic management and scientific and technical safety]. Moscow, 2004. 128 p. (In Russ.).

УДК 334.71
ББК 65.301-56

ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНЫЙ АМОРТИЗАЦИОННЫЙ МУЛЬТИПЛИКАТОР ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ¹

Ф. Я. Леготин¹, Г. Н. Пряхин²

¹ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена уточнению возможностей использования мультипликативных свойств амортизации для оценки потенциала роста инвестиционной активности промышленного предприятия. Амортизация рассматривается как важнейший способ массового обновления основного производственного капитала и как метод расширенного воспроизводства новой техники. Предложена расширенная система параметров, определяющих механизм действия амортизационного фонда промышленного предприятия. Обоснован алгоритм расчета амортизационного мультипликатора-ускорителя. Выдвинута идея о том, что методика амортизационного мультипликатора может быть важным инструментом политики научно-технического развития, обеспечивающим ускоренный рост инновационной активности российских промышленных предприятий.

Ключевые слова: механизм, амортизация, реновация, накопитель, инвестиции, инновационная активность.

Нормативный срок полезного использования активной части основных средств (группы ОС № 4—7) в России составляет 20 лет согласно закону «О налоге на прибыль организаций», ФЗ № 110 от 5.08.2001, гл. XXV НК РФ. Техническое состояние и паспортную производительность этой техники обеспечивают действующие системы планово-предупредительных ремонтов машин и оборудования. Конкурентные же преимущества предприятий создаются за счет реновации и модернизации рабочих механизмов активной части машин и оборудования. Важнейшим источником инвестиционной и инновационной активности научно-технической модернизации является собственный чистый доход в виде экспоненциальных, линейных, нелинейных амортизационных накопителей и накопленной чистой прибыли предприятий. Предлагаемый в работе экспоненциальный амортизационный мультипликатор представляет собой важнейшую основу финансового источника, создающего повышательную инвестиционную активность научно-технического развития предприятий тяжелой промышленности.

Инвестиционно-экономическая активность предприятий носит в мире циклический характер: возникновению циклов предшествуют научные открытия, изобретения, создание новых видов производственных ресурсов, а также экологические катастрофы, военные угрозы и другие факторы. Вопросам циклического развития экономики, причинам колебаний экономической активности уделяли внимание многие выдающиеся

ученые-экономисты [10—15]. Однако до сих пор «происхождение циклических колебаний остается неразрешимой загадкой» [6].

Важнейшая теория экономических циклов (длинных волн, или больших циклов 48—55 лет) принадлежит русскому экономисту Н. Д. Кондратьеву [4]. Повторяемость длинных волн Кондратьев связывал «с особенностями обновления основного капитала, вложенного в долгосрочные производственные фонды: здания, сооружения, коммуникации. Смена и расширение этих фондов идет не плавно, а толчками, вызывая тем самым большие циклы конъюнктуры» [3]. Экспоненциальный амортизационный мультипликатор¹ представляет собой важнейшую основу финансово-экономического механизма, создающего повышательную инвестиционную активность научно-технического развития на существующей базе амортизационного фонда предприятий России.

Амортизационный фонд — это крупнейший финансовый источник целевых средств предприятия, которые использовались до 1998 г. строго

¹ Мультипликатор как экономическое понятие разработан Джоном Кейнсом в его «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) со ссылкой на первого разработчика понятия «мультипликатор занятости» — английского экономиста-математика Ричарда Кана. Латинское слово *multiplcator* — умножающий. Латинское *multum* — первая составная часть сложных слов, указывающая на множественность, многократность. Вторая часть слова — *plicare* — складывать. Если суммировать: мультипликатор — умножитель.

по назначению на полное воспроизводство или на реновацию основных средств как капитальные вложения на простое производственное развитие. Именно до 1998 г. амортизационные отчисления, в том числе рассчитываемые ускоренным методом, использовались строго «по целевому назначению»; в противном случае они не включались в себестоимость продукции, а направлялись в прибыль для налогообложения. Правительством РФ (Постановление № 1672 от 31.12.1997) были отменены соответствующие пункты Положения о составе затрат [7]. Таким образом, с 1998 г. все амортизационные отчисления, в том числе рассчитанные ускоренным методом и использованные «не по назначению», согласно установленным нормам (Постановление Правительства РФ № 967 от 19.08.1994) включаются в себестоимость продукции (работ и услуг). Другими словами, амортизационные отчисления — это право на налоговые вычеты, а не на обязанность осуществлять капитальные вложения на реновацию основных средств данного предприятия. Тем не менее амортизация как источник капитальных вложений должна инвестироваться и ныне в эффективных инновационных направлениях производственного развития, создавая конкурентоспособное производство согласно принятой стратегии развития технико-экономической политики предприятия. Амортизационный фонд (А) предприятия — это прежде всего инвестиционный и инновационный источник расширенного воспроизводства основных средств (ОС) и нематериальных активов (НМА) предприятия, а не простого, как это было принято ранее «Положением о составе затрат...». Докажем это утверждение.

§ 1. Амортизационный фонд предприятия.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации [3] определяем амортизационный фонд A^t в плановом году формулой (1), [8—10]:

$$A^t = \bar{C}(t) \times \bar{N}_i = \frac{\bar{C}(t)}{\bar{T}} = \frac{\sum_{i=1}^{10} C_i^+ + \bar{C}_{об} - \bar{C}_{об}}{\sum_i \{\bar{C}_i \times T_i\}}, \quad (1)$$

$$t \in \bar{T}, t = 1, 2, \dots, \bar{T}, i = 1, 2, \dots, 10, \text{ млрд р.},$$

где: A^t — в плановом году t , млрд р./год;

$\bar{C}(t)$ — среднегодовая амортизируемая стоимость ОС по первоначальной оценке в плановом году t , млрд р.;

$\bar{N}_i$ — средневзвешенная норма амортизации $\bar{N}_i$ по группам ОС: $i = 1, 2, \dots, 10$;

$\bar{T}$ — средневзвешенный оборот обновления ОС предприятия, лет;

T_i — нормативный срок службы ОС согласно учетной политике предприятия, $\bar{T}$ лет;

$\sum_{i=1}^{10} C_i^+$ — суммарная стоимость ОС на начало года в группах ОС от $i = 1, 2, \dots, 10$, млрд р.;

$\bar{C}_{об}, \bar{C}_{об}^-$ — среднегодовая стоимость ОС: соответственно вводимых и выбывающих ОС в плановом году t ; млрд р.;

$\bar{C}_i$ — среднегодовая стоимость ОС по группам $i = 1, 2, \dots, 10$ в году t , млрд р.;

$i = 1, 2, \dots, 10$ — номера групп и виды ОС, согласно закону [3] и ПП¹ РФ.

Среднегодовую амортизируемую стоимость основных средств, в году t по первоначальной оценке определяем выражением (2):

$$\bar{C}(t) = \sum_{i=1}^{10} C_i^+ + \frac{\sum C_i^+ \times t_i^a}{12} - \frac{\sum C_i^- \times t_i^{на}}{12}, \quad (2)$$

$$t \in \bar{T}, i = 1, 2, \dots, 10, \text{ млрд р.}$$

а средневзвешенный оборот обновления ОС — $\bar{T}$ предприятия составит (3):

$$\bar{T} = \frac{\sum_{i=1}^{10} \{\bar{C}_i \times T_i\}}{\sum_i \bar{C}_i}, \quad i = 1, 2, \dots, 10 \text{ лет.} \quad (3)$$

Преобразуем статический алгоритм амортизационного фонда в динамический и уточним его выражением (4), согласно представленной схеме на рис. 1 [9; 10]:

$$A^t = \frac{\sum_{i=1}^{10} C_i^+ + \frac{C_1^+ \times t_1^a + C_2^+ \times t_2^a + \dots + C_{10}^+ \times t_{10}^a}{12} - \frac{C_1^- \times t_1^{на} + C_2^- \times t_2^{на} + \dots + C_{10}^- \times t_{10}^{на}}{12}}{\frac{\bar{C}_1 \times T_1 + \bar{C}_2 \times T_2 + \dots + \bar{C}_{10} \times T_{10}}{\bar{C}_1 + \bar{C}_2 + \dots + \bar{C}_{10}}}, \text{ млрд р.}, \quad (4)$$

где C_i^+, C_i^- — стоимость ОС в i -группе по первоначальной оценке соответственно введенных амортизируемых (+) и выбывающих из состава амортизируемых (–) в плановом году t , млрд р.;

$t_i^a, t_i^{на}$ — число месяцев до конца планового периода: соответственно амортизируемых и не амортизируемых по объекту ОС.

¹ Постановление Правительства РФ № 1 от 01.01.2002.

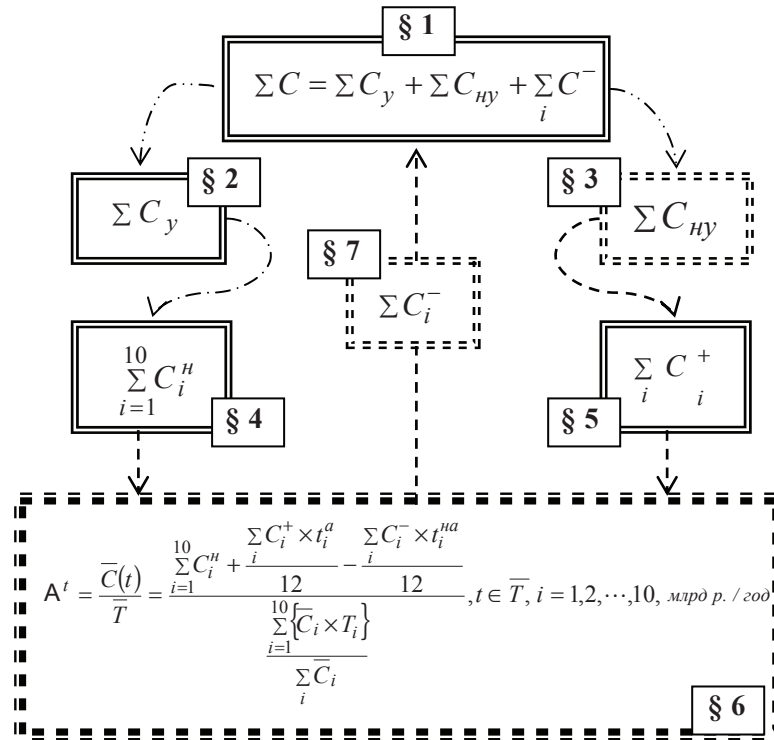

Рис. 1. Алгоритм амортизационного фонда в динамике — A^t без ускорителя — $J_{A(t)} = 1,0$

Условные обозначения по параграфам, принятым на рис. 1:

§ 1

$\Sigma C = \Sigma C_y + \Sigma C_{ну} + \Sigma C_i^-$ — все наличное оборудование (основные средства) предприятия условно делятся на три части (установленное оборудование § 2; не установленное оборудование § 3; работающее оборудование амортизируемое § 4 и работающее самортизированное § 7).

§ 2

ΣC_y — установленное оборудование — это смонтированное и сданное в эксплуатацию оборудование. Установленное оборудование, в свою очередь, подразделяется на работающее и не работающее. К работающему относится оборудование, проработавшее в течение суток более 15 мин. Неработающим считается оборудование, находящееся в планово-предупредительном ремонте, на модернизации, в простое и резерве. Работающее оборудование, в свою очередь, делится на амортизируемое и не амортизируемое. На схеме не показано.

§ 3

$\Sigma C_{ну}$ — не установленное оборудование; например, в монтаже, наладке и пр., которое не амортизируется.

§ 4

$\Sigma_{i=1}^{10} C_i^H$ — работающее оборудование: сумма амортизируемых первоначальных стоимостей этих основных средств на начало года $t \in \bar{T}, t = 1, 2, \dots, \bar{T}$ в группах от $i = 1, 2 \dots 10$ прибывает из числа установленного, то есть из § 2 в § 6.

§ 5

$\Sigma_i C_i^+$ — стоимость введенных амортизируемых ОС из § 3 (+) основных средств в группах $i = 1, 2 \dots 10$ в плановом году.

§ 6

A^t — амортизационный фонд предприятия:

$$A^t = \frac{\bar{C}(t)}{T} = \frac{\sum_{i=1}^{10} C_i^H + \frac{\sum C_i^+ \times t_i^a}{12} - \frac{\sum C_i^- \times t_i^{na}}{12}}{\frac{\sum_{i=1}^{10} \{ \bar{C}_i \times T_i \}}{\sum_i C_i}}, t \in \bar{T}, i = 1, 2, \dots, 10; \text{млрд р. / год}$$

§ 7

$\Sigma_i C_i^-$ — работающее оборудование, но уже самортизированное по группам ОС $i = 1, 2 \dots 10$, выбывающее из состава амортизируемых (–) в плановом году t ;

Некоторые нормативные показатели для оценки параметров амортизационного фонда A^t сведены нами в табл. 1.

Таблица 1

Среднегодовая стоимость, нормативный срок службы, коэффициент ускорения и норма нелинейного способа амортизации основных средств предприятия

Номер группы ОС: $i = 1, 2 \dots 10$	Коэффициент ускорения по группам ОС: $i = 1, 2 \dots 10$ Ку	Среднегодовая стоимость $\bar{C}_i$, $i = 1, 2 \dots 10$, млрд р.	Нормативный срок службы ОС: Т, лет, согласно учетной политике	$\bar{C}_i \times T$, $i = 1, 2 \dots 10$	Норма амортизации за месяц НЛС, %
I	1	41	2	82	14,3
II	1	750	3	2250	8,8
III	1	1750	4	7000	5,6
IV	1; 2; 3	—			3,8
V	1; 2; 3	3500	8	28 000	2,7
VI	1; 2; 3	—			1,8
VII	1; 2; 3	500	16	8000	1,3
VIII	1	—			1,0
IX	1	1500	28	4200	0,8
X	1	1000	45	45 000	0,7

По данным табл. 1 [8—11]: (средневзвешенный оборот обновления ОС составит — $\bar{T} = 15$ лет; 2) амортизационный фонд в плановом году — $A' = 599,5$ млрд р.

§ 2. Экспоненциальный амортизационный мультипликатор как интегратор-ускоритель амортизационного фонда предприятия. Идея создания экспоненциального амортизационного интегратора-ускорителя основана на применении формулы мультипликатора коэффициента производственной мощности (КМ) Ломана — Рухти [11] при формировании A' (5):

$$KM = \frac{2}{1 + \frac{1}{T}}, \tag{5}$$

где T — единый срок жизни техники, лет.

Амортизационный интегратор-ускоритель получим после преобразования A , средневзвешенного оборота обновления ОС — $\bar{T}$ и коэффициента производственной мощности КМ (формулы 1, 3 и 5), который имеет вид (6):

$$\exp J(A) = \frac{2}{1 + \frac{1}{T}} = \frac{2 \times \bar{T}}{\bar{T} + 1} = \frac{2}{1 + \frac{\sum_{i=1}^{10} \bar{C}_i}{\sum_{i=1}^{10} \bar{C}_i \times T_i}} \tag{6}$$

$$t \in \bar{T}; t = 1, 2, \dots, \bar{T}; i = 1, 2, \dots, 10, \dots$$

Амортизационный интегратор при $J_{v(t)} \geq 1,0$ можно представить в виде дифференциального уравнения с разделяющимися переменными (по

Б. А. Лагоше) [7]: $\frac{\partial A}{\partial t} = t \times A$ при $A(0) = A$, откуда разделение переменных согласно теореме Коши дает $\frac{\partial \sqrt{A}}{\sqrt{A}} = t \times \partial t$. Интегрируя левую и правую части уравнения по A и по t , получим $\ln|A| = \frac{t^2}{2} + \ln A$. После потенцирования находим общий вид амортизационного интегратора $A(t) = A \times \exp\left(\frac{t^2}{2}\right)$. Заменяем в формуле «потенциометра» Коши [Там же] экспоненту $\exp\left(\frac{t^2}{2}\right)$ на экспоненциальный ускоритель множитель Ломанна — Рухти, преобразованный в авторский (6), получим амортизационный интегратор с ускорителем экспоненциального типа (7):

$$A(t) = A \times \exp J\left(\frac{2 \times \bar{T}}{\bar{T} + 1}\right); \tag{7}$$

с экспоненциальным ускорителем в виде формулы (8):

$$\int_{t=1}^{\bar{T}} \frac{\partial A}{\partial t} = A \times \exp J(A_t) = A \times \exp J\left\{\frac{2 \times \bar{T}}{\bar{T} + 1}\right\} =$$

$$2 \times \sum_{i=1}^{10} C_i^n + \frac{C_1^+ \times t_1^a + C_2^+ \times t_2^a + \dots + C_{10}^+ \times t_{10}^a}{6} -$$

$$\frac{C_1^- \times t_1^{na} + C_2^- \times t_2^{na} + \dots + C_{10}^- \times t_{10}^{na}}{6}$$

$$= \exp \frac{\sum_{i=1}^{10} \bar{C}_i \times T_i}{\sum_{i=1}^{10} \bar{C}_i} + 1 \tag{8}$$

где $\int_{t=1}^{\bar{T}} \frac{\partial A}{\partial t}$ — амортизационный финансово-экономический мультипликатор (интегратор), млн р./год; $t \in \bar{T}$,

$t = 1, 2, \dots, \bar{T}$ — средневзвешенный оборот амортизуемого капитала, лет;

$\exp J(A_t) \geq 1,0$ — экспоненциальный амортизационный ускоритель в обороте $t \in \bar{T}$.

На рис. 2 нами построен экспоненциальный амортизационный мультипликатор-ускоритель в обороте по формуле

$$\int_{t=1}^{\bar{T}} \frac{\partial A}{\partial t} = A \times \exp J \left(\frac{2 \times \bar{T}}{\bar{T} + 1} \right)$$

при значениях: $A = 100$ млрд р., по вертикали и по горизонтали — сроки жизни техники $\bar{T} = 2; 3; 4; 5; 10; 20; 40$ лет [8; 9].

Амортизационный мультипликатор — это новый гомеостатический уровень инвестиционной активности, основанный на применении экспоненциального индекса-ускорителя амортизационного капитала. Траектория поступательного расширенного экономического развития заложена не только в чистой прибыли, но и в составе и структуре основного капитала, то есть в амортизационной и научно-технической политике предприятия, обеспечивающей устойчивое нециклическое развитие всей экономической системы. Амортизационный интегратор, основанный на применении экспоненциального индекса-ускорителя, обеспечивает положительную обратную связь в системе и способен вывести ее на совершенно новую орбиту экономического развития и не допустить

ожидаемой рецессии промышленного фондоемкого предприятия [9; 10].

§ 3. Параболические и другие нелинейные амортизационные мультипликаторы — надежные источники ускоренного воспроизводства машин и оборудования России. Положительную обратную связь создают также методы начисления амортизации: способ уменьшаемого остатка, нелинейные налоговые способы¹ с коэффициентами ускорения $K_y = 1 \rightarrow 2 \rightarrow 3$; амортизационная премия на инновационные инвестиции²: 10 % суммы инвестиций по достройке, дооборудованию и др. с 2006 г.; повышенная премия 30 % с 2009 г. на объекты $i = 3; 4; 5; 6$ и 7. Наряду с премией предприятия имеют право начислить очередную амортизацию за указанный период. Амортизация способом списания стоимости по сумме чисел лет срока полезного использования T ежегодно начисляется исходя из первоначальной стоимости объекта ОС — C , умноженной на норму амортизации — $N_{\sum t \in T}$, определяемой

в текущем году t по формуле (9):

$$N_{\sum t \in T} = \frac{T_0}{\sum_{t \in T} t}, \tag{9}$$

¹ Изменения внесены законами от 22.07.2008 № 158-ФЗ и от 26.11.2008 № 224-ФЗ в главу 25 «Налог на прибыль организаций», введены с 01.01.2009.

² Введена с 2006 г. Федеральным законом № 58-ФЗ от 06.06.2005 для организаций. С 01.01.2009 начисляется повышенная премия в размере 30 % на объекты $i = 3; 4; 5; 6$ и 7.

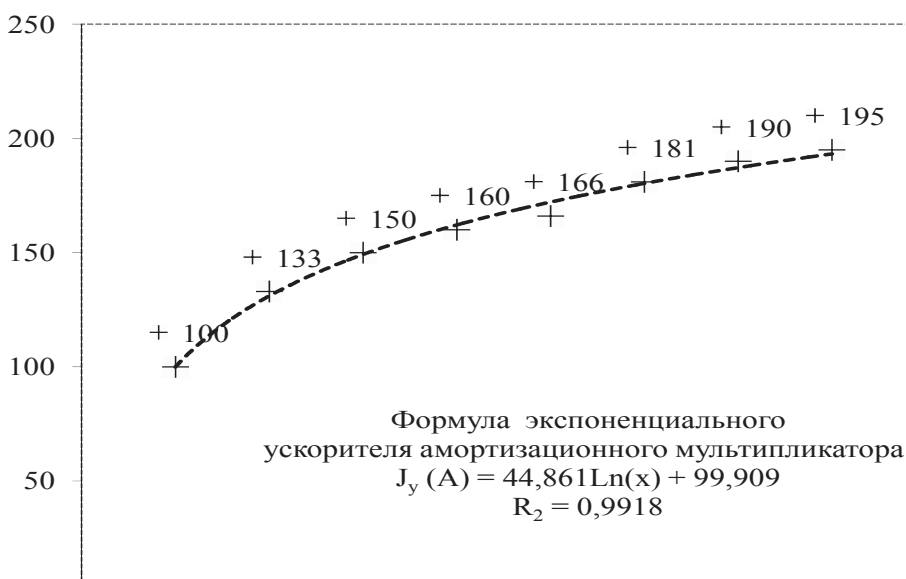

Рис. 2. Экспоненциальный финансово-амортизационный мультипликатор,

$$\int_{t=1}^{\bar{T}} \frac{\partial A}{\partial t} = A \times \exp J \left(\frac{2 \times \bar{T}}{\bar{T} + 1} \right), \text{ млрд р./год}$$

где T_o — число лет, остающихся до конца срока службы объекта ОС; определяем по формуле $T_o = T - t + 1$;

$\sum T$ — сумма чисел лет срока полезного использования T , объекта ОС, определяемая по формуле (10)

$$\sum T = T \times \frac{T+1}{2}. \tag{10}$$

После подстановки получим переменную норму амортизации в виде выражения (11) [4; 5]:

$$N_{\sum t \in T} = \frac{T_o}{\sum_{t \in T} T} = \frac{T-t+1}{\frac{T \times (T+1)}{2}} = \frac{2 \times (T-t+1)}{T \times (T+1)} \tag{11}$$

или в процентах

$$N_{\sum t \in T} = \frac{2 \times (T-t+1)}{T \times (T+1)} \times 100\%.$$

Ежегодная сумма амортизации $A_{\sum t \in T}$ определится по формуле (12):

$$A_{\sum t \in T} = C \times N_{\sum t \in T} = C \times \frac{2 \times (T-t+1)}{T \times (T+1)}, \text{ тыс. р.} \tag{12}$$

Так, для объекта стоимостью $C = 42\,000$ тыс. р., срок полезного использования $T = 10$ лет, рассчитаем показатели амортизации и результаты сведем в табл. 2. Ежегодная накопленная параболическая амортизация и остаточная стоимость объекта приведены на гистограмме, рис. 3 [9; 10; 12; 15].

Таблица 2

Расчет амортизации способом списания стоимости по сумме чисел лет срока полезного использования T

$t = 1, 2 \dots 10, T$, лет	C	$N_{\sum t \in T}$	$A(t)$	$\sum_t A(t)$	C_n	C_k	$\bar{c}_o$
1	42 000	18,18	7 636,36	7 636,36	42 000,00	34 363,64	38 181,82
2	42 000	16,36	6 872,73	14 509,09	34 363,64	27 490,91	30 927,27
3	42 000	14,54	6 109,09	20 618,18	27 490,91	21 381,82	24 436,36
4	42 000	12,72	5 345,45	25 963,64	21 381,82	16 036,36	18 709,09
5	42 000	10,9	4 581,82	30 545,45	16 036,36	11 454,55	13 745,45
6	42 000	9,09	3 818,18	34 363,64	11 454,55	7 636,36	9 545,45
7	42 000	7,27	3 054,55	37 418,18	7 636,36	4 581,82	6 109,09
8	42 000	5,45	2 290,91	39 709,09	4 581,82	2 290,91	3 436,36
9	42 000	3,63	1 527,27	41 236,36	2 290,91	763,64	1 527,27
10	42 000	1,81	763,64	42 000,00	763,64	0,00	381,82

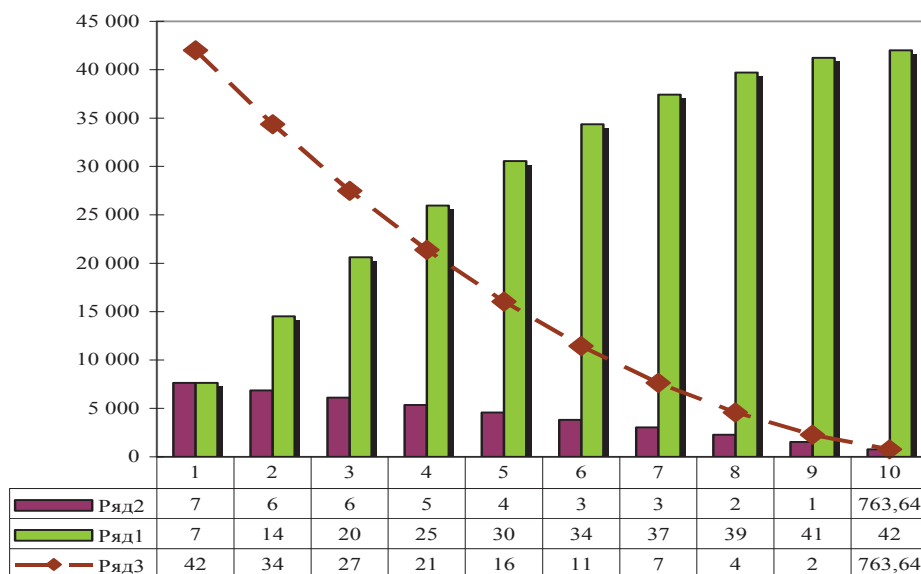

Рис. 3. Гистограмма годовой (ряд 2) и накопленной параболической (ряд 1) амортизации по сумме чисел T лет (C_o , ряд 3)

Так, а) при двух и б) при трех последовательно введенных объектах ОС; и при сроках а) $T = 3$ года, б) $T = 5$ лет.

Индекс-ускоритель амортизационного капитала интерпретируется как индекс роста производственной мощности предприятия [2; 10; 14; 15] соответственно: а) в 1,5 раза и б) в 1,67 раза и т. д., а также наблюдаем мультипликативный рост стоимости капитала фирмы в разы:

$$\int_{t=1}^{\bar{T}} \frac{\partial A}{\partial t} = A \times \exp J \left\{ \frac{2 \times \bar{T}}{\bar{T} + 1} \right\} \Rightarrow$$

$$\Rightarrow a) A \times \exp J \left[\frac{2 \times 3}{3 + 1} \right] = 1,5; \Rightarrow б) A \times$$

$$\times \exp J \left\{ \frac{2 \times 5}{5 + 1} \right\} \approx 1,67.$$

Таким образом, амортизационный мультипликатор представляет собой важнейшую теоретиче-

скую основу финансово-экономического механизма, создающего повышательную инвестиционную активность предприятий тяжелой промышленности России, обеспечивающих ускоренный рост инновационной активности российских промышленных предприятий при техническом и технологическом перевооружениях, а также при массовом обновлении основного производственного капитала промышленных организаций, предприятий и комплексов.

Применение инструментария амортизационного мультипликатора в финансовой политике позволит добиться ускоренной адаптации прогрессивных технологий, высокотехнологичной продукции, стимулирования спроса на инновации, коммерциализации научных достижений.

Предложенные методы расчета мультипликаторов могут стать одним из активных и важнейших драйверов технологического и технического перевооружения активной части основных средств, интеллектуального и инновационного обновления и модернизации промышленных комплексов.

Список литературы

1. Беа, Ф. К. Экономика предприятия / Ф. К. Беа, Э. Дихтл, М. Швайцер. — М. : ИНФРА-М, 1999. — 928 с.
2. Бирман, Г. Экономический анализ инвестиционных проектов / Г. Бирман, С. Шмидт. — М. : ЮНИТИ, 1997. — 632 с.
3. ФЗ № 110 от 5.08.2001 «О налоге на прибыль организаций» (гл. XXV НК РФ, в ред. 2017—2018 гг.).
4. Кондратьев, Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. — М. : Наука, 1991. — 87 с.
5. Коссов, В. В. Методические указания по оценке эффективности инвестиционных проектов / В. В. Коссов, В. Н. Лившин, А. Г. Шахназаров. — М. : Экономика, 2000. — 59 с.
6. Чепурина М. Н. Курс экономической теории / М. Н. Чепурина, Е. А. Киселева. — Киров : АСА, 2003. — 848 с.
7. Лагоша, Б. А. Оптимальное управление в экономике / Б. А. Лагоша. — М. : Финансы и статистика, 2003. — 224 с.
8. Леготин, Ф. Я. Амортизация как источник инвестиционной активности промышленного предприятия: необщий взгляд / Ф. Я. Леготин // Управленец. — 2017. — № 6 (70). — С. 48—54.
9. Леготин, Ф. Я. Затраты и ценообразование в инновационной сфере : учеб.-практ. пособие / Ф. Я. Леготин. — Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2012. — 312 с.
10. Леготин, Ф. Я. Техническая политика предприятия : учеб. пособие / Ф. Я. Леготин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та ; ЕАИУиП, 2008. — 316 с.
11. Ширенбек, Х. Экономика предприятия / Х. Ширенбек ; пер. с нем. под ред. И. П. Бойко, С. В. Валдайцева, К. Рихтера. — СПб. : Питер, 2007. — 735 с.
12. Wiener, N. Cybernetics / N. Wiener. — New York : John Wiley & Sons, 1948 (Винер. Кибернетика: рус. пер.: изд-во «Сов. радио», М., 1958).
13. Fremont, E. Personal Requirements of the Future / E. Fremont // Techniques, of Plant Engineering and Maintenance. — 1965.
14. Riggs, J. L. Productions systems, Planning, Analysis, and Control / J. L. Riggs. — New-York ; London ; Sidney ; Toronto : John Wiley and Sons, 1970.
15. Бир, С. Кибернетика и менеджмент / С. Бир ; пер. с англ. В. Я. Алтаева. — М. : Ком Книга, 2006.

Сведения об авторах

Леготин Федор Яковлевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. Legotin@usue.ru

Пряхин Геннадий Николаевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pgn248@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 89—96.*

EXPONENTIAL-AMORTIZATION MULTIPLIQUE OF INVESTMENT ACTIVITIES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

F.Ya. Legotin

Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia. Legotin@usue.ru

G.N. Pyakhin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pgn248@csu.ru

The article is devoted to specification of possibilities of using multicasting properties depreciation for the assessment of the growth potential of the investment activity of industrial enterprises. Depreciation is considered as the most important way of mass renewal of the main production capital and as the method of extended reproduction of new equipment. An extended system of parameters determining the mechanism of the depreciation Fund of an industrial enterprise is proposed. The algorithm for calculating the depreciation multiplier-accelerator is justified. The idea is put forward that the method of depreciation multiplier can be an important tool for the policy of scientific and technical development, providing accelerated growth of innovative activity of Russian industrial enterprises.

Keywords: *mechanism, depreciation, renovation, storage, investment, innovation activity.*

References

1. Bea F.K. Dichtl E., Schweitzer M. *Ekonomika predpriyatiya* [Economics of the Enterprise]. Moscow, INFRA-M Publ., 1999. 928 p. (In Russ.).
2. Birman G. Schmidt S. *Ekonomicheskij analiz investitsionnykh projektov* [Economic analysis of investment projects]. Moscow, UNITI Publ., 1997. 632 p. (In Russ.).
3. *The law "On corporate income tax", Federal law No. 110 of 5.08.2001.* (In Russ.).
4. Kondrat'yev N.D. *Rynok khlebov i ego regulirovaniye vo vremya voyny i revolyutsii* [Bread market and its regulation during war and revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 87 p. (In Russ.).
5. Kossov V.V., Livshits V.N., Shakhnazarov A.G. *Metodicheskiye ukazaniya po otsenke ehffektivnosti investitsionnykh projektov* [Methodical guidelines for evaluating the effectiveness of investment projects]. Moscow, Economics Publ., 2000. 59 p. (In Russ.).
6. *Kurs ekonomicheskoy teorii* [Course of Economic Theory]. Kirov, ASA Publ., 2003. 848 p. (In Russ.).
7. Lagosha, B.A. *Optimal'noye upravleniye v ekonomike* [Optimal Control in Economics]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2003. 224 p. (In Russ.).
8. Legotin, F.Ya. Amortizatsiya kak istochnik investitsionnoy aktivnosti promyshlennogo predpriyatiya: neobshchiy vzglyad [Depreciation as a source of investment activity of an industrial enterprise: a general view]. *Upravlenets* [Manager], 2017, no. 6 (70), pp. 48—54. (In Russ.).
9. Legotin, F.Ya. *Zatraty i tsenoobrazovaniye v innovatsionnoy sfere* [Costs and Pricing in the Innovative Sphere]. Yekaterinburg, 2012. 311 p. (In Russ.).
10. Legotin F.Ya. *Tekhnicheskaya politika predpriyatiya* [Technical policy of the enterprise]. Yekaterinburg, 2008. 316 p. (In Russ.).
11. Shirenbek H. *Ekonomika predpriyatiya* [The economy of the enterprise]. St. Petersburg, Peter Publ., 2007. 735 p. (In Russ.).
12. Wiener N. *Cybernetics*. New York, John Wiley & Sons Publ., 1948.
13. Fremont E. Personal Requirements of the Future. *Techniques, of Plant Engineering and Maintenance*, 1965.
14. Riggs J.L. *Productions systems, Planning, Analysis, and Control*. New York, London, Sidney, Toronto, John Wiley and Sons Publ., 1970.
15. Beer S. *Kibernetika i menedzhment* [Cybernetics and management]. Moscow, 2006. (In Russ.).

УДК 330.3
ББК 65.050

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОМПАНИЯХ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Д. А. Сорокин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены особенности и проблемы развития компаний с государственным участием в современных экономических условиях. Актуальность выбранного направления исследований определяется высокой значимостью государственного сектора экономики для экономического, политического и геополитического развития России. Научное обоснование необходимости изучения данных субъектов корпоративной среды определяется их уникальностью и значительными отличиями от «классических» корпораций. Политический и геополитический интерес связан со значительным влиянием на национальную экономику, которое оказывают компании государственного сектора, а также с желанием взаимодействия остальных предприятий российской экономики с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ. Автором рассматриваются теоретические вопросы развития корпоративного управления, а также особенности развития компаний государственного сектора экономики.

Ключевые слова: *корпоративное управление, госкомпания, особенности корпоративного управления, проблемы управления госкомпаниями.*

Прежде чем приступить к рассмотрению основных особенностей корпоративного управления в компаниях с государственным участием, разберем, что же представляет собой корпоративное управление. Под корпоративным управлением прежде всего подразумевается процесс управления организационно-правовой формой бизнеса, построение межфирменных и внутрифирменных отношений, оптимизация организационной структуры (см.: Н. В. Бандурина [1]), а самое главное, все это должно осуществляться в соответствии с целями компании.

Целью нашего исследования является рассмотрение особенностей и выявление проблем развития компаний с государственным участием в современных экономических условиях, так как в большинстве случаев именно они в силу доминирующего положения в отрасли выступают драйверами экономического развития, во многом определяя направления развития экономической системы в целом.

В более ранних работах автора уже были рассмотрены общие особенности управления корпорациями и сформулирован вывод о том, что во многом они обусловлены природой их возникновения и условиями развития, в которых происходило их формирование [2]. В дальнейших исследованиях корпоративное управление было определено как управление, всецело подчиненное реализации интереса акционера в соответствии с выполняемой им целевой функцией в компании, что зависит от объема прав собственности отдель-

ного акционера и в большинстве случаев — от возможностей их взаимодействия в процессе реализации своей финансовой стратегии и стратегии компании в целом [3], то есть на первый план был выдвинут целевой аспект. Также корпоративное управление рассматривают с точки зрения управления, порождающего корпоративную культуру предприятия (см.: Д. А. Сорокин [7]).

Таким образом, основной функцией такого управления является обеспечение эффективной работы корпорации в интересах собственников, акционеров, осуществляющих финансирование компании.

В работах В. И. Бархатова и Д. А. Плетнева уже рассматривались акционерные общества, находящиеся под контролем государства, в качестве особой формы корпораций и корпоративного управления. Также ими сделан вывод о том, что это на современном этапе развития страны сформировало особую форму государственного предпринимательства [4]. На наш взгляд, существование такого рода крупнейших структур связано с рядом причин. Во-первых, распад СССР и впоследствии начало приватизационного процесса государственных предприятий обусловили возникновение острого вопроса, связанного с невозможностью полного разгосударствления стратегических отраслей национальной экономики. К ним, как правило, относят: оборонно-промышленный и сырьевой комплекс, атомную промышленность, гражданскую и военную авиацию, а также железные дороги. В качестве основных ар-

гументов против приватизации рассматривались: сохранение технологических и военных секретов, нежелательный допуск к акционированию иностранных организаций, отсутствие достаточного капитала у внутренних инвесторов, снижение оборонного потенциала.

Второй причиной появления таких корпораций стала стратегия создания опорных структур, которые включали в себя финансовый, технологический и инновационный, а также интеллектуальный потенциал, который мог стать толчком для дальнейшего экономического роста страны.

В частности, акционерные общества с долей участия в них государства создаются в тех отраслях экономики, в которых необходимо развитие инновационной деятельности, расширение финансирования посредством внедрения нововведений и повышения конкурентоспособности компаний.

Вопрос управления компаниями с государственным участием в России на сегодняшний день является одним из актуальных. Период начала приватизационных процессов в отечественной экономике обусловил образование большого количества акционерных обществ с различной долей участия государства в их капитале.

Практика корпоративного управления в странах, где государство выступает в качестве собственника, определяется положениями такого документа, как «Руководство ОЭСР по корпоративному управлению предприятиями», что представляет собой свод принципов представительной демократии и свободной рыночной экономики, которых придерживаются государственные организации развитых стран, таких как, например: США, Великобритания, Германия, Норвегия. Данные страны признаны лидерами в процессе реализации мер, способствующих улучшению корпоративной среды и управления (см.: И. С. Шиткина, Д. О. Бирюков [11]).

В качестве основных направлений руководства ОЭСР выделяют: эффективность как правовой, так и нормативной базы для предприятий с участием государства, предусматривает обеспечение равенства условий на рынке, на котором функционируют как госкомпании, так и частные компании; государство в качестве собственника должно заниматься разработкой четкой и последовательной политики в отношении собственности, что, в свою очередь, позволит обеспечить больше профессионализма в управлении компанией; равноправие в отношениях с акционерами компании, что обеспечит признание прав всех акционеров общества и доступ к корпоративной информации; прозрачность и достаточное раскрытие необходимой информации; определение обязанностей

совета директоров в госкомпаниях; отношения с заинтересованными лицами.

На основании работ некоторых исследователей, например Х. П. Харчилавы [12], можно предположить, что положения «Руководства ОЭСР» могут реализовываться не только на практике стран — членов ОЭСР, но и в странах, не состоящих в членстве данной организации. Обусловлено это тем, что руководство не только основано на эмпирическом опыте, но и предусматривает конкретные предложения по разрешению основных проблем в корпоративном управлении госкомпаний. Таким образом, можно предположить, что для создания в России условий, которые могли бы обеспечить эффективную деятельность акционерных госкомпаний, необходимо развитие института корпоративного управления с учетом мировых стандартов и всех вышеизложенных принципов «Руководства ОЭСР». Анализ соответствия корпоративного управления в госкомпаниях указанным принципам ОЭСР позволит сформулировать рекомендации по совершенствованию корпоративного управления в этих компаниях.

Ранее в работах автора уже рассмотрено: госкомпании имеют особое стратегическое значение для экономики России; в частности, это системообразующие предприятия, относящиеся к различным отраслям [9]. Одна из ключевых особенностей компаний с государственным участием — это то, что цели государства как собственника являются более разнообразными, чем цели частного акционера.

Особая роль госкомпаний определяется их размером и влиянием на развитие фондового рынка и формирование принципов корпоративного управления, так как, являясь предприятиями высшего эшелона, госкомпании выступают в роли ориентиров для частных корпораций, которые могут использовать аналогичные инструменты корпоративного управления. Применение такого рода инструментов особенно важно для компаний с участием государства, поскольку они, по определению, представляют собой организации с разделенным управлением и владением. Эффективное применение таких инструментов в госкомпаниях позволит обеспечить наибольшее распространение их в сфере частного бизнеса.

В соответствии с российским законодательством к компаниям с государственным участием принято относить: хозяйственные общества (публичные акционерные и непубличные); государственные унитарные предприятия; государственные корпорации и иные хозяйственные общества, при этом доля государства или его субъекта в уставном капитале должна составлять более 50 % (см.: [5]).

Роль государства как основного акционера таких предприятий рассматривается с двух сторон. С одной стороны, будучи собственником такого предприятия, государство должно быть заинтересовано в их устойчивости и стабильной работе независимо от экономических изменений. Рассматривая участие государства в компаниях с другой стороны, важно обозначить, что такого рода компании имеют доминирующее положение и выступают в качестве инфраструктурных монополий [8].

Инвестируя в акции компаний, государство автоматически становится полноправным участником рыночных отношений, перед которым встает необходимость участия в корпоративном управлении общества посредством своих представителей. За деятельностью госкомпаний ведется контроль со стороны различных наблюдателей, представляющих интересы не только государства, но и сторонних инвесторов. При этом государство — заинтересованная сторона, с рядом различных интересов. К примеру, рост доходов бюджета, получение прибыли, повышение качества управления федеральной собственностью, а также осуществления основных функций государства посредством выполнения социальных обязательств.

На сегодняшний день нигде в экономической литературе не отражено единого мнения по поводу того, какое влияние оказывает участие государства в составе акционеров компании на эффективность предприятия, а также на само качество корпоративного управления. Многие экономисты сводят участие государства к ухудшению результатов деятельности такой компании, связывая это с тем, что существует дефицит стимулов, который, в свою очередь, связан с неравномерным распределением информации и неполнотой контрактов, а также затруднен процесс применения ряда важнейших инструментов корпоративного управления [5]. В результате в качестве ключевых особенностей корпоративного управления компаний с государственным участием можно выделить: противоречивость целей государства и коммерческих соображений. Так, например, если классической задачей любой компании является максимизация капитала акционеров, то мотивы государства-акционера отличны от мотивов любого коммерческого агента, так как носят социальный и политический характер. Это формирует ряд особенностей корпоративного управления и способов его реализации, например, для получения в результате корпоративного управления стратегических преимуществ во внешней политике, повышения качества жизни населения, повышения эффективного производства жизненно важ-

ных услуг, таких как связь, тепло, электроэнергия и т. д. Находясь в таких условиях, государство вправе закрыть глаза на тяжелое финансовое положение компании, ее долги и убытки. Именно за счет этого усложняются задачи управления компанией.

Во-вторых, в силу вышеназванного стратегического эффекта такие компании имеют более низкий риск банкротства, а также, что немаловажно для акционерных компаний, риск недружественного поглощения для них также минимален. Это обуславливает снижение стимулов к обеспечению эффективной деятельности компании. Даже если внешний собственник имеет определенные предложения по повышению эффективности деятельности организации, у него нет возможности получения контроля над предприятием и реализации своей стратегии. При всем при этом для госкомпаний менее болезненными являются проблемы погашения долгов, нежели для частных компаний, так как государство при помощи контролируемых им банков, бюджетных средств сможет оказать значительную поддержку, либо же настоять на невыгодной реструктуризации задолженности для кредиторов.

В-третьих, в компаниях с государственным участием затруднен процесс классического разделения на собственника и менеджера или агента, который распоряжается активами в его интересах. С формальной точки зрения, собственниками государственных активов являются граждане страны. При этом напрямую роль управления госкомпаниями им не принадлежит. Управление осуществляется государственными ведомствами, которые действуют в интересах государства. В дальнейшем функции управления опосредуются представителями государственных органов, в результате чего снижается степень контроля акционеров общества над деятельностью наемного агента.

Представительство независимых директоров в компаниях с участием государства примерно в 2,5 раза ниже, нежели в частных организациях, которые не имеют определенного опыта в управлении крупными корпорациями, не способны контролировать и реализовывать стратегии развития бизнеса, что в результате приводит к определенному риску использования активов компании в личных интересах, а не в интересах собственника. Результатом этого может стать также развитие внутрифирменной коррупции, подкрепляющей коррупцию на государственном уровне, что негативно скажется на экономике страны в целом.

В-четвертых, функции советов директоров таких компаний в большей степени обусловлены

решениями, которые уже заранее predeterminedены на более высоком уровне и закреплены в виде положений различных федеральных программ. Государственные представители в советах директоров, которые зачастую формируют в них большинство, консолидированно голосуют по директивам, утверждаемым правительством. В результате они не принимают активного участия в разработке решений либо из-за отсутствия мотивации, либо в силу должностной иерархии. Отсутствие активного личного участия с их стороны напрямую противоречит основному принципу персональной ответственности члена совета директоров перед действующими акционерами компании. Таким образом, решения, принимаемые, например, по таким важным вопросам, как приобретение активов, назначение (увольнение) генерального директора и другое, не всегда носят «прозрачный характер». Обоснование таких решений и круг лиц, которые несут ответственность за них, остаются неопределенными.

В качестве последней особенности корпоративного управления в компаниях с участием государства можно рассмотреть риски, возникающие в результате стремительного роста и расширения деятельности компаний. К примеру, приобретая большое число активов, компания сталкивается с такой проблемой, как потеря управляемости. Обусловлено это тем, что стремительно растущую компанию становится сложнее контролировать.

Например, на сегодняшний день государство в лице госкомпаний на рынке энергоносителей в условиях благоприятной конъюнктуры тратит значительные средства на приобретение активов частных компаний энергетического комплекса. В результате этого под угрозу попадает финансовая устойчивость госкомпаний, а именно эффективное использование ими привлеченных средств и поддержание кредитоспособности [10].

Данные подходы находятся в существенном противоречии с основной целью компании — повышением экономической эффективности, что подтверждается сравнением темпов роста доходов и расходов крупнейших российских компаний с государственным участием [14]. При этом низкая способность госкомпаний генерировать денежный поток ставит под вопрос эффективность вложенных инвестиций и существенный отток денежных средств в оборотный капитал.

Структура собственности, при которой компания имеет и частных акционеров, то есть не 100%-ную принадлежность государству, имела бы иную модель корпоративного управления. Такая модель включала бы в себя: прозрачность целей деятельности и решений по их реализации, нали-

чие профессионализма членов совета директоров, открытость и детальное обсуждение принимаемых решений. Наличие такой модели позволило бы систематизировать и учесть специфические цели госкомпаний и риски, связанные со структурой собственности, большинство из которых возникает из-за отсутствия преемственности мотивов «государственных агентов». Таким образом, попытки изменения корпоративного управления позволят решить противоречия, напрямую связанные с государственной собственностью.

Ключевые проблемы корпоративного управления в частных компаниях и компаниях с государственным участием во многом схожи, поэтому проблемы корпоративного управления в госкомпаниях могут решаться посредством инструментов, применяемых в общей корпоративной практике. При этом роль государства в качестве собственника имеет ряд особенностей, которые в конечном итоге определяют дополнительные проблемы [13]. Во-первых, государство имеет более сложные, комплексные и зачастую противоречащие друг другу цели, нежели частный собственник. Во-вторых, большое количество организаций с участием государства сочетается с их неоднородностью. В-третьих, в госкомпаниях роль принципала исполняют отдельные представители государства, при этом ни один из них не является конечным бенефициаром. Именно эти причины обуславливают тот факт, что внешние инструменты корпоративного управления для госкомпаний являются менее действенными, чем для частных организаций.

На протяжении последних нескольких лет проводится активная политика, направленная на совершенствование корпоративного управления в госкомпаниях, что особенно важно, учитывая степень влияния, которое оказывают государственные корпорации на инвестиционный климат и российский фондовый рынок. В том числе осуществляется совершенствование методологической базы, применение практики по привлечению профессиональных директоров и независимых экспертов в состав совета директоров госкомпаний. Осуществляется внедрение лучших как российских, так и международных практик в области корпоративного управления компаниями.

По итогам изучения материалов государственной программы «Управление федеральным имуществом» на период 2013—2018 гг. многие аналитики выделяют целый ряд факторов, обуславливающих статус госкомпаний в качестве лидера в сфере корпоративного управления. Во-первых, прямое и косвенное участие государства в экономике составляет, по разным оценкам, при-

мерно 50—60 %; факт того, что значительный объем активов находится под контролем государства, обуславливает необходимость решения задач по повышению эффективности управления активами посредством инструментов корпоративного управления [13]. Во-вторых, госкомпании являются владельцами государственной собственности, которая напрямую служит общенациональным интересам, что требует эффективного и в первую очередь прозрачного управления, для чего необходимо применение не столько современных, сколько специализированных инструментов корпоративного управления [15]. В-третьих, программа приватизации, реализация которой была намечена на 2014—2016 гг., предусматривает продажу части акций госкомпаний. В результате, выходя на

биржу, госкомпания столкнется с необходимостью вступления в конкурентную борьбу за внимание инвесторов с компаниями — лидерами в сфере корпоративного управления.

Повышение качества корпоративного управления госкомпаниями рассматривается в качестве основной задачи федеральной программы по управлению федеральным имуществом в период 2013—2018 гг. Сформированные в результате принципы корпоративного управления должны не только стать факторами роста инвестиционной привлекательности российского бизнеса, но и способствовать повышению рыночной стоимости компаний, привлечению инвестиций в долгосрочной перспективе и повышению финансовой прозрачности и эффективности.

Список литературы

1. Бандурина, Н. В. Правовое регулирование корпоративного управления федеральной собственностью в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Бандурина. — М., 2012.
2. Бархатов, В. И. Эффективность институциональных форм в трансформируемой экономике : монография / В. И. Бархатов, Д. А. Сорокин. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. — 358 с.
3. Экономика и современное общество: факторы и механизмы устойчивого развития : монография / А. Н. Береза, А. Н. Бобышев, Д. А. Сорокин [и др.]. — Пенза : Наука и просвещение, 2016. — 239 с.
4. Бархатов, В. И. Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России : монография / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев. — М. : Перо, 2016. — 212 с.
5. Экономическая теория / В. И. Бархатов, Г. П. Журавлева, Н. Н. Мильчакова, А. Ю. Шатин [и др.] ; под ред. В. И. Бархатова, Г. П. Журавлевой. — М. : Финансы и статистика, 2007. — 1240 с.
6. Финансы / Е. А. Истомина, В. И. Бархатов, Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Сорокин ; под ред. В. И. Бархатова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. — 354 с.
7. Сорокин, Д. А. Проблемы разработки методики изучения экономических категорий / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 21. — С. 98—106.
8. Сорокин, Д. А., Концентрация капитала в условиях модернизации российской экономики / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 26. — С. 93—99.
9. Сорокин, Д. А. Стратегический эффект концентрации капитала / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2012. — № 16. — С. 29—35.
10. Сорокин, Д. А. Привлечение прямых иностранных инвестиций в условиях оттока капитала / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 18. — С. 133—140.
11. Шиткина, И. С. Компании с государственным участием: особенности правового регулирования и корпоративного управления / И. С. Шиткина, Д. О. Бирюков // Национальный доклад по корпоративному управлению. Вып. VI. — М., 2013. — С. 25—37.
12. Харчилава, Х. П. Современные проблемы развития корпоративного управления в российской экономике / Х. П. Харчилава // Вестн. гос. ун-та упр. — 2012. — № 18. — С. 25—38.
13. Государственная программа РФ «Управление федеральным имуществом» (на период 2013—2018 гг.) [Электронный ресурс] : утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 327. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/499091754> (дата обращения 17.01.2018).
14. Прокопенко, А. Кремлю не нравится, как правительство управляет госкомпаниями [Электронный ресурс] / А. Прокопенко, Е. Базанова // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/16/641079-pravitelstvo-goskompaniyami> (дата обращения 17.01.2018).
15. Правительство задумало реформу вознаграждения топ-менеджеров госкомпаний [Электронный ресурс] // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/business/07/08/2016/579b40c59a79476fa13bcbbf/> (дата обращения 17.01.2018).

Сведения об авторе

Сорокин Дмитрий Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. r90r@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 97—103.*

FEATURES OF CORPORATE GOVERNANCE IN COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION

D.A. Sorokin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. r90r@mail.ru

The article describes the main features and problems of development of companies with state participation in the modern economic conditions. The relevance of the chosen direction of research is determined by the high significance of the public sector for economic, political and geopolitical development of Russia. The scientific rationale for studying these subjects in an enterprise environment is determined by their uniqueness and significant differences from “classical” corporations. Political and geopolitical interest is associated with a significant impact on the national economy, which have public sector companies and also with the desire of the interaction of other enterprises of the Russian economy with the aim of obtaining a competitive advantage. The author discusses the theoretical issues of corporate governance and specific features of development of the public sector.

Keywords: *corporate governance, state-owned company, peculiarities of corporate governance, management of state-owned companies.*

References

1. Bandurina N.V. *Pravovoye regulirovaniye korporativnogo upravleniya federal'noy sobstvennost'yu v Rossiyskoy Federatsii* [Legal regulation of corporate governance of Federal property in the Russian Federation. Abstract of thesis]. Moscow, 2012. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I., Sorokin D.A. *Effektivnost' institutsional'nykh form v transformiruyemoy ekonomike* [The effectiveness of institutional forms in a transforming economy]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2011, 358 p. (In Russ.).
3. Bereza A.N., Bobyshev A.N., Sorokin D.A. *Ekonomika i sovremennoye obshchestvo: faktory i mekhanizmy ustoychivogo razvitiya* [The economy and modern society: factors and mechanisms for sustainable development]. Penza, Science and education Publ., 2016. 239 p. (In Russ.).
4. Barkhatov V.I., Pletnyov D.A. *Uspeshnost' predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii* [The success of enterprises of small and average business in Russia]. Moscow, Pero Publ., 2016. 212 p. (In Russ.).
5. Barkhatov V.I., Zhuravleva G.P., Mil'chakova N.N., Shatin A.Yu. [et al.]. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2007. 1240 p. (In Russ.).
6. Istomina E.A., Barkhatov V.I., Kapkayev Yu.Sh., Sorokin D.A. *Finansy* [Finance]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2017. 354 p. (In Russ.).
7. Sorokin D.A. Problemy razrabotki metodiki izucheniya ekonomicheskikh kategoriy [Problems of development of methods for the study of economic categories]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 11, pp. 98—106. (In Russ.).
8. Sorokin D.A. Kontsentratsiya kapitala v usloviyakh modernizatsii rossiyskoy ekonomiki [Concentration of the capital in the conditions of modernization of the Russian economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 26, pp. 93—99. (In Russ.).
9. Sorokin D.A. Strategicheskiy effekt kontsentratsii kapitala [Strategic effect of concentration of the capital]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 16, pp. 29—35. (In Russ.).
10. Sorokin D.A. Privlecheniye pryamykh inostrannykh investitsiy v usloviyakh ottoka kapitala [Attraction of direct foreign investments in the conditions of outflow of the capital]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18, pp. 133—140. (In Russ.).

11. Shitkina I.S., Biryukov D.O. *Kompanii s gosudarstvennym uchastiyem: osobennosti pravovogo regulirovaniya i korporativnogo upravleniya* [Company with state participation: peculiarities of legal regulation and corporate governance]. *Natsional'nyy doklad po korporativnomu upravleniyu. Vypusk VI* [National report on corporate governance. Issue VI], Moscow, 2013. Pp. 25—37. (In Russ.).

12. Kharchilava Kh.P. *Sovremennye problemy razvitiya korporativnogo upravleniya v rossiyskoy ekonomike* [Modern problems of development of corporate governance in the Russian economy]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya* [Bulletin of State University of Management], 2012, no. 18, pp. 25—38. (In Russ.).

13. *Gosudarstvennaya programma RF "Upravleniye federal'nym imushchestvom" (na period 2013—2018 gg.)*. *Utverzhdena Postanovleniyem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g., no. 327* [The state program of the Russian Federation "Federal property Management" (for the period 2013—2018). Approved by the Resolution of the Russian Federation Government dated 15 April 2014, no. 327]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/499091754>, accessed 17.01.2018. (In Russ.).

14. Prokopenko A., Bazanova E. *Kremlyu ne nravitsya, kak pravitel'stvo upravlyaet goskompaniyami* [The Kremlin does not like how the Government manages state-owned companies]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/499091754>, accessed 17.01.2018. (In Russ.).

15. *Pravitel'stvo zadumalo reformu voznagrashdeniya top-menedzherov goskompaniy* [The government has planned reforms of the remuneration of top managers of state companies]. *RBK* [RBC]. Available at: <https://www.rbc.ru/business/07/08/2016/579b40c59a79476fa13bcbbf/>, accessed 17.01.2018. (In Russ.).

УДК 658.56 (075) + 658.511
ББК 65.305.424.3

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УСЛУГ В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТЮНИНГА

Н. К. Топузов, И. В. Дуняшин

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Повышение качества услуг в сфере высоких технологий основывается на предоставлении квалифицированного обслуживания при относительно низких и конкурентных затратах. В данной статье этот подход базируется на реализации концепции бережливого производства, включающей в себя новую философию управления бизнес-процессами и персоналом. Раскрыты основные проблемы, с которыми сталкиваются компании, предоставляющие услуги автотюнинга. На примере ООО «Рестайлинг» проведен анализ эффективности деятельности предприятия, исследован бизнес-процесс выполнения работы в дилерском центре с учетом результатов внедрения CRM-системы и применения инструментов бережливого производства.

Ключевые слова: *инновационное развитие, качество, автотюнинг, бизнес-процесс, CRM-система, «Битрикс», снижение потерь.*

Необходимость инновационного развития компании очевидна. Любая коммерческая организация абсолютно в любой сфере деятельности стремится занять лидирующее положение на рынке, обеспечить стабильность и непрерывный рост. Для того чтобы выжить в острой конкурентной борьбе, необходимо знать и укреплять свои конкурентные преимущества, актуализировать и развивать систему контроля и улучшения качества на всех этапах доведения конечного продукта/услуги до потребителя, предлагать клиентам продукты и услуги нового поколения, формировать и самостоятельно удовлетворять потребности общества. В данной статье рассмотрена возможность повышения качества услуг в сфере автомобильного тюнинга за счет применения инновационного решения — внедрения CRM-системы. В качестве примера приведена оценка деятельности ООО «Рестайлинг» (компания занимает одну из лидирующих позиций в сфере автотюнинга в России) до и после применения данной системы.

Актуальность исследования заключается в необходимости внедрения CRM-системы в функционирование организаций в сочетании с концепцией бережливого производства. Прежде всего актуальность лежит в понимании необходимости внедрения этой системы. Основной целью исследования является выявление проблемных зон организации, предложение инновационного решения по улучшению качества на всех этапах взаимоотношений с клиентом.

Для того чтобы владеть информацией о протекающих в организации процессах, взаимодействиях структур, возможностях и угрозах внешней

среды с целью выявления основных проблем и поиска путей их устранения, необходимо провести анализ внешней и внутренней среды предприятия, в данном случае на примере ООО «Рестайлинг». В исследовании использованы наиболее действенные и часто применяемые инструменты, такие как STEEP-анализ, SNW-анализ, и построение на их основе матрицы Глайстера [3].

Исходя из результатов проведенных анализов, определено сильное негативное влияние экономических факторов на компанию, таких как: прогнозируемое дальнейшее падение рубля (организация работает с материалами и покрытиями европейских брендов), снижение покупательской способности населения. При этом предприятие обладает «работающей» базой клиентов, долгосрочными партнерскими отношениями с крупнейшими автомобильными дилерами региона и значительными нематериальными активами (компетенции сотрудников, уникальные технологии). По результатам анализа выяснилось, что ООО «Рестайлинг» имеет достаточно стабильное положение на рынке по сравнению с конкурентами. При этом сама специфика рынка требует от компании постоянных улучшений, обновления технологий, обеспечения нового уровня сервиса и послепродажного обслуживания. Результаты анализа основных проблем предприятия по различным уровням управления дали следующую характеристику:

— Менеджеры среднего звена — несогласованное планирование работ и загрузки мастеров. Значительные потери времени на организацию рабочего процесса каждой услуги

- и, как следствие, недостаток времени на качественную обработку входящего потока.
- Цех — работа в режиме «форс-мажор», скрытие реальных сроков, необходимых для выполнения работ. Отсутствие регламентов, отчетности и зон ответственности.
- Бизнес-процесс — недостаточное оснащение рабочего места, сопротивление любым изменениям, направленным на увеличение контроля со стороны менеджера.

Исходя из полученных данных, наглядно прослеживается зависимость проблемных точек друг от друга на разных уровнях. В результате низкого уровня планирования менеджеры цех вынужден практически все время работать в режиме «форс-мажор», нарушая сроки и качество услуг. Как ответная реакция возникает прямая корреляционная связь с завышением времени, необходимого на выполнение работы. Цех пытается обезопасить себя. Все это приводит к неравномерной загрузке мастеров и нерациональному использованию производственных мощностей. В свою очередь из-за отсутствия регламентов регулярно возникают проблемы с недостаточностью оснащения рабочего места мастера. Контроль качества услуг также практически невозможен без разделения зон ответственности и создания понятной цепочки взаимодействия, то есть организации процессной системы управления.

В качестве решения, не требующего крупных инвестиций и при этом максимально эффективного для срочного устранения основных проблем, в компании в кратчайшие сроки была внедрена CRM-система, которая позволила сделать процессы прозрачными, взаимодействия — понятными, определить ответственных и обрабатывать весь поток входящих заявок без значительных потерь.

Основным условием эффективности функционирования данной системы стала вовлеченность сотрудников компании от цеха до топ-менеджеров в бизнес-процессах бережливого производства, картирования и анализа потерь. Только благодаря этому удалось проанализировать и оценить причины и последствия непродуманных действий в системе оказания услуг. Также CRM-система позволила отследить конверсию «холодных звонков», процент успешных сделок с поступающих от клиентов заявок, упростила управление продажами.

В качестве примера эффективности использования CRM-системы рассмотрим бизнес-процесс оказания услуги по бронированию автомобиля в автосалоне. На рис. 1 представлена его схема.

Длительность бизнес-процесса составляет в среднем 16 часов:

- 1 час — согласование времени, объема и стоимости работ, подготовки автомобиля к оклейке с менеджером автосалона;

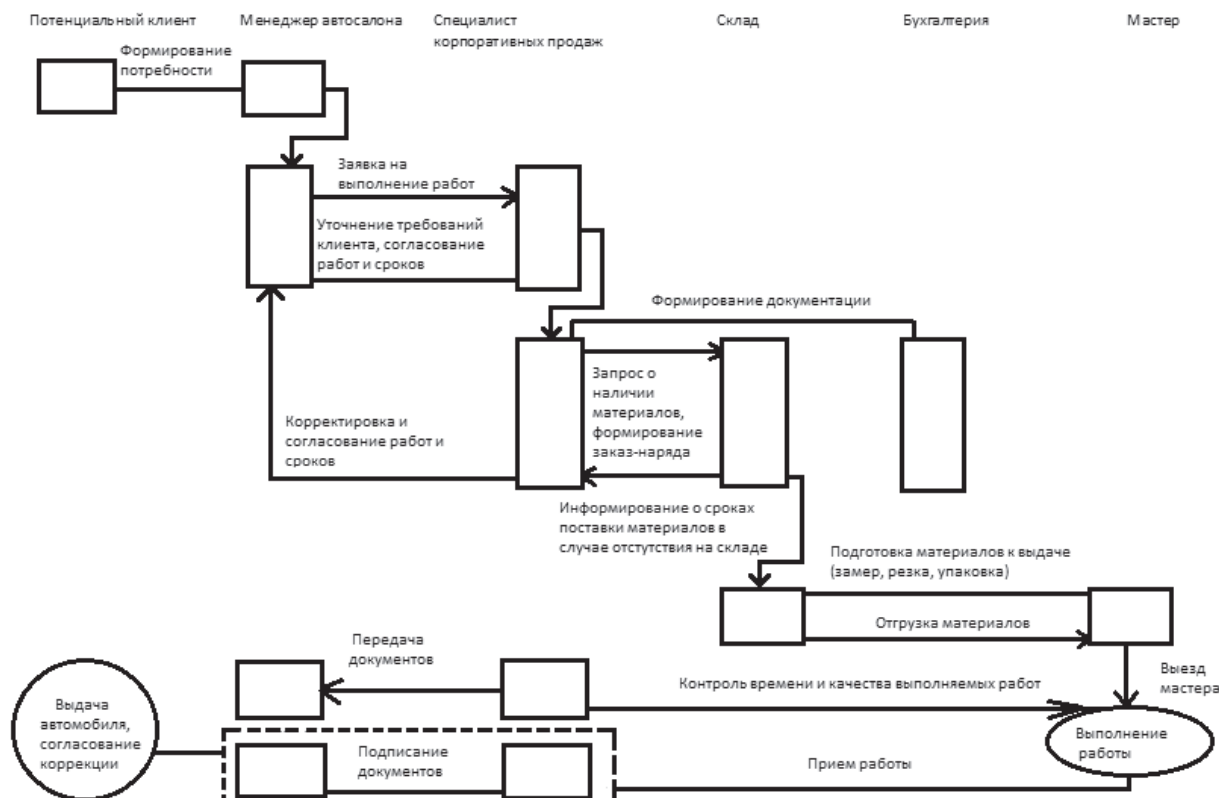

Рис. 1. Схема бизнес-процесса выполнения работы в автосалоне

- 2 часа — согласование предстоящей работы в салоне с руководителем цеха, определение и закрепление за работой мастера, планирование его загрузки в день оказания услуги;
- 3 часа — уточнение информации о наличии материалов, организация покупки и доставки в случае отсутствия пленки на складе. Согласование объема материалов и формирование заказ-наряда;
- 2 часа — контроль правильного раскроя и качества получаемого со склада материала; формирование документации для передачи в автосалон;
- 8 часов — выполнение работы в салоне, прием работы специалистом корпоративных продаж ООО «Рестайлинг», выдача готового автомобиля менеджеру автосалона, подписание документов.

Как мы видим, непосредственно процесс выполнения работы занимает 8 часов — только половину от длительности бизнес-процесса. Другие 8 часов — потери, часть из которых обоснованные и устранить которые практически невозможно. Тем не менее большая часть времени тратится на согласование и поэтапное выполнение задач. Как следствие, происходит последовательное решение задач, что приводит к дополнительным потерям.

Рассмотрим карту потерь рабочего времени в бизнес-процессе для ООО «Рестайлинг» (рис. 2).

Наглядно видно, что значительное сокращение времени потерь дает CRM-система, которая позволяет уменьшить потери в бизнес-процессе в среднем на 47 %. Внедрение CRM-системы позволит «запараллелить» процессы обеспечения услуги. Алгоритм организации этих процессов через CRM-систему «Битрикс» прост и понятен:

1. По заявке от менеджера и согласованию услуги в программе специалистом компании заводится сделка с перечислением всех предстоящих работ, необходимых материалов, их количества. Программа полностью интегрирована с «1С-Предприятие».
2. В режиме реального времени специалист, осуществивший сделку, получает обратную

связь от руководителя цеха (по загрузке цеха и мастеров), со склада (по наличию материалов или необходимости заказа). При необходимости сроки оказания услуги в салоне корректируются и согласовываются.

3. После подтверждения возможности выполнить работу специалист переводит статус сделки из «Новая» в «Сделка успешна». Программа автоматически распределяет задачи: на склад приходит уведомление о своевременной выдаче материала; в бухгалтерию — о формировании новых документов, мастеру — о предстоящей работе и сроках выполнения; маркетологу — об освещении услуги в социальных сетях и на других интернет-ресурсах.

Таким образом, благодаря внедрению CRM-системы удается сократить время подготовки и выполнения заказа на 50 %: с 8 до 4 часов. В общем объеме оказания подобных услуг (около восьми в неделю) этот фактор имеет существенное значение.

Также прозрачными становятся все потоки взаимодействия отделов между собой, выявленными — проблемные вопросы, недостаток компетенций, неправильная самоорганизация обеспечения работы в бизнес-процессах.

Существенную роль CRM-система играет в управлении продажами. Рассмотрим конверсию звонков, совершенных менеджером по продажам (рис. 3 и 4).

Принимая входящие звонки, а также определив целевую аудиторию и осуществляя исходящие звонки, менеджер находит заинтересованность в 50 % звонков, в обработку и первые сделки попадает около 15 %, постоянными становятся около 7 % клиентов (см. рис. 3).

После внедрения CRM-системы из 100 % звонков к разряду потенциальных клиентов, имеющих положительное отношение к компании, относятся 60 % благодаря своевременному реагированию на запросы клиентов (см. рис. 4). В разряд клиентов, готовых к первой сделке, попадает уже четверть звонков благодаря обработке всего входящего по-

Обнаруженные потери	Перепроизводство	Дефекты	Передвижения	Транспортировка	Запасы	Излишняя обработка	Ожидание
Инструменты для устранения потерь							
Организация рабочих мест (система 5S)	1						
Визуальный контроль		0,5			1		
Стандартные операционные процедуры (наличие прописанных регламентов)		0,5				0,5	
Управление логистикой				1(0,5)			
CRM-система			2			1	1

Рис. 2. Карта потерь рабочего времени в бизнес-процессе ООО «Рестайлинг»

Рис. 3. Конверсия продаж ООО «Рестайлинг» до внедрения CRM-системы

Рис. 4. Конверсия продаж ООО «Рестайлинг» после внедрения CRM-системы

тока, своевременным напоминаниям, соблюдению всех договоренностей. Это позволило увеличить на 11 % постоянных клиентов, получивших качественную услугу без потерь. Относительно небольшой прирост (на 4 %) в контуре «Постоянные клиенты» имеет огромное значение. Каждый лояльный клиент — это несколько новых клиентов для компании по его рекомендациям.

Следует заметить, что переход к управлению на основе CRM-системы стал возможен при условии реализации концепции проектно-процессной системы управления и бережливого производства [6]. Данное инновационное решение имеет высокую эффективность только в случае полной вовлеченности сотрудников, взаимодействия всех отделов в рамках CRM-системы, рационального подхода при определении зон ответственности, адресного руководства в соответствии со стратегией и принципами компании, а также при достаточном уровне развития компетенций сотрудников.

Действия, направленные на повышение квалификации персонала, совершенствование системы

мотивации в совокупности с внедрением CRM-системы, позволяют обеспечить мощный синергетический эффект параллельно с организацией работы предприятия через «Битрикс» или другую аналогичную систему.

Обобщая практику применения информатизации бизнес-процессов, можно сделать следующие выводы:

- для значительного снижения потерь времени в бизнес-процессах оказания технически сложных и качественных услуг необходимо комплексно внедрять концепцию CRM-системы с элементами бережливого производства, визуализации и картирования потерь, последующей разработкой группы проектов «постоянных улучшений»;
- сочетание систем информатизации, картирования потерь, использования организационно-технических мероприятий наиболее эффективно взаимодействует с организацией проектно-процессной системы управления бизнес-процессами, особенно в сфере оказания технически сложных услуг.

Список литературы

1. Крылов, Э. И. Анализ эффективности инвестиционной и инновационной деятельности предприятия : учеб. пособие для студентов по экон. специальности / Э. И. Крылов, В. М. Власова. — М. : Финансы и статистика, 2003. — 608 с.
2. Бородин, А. Экономические механизмы устойчивого развития / А. Бородин. — М. : Экономист, 2005. — 677 с.

3. Волков, И. П. Экономика предприятий / И. П. Волков. — М. : Новое знание, 2004.
4. Мазур, И. И. Управление качеством / И. И. Мазур. — М. : Омега-Л, 2005. — 334 с.
5. Топузов, Н. К. Стратегия формирования ресурсосберегающих компетенций персонала в цикле управления разработкой инновационной продукции / Н. К. Топузов // Глобал. науч. потенциал. — 2012. — № 6. — С. 80—85.
6. Топузов, Н. К. Формирование механизма управления ресурсосбережением в системе инновационного развития предприятия: монография / Н. К. Топузов. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2012.
7. Топузов, Н. К. Новая парадигма и методы инновационного управления ресурсосбережением / Н. К. Топузов, А. А. Алабугин // Креатив. экономика. — 2010. — № 7 (43). — С. 19—27.
8. Топузов, Н. К. Как построить инновационно-ориентированную систему ресурсосберегающего развития предприятия? / Н. К. Топузов, А. А. Алабугин // Упр. персоналом. — 2009. — № 14.
9. Alabugin, A. Integrative-cyclical approach to the study of quality control of resource saving by the use of innovation factors / A. Alabugin, N. Topuzov, S. Aliukov // Mediterranean J. of Social Sci., 4th World Conf. on Business, Economics and Management. — 2015. — P. 420—426.
10. Алабугин, А. А. Принципы формирования механизма управления ресурсосбережением в системе инновационного развития корпорации / А. А. Алабугин, Н. К. Топузов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2008. — № 29. — С. 131—138.
11. Топузов, Н. К. Комплексный метод исследования систем управления ресурсосбережением предприятия / Н. К. Топузов, А. А. Алабугин, С. В. Алюков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 26. — С. 112—120.
12. Топузов, Н. К. Оценка резервов и направлений экономии производственного времени в процессах ресурсосбережения предприятия / Н. К. Топузов, А. Е. Щелконогов. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013.
13. Вумек, Дж. П. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Дж. П. Вумек, Д. Джонс. — М. : Альпина Паблишер, 2013. — 472 с.
14. Лайкер, Дж. Дао Toyota. 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / Дж. Лайкер. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 402 с.
15. Пряхин, Г. Н. Психология управления формированием и развитием бизнеса. Методология познания рынка мягких факторов предпринимательской деятельности / Г. Н. Пряхин // Труды выездной международной научно-практической конференции. Израиль, Иерусалим, 17—19 марта 2008 года. — Челябинск : УралГУФК, 2008.

Сведения об авторах

Топузов Николай Константинович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Управление инновациями в бизнесе» Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. diaku@yandex.ru

Дуняшин Иван Витальевич — студент магистратуры очной формы обучения кафедры «Управление инновациями в бизнесе» Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. div1994@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 104—110.*

QUALITY IMPROVEMENT OF THE AUTOMOBILE TUNING SERVICE USING THE EXAMPLE OF “RESTYLING” COMPANY

N.K. Topuzov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. diaku@yandex.ru

I.V. Dunyashin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. div1994@list.ru

Services quality improvement in high-tech technologies is based on providing client with good work at low cost. In this article, the approach is rooted on lean manufacturing concept, which includes new philosophy, business process and human resource management. The main issues of automobile tuning companies are described. With the example of “Restyling” company various efficiency analysis of work have been carried, moreover, described business process of work implementation in dealership. CRM-system as a method of financial loss reduction and effective sales management has been offered.

Keywords: *innovative development, quality, automobile tuning, business process, CRM-system, Bitrix, loss reduction.*

References

1. Krylov E.I., Vlasova V.M. *Analiz effektivnosti investitsionnoy i innovatsionnoy deyatel'nosti predpriyatiya* [Analysis of efficiency of investment and innovative activity of the enterprise]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2003. 608 p. (In Russ.).
2. Borodin A. *Economic mechanisms of sustainable development* [Ekonomicheskiye mekhanizmy ustoychivogo razvitiya]. Moscow, Economist Publ., 2005.
3. Volkov I.P. *Ekonomika predpriyatiya* [Economics of enterprises]. Moscow, New knowledge Publ., 2004. 677 p. (In Russ.).
4. Mazur I.I. *Ypravleniye kachestvom* [Quality control]. Moscow, Omega-L Publ., 2005. 334 p. (In Russ.).
5. Topuzov N.K. Kontsepsiya formirovaniya resursosberegayushchikh kompetentsiy personala v tsikle upravleniya razrabotkoy innovatsionnoy produktsii [Strategy of resource competencies of staff in development of innovative products and managing cycle]. *Global'nyy naychnyy potentsial* [Global publishing scientific potential], 2012, no. 6, pp. 80—85. (In Russ.).
6. Topuzov N.K. *Formirovaniye mekhanizma upravleniya resursosberezheniyem v sisteme innovatsionnogo razvitiya predpriyatiya* [The formation mechanism of resource saving in the system of innovative development]. Chelyabinsk, 2012. (In Russ.).
7. Topuzov N.K., Alabugin A.A. Novaya paradigma i metody innovatsionnogo upravleniya resursosberezheniyem [New paradigm and methods of innovative resource management]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], 2010, no. 7 (43), pp. 19—27. (In Russ.).
8. Topuzov N.K., Alabugin A.A. Kak postroit' innovatsionno-oriyentirovannuyu sistemu resursosberegayushchego razvitiya predpriyatiya? [How to build an innovation-oriented system of resource-saving enterprise development?]. *Ypravleniye personalom* [Personnel management], 2009, no. 14. (In Russ.).
9. Alabugin A., Topuzov N., Aliukov S. Integrative-cyclical approach to the study of quality control of resource saving by the use of innovation factors. *Mediterranean Journal of Social Sciences, 4th World Conference on Business, Economics and Management*, 2015. Pp. 420—426.
10. Alabugin A.A., Topuzov N.K. Printsipy formirovaniya mekhanizma upravleniya resursosberezheniyem v sisteme innovatsionnogo razvitiya korporatsii [Principles of the formation mechanism of resource saving in the system of innovation development Corporation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 29, pp. 131—138 (In Russ.).
11. Topuzov N.K., Alabugin A.A., Alyukov S.V. Kompleksnyy metod issledovaniya sistem upravleniya resursosberezheniyem predpriyatiya [Complex method for the study of systems of resource-saving management of enterprise]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 26, pp. 112—120 (In Russ.).

12. Topuzov N.K., Shchelkonogov A.E. *Otsenka rezervov i napravleniy ekonomiki proizvodstvennogo vremeni v protsessakh resursosberezheniya predpriyatiya* [The estimation of reserves and areas of saving production time in processes of resource-saving enterprise]. Chelyabinsk, 2013. (In Russ.).

13. Womac J.P., Johns D. *Berezhlivoye proizvodstvo: Kak izbavit'sya ot poter' i dobit'sya protsvetaniya vashey kompanii* [Lean manufacturing: How to eliminate losses and to achieve prosperity of your company]. Moscow, Al'pina Publ., 2013. 472 p. (In Russ.).

14. Liker J. *Dao Toyota. 14 printsipov menedzhmenta vedushchey kompanii mira* [Toyota management principles leading companies of the world]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005. 402 p. (In Russian).

15. Pryakhin G.N. *Psikhologiya upravleniya formirovaniyem i razvitiyem biznesa. Metodologiya poznaniya rynka myagkikh faktorov predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [The psychology of management by formation and development of the business. The methodology of knowledge of the market of soft factors of entrepreneurial activity]. *Trudy vyezdnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The field works of the international scientific-practical conference]. Chelyabinsk, 2008. (In Russ.).

УДК 334.752
ББК 65.291.216-432

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АУТСОРСИНГА НА ПРЕДПРИЯТИИ

Х. Дж. В. Алькарави

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Развитие форм организации бизнеса в условиях глобализации экономики порождает новые способы сотрудничества между предприятиями, обеспечивающие высокую эффективность бизнес-процессов, и повышает конкурентоспособность субъектов хозяйствования. Одной из таких форм является аутсорсинг. Необходимость применения аутсорсинга на практике требует разработки научно-методологической базы его внедрения в деятельность предприятий. Сложилось много способов взаимодействия между предприятием-заказчиком и аутсорсером, что вызывает необходимость классификации видов аутсорсинга с целью облегчения выбора оптимального в каждом отдельном случае. В статье рассмотрены существующие классификации видов аутсорсинга, показано, что они исследуют только управленческую и организационную составляющие аутсорсинга; построены классификации видов аутсорсинга по экономическому содержанию и по способу организации взаимодействия между предприятием и внешним источником при внедрении аутсорсинга в производство промышленных предприятий.

Ключевые слова: *аутсорсинг, аутсорсер, бизнес-процесс, виды аутсорсинга, классификация аутсорсинга.*

Постановка проблемы. Понятие «аутсорсинг» уже почти три десятилетия используется в зарубежной бизнес-практике, но, несмотря на это, вопрос классификации аутсорсинга остается открытым. Многие российские и зарубежные ученые пытались в своих трудах разработать классификацию, которая соответствовала бы сегодняшним экономическим реалиям. Однако единой классификации аутсорсинга нет, наоборот, есть большое количество различных подходов к классификации, основанных на подобных условиях. Также одной из проблем является замена изношенных и морально устаревших производственных фондов и инфраструктуры новым или реконструированным, более эффективным оборудованием, применение которого позволит повысить показатели, качество и надежность работ.

Анализ последних исследований и публикаций. Сложность понятия «аутсорсинг» способствовала формированию целого ряда возможностей взаимодействия между заказчиком и аутсорсером, что вызывает необходимость классификации видов аутсорсинга с целью облегчения выбора оптимальной в каждом отдельном случае. Вопрос классификации аутсорсинга стал предметом исследования многих ученых, в частности таких, как Б. А. Аникин, И. Л. Рудая, Ж.-Л. Бравар, Р. Морган, К. Ю. Воробьев, С. О. Календжян, Е. В. Карашевич, А. И. Микале, Д. М. Михайлов, А. Н. Руденко, Е. А. Кудинова, С. Н. Сайфиева, Дж. Б. Хейвуд, Сабах Кадури. Учитывая весомый вклад ученых в развитие этого вопроса, все же

нерешенным остается аспект обобщения опыта и формализации единого научного подхода к классификации видов аутсорсинга.

Цель статьи — разработка авторской классификационной системы аутсорсинга, которая отвечает современным экономическим реалиям промышленных предприятий.

Изложение основного материала исследования. Анализ источников показал, что среди ученых не существует единого подхода к классификации видов аутсорсинга, и можно заметить, что большинство зарубежных ученых выделяют, с одной стороны, главный классификационный признак, по которому аутсорсинг классифицируют на производственный, ИТ-аутсорсинг и аутсорсинг бизнес-процессов (обеспечивают устойчивые конкурентные преимущества), а с другой — гибкость деятельности предприятия и возможность его быстрой адаптации к требованиям внешней среды.

Традиционная цель любой организации, действующей в конкурентной среде, — повышение конкурентоспособности. Конкурентоспособность — обобщенное понятие, составляющими которого являются в первую очередь снижение себестоимости, повышение качества. Как правило, предприятие делает акцент на одной из них, формируя на ней основную стратегию. Именно эти классификационные признаки определяют дальнейший характер возможных действий по поиску поставщика, форме отношений.

Рассмотрев труды зарубежных и отечественных исследователей, автор пришел к выводу, что нет

единого подхода к классификации аутсорсинга. Каждый бизнес-процесс или функцию предприятие может передать аутсорсеру полностью, а может сохранить за собой возможности координации и контроля или частичного ее выполнения. Объясняется это многообразием классификационных признаков и видов аутсорсинга; в зависимости от этих признаков отмечают, что аутсорсинг совместных предприятий предусматривает создание совместного предприятия для управления выделенной функцией.

Аутсорсинг — это передача, или делегирование другому предприятию или внешнему поставщику услуг, на повседневной основе, бизнес-функций или процессов развития, которые ранее могли выполняться собственными силами [13—15; 17]. Аутсорсинг был признан эффективным процессом для организаций, призванным решить проблему конкурентоспособности [12; 18]. Привлечение аутсорсинга в деятельность предприятий сопровождается реструктуризацией предприятия, поэтому широкое распространение получила классификация аутсорсинга в связи с изменениями в организационной структуре: традиционный, промежуточный, трансформационный, реструктуризационный аутсорсинг, аутсорсинг совместных предприятий, аутсорсинг с элементами реорганизации сети бизнес-процессов.

Д. М. Михайлов: передача подрядчику некоторых бизнес-функций или частей бизнес-процесса организации [9].

А. И. Микале: инструмент усиления конкурентоспособности предприятия за счет концентрации на ключевых (исходя из рыночных условий) для предприятия компетенциях, функциях и/или бизнес-процессах [7].

С. О. Календжян: продажа собственных мощностей по осуществлению каких-либо бизнес-процессов (ремонт, бухгалтерский учет, отливка заготовки); переход на приобретение соответствующей продукции или услуг на стороне [4. С. 256—265].

Для выполнения поставленных задач предприятие может привлекать одного или нескольких исполнителей.

А. И. Микале определяет традиционный аутсорсинг как передачу функций специализированной компании на долгосрочной основе для достижения конкурентных преимуществ. А при трансформационном аутсорсинге, по нашему мнению, в полномочия аутсорсера входит осуществление функций подразделения, а также разработка и внедрение проектов по его реорганизации для наиболее полного соответствия требованиям рынка с последующим возвращением обновленного подразделения заказчику [8. С. 221].

Можно говорить об аутсорсинге как о способе повышения конкурентоспособности или как о хозяйственной операции; определения в этом случае будут разными. Объясняется это многообразием классификационных признаков и видов аутсорсинга в зависимости от этих признаков. Анализ работ зарубежных авторов не приводит к четкой классификации. Среди видов аутсорсинга Ж.-Л. Бравар и Р. Морган различают следующие: максимальный и частичный (в зависимости от количества переданных функций); общий, промежуточный и трансформационный (в зависимости от собственного или стороннего источника инновационности [2].

Обусловленное договором использование материальных средств, имущества и знаний третьего лица с гарантированным уровнем их качества, гибкости и ценности стоимостных критериев и оценок для предоставления услуг, ранее оказываемых внутренними силами компании, с возможным переходом существующего персонала к поставщику услуг и/или трансформация/обновление процессов и технологий, поддерживающих бизнес [Там же. С. 288].

К. Ю. Воробьев выделяет аутсорсинг производственных/промышленных процессов и аутсорсинг познавательных процессов и знаний [3. С. 53].

Е. В. Карашевич: аутсорсинг вытекает извне и качественно из сотрудничества и субконтракта, поскольку компания-поставщик, оставаясь юридически независимой, в определенной степени интегрируется в структуру подрядной компании, соответствует ее стандартам и работает в области совместного планирования, управления качеством и логистики [5. С. 126].

Каждый бизнес-процесс или функцию предприятие может передать аутсорсеру полностью, а может сохранить за собой возможности координации и контроля или частичного ее выполнения. С. Н. Сайфиева: «Перенесите книги и услуги сторонним исполнителям для разделения труда и сосредоточьтесь на функциях управления» [11. С. 76].

В зависимости от поставленных задач предприятие может привлекать в качестве аутсорсера другое предприятие или организацию, частных лиц или предоставлять определенную функцию на выполнение широкой общественности. Б. А. Аникин и И. Л. Рудая: «Последовательность организационных решений, суть которых заключается в передаче некоторых ранее самостоятельно реализуемых организацией функций или видов деятельности для выполнения внешней организации или, как принято говорить, “третьей стороне”, или выполнения отдельных функций (производственных, сервисных, информационных,

финансовых, управленческих и т. д.), или бизнес-процессов (организационных, финансово-экономических, производственно-технологических, маркетинговых) внешней организацией, которая имеет необходимые для этого ресурсы, на основе долгосрочного соглашения» [1].

К тому же необходимо распределять аутсорсинг в зависимости от того, передает предприятие стороннему исполнителю вспомогательные процессы, к которым относятся уборка, охрана, ведение бухгалтерского учета, или те процессы, которые являются для него ключевыми, например, часть производственного цикла. В этой связи Сабах Кадури пишет: «Использование внешней организации (поставщика) для обработки банковских данных и других финансовых данных при проведении деловых операций; аутсорсинг всегда означает участие в выполнении функций корпоративного управления, специализирующихся на конкретном типе деятельности» [17. С. 10].

Целью введения аутсорсинга является обеспечение постоянного, рентабельного функционирования предприятия с перспективой развития и расширением. Если существует возможность перехода к аутсорсингу, то процессный подход в таком случае является базовым средством в определении и выборе важнейших инструментов, которые может использовать руководитель.

С целью построения эффективной системы управления предприятием необходимо выделить виды аутсорсинга, что позволит предприятию принимать своевременные и эффективные решения о возможности применения аутсорсинга как ключевого инструмента снижения затрат предприятия в конкурентной борьбе. Качественно спланированный и взаимосогласованный аутсорсинг, основанный на тесных коммуникационных связях, может существенно улучшить результаты деятельности предприятия, повысить его рыночную стоимость, уменьшить себестоимость продукции и увеличить доходность.

А. Н. Руденко и Е. А. Кудинова предлагают классифицировать аутсорсинг в соответствии с функциями менеджмента, исходя из определения аутсорсинга как «технологии менеджмента». Функцию планирования предлагают реализовать за счет аутсорсинга маркетинга и логистики, организации — производственного аутсорсинга и аутстаффинга, мотивации — аутсорсинга корпоративного питания и медицинского обслуживания, контроля — ИТ-аутсорсинга [10. С. 42].

Наиболее развернутая классификация встречается в трудах ученых А. И. Микале [8] и О. Манойленко [6].

А. И. Микале классифицирует аутсорсинг по следующим признакам: по цели введения аутсорсинга, по степени привлечения ресурсов компании-заказчика, по характеру и соотношению функций, передаваемых на аутсорсинг, по количеству исполнителей, по странам базирования компании-поставщика услуг, по сроку предоставления услуг.

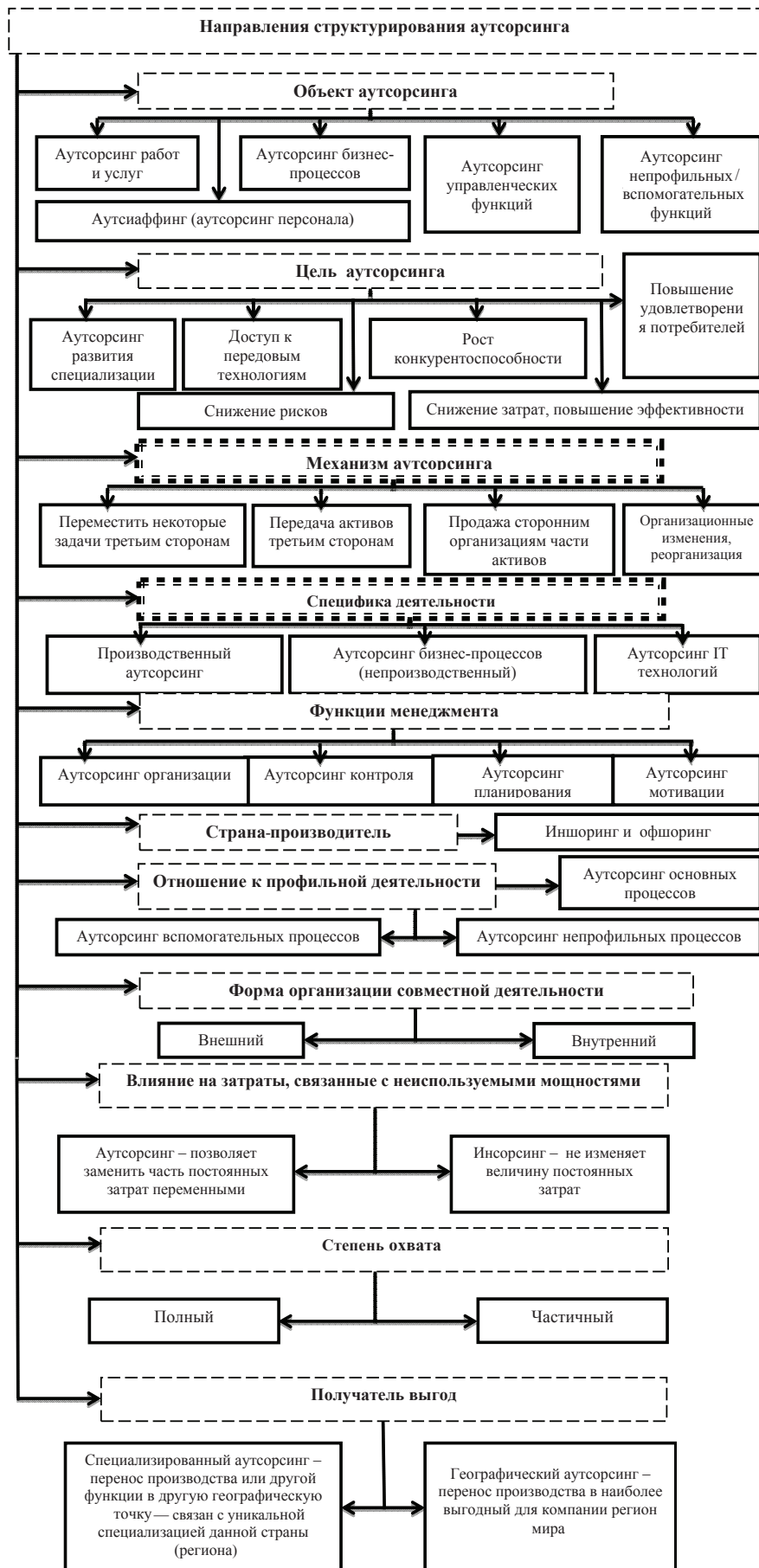
А. В. Манойленко предлагает использовать восемь классификационных признаков: по отношению к внешней среде функционирования компании, по сфере применения, по географическому признаку, по масштабу и форме применения, с точки зрения формирования цепочки создания стоимости, по основным ресурсам аутсорсера, по эффективности выполнения отдельной фазы трансформации бизнеса, по частоте выполнения. По каждому классификационному признаку исследователь выделяет от двух до семи видов аутсорсинга. Данная классификационная система перегружена второстепенной информацией и затрудняет понимание сущности отдельных видов аутсорсинга.

Таким образом, как видим, отсутствует четкая систематизация классификационных признаков по группам и подгруппам. Такие виды, как аутсорсинг начисления заработной платы, аутсорсинг финансовых операций и транзакций, рекрутинговый аутсорсинг, аутсорсинг бухгалтерских услуг, аутсорсинг офисной печати, являются составными частями аутсорсинга бизнес-процессов, подвидом в группе «аутсорсинг бизнес-процессов».

На основе проведенного анализа отметим, что существование значительного количества классификационных признаков к структурированию аутсорсинга значительно усложняет процесс его анализа и с практической точки зрения делает невозможным осуществление правильного выбора вида аутсорсинга.

Исследовав научные подходы к классификации аутсорсинга, предлагаем следующую классификацию видов аутсорсинга, которая была сформирована на основе обобщения научных источников и дополнена классификационным признаком, предложенным автором (см. рисунок), что соответствует современным экономическим реалиям промышленных предприятий, является составной частью классификации аутсорсинговых бизнес-процессов, которые можно встретить в большинстве случаев.

В отличие от существующих, уже представленных в литературе классификаций, в настоящей предложены два дополнительных признака. В первую очередь расширено число классификационных признаков, соответственно, систематизированы и расширены типы аутсорсинга. Это, во-первых, механизм аутсорсинга, а во-вторых,

Многоуровневая классификация отношений аутсорсинга (разработано автором)

специфика деятельности. Согласно первому признаку представляется логичным выделить прежде всего наиболее часто используемый способ организации аутсорсинга — через передачу стороннему предприятию части функций.

Другим способом является выделение части активов сторонним предприятиям, причем это, как правило, непрофильные активы. Еще один тип аутсорсинга — через продажу активов стороннему предприятию, принимающему на себя выполнение части функций предприятия-заказчика. Еще один тип механизма: как такие способы отражаются на организации аутсорсинга.

На наш взгляд, неточностей в классификации видов аутсорсинга позволит избежать многоуровневая классификация. Поэтому целью статьи является формирование многоуровневой классификации отношений аутсорсинга по совокупности характеристикам промышленных предприятий.

На основе проведенного анализа профессиональной экономической литературы системати-

зированы классификации аутсорсинга по способу организаций совместной деятельности такого вида аутсорсинга, как классификации по эффективности результата, что способствует системности исследования указанного понятия и повышению эффективности принятия управленческих решений по организации хозяйственных процессов на предприятии.

В данной статье разработана классификация видов аутсорсинга на основе обобщения результатов исследований ученых-экономистов и учета современных экономических условий. Предложенная классификация может в дальнейшем применяться при построении экономического механизма привлечения аутсорсинга и может быть использована руководителями промышленных предприятий при принятии управленческих решений по возможности передачи на аутсорсинг функций или бизнес-процессов и при выборе наиболее эффективного способа взаимодействия между заказчиком и внешним источником.

Список литературы

1. Аникин, Б. А. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента : учеб. пособие / Б. А. Аникин, И. Л. Рудая. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2009. — 320 с.
2. Бравар, Ж.-Л. Эффективный аутсорсинг: Понимание, планирование и использование успешных аутсорсинговых отношений : пер. с англ. / Ж.-Л. Бравар, Р. Морган. — Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2007. — 288 с.
3. Воробьев, К. Ю. Классификации аутсорсинга с позиций управленческого подхода [Электронный ресурс] / К. Ю. Воробьев // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. — 2013. — № 4, т. 19. — С. 53—56. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiiautsorsinga-s-pozitsiy-upravlencheskogo-podhoda>.
4. Календжян, С. О. Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компаний / С. О. Календжян. — М. : Дело, 2003. — 272 с.
5. Карашевич, В. Е. От подряда к аутсорсингу — первые шаги / В. Е. Карашевич // Инновации. — 2008. — № 1 (111). — С. 125—128.
6. Манойленко, А. В. Аутсорсинг как инструмент повышения эффективности антикризисного управления [Электронный ресурс] / А. В. Манойленко // Вестн. Междунар. славян. ун-та. Сер.: Экон. науки. — 2006. — № 1. — С. 8—12. — URL: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/VMSU/econ/2006_1/03/06movcme.html.
7. Микале, А. И. Подходы к определению термина «аутсорсинг» / А. И. Микале // Экон. вестн. НТУУ «КПИ». — 2010. — № 7. — С. 111—115.
8. Микале, А. И. Анализ и классификация форм аутсорсинга [Электронный ресурс] / А. И. Микале // Экон. пространство. — 2010. — № 37. — С. 216—222. — URL: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Ekpr/2010_37/Statti/25.pdf.
9. Михайлов, Д. М. Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса : учеб. пособие / Д. М. Михайлов. — М. : КНОРУС, 2006. — 256 с.
10. Руденко, О. Н. Актуальные вопросы определения аутсорсинга [Электронный ресурс] / О. Н. Руденко, Е. А. Кудинова // Междунар. науч.-исследоват. журн. — 2013. — № 4-2 (11). — С. 40—43. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-opredeleniya-autsorsinga>.
11. Сайфиева, С. Н. Теоретические основы и эволюция развития аутсорсинга / С. Н. Сайфиева, М. А. Быкадоров // Журн. экон. теории. — 2006. — № 3. — С. 77—91.
12. Хейвуд, Дж. Б. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ / Дж. Б. Хейвуд ; пер. с англ. Н. Е. Метоль, И. С. Половицы. — М. : Вильямс, 2004. — 176 с.

13. ALWaeli, A. A. The role-based costing activities to achieve competitive advantage / A. A. ALWaeli. — Iraq. — 2012. — June. — P. 46—55.
14. Burn, D. To outsource training or not to outsource training: That is the question / D. Burn // Human Resources Professional. — 1998. — Febr./March, no. 15 (1). — P. 18—23.
15. Mohammed, B. N. Corporate Governance / B. N. Mohammed // Intern. Conf. on Creativity. Faculty of Economic Sci. — 2012.
16. Oxford dictionary of Accounting, 3E. — Oxford Univ. Press, 2005. — 408 p.
17. Kadouri, S. International accounting standards and their impact on the accounting system reforms in the Iraqi economy / S. Kadouri // Network of Iraqi Economists. — 2012.
18. Salimath, M. S. Outsourcing and performance in entrepreneurial firms: contingent relationships with entrepreneurial configurations / M. S. Salimath, J. B. Cullen, U. N. Umesh // Decision Sci. — 2008. — No. 39 (3). — P. 359—381.
19. Taylor, J. R. Quality control system procedures for planning Quality programs / J. R. Taylor. — McGraw-Hill Co., 1989.

Сведения об авторе

Алькарави Хайдер Дж. Ваннес — аспирант Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. hw_22298@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 111—117.*

MODERN CLASSIFICATION OF OUTSOURCING ON ENTERPRISE

H.G.W. Alkarawy

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. hw_22298@yahoo.com

The development of forms of business organization in a globalized economy creates new ways of interaction between enterprises, which provide high efficiency of business processes and enhance the organization competitiveness. Outsourcing is one of these forms. The need for outsourcing in practice requires the development of scientific and methodological framework implementation in the activities of enterprises. Today there are many interactions between the enterprise and outsource. It requires the classification of outsourcing in order to facilitate the optimal choice of them in each case. The object of the study is the process of relations between enterprises and outsourcers. The paper considers existing classifications of types of outsourcing, demonstrates that these classifications are based on managerial and organizational criteria without taking into account economical nature of outsourcing. New classifications of types of outsourcing based on its economical nature and the type of interaction of companies are described and the external source when introducing outsourcing in the industrial enterprises.

Keywords: *outsourcing, outsource, business process, types of outsourcing, outsourcing classification.*

References

1. Anikin B.A. *Autsorsing i autstaffing: vysokiye tekhnologii menedzhmenta* [Outsourcing and outstaffing: high management technologies]. Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.).
2. Bravar Zh.-L., Morgan R. *Effektivnyy autsorsing: Ponimaniye, planirovaniye i ispol'zovaniye uspeshnykh autsorsingovykh otnosheniy* [Effective outsourcing: Understanding, planning and using successful outsourcing relationships]. Moscow, 2007. 288 p. (In Russ.).
3. Vorob'yov K.Yu. Klassifikatsii autsorsinga s pozitsiy upravlencheskogo podkhoda [Classification of outsourcing from the viewpoint of management approach]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2013, no 4, vol. 19. pp. 53—56. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsii>, accessed 26.01.2018. (In Russ.).
4. Kalendzhyan S.O. *Autsorsing i delegirovaniye polnomochiy v deyatel'nosti kompaniy* [Outsourcing and delegation of authority in the activities of companies]. Moscow, Delo Publ., 2003. 272 p. (In Russ.).
5. Karashevich V.Ye. Ot podryada k autsorsingu — pervyye shagi [From the contract to outsourcing — the first steps]. *Innovatsii* [Innovations], 2008, no. 1 (111), pp. 125—128. (In Russ.).

6. Manoylenko A.V. Outsorsing kak instrument povysheniya effektivnosti antikrizisnogo upravleniya [Outsourcing as a tool to improve the efficiency of crisis management]. *Vestnik mezhdunarodnogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of International Slavic University], 2006, no. 1, pp. 8—12. Available at: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/VMSU/econ/2006_1/03/06movcme.html (In Russ.).
7. Mikale A.I. *Podkhody k opredeleniyu termina "outsorsing"* [Approaches to the definition of the term "outsourcing"]. *Ekonomicheskyy vestnik NTUU "KPI"* [Economic Bulletin of NTUU "KPI"], 2010, no. 7, pp. 111—115. (In Russ.).
8. Mikale A.I. Analiz i klassifikatsiya form outsorsinga [Analysis and classification of forms of outsourcing]. *Ekonomicheskoye prostranstvo* [Economic space], 2010, no. 37, pp. 216 — 222. Available at: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Ekpr/2010_37/Statti/25.pdf (In Russ.).
9. Mikhaylov D.M. *Outsorsing. Novaya sistema organizatsii biznesa* [Outsourcing. New Business Organization System]. Moscow, 2006. 256 p. (In Russ.).
10. Rudenko O.N. Aktual'nyye voprosy opredeleniya outsorsinga [Topical issues of the definition of outsourcing]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International research journal], 2013, no. 4-2 (11), pp. 40—43. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-opredeleniya-outsorsinga> (In Russ.).
11. Sayfiyeva S.N. Teoreticheskiye osnovy i evolyutsiya razvitiya outsorsinga [The theoretical basis and evolution of outsourcing development]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of economic theory], 2006, no. 3, pp. 77—91. (In Russ.).
12. Kheyvud Dzh.B. *Outsorsing: v poiskakh konkurentnykh preimushchestv* [Outsourcing: in search of competitive advantage]. Moscow, Williams Publ., 2004. 176 p. (In Russ.).
13. ALWaeli A.A. The role-based costing activities to achieve competitive advantage. *Iraq*, 2012, June, pp. 46—55.
14. Burn D. To outsource training or not to outsource training. That is the question. *Human Resources Professional*, 1998, no. 15 (1), pp. 18—23.
15. Mohammed B.N. Corporate Governance. *Faculty of Economic Sciences*. Baghdad, 2012.
16. *Oxford dictionary of Accounting, 3E*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 408 p.
17. Kadouri S. International accounting standards and their impact on the accounting system reforms in the Iraqi economy. *Network of Iraqi Economists*. Baghdad, 2012.
18. Salimath M.S., Cullen J.B., Umesh U.N. Outsourcing and performance in entrepreneurial firms: contingent relationships with entrepreneurial configurations. *Decision Sciences*, 2008, no. 39 (3), pp. 359—381.
19. Taylor J.R. *Quality control system procedures for planning Quality programs*. McGraw-Hill Education, 1989.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 118—119.

УДК 300
ББК 65.010

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПЕРЕДОВЫХ НАУК «НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА ЦИВИЛИЗАЦИИ В 21 ВЕКЕ. КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И ЧЕТВЕРТАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», Челябинск, ЧелГУ, октябрь 2018 года

Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Ключевые слова: *капитализм, социализм, технологическая революция, русская мечта.*

Двадцать первый век для человечества — это век огромных возможностей. Научные открытия, технологический прогресс, социальные технологии — все это создает колоссальные перспективы для того, чтобы общество и экономика вошли в век процветания. Человечество обладает ресурсным потенциалом, чтобы решить базовые материальные проблемы для каждого жителя Земли. Однако этого не происходит. Реальность такова, что мировая экономическая, финансовая, социальная и политическая система нестабильна и неустойчива. Как говорил Профессор Преображенский, «разруха начинается в головах». Нельзя допустить, чтобы подобные процессы помешали реализации накопленного потенциала, хотя вероятность этого высока. И сегодня именно такой момент, когда в головах у миллиардов людей должны произойти изменения, которые сделают возможным и близким век (а может, и тысячелетие) процветания для человечества. В противном случае, если такие изменения не произойдут, современный человек падет под тяжестью своих возможностей. Пятый и шестой технологические уклады требуют от субъекта практической деятельности в экономике, обществе и политике — человека, организаций, государств — не только и не столько огромной ответственности, сколько нового образа мыслей, при котором судьба отдельного человека рассматривается лишь как часть судьбы тех институций, которые формируют его жизненный путь — государства, места работы, места реализации гражданской позиции. Эта точка зрения не нова, в России и в мире об этом говорят многие мыслители. Однако существенной

слабостью этих позиций является их разобщенность, слишком сильное увлечение своим проектом спасения человечества и нежеланием прислушаться к голосам, раздающимся по соседству. Поэтому любой аттрактор, возникающий в современном турбулентном социальном пространстве, в котором получают развитие идеи гармоничного социально-экономического развития в будущем, привлекает интерес. Когда мы с коллегами в 2015 г. начинали проект «Природа и эволюция капитализма во всем мире» (NECAW Project), мы и представить не могли, какой интерес вызовет наша идея во многих странах мира. В том числе на другом конце света, в Мексике, где находится интеллектуальный и организационный центр целого ряда влиятельных международных научных организаций — профессор Хайнц Дитерих. Благодаря его приглашению мы (научная школа экономистов в Челябинском государственном университете) оказались вовлечены в серьезное научное движение, призванное осмыслить происходящие в экономике и обществе изменения и предложить позитивный вариант будущего социально-экономического устройства. Наиболее ярким выразителем этих идей выступает World Advanced Research Project (WARP) — Всемирный проект перспективных исследований. Этот проект выступает в качестве прогрессивного глобального мозгового центра для развития демократии участия, является международной междисциплинарной сетью ученых высокого уровня, которые работают над цивилизационными альтернативами для глобального общества. Ученые и организации из Германии, Великобритании, Норвегии, России,

Китая, Мексики, Индии, Испании и Вьетнама сотрудничают с помощью Центра переходных наук (Center for Transition Sciences), связанного с Автономным столичным университетом (Autonomous Metropolitan University, UAM) в Мехико.

Каждый год эти ученые организуют Международный конгресс передовых наук, который проходит в различных университетах Азии, Европы и Латинской Америки. В 2013 г. 4-я конференция состоялась в Шанхайском финансово-экономическом университете (Shanghai University of Finance and Economics, SUFE) по теме «Наука и технологии в XXI веке» совместно с Китайской академией социальных наук (Chinese Academy of Social Sciences), профессор Чэн Энфу (Cheng Enfu). В 2015 г. в Москве 6-й научный конгресс был организован по теме «Технологии, геополитика и бесклассовые общества будущего». Седьмой конгресс прошел в Мексике, в Автономном университете Чапинго (Autonomous University Chapingo, AUCh); его название «Науки о жизни будущего: питание, здравоохранение, технология и политическая экономия в XXI веке». Девятый конгресс был проведен в Ханое (Вьетнам) и был посвящен проблеме социалистических моделей и теории посткапиталистической цивилизации вместе с Академией общественных наук Вьетнама (Vietnam Academy of Social Sciences, VASS) [проф. Фам ван Дук (Pham Van Duc)].

К мнению ученых, составляющих интеллектуальную основу WARP Group, прислушивается все больше и больше интеллектуалов во всем мире. И в этом году 10-й Международный конгресс передовых наук пройдет в Челябинске, в Челябинском государственном университете, в октябре. Название для конгресса выбрано соответствующее моменту: «Научная парадигма цивилизации в 21 веке. Капитализм, социализм и четвертая технологическая революция». Экономический расцвет Китая, возрастание геополитической

роли России, противостояние этим процессам со стороны Запада — осмысление этих трендов и выработка научных ответов на вопросы политэкономической, социальной и технологической картины будущего будут лежать в основе конгресса. Для того чтобы привлечь внимание к проблематике и исследованиям, которые будут представлены на этом конгрессе, мы начинаем публиковать серию статей авторов, представляющих WARP и планирующих приехать в Челябинск в этом году. Как видно из тематики их публикаций, спектр исследований WARP достаточно широк. Профессор Хайнц Дитерих (Heinz Dieterich) — социальный философ и политэконом, выступающий не только как ученый, но и как эксперт мирового уровня, признанный по обе стороны Атлантики. Гернот Эрнст (Gernot Ernst) — норвежский специалист по нейрофизиологии, изучающий социальные и экономические результаты нейробиологических процессов в человеческом мозге, Клаус Барч (Klaus Bartsh) — немецкий математик и эконометрист, предлагающий авторскую версию макроэкономической модели мировой экономики, которая позволяет с высокой точностью прогнозировать последствия многих политических и экономических решений. Профессор Фам Ван Дук (Pham Van Duk) исследует проблемы социально-экономического развития в современном Вьетнаме, в том числе проблему сочетания социализма и экономической свободы. И это лишь малая доля компетенций, которыми обладают участники WARP Group. Их объединяет междисциплинарный и нестандартный подход к исследованию острейших проблем современной экономики и общества. В последующих выпусках журнала мы продолжим публикацию участников этой научной группы с целью еще более глубокого погружения читателей в проблематику и подходы, которые будут представлены на научной конференции в октябре.

Сведения об авторе

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 118—119.*

**INTERNATIONAL CONGRESS OF ADVANCED SCIENCES
“SCIENTIFIC PARADIGM OF CIVILIZATION IN THE 21ST CENTURY.
CAPITALISM, SOCIALISM AND FOURTH TECHNOLOGICAL REVOLUTION”,
Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, October 2018**

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

Keywords: *capitalism, socialism, industrial revolution, Russian dream.*

УДК 330.101
ББК 65.010.1

RUSSIAN DREAM, CHINESE DREAM AND AMERICAN DREAM. VECTORS OF 21st CENTURY CIVILIZATION

Dr. Heinz Dieterich

Universidad Autónoma Metropolitana, Mexico City, Mexico

In article reviewed three main vectors for development of mankind in 21 Century: American Dream, Chinese Dream and Russian Dream. The class character of evolutionary processes in the society is shown, the importance of research of “Historic class projects” as realized shapes of the future social structure of mankind is grounded.

Keywords: *American Dream, Chinese Dream and Russian Dream, Historic class project, Classes.*

1. Historic class projects and Grand Narratives

Any social human subject, being individual or collective, acts according to its survival interests and the optimization of its respective survival strategies. The organization, explication and legitimation of the resulting praxis, has been termed “Weltanschauung” in German philosophy, Grand Narrative or “master narrative” (Jean-François Lyotard) in the postmodernist tradition, or “ideology” in Latin American parlance. As a polysemantic concept, it is of little utility for the required categorial precision of scientific analysis and rather prone to reactionary propagandistic use, as became very much evident after the collapse of the Soviet Union and its 20th Century Socialism. There is, however, no possible denial of the fact, that practical actions of human subjects follow an organizing software, a kind of Global Positioning system (GPS), which determines their operations in the space-time-motion environment, which is the cosmos and its subsystem, The Blue Planet. Within the potential institutional chaos of macro-organizations, composed of tens, if not hundreds of millions of members, like civil societies, social classes, nation states, etc., an action-guiding master plan or principle is the only possible alternative to chaos. This software for macro guidance and survival strategies of a collective subject, in this case, a social class, I will call its *Historic Project*. I sustain, that no ruling class or elite can maintain stable, prolonged relations of exploitation, dominance and alienation of other classes and peoples, without the support of such a power software, that gives it strategic autonomy. On the same token, no oppressed class or social subject can liberate itself without an emancipation software or Emancipatory Historic Project (software), developed by itself and for itself.

2. Marx, Engels and the Historic Project

The concept “Historic Project” is not being used in current social sciences. Neither did it play an im-

portant role in *explicit form* in the foundational work of Marx and Engels. It is, however, very useful to describe the three main activities of all ruling power elites: to exploit, to dominate and to alienate the non-elite sectors of society. The Historic Class Project (HCP) of a dominant elite encompasses the four essential types of social relations, which characterize human societies: the economic, the political, the military and the cultural relationships. Expressed in the terminology of Historic materialism, the productive forces, the relations of production and the political and non-political superstructures.

A dominant class can not exist without an HCP, and in that respect we can talk about the HCP of the Roman slaveholders, the European feudal landlords, the capitalists and the socialists. The concept is similar to that of Marx’s “socio economic formation” (soziooekonomische Formation), but puts more emphasis on the fact that history is made by concrete configurations (projects) which are promoted by the dominant social subjects, and reacted to by the subordinate classes. The basic reason for the elaboration and preservation of a HCP is, of course, the appropriation of social value (Plusprodukt). Around this essence or nucleus exist many other spheres of discourse, narratives, symbolic systems, ideologies etc., which fulfill the function of indoctrinating different classes and social actors in benefit of the overall hegemony of the power elites.

Two further properties of the HCP are self evident. Their composition of rational and prerational axioms varies greatly. The feudal HCP, for example, recurs to an extramundane decisor (God) to “explain” and legitimize its exploitation, oppression and alienation of the masses, while the capitalist macro software uses for the same objective “the market”. Socialism, in change, as a scientific explanation of reality, needs to explain the dynamics of social development and praxis through the basic systemic contradictions of

society and the anthropological constituents of human praxis. The second, equally obvious property, refers to the fact, that the class conflict for the appropriation of the collectively produced surplus product, is not only being carried out between two classes, but also between Historical Power Blocks, ethnic groups, gender interests, and so on and so forth.

Generally, a HCP contains four central elements, which are promoted through foundational documents or manifestos. 1. The program or the contents of the class proposal made. 2. The subjects of change or implementation. 3. The time periods required for the planned program. 4. The forms or methods of transformation (struggle). The contemporary global system has added an additional transversal aspect to the four contents mentioned, in the sense, that all of them must be conceived in their national, regional and global dimensions.

The class character or degree of democratic and humanistic virtues of these projects can be measured through its concrete posture towards four essential interactions: 1. Towards other human beings in the economic sphere (class problem); 2. With nature (ecological problem); 3. Vis-à-vis women (sexism problem) and with 4. Other ethnic groups (racism).

3. The General Law of Evolution of Modernity

The two dominant civilizatory projects of modern history, capitalism and socialism, are the product of the Basin of Attraction, which has determined the general law of evolution of modern society, since 1648/1789. A quantitative-qualitative analysis of the Basin of Attraction of Modernity, carried out by the Center for Transition Sciences of the Metropolitan Autonomous University (CTS-UAM), on the basis of interdisciplinary science and a Comprehensive National Power Indexes, strongly indicates that the contemporary world order operates like a hierarchical Darwinistic system. After the demise of 20th Century Socialism, the dynamics of this formative evolutionary macro system of humanity can be characterized as those of a deterministic chaos, with essentially one attractor and zero degrees of freedom for about 98 % of all nation-states. Its hierarchic Darwinistic nature, based upon the interests of national power elites and nation states, profit rates of chrematistic market economies and limited world resources, stems from the bourgeois revolutions of 1648/1776 and 1789.

After the demise of the Soviet Union in 1990 and the transformation of 20th Century Socialism in China through Deng's "reform and opening up" program (1978), it is not entirely clear if the triumph of the original revolutionary projects of Lenin and Mao were only a temporary deviation from capitalism in the evolution of modernity—an intermediate

step from backward underdevelopment to modern capitalism—or if they still indicate a possible non-chrematistic development of humanity. Whatever the end results of these processes will be, there is no doubt, however, that after the brief phase of unilateral US-domination of the world system (1990—2017), the penta-shaped multipolar international order of the future is coming into being, with its five dominant global powers: the USA, China, Russia, India and the European Union. The grand narratives of the American Dream, the Chinese Dream and now — through President Putin's March 1st Address to the Federal Assembly — the Russian Dream (Russkaya mehta or Русская мечта), reveal the structural ideas of these hegemonic national power elites and vanguards about the future architecture of mankind: the ecumene of the 21st Century.

4. The American Dream

The global balance of power makes it virtually impossible for China to match or overcome the objective Western power advantage in a foreseeable future. This strategic disadvantage is further aggravated by the fact that the dominant power elite of the Western imperialist block—the military-industrial-intelligence complex, the neo-fascist political class that calls itself "neoconservative" (neocons) and the financial capital of the United States—is not willing to allow a peaceful competition between the current socialist and capitalist countries. It has developed a neo-fascist mindset that does not accept the principles of peaceful coexistence or Deng Xiaoping's "peace and development" and Hu Jintao's "harmonious world" environment for Chinese modernization. In this neo-fascist mindset, "American exceptionalism" and "the American Century" are the functional equivalents to Hitler's "Aryan superiority" and the "Thousand-Year Reich" (Tausendjaehriges Reich).

The US power elite have made it clear that it is willing to risk a preventive nuclear war in order to maintain its world dominance (The American Century, Trump's "America First", etc.). Its de facto abandonment of the vital international treaties about nuclear and biological weapons (Nuclear Non-proliferation Treaty [NPT] and Biological Weapons Convention [BWC]), on which the international security architecture rests, as well as its foreign policy, is based on the premise to eliminate Russia's and China's "information centers of gravity" and their "second-strike capabilities," within a policy of "nuclear colonialism of the 21st Century." China and Russia are misconstrued as the principal obstacles to the persistence of the unipolar West-dominated world. Therefore, they have to be disintegrated and subordinated, as was successfully achieved with the Soviet Union.

Every event on a global scale today is marked by a gigantic confrontation between the West and Russia-China, with a strategic offensive of the United States and its NATO-allies, to break up the emerging world powers of Russia and China, following the model used for the dismemberment of Yugoslavia, Iraq, Syria, Libya, Ukraine, etc. This policy, a repeat of the containment and roll-back strategy of the first Cold War, adheres to the doctrine which the *Washington Post* journalist Charles Krauthammer summed up as follows:

We have overwhelming global power. We are history's designated custodians of the international system. When the Soviet Union fell, something new was born, something utterly new—a unipolar world dominated by a single superpower unchecked by any rival and with decisive reach in every corner of the globe. This is a staggering new development in history, not seen since the fall of Rome. Even Rome was no model for what America is today¹.

Pentagon Undersecretary Paul Wolfowitz defined the resulting foreign policy objectives of the United States in 1992. They were first implemented by Clinton (Yugoslavia, Iraq) and remained the guiding principles of US foreign policy under Bush and Obama. The Wolfowitz Doctrine dictates that the “first objective” of American foreign and military policy is, to prevent the re-emergence of a new rival, either on the territory of the former Soviet Union or elsewhere, that poses a threat [to US unilateral action] on the order of that posed formerly by the Soviet Union. This is a dominant consideration underlying the new regional defense strategy and requires that we endeavor to prevent any hostile power from dominating a region whose resources would, under consolidated control, be sufficient to generate global power². (Roberts 2015).

A “hostile power” is a country sufficiently strong to sustain strategic autonomy vis-à-vis Washington. It is obvious that this is a dynamic extension of the Second World War strategic State Department Policy Planning Staff-Papers and an agenda for global US hegemony. Putin has designated NATO's activities a threat to its national security and accused the United States of pursuing a policy of containment towards it, in the latest sign of deteriorating relations between Moscow and the West.

5. Xi's Chinese Dream

President Xi Jinping's call for the foundation of a Chinese Dream in 2012, expresses the nation and the

Party's vital need for a new paradigm of 21st century's socialist civilization, qualitatively different from the civilization of the American Dream and that of 20th Century Socialism. As the third grand paradigm to be built during the last century by the CPC, after Mao's “New Democracy” (1940), based on the “Bloc of four social classes theory”, and Deng Xiao Ping's “reform and opening up”, (1978) — a state-guided growth model based on Oliver Cromwell, Friedrich List and Lenin's New Economic Policy (NEP) — it is part of the “primary stage of socialism” in one of the three most powerful nations on earth. At the same time, the only real global development prospect for a socialist world society and system. The future of China and humanity depends on the quality of this new strategic socialist project, which must solve the national and universal aspects of the task.

Xi's call has four important characteristics: 1. As General Secretary of CPC, elevated to the “core” leader of the Party and the country by the CPC Central Committee on October 27, 2016, putting him in the distinguished ranks of Mao Zedong, Deng Xiaoping and Jiang Zemin, the president is responsible for the evolution and safety of the only existing socialist world power; 2. The great success of the national Marxist development model of Mao Zedong and Deng Xiaoping has put the president at the helms of an unparalleled structural transition process in modern history, which includes the world's biggest ever urban boom, the creation of the largest middle class ever with its Western-oriented universal dreams and ideologies, and a prolonged economic growth process without equal; 3. The essence of the Party's hegemonic guidance function in pursuing the nation's rejuvenation is to be found in the “living soul” of Mao Zedong's Thought and revolutionary praxis, which can be resumed into three basic aspects: seeking truth from facts, the mass line, and independence and self-determination. This brilliant synthesis of scientific socialism's revolutionary theory and praxis holds the key to the transition path for the future of China (and mankind); 4. Xi's professional formation in one of the most complex applied sciences (chemical engineering) and his wide-spanning life experiences, including seven years of manual farm labor during the Cultural Revolution, make the president a uniquely qualified person to understand the gateways to the future and the determining forces for China's socialist evolution.

During the 19th Congress of the Chinese Communist Party, in October of 2017, Xi's remarks on the concept of building a community with shared future for mankind, have revealed the true relevance of this new Historical Project of the Chinese Communist Party: from the national rejuvenation of China, the

¹ Roberts P. C. 2015. “Why World War III Is on the Horizon.” Global Research. Accessed March 16, 2017. <http://www.globalresearch.ca/why-world-war-iii-is-on-the-horizon/5498272>.

² Roberts P. C. 2015.

project expanded to become a universal blueprint for the global society, a new Socialism of the 21st Century. As Xi explains in his “Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era”, the PCC projects the “socialist modernization” of the country from 2020 to 2035. In 2050, he assures, China will be “a great socialist country”.

Thus, the voice that was extinguished in the implosion of 20th Century Socialism in the Soviet Union, has now reappeared in the worldwide competition for global soft and hard power. The plutocratic bourgeois democracy and its chrematistic economy, praised by Fukuyama as the culmination of human institutional evolution, may, at the end, turn out to be no more than another temporary stage of development in the saga of homo sapiens.

6. Putin’s Russian Dream

On March 1st, 2018, in his Address to the Federal Assembly, President Putin defined the new Historic Project for the Russian Federation: the Russian Dream. It is the first time since the October Revolution in 1917, that the country presents a rational, coherent national development project, with realistic parameters for its internal economic, social, military and cultural evolution, together with a blueprint for its role in the 21st Century. If one wanted to synthesize its essence, it could be resumed as the development of a welfare state, based on a strong middle class, high tech innovation, a strategic alliance with China and a shield of advanced strategic weapons, which makes it impossible for the USA, to attack the country. In his transcendental discourse, Vladimir Putin defined a clear and reasoned position of Russia vis-à-vis five transcendental topics of the national and global agenda.

1. The evolution of humanity and its national societies is determined by its global attractor, the middle classes. These are the result of the scientific-technological revolutions of the 20th century. Their appearance “between” bourgeoisie and proletariat is an objective process of the evolution of the productive forces. They constitute in political, cultural, military and social terms, the center of gravity of all contemporary politics.
2. The survival capacity and the geopolitical degree of strategic autonomy of any nation

state today correspond to the essential truth of Charles Darwin’s scientific paradigm: the *survival of the fittest*. Translated into operation terms, this axiom means, that the strategic freedom of any nation depends on its potential of thermonuclear destruction and its potential of national economic production.

3. The ideological vacuum produced by the implosion of 20th Century Socialism, is now being filled. When the vulgar positivistic propagandist Francis Fukuyama declared the end of history, he ignored two fundamental characteristics of the universe: a) that the cosmos is only composed of matter (Einstein: $e = mc^2$), but of matter in motion. And that motion inevitably means change; b) that it is an absolute anthropological condition for human beings, to organize their praxis on multiples form of software, including grand narratives, historic projects, metaphysics and so on). The ontological condition of the universe and the absolute anthropological one explain, why three decades after the implosion of the soviet system, three fundamental historic projects of dominant national actors compete to become the dominant *soft power* of the ecumene: el American Dream, that is, *American Capitalism first*; el Chinese Dream of “building a community with a shared future for mankind” and the Russian Dream, *Russkaya mechta* or Русская мечта: a middle class standards’ society behind a nuclear shield.
4. The system of world governance, understood within the scientific frameworks of Darwin, Marx, Sun Tzu and von Clausewitz, will be dominated by five hegemonic powers: China, Russia, the USA, India and the European Union. All other countries will be secondary or irrelevant in terms of power.
5. The quality of the strategic vision and the capabilities of transforming the national, regional and global realities of modernity, demonstrate that Putin and Xi Jinping are the most capable global leaders that exist in the global society today. And, that there are many reasons to consider them legitimate successors to Lenin y Mao Zedong.

Information about the author

Dr. Heinz Dieterich — Universidad Autónoma Metropolitana, Science Advisor to the University President and Director of Center for Transition Sciences (CTS); World Association for Political Economy, Vice President; World Advanced Research Project, Coordinator.

УДК 316
ББК 60.524

THE HUMAN BRAIN AND DEMOCRACY — LESSONS FROM SOCIAL NEUROSCIENCE IN A FAST-CHANGING WORLD

Gernot Ernst

Vestre Viken hospital trust and Psychological institute, University of Oslo, Oslo, Norway

In neuroscience, a broad spectrum of investigation methods are applied on all levels, beginning with molecular biological approaches in cells cultures, sophisticated animal experiments, different modern technical approaches, namely different imaging methods up to computational models. In the last decades, neuroscientific methods have been increasingly used to investigate social research questions, leading to a new subfield of neuroscience, coined “social neuroscience”, and recently, political neuroscience was introduced. One application of social psychology and social neuroscience regards the question if there are psychological and neuroscientific correlates to the political distinction between left-wing and right-wing. Quite consistent evidence for personality differences between liberals and conservatives has been presented, and also, first evidence for structural differences between liberal and conservative brains. The social world is probably changing faster than ever before in the history of humanity. Although fundamental structures of human exploitation are principally the same, both biological and social factors with a potentially deep influence on the plastic brain have changed. In this article, a preliminary comprehensive and integrated model is introduced. It consists of five main brain modules involved in social cognition, and includes “biological” factors like sleep, movement, palatine food and (medical) drugs and social factors like media use, social safety and impulsivity. Media structures, social structures and habit changes may lead to a shift to right-wing opinions and anti-democratic attitudes. The described neurobiological effects might have significant influences on the individual level whether to support left- or right wing politics.

Keywords: *social neuroscience, political neuroscience, social brain, social cognition, internet, social networks.*

Introduction

The history of democracy is now longer than 2500 years when in Athens in the 6th century BC eventually democratic structures were established. The Athenian democracy is still the longest existing democratic system in history, surviving in a hostile environment about 500 years. The next steps towards more radical democratic systems happened first during the French revolution. Other attempts such as the Roman Republic were mostly timocracies where only the wealthy members of society were included. In other words, in most of the human history, the governmental form was not democratic. Beginning with Plato and Aristotle, scholars have debated the foundations and conditions for democracies, and several theories have been established (Schmidt, 2000). It is not the intention of this article to discuss these theories further.

In nature, no species has developed a somehow democratic system. This sounds trivial — how could animals who lack, e.g. self-consciousness or social intelligence develop a complex political system. Besides that, issues of self-consciousness and social cognition are debated and several species probably have a limited self-consciousness, including cephalopods (Mather, 2008), dolphins, elephants and of course primates (Boly et al., 2013) or at least some forms of empathy (Frans B.M. De Waal, 2014;

F.B.M. de Waal & Preston, 2017) and social communication (Briefer, 2018). Several animal groups show highly organized cooperation (e.g., ants, bees, but also monkeys), but there is no clear evolutionary direction towards more sociality.

The brain is a central element in any social organization, an undisputed fact. From an evolutionary perspective, the brain is a demanding organ. It needs 20 % of the blood perfusion generated by cardiac output and up to 50 % of the body energy in specific situations. It seems convincing that an organ needing such a high amount of energy needs to have high survival advantages for the species. The main difference between rodents in general and higher primates — apes, monkeys, and the humans is based on a developed neocortex, mainly the prefrontal cortex. According to Passingham and Wise (Passingham & Wise, 2012), a leading reason for the development of the latter comes from new foraging methods. Primates made an evolutionary step forward by a better visual system and several new mechanisms to learn how to find and forage food, which gave them advantages to other animals. Several of these brain mechanisms are also involved in social interactions.

Although the evolution went on from monkeys to apes, at a time 30 to 23 million years ago, not many differences existed between them. First at the end of

this period, monkeys started to dominate the environment, especially the core and the more verdant areas of the trees (Turner, 2015). Several reasons have been proposed, such as monkeys were able to eat unripe fruits, in difference to apes (Turner, 2015). This contributed probably to the still existent social higher social organization of monkeys compared to apes. In fact, one of the closest relative to humans, the Orang Utan is rather a solitary animal. The larger apes, than, had to rely on the higher areas and were not able to organize and protect themselves in groups to the same extent. The rather narrow niche was probably involved in the increasing intelligence of apes. Acting more individually, the prefrontal cortex developed probably as a response to the challenge to decide between different salient goals (should I take the bigger fruit high above me, which is more dangerous to approach; or instead take the smaller fruit nearby?) (Passingham & Wise, 2012). They developed greater dexterity in arms and hands, again associated with increased connectivity in the inferior parietal lobe, where the parietal (haptic, touch), temporal (auditory) and occipital (visual) cortices form an association complex (Turner, 2015), a property lacking in monkeys. Comparative sociology between different species of monkeys and apes indicates that apes are less social as monkeys (but might still act socially under specific conditions, probably even in the form of “wars” in Chimpanzees). The only substantial ties in ape communities are between mothers and their off-springs, although some (weak) ties exist between siblings (Turner, 2015). Biological sociologists conducted cladistic analysis, based on the assumption, that those traits that all members of the related species possess are likely to be the traits of the last common ancestor (A. Maryanski, 1992, 1994; A.R. Maryanski, 1987; Turner, 2015). A line of scientific arguments explains the sociality of humans because of increased subcortical structures associated with emotions. Usually, the difference between humans and apes is related to the increased prefrontal cortex, it turned out, however, that also the limbic structure of the brain are even corrected for weight much bigger compared to our nearest ancestors (Plutchik, 1980; Turner, 2015).

The crucial question is — which parts of the human brain make us democratic or even socialist. Beyond the possibilities — are there also limitations indicated by the limited capability of the human brain? An even more crucial question is — how does our social and democratic brain behave in a fast-changing world.

This article aims to introduce social and political neuroscience regarding democratic and socialistic behavior. I will then briefly describe some principles

and structures of the brain involved in social cognition. Afterward, I will try to give some preliminary answers on the human possibilities and limitations in political attitude and behavior and finally discuss a framework of fast-changing social and biological conditions which might have significant consequences in our modern world.

Social Neuroscience and the social brain

Neuroscience is the science of the nervous system, including the brain. In neuroscience, a broad spectrum of investigation methods are applied on all levels, beginning with molecular biological approaches in cells cultures, sophisticated animal experiments, different modern technical approaches, namely different imaging methods up to computational models (Agarwal & Port, 2018; Glickstein, 2014; Kandel & Mack, 2013). The adult human brain is estimated to contain 86 ± 8 billion neurons, with a roughly equal number (85 ± 10 billion) of non-neuronal cells (Azevedo et al., 2009). Each neuron has in average 100 connections mostly to other neurons, only 1 % of the connections in the brain are incoming or outgoing nerve fibers. This means that the brain is probably the most complex structure existing.

*Fig. 1. The human brain in its anatomic location.
By Patrick J. Lynch, medical illustrator, licensed
under the Creative Commons Attribution 2.5
License 2006*

A crucial property of the brain is its plasticity. In stimulated brain areas, neurons produce new connections to other neurons or activate earlier silent connections. This is in fact measurable. Specific training leading to more connections increases locally the volume of this part of the brain, which can be

demonstrated with structural imaging methods (Altenmüller & Furuya, 2016; Bezzola, Merillat, Gaser, & Jancke, 2011). On the other hand, not used brain regions are diminishing, and connections are reduced. These processes happen all the time, leading to a universal neuroscientific rule: use it or lose it (Kolb & Gibb, 2014). This is of particular importance in the social world where the use of cognition involves brain regions and changed activity either increases or decreases the volume, as demonstrated in taxi drivers having a much more prominent hippocampus, a brain region involved in orientation (Maguire et al., 2000).

In the last decades, neuroscientific methods have been increasingly used to investigate social research questions, leading to a new subfield of neuroscience, coined “social neuroscience” by Cacioppo (Cacioppo, 1994) and recently, political neuroscience was introduced (Jost, Nam, Amodio, & Van Bavel, 2014). The term social brain was introduced already earlier by Brothers (Brothers, 1990) and consists of networks which are interconnected and work in cooperation.

- 1) The social perception network which serves accurate perception and interpretation of social signals, including the perception of emotional changes in faces. It consists of the fusiform gyrus, superior temporal sulcus, and the lateral occipital cortex.
- 2) The emotion processing network involved in experience, expression, recognition, and last not least social learning. It consists of the amygdala, ventral and orbital prefrontal cortex, insula, somatosensory cortices and other subcortical

structures like the striatum and the thalamus.

- 3) The self-regulation network, involved in processing internal emotional states and its effects on behavior. Key regions are the lateral prefrontal cortex (especially the dorsolateral part and the anterior cingulate cortex).
- 4) A network involved in mental state attribution, also called “Theory of Mind”, which is involved in understanding and reasoning about one’s mental state and the state of others. Involved in this is the superior temporal cortex, the temporoparietal junction, the medial prefrontal cortex, precuneus and the temporal poles (Frith & Frith, 2006; Hari, Henriksen, Malinen, & Parkkonen, 2015; Kennedy & Adolphs, 2012; Stanley & Adolphs, 2013).

The case of the liberal (left-wing) and the conservative brain

One application of social psychology and social neuroscience regards the question if there are psychological and neuroscientific correlates to the political distinction between left-wing and right-wing. I will give in the following a short overview.

Theodor W Adorno and his institute for social research was one of the earliest scientists interested in the psychology of conservatism. Under the impression of fascism, they conducted early studies, beyond other leading to initiate an emigration process already in 1932 when they concluded that the arising fascism in Germany was inevitable at this point. He famously coined the notion of the “authoritarian

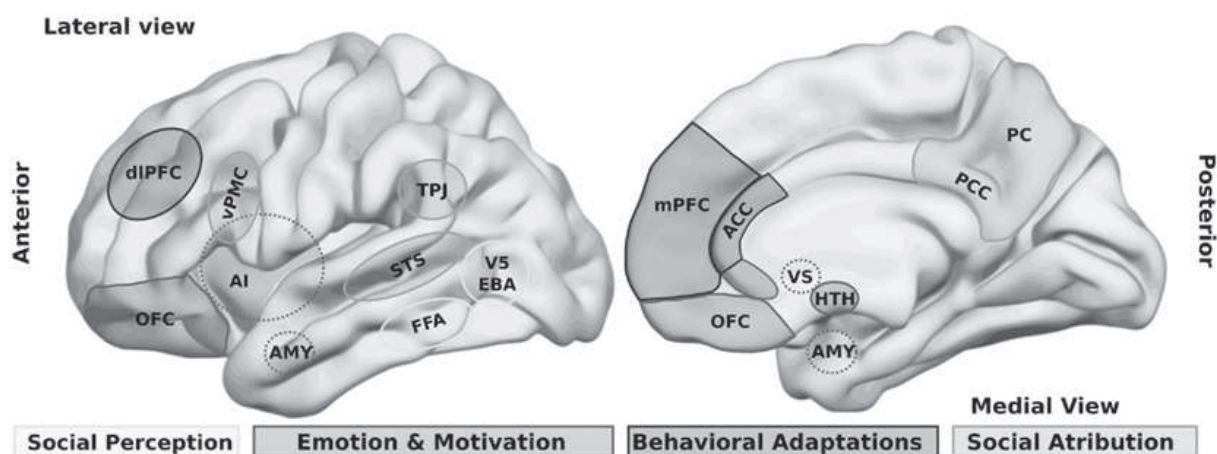

Fig. 2. Brain areas that participate in social processing. EBA: extra-striate body area, FFA: fusiform face area, FFA, AMY: amygdala, AI: anterior insula, ACC: anterior cingulate cortex, OFC: orbitofrontal cortex, VS: ventral striatum, HTH hypothalamus (HTH), dIPFC: dorsolateral prefrontal cortex, mPFC: medial prefrontal cortex, vPMC: ventral premotor cortex, STS: superior temporal sulcus (STS), PCC: posterior cingulate cortex, PC: precuneus (PC), TPJ: temporoparietal junction (TPJ) (Billeke & Aboitiz, 2013). The image is licensed under the Creative Commons Attribution 3.0 Unported

personality” and constructed the F-scale meant to be capable of identifying personalities in danger to succumb to fascistic ideologies (Adorno, 1950/1995). At this time their approach was based on a progressive and comprehensive interpretation of Marxism and Freud’s psychoanalytical approach.

Although both his scientific evidence has been questioned and his scientific approach has been criticized (Shils, 1954), since then social psychologists have been interested in the conservative personality. Adorno’s cooperator Frenkel-Brunswik coined the theory of ambiguity intolerance based on a psychodynamic approach. The F-scale was followed by the “C-scale” of Wilson and Patterson (Wilson & Patterson, 1968) combining nonpolitical items (ideas about horoscopes, Jazz music, etc.) and political items (e.g. death penalty, legalized abortion etc.). Altemeyer (Altemeyer, 1981) introduced his famous RWA-scale and shaped research in these areas more than two decades. More recently, Mondak used extensively modern personality research questionnaires (the Big Five) to describe properties of the conservative and left personality (Mondak, 2010; Mondak, Hibbing, Canache, Seligson, & Anderson, 2010) and Hibbing, beyond others studied associations between biological factors and political attitude and behavior (Hibbing, Smith, & Alford, 2013; Hibbing, Smith, Peterson, & Feher, 2014).

Social dominance theory states that human societies strive to minimize group conflict by developing belief systems justifying the hegemony of some groups over others (Sidanius & Pratto, 1999; Malle, Stallworth, Sidanius, & Pratto, 1994; Pratto, 1999). In this theory, legitimizing myths are used as devices to explain and to maintain the societal status quo such as ‘paternalistic myths’ (the need of groups to lead and take care of other groups not capable to do this), ‘reciprocal myths’ (idea of a symbiotic relationship between upper and lower class to the best of both groups) or ‘sacred myths’ (explaining differences by eternal laws, gods and so on). A scale has been developed [social dominance orientation, SDO (Malle et al., 1994)] which in reality might be composed of two subscales, the desire for group-based dominance and opposition to equality (Jost & Thompson, 2000).

Jost (Jost, Glaser, Kruglanski, & Sulloway, 2003) [2003] tries to integrate all these theoretical approaches. He argues that a “number of different epistemic motives (dogmatism-intolerance of ambiguity; cognitive complexity; closed-mindedness; uncertainty avoidance; needs for order, structure, and closure), existential motives (self-esteem, terror management, fear, threat, anger, and pessimism), and ideological motives (self-interest, group dominance, and system justification) are all related to the expression of polit-

ical conservatism” [Jost 2003. P. 351]. However, all motives, he concludes, might origin in psychological attempts to manage uncertainty and fear.

In a recent review, Hibbing and colleagues summarize recent research findings. They mention the same circuits and phenomena, but the quoted studies differentiated between left wing and right wing attitudes and tried to find differences. One line of investigation is looking at personality traits and political orientation. Central findings are that individuals on the left are more likely to show empathy and openness to new experiences, to base their moral judgment on individualizing concerns like to harm avoidance and fairness and to support ideas like stimulation and autonomy. Those on the right report more often to value conscience and politeness, to prefer purity, authority and in-group/out-group distinctions and liking security, conformity and tradition (Hibbing et al., 2014).

Kanai and colleagues conducted a study where participants grouped themselves on a Likert Scale between “very liberal” to “very conservative” and were tested by structural MRI. The main result was an increased anterior cingulate cortex in left-wing participants and conservative participants an increased right amygdala. The authors themselves associated increased anterior cingula with increased tolerance to uncertainty because individuals with normal anterior cingulate have a lower capacity to tolerate uncertainty and conflicts. Conservative participants with a larger amygdala might be more sensitive to fears, and they might be more inclined to integrate conservative views in their belief system (Kanai, Feilden, Firth, & Rees, 2011). Consistent with the findings of structural differences by Kanai, significantly greater activation was observed in the right amygdala for Republicans and in the left posterior insula (near the temporal-parietal junction) in Democrats when making winning risky versus winning safe decisions (Schreiber et al., 2013).

Summarized, quite consistent evidence for statistical personality differences between liberals and conservatives has been presented, and, perhaps not surprisingly, first evidence for statistical differences between liberal and conservative brains. It is a collective, not an individual observation. You will find conservatives open to new experiences, but the majority is not as open as liberals. You will find fearful liberals, but the majority is not frightened as much as conservatives. We are not able to put an individual in an MR scanner and tell her afterward which political opinion she has. But we can probably put 50 members of a conservative and 50 members of a liberal party in the scanner and the blinded scientist will later be able to predict, which of the groups has a liberal or conservative attitude.

Mental abilities for democratic and socialist behavior

Any democratic and socialist behavior is based on fundamental human abilities. In political debates and struggles, we need to understand that also our opponents are humans using their form of logic (Lakoff, 2002). We need for this a sound mentalizing system (Van Overwalle & Baetens, 2009). We need to understand our and other's emotions (Bernhardt & Singer, 2012; Decety, 2012; Panksepp & Panksepp, 2013). We need an entire balance between rational reflection and emotional appreciation (Petty & Brinol, 2015). We need to cooperate and be able to maintain a balance between egoism and altruism (Herrmann, Thoni, & Gächter, 2008; Rand & Nowak, 2013; Rilling et al., 2002; Sakaiya et al., 2013).

A world in rapid change

The social world is probably changing faster than ever before in the history of humanity. Although fundamental structures of human exploitation are principally the same, both biological and social factors with a potentially deep influence on the plastic brain have changed. A brief review of some factors makes this point clearer. The duration of **sleep** is alarmingly decreasing in the Western world. Within 20 years the mean sleep duration decreased from about 8 hours to 6.5 hours. The Center for Disease Control in Atlanta, usually more focused on epidemics like Ebola is worried about a sleep deprivation epidemic. Sleep duration is not trivial. It has been associated with severe cardiac diseases, diabetes, but also profound changes in decreased executive function, memory disturbances and attention problems [Regestein 2004, Sternberg 2013, Krieg 2001]. Many individuals train and use their body less. People who do not engage in **physical activity** are two times more likely to exhibit symptoms of depression and anxiety compared with those who regularly practice physical activity and a higher prevalence of symptoms for anxiety (9.8 %) and depression (10.9 %) was observed among those claiming to not practice regular physical activity (De Mello et al., 2013). **Obesity** is increasing significantly both in industrialized and non-industrialized countries (Saklayen, 2018). This epidemic is not appearing by chance. Evidence from Germany, Finland, and the United Kingdom shows a link between financial distress and obesity. Regardless of their income or wealth, people who experience periods of financial hardship are at increased risk of obesity, and the increase is higher for more severe and recurrent hardship (Conklin et al., 2013; Laaksonen, Sarlio-Lahteenkorva, & Lahelma, 2004; Munster, Ruger, Ochsmann, Letzel, & Toschke, 2009). Obesity is associated with an underactive prefrontal cortex

(Volkow et al., 2009) which again has consequences for social behavior and development of addiction (Moorman, 2018). **Misuse of sedative drugs** is increasing (Williams, 2017), having probably profound effects on social behavior (Perkins et al., 2013). The same regards the **misuse of opioids** in the US (Olsen, 2016), while we learn increasingly about the effects of opioids on social cognition (Loseth, Ellingsen, & Leknes, 2014). Adolescents use several hours a day smartphones, which has caused beyond others lower self-esteem, a dramatic change (Twenge, Martin, & Campbell, 2018). Use of social media is associated with increased loneliness (Burke, Marlow, & Lento, 2010), loneliness leads to increased use of social media (Clayton, Osborne, Miller, & Oberle, 2013).

Putting together the mentioned and other factors my research aims to develop a comprehensive and integrated model which I present here. It consists of five main brain modules mentioned before: the amygdala, mentalizing, empathy and action/perception networks together with modules involved in rational processing, all essential for the social and political brain. On the right side "biological" factors like sleep, movement, palatine food and (medical) drugs are included. On the right side social factors like media use (internet, television, and reading), social meeting places, (perceived) social safety and impulsivity are introduced. Arrows show associations and probable causes. For each of the arrows, evidence (at least in a certain degree) has been presented. Several vicious circles can be identified, both within patterns with not surprising interactions like sleep-food-obesity-movement, but also more far-reaching and somehow not as natural interactions (like movement, anxiety and the use of antidepressive drugs and drug use in adolescence and impulsiveness). Changes in the brain have effects on attitude and behavior again, beginning with sleep, food intake, and movement, but also in changed and increased consumption of media and social behavior.

Consequences and conclusions

When we recall probable psychological and neurobiological differences between liberals and conservatives, media structures, social structures and habit changes may lead to a shift to right-wing opinions and anti-democratic attitudes. In particular, scaring information, pictures, fast-changing social structures activate amygdala-circuits, classically associated with right-wing thinking. At the same time overstimulation turns down anterior cingulate structures classically associated with left-wing thinking. These effects might explain partially recent political developments. In a world where rich people are becoming more prosperous, poverty increases and social safety

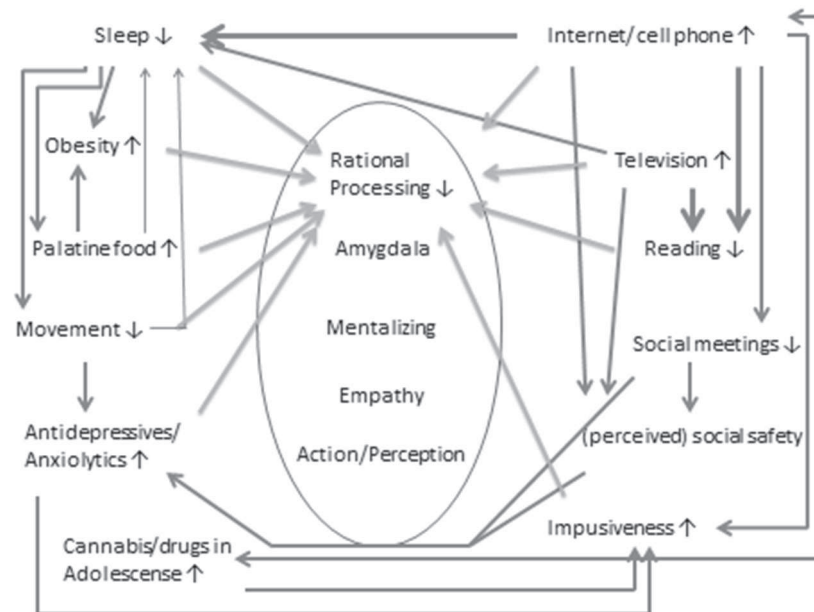

Fig. 3. A simplified model of effects and interaction of different social and biological factors on the social brain

is challenged a rational choice might be to support left-wing movements going for increased social security and equality, but the opposite happens. The de-

scribed neurobiological effects might have significant influences on the individual level whether to support left- or right wing politics.

Information about the author

Gernot Ernst — MD, Associate Professor. Vestre Viken hospital trust and Psychological institute, University of Oslo, Oslo, Norway.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 124—132.*

References

1. Adorno T.W. (1950/1995). *Studien zum autoritären Charakter*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag.
2. Agarwal N., Port J.D. (2018). *Neuroimaging: Anatomy Meets Function* Neuroimaging.
3. Altemeyer B. (1981). *Right-wing authoritarianism*. Winnipeg: University of Manitoba Press.
4. Altenmuller E., Furuya S. (2016). Brain Plasticity and the Concept of Metaplasticity in Skilled Musicians. *Adv Exp Med Biol*, 957, 197—208. doi:10.1007/978-3-319-47313-0_11.
5. Azevedo F.A., Carvalho L.R., Grinberg L.T., Farfel J.M., Ferretti R.E., Leite R.E., Herculano-Houzel S. (2009). Equal numbers of neuronal and nonneuronal cells make the human brain an isometrically scaled-up primate brain. *J Comp Neurol*, 513 (5), 532—541. doi:10.1002/cne.21974.
6. Bernhardt B.C., Singer T. (2012). The neural basis of empathy. *Annu Rev Neurosci*, 35, 1—23. doi:10.1146/annurev-neuro-062111-150536.
7. Bezzola L., Merillat S., Gaser C., Jancke L. (2011). Training-induced neural plasticity in golf novices. *J Neurosci*, 31 (35), 12444—12448. doi:10.1523/jneurosci.1996-11.2011.
8. Billeke P. & Aboitiz F. (2013). Social cognition in schizophrenia: from social stimuli processing to social engagement. *Front Psychiatry*, 4, 4. doi:10.3389/fpsy.2013.00004.
9. Boly M., Seth A.K., Wilke M., Ingmundson P., Baars B., Laureys S. Tsuchiya N. (2013). Consciousness in humans and non-human animals: recent advances and future directions. *Front Psychol*, 4, 625. doi:10.3389/fpsyg.2013.00625.
10. Briefer E.F. (2018). Vocal contagion of emotions in non-human animals. *Proc Biol Sci*, 285 (1873). doi:10.1098/rspb.2017.2783.

11. Brothers L. (1990). The social brain: a project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain. *Concepts in Neuroscience*, 1, 27—51.
12. Burke M., Marlow C., Lento T. (2010). Social network activity and social well-being (pp. 1909—1912).
13. Cacioppo J.T. (1994). Social neuroscience: autonomic, neuroendocrine, and immune responses to stress. *Psychophysiology*, 31 (2), 113—128.
14. Clayton R.B., Osborne R.E., Miller B.K., Oberle C.D. (2013). Loneliness, anxiousness, and substance use as predictors of Facebook use. *Computers in Human Behavior*, 29 (3), 687—693. doi:10.1016/j.chb.2012.12.002.
15. Conklin A.I., Forouhi N.G., Suhrcke M., Surtees P., Wareham N.J., Monsivais P. (2013). Socioeconomic status, financial hardship and measured obesity in older adults: a cross-sectional study of the EPIC-Norfolk cohort. *BMC Public Health*, 13, 1039. doi:10.1186/1471-2458-13-1039.
16. De Mello M.T., Lemos Vde.A., Antunes H.K., Bittencourt L., Santos-Silva R., Tufik S. (2013). Relationship between physical activity and depression and anxiety symptoms: a population study. *J Affect Disord*, 149 (1-3), 241—246. doi:10.1016/j.jad.2013.01.035.
17. De Waal F.B.M. (2014). Empathy in Primates and Other Mammals. In J. Decety (ed.). *Empathy. From Bench to Bedside* (pp. 87—106). Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
18. de Waal F.B.M., Preston S.D. (2017). Mammalian empathy: behavioural manifestations and neural basis. *Nat Rev Neurosci*, 18 (8), 498—509. doi:10.1038/nrn.2017.72.
19. Decety J. (2012). *Empathy: from bench to bedside*. Cambridge Mass: MIT Press.
20. Frith C.D., Frith U. (2006). The neural basis of mentalizing. *Neuron*, 50 (4), 531—534. doi:10.1016/j.neuron.2006.05.001.
21. Glickstein M. (2014). *Neuroscience: a historical introduction*. Cambridge, Mass: MIT Press.
22. Hari R., Henriksson L., Malinen S., Parkkonen L. (2015). Centrality of Social Interaction in Human Brain Function. *Neuron*, 88 (1), 181—193. doi:10.1016/j.neuron.2015.09.022.
23. Herrmann, B., Thoni C., Gächter S. (2008). Antisocial punishment across societies. *Science*, 319 (5868), 1362—1367. doi:10.1126/science.1153808.
24. Hibbing J.R., Smith K.B., Alford J.R. (2013). *Predisposed. Liberals, conservatives and the biology of political differences*: Routledge.
25. Hibbing J.R., Smith K.B., Peterson J.C., Feher B. (2014). The deeper sources of political conflict: evidence from the psychological, cognitive, and neuro-sciences. *Trends Cogn Sci*, 18 (3), 111—113. doi:10.1016/j.tics.2013.12.010.
26. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. (2003). Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*, 129 (3), 339—375. doi:10.1037/0033-2909.129.3.339.
27. Jost J.T., Nam H.H., Amodio D.M., Van Bavel J.J. (2014). Political Neuroscience: The Beginning of a Beautiful Friendship. *Political Psychology*, 35, 3—42. doi:10.1111/pops.12162.
28. Jost J.T., Thompson E.P. (2000). Group-Based Dominance and Opposition to Equality as Independent Predictors of Self-Esteem, Ethnocentrism, and Social Policy Attitudes among African Americans and European Americans. *Journal of Experimental Social Psychology*, 36 (3), 209—232. doi:10.1006/jesp.1999.1403.
29. Kanai R., Feilden T., Firth C., Rees G. (2011). Political orientations are correlated with brain structure in young adults. *Curr Biol*, 21 (8), 677—680. doi:10.1016/j.cub.2011.03.017.
30. Kandel E.R., Mack S. (2013). *Principles of neural science* (5th ed.). New York: McGraw-Hill Medical.
31. Kennedy D.P., Adolphs R. (2012). The social brain in psychiatric and neurological disorders. *Trends Cogn Sci*, 16 (11), 559—572. doi:10.1016/j.tics.2012.09.006.
32. Kolb B., Gibb R. (2014). Searching for the principles of brain plasticity and behavior. *Cortex*, 58, 251—260. doi:10.1016/j.cortex.2013.11.012.
33. Laaksonen M., Sarlio-Lahtenkorva S., Lahelma E. (2004). Multiple dimensions of socioeconomic position and obesity among employees: The Helsinki Health Study. *Obes Res*, 12 (11), 1851—1858. doi:10.1038/oby.2004.230.
34. Lakoff G. (2002). *Moral politics: how liberals and conservatives think* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press.
35. Loseth G.E., Ellingsen D.M., Leknes S. (2014). State-dependent mu-opioid modulation of social motivation. *Front Behav Neurosci*, 8, 430. doi:10.3389/fnbeh.2014.00430.
36. Maguire E.A., Gadian D.G., Johnsrude I.S., Good C.D., Ashburner J., Frackowiak R.S., Frith C.D. (2000). Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers. *Proc Natl Acad Sci USA*, 97 (8), 4398—4403. doi:10.1073/pnas.070039597.

37. Malle B.F., Stallworth L.M., Sidanius J., Pratto F. (1994). Social Dominance Orientation: A Personality Variable Predicting Social and Political Attitudes (vol. 67).
38. Maryanski A. (1992). The last ancestor: an ecology-network model on the origins of human sociality. *Advances in Human Ecology*, 2, 1—32.
39. Maryanski A. (1994). The Pursuit of Human Nature in Sociobiology and Evolutionary Sociology. *Sociological Perspectives*, 37 (3), 375—389. doi:10.2307/1389502.
40. Maryanski A.R. (1987). African ape social structure: Is there strength in weak ties? *Social Networks*, 9 (3), 191—215. doi:10.1016/0378-8733 (87)90020-7.
41. Mather J.A. (2008). Cephalopod consciousness: behavioural evidence. *Conscious Cogn*, 17 (1), 37—48. doi:10.1016/j.concog.2006.11.006.
42. Mondak J.J. (2010). *Personality and the Foundations of Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press.
43. Mondak J.J., Hibbing M.V., Canache D., Seligson M.A., Anderson M.R. (2010). Personality and Civic Engagement: An Integrative Framework for the Study of Trait Effects on Political Behavior. *American Political Science Review*, 104 (01), 85—110. doi: 10.1017/s0003055409990359.
44. Moorman D.E. (2018). The role of the orbitofrontal cortex in alcohol use, abuse, and dependence. *Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry*. doi:10.1016/j.pnpbp.2018.01.010.
45. Munster E., Ruger H., Ochsmann E., Letzel S., Toschke A.M. (2009). Over-indebtedness as a marker of socioeconomic status and its association with obesity: a cross-sectional study. *BMC Public Health*, 9, 286. doi:10.1186/1471-2458-9-286.
46. Olsen Y. (2016). The CDC Guideline on Opioid Prescribing: Rising to the Challenge. *JAMA*, 315 (15), 1577—1579. doi:10.1001/jama.2016.1910
47. Panksepp J., Panksepp J.B. (2013). Toward a cross-species understanding of empathy. *Trends Neurosci*, 36 (8), 489—496. doi:10.1016/j.tins.2013.04.009.
48. Passingham R.E., Wise S.P. (2012). *The Neurobiology of the prefrontal cortex : anatomy, evolution, and the origin of insight*. Oxford: Oxford university press.
49. Perkins A.M., Leonard A.M., Weaver K., Dalton J.A., Mehta M.A., Kumari V., Gauthier I. (2013). A Dose of Ruthlessness: Interpersonal Moral Judgment Is Hardened by the Anti-Anxiety Drug Lorazepam. *Journal of Experimental Psychology: General*, 142 (3), 612—620. doi:10.1037/a0030256.
50. Petty R.E., Brinol P. (2015). Emotion and persuasion: cognitive and meta-cognitive processes impact attitudes. *Cogn Emot*, 29 (1), 1—26. doi:10.1080/02699931.2014.967183.
51. Plutchik R. (1980). *Emotion: a psychoevolutionary synthesis*. New York: Harper & Row.
52. Pratto F. (1999). The Puzzle of Continuing Group Inequality: Piecing Together Psychological, Social, and Cultural Forces in Social Dominance Theory. *Advances in Experimental Social Psychology*, 31 (C), 191—263. doi:10.1016/S0065-2601 (08)60274-9.
53. Rand D.G., Nowak M.A. (2013). Human cooperation. *Trends Cogn Sci*, 17 (8), 413—425. doi:10.1016/j.tics.2013.06.003.
54. Rilling J., Gutman D., Zeh T., Pagnoni G., Berns G., Kilts C. (2002). A neural basis for social cooperation. *Neuron*, 35 (2), 395—405.
55. Sakaiya S., Shiraito Y., Kato J., Ide H., Okada K., Takano K., Kansaku K. (2013). Neural correlate of human reciprocity in social interactions. *Front Neurosci*, 7, 239. doi:10.3389/fnins.2013.00239.
56. Saklayen M.G. (2018). The Global Epidemic of the Metabolic Syndrome. *Curr Hypertens Rep*, 20 (2), 12. doi:10.1007/s11906-018-0812-z.
57. Schmidt M.G. (2000). *Demokratietheorien : eine Einführung* (3., überarb. und erw. Aufl. ed. Vol. 1887). Opladen: Leske + Budrich.
58. Schreiber, D., Fonzo, G., Simmons, A. N., Dawes, C. T., Flagan, T., Fowler J.H., Paulus M.P. (2013). Red brain, blue brain: evaluative processes differ in Democrats and Republicans. *PLoS One*, 8 (2), e52970. doi:10.1371/journal.pone.0052970.
59. Shils E.A. (1954). Authoritarianism: “Right” and “left.” In R. Christie & M. Jahoda (eds.), *Studies in the scope and method of The authoritarian personality* (pp. 24—49). Glencoe, Ill: Free Press.
60. Sidanius J., Pratto F. (1999). *Social dominance : an intergroup theory of social hierarchy and oppression*. Cambridge: Cambridge University Press.
61. Stanley D.A., Adolphs R. (2013). Toward a neural basis for social behavior. *Neuron*, 80 (3), 816—826. doi:10.1016/j.neuron.2013.10.038.

62. Turner J.H. (2015). The Neurology of Human Nature: Implications for the Sociological Analysis of Health and Well-Being. In R.K. Schutt, L.J. Seidman, M.S. Keshavan (eds.), *Social Neuroscience* (pp. 41—87). Cambridge: Harvard University Press.
63. Twenge J.M., Martin G.N., Campbell W.K. (2018). Decreases in Psychological Well-Being Among American Adolescents After 2012 and Links to Screen Time During the Rise of Smartphone Technology. *Emotion*. doi:10.1037/emo0000403.
64. Van Overwalle F., Baetens K. (2009). Understanding others' actions and goals by mirror and mentalizing systems: a meta-analysis. *Neuroimage*, 48 (3), 564—584. doi:10.1016/j.neuroimage.2009.06.009.
65. Volkow N.D., Wang G.J., Telang F., Fowler J.S., Goldstein R.Z., Alia-Klein N., Pradhan K. (2009). Inverse association between BMI and prefrontal metabolic activity in healthy adults. *Obesity (Silver Spring)*, 17 (1), 60—65. doi:10.1038/oby.2008.469.
66. Williams A. (2017). Prozac Nation Is Now the United States of Xanax. *Style*.
67. Wilson G.D., Patterson J.R. (1968). A new measure of conservatism. *Br J Soc Clin Psychol*, 7 (4), 264—269.

УДК 339.9
ББК 65.5

THE MACROECONOMETRIC WORLD MODEL OF KLAUS BARTSCH ECONOMETRICS FOR SCENARIO ANALYSIS OF WORLDWIDE ECONOMIC INTERACTION

General Philosophy of modelling and short description of the model

Klaus Bartsch

Ziegeleiweg, Germany

The article introduced the macroeconomic world model LAPROSIM WORLD. The basic version includes submodels for nine countries and world regions. Main task of the model is the assessment of the macroeconomic effects of changes in important economic variables and/or geopolitical action patterns on a global scale. The results of an exemplary simulation on the effects of sharp Western Alliance trade sanctions policy against Russia, performed with the scenario technique, were reported. Sharp trade sanctions may hurt Russia in a moderate way, but at the same time also Germany and the Rest of the European Union direct and indirect due to their relative close trade relations with Russia. The US as the initiator of the sanction policies don't feel any significant effects, while Japan could have some benefit by the higher growth of China induced by the higher import demand from Russia, substituting US-alliance goods.

Keywords: *macroeconomic world model, simulation, scenario technique, trade sanctions, Russia, Western Alliance, China.*

1. The general purpose of macroeconomic modelling and possibilities for supporting people's cause — the Philosophy behind my Work

The general aim of macroeconomic modelling is not at all new or exotic: Giving a realistic and reliable “moving picture” of economic dynamics in the real world. Although the Dutchman Jan Tinbergen [6] stood at the cradle of macroeconomic modelbuilding as we understand it today in the thirties of the last century, Karl Marx [3] outlined, in reception of the works of Francois Quesnay [5], very early not only the concept of a national account statistic, but also, in his reproduction schemes, a model of macroeconomic dynamics. Lack of available data and lack of computational power in the nineteenth century obviously hindered Marx and his contemporaries from filling that concept empirically.

On the base of a well specified structural macroeconomic model, tracking with sufficient reliability the “history” of economic development in the estimation period, forecasts can be done. But supporting business cycles prognosis is not the main purpose of macroeconomic modelling, as already Jan Tinbergen figured out. The main purpose is the ex ante assessment of different policy options, based on the understanding of the complex dynamics of the economy, captured in the structure of a good model.

This “general purpose” will in practice certainly not be pursued independent of the specific social respectively class interests: It is known that the policy options preferred by the rich in general are totally different and commonly antagonistic to the policy options preferred by the poor.

The typical macroeconomic model till today reflects “the rich man's view”. It does so in generally not by describing all economic processes totally wrong, but puts an interest-led bias in the model structure mainly by

- omitting important variables; f. ex. neglecting the economic impact of public infrastructure investment in order to keep the importance of the state small and
- by inappropriate aggregation; f. ex. handling “disposable income” as the central determinant of private consumption as a whole and not disaggregated by functional and/or personal income categories for blurring the effects of distribution on aggregate demand;
- focussing the structural design of the model mainly on a class specific knowledge interests, as it happened for example in the IMF-type models applied on Latin America. “Focussing” means in this context: Which parts of the model, are modelled very accurate and disaggregated, “which submodels are modelled in a more basic way? The IMF-type models were structured mainly focussing on the question of how to

generate high net exports for financing debt payments to the rich OECD-countries. Many models in use, as the English multi-country model NIGEM, focus mainly on monetary and financial market variables, and less on variables concerning production, distribution, use and employment in the “real economy”.

What is the main cause for this situation?

- Up to the eighties of the last century, even the computation of, from a retrospectively viewpoint, small and medium sized models could only be solved on mainframe computers. Both the computers, the software and the edited databases were extremely expensive and completely out of the reach of average earners or smaller organisations (The author made his first steps on a Siemens/Fujitsu — Mainframe Middle of the eighties, using the “TROLL” — software). Tinbergen solved his, seen from today, small and simple pioneering macroeconomic models with the assistance of a lot of specialized manpower and simplifications. In general, from the resources needed alone, macroeconomic modelbuilding was an extremely expensive task, only feasible for very wealthy organisations, in tendency affiliated in one or another way to bourgeois class interest.
- The formal education needed for the setup of such models **and**, at the same time, the resources for applying the fruits of this education practically were, also due to the high amount of resources needed for computers and software alone for a long time monopolised at a small group of elitist Universities with big spenders, as for example Yale and the MIT in the USA. For that reason, mainly the children of the upper classes got in contact with this advanced methods of modelling and forecasting economic processes, transporting *in general* their class specific interest in the way they use the new instrument (I don't forget Engels).

So, not long ago, only materially resourceful people, with in general the political interest of materially resourceful people had access to the practical implementation of a concept of dynamic modelling of the economic process, of which curiously Marx was the most important forbearer. It was much more interesting for upper class offsprings doing research on policies, that lead to higher gains from financial markets than on policies improving the life conditions of the working class. Also career chances in general for economists improved by focussing especially on financial market issues, as banks and other financial institutions and their research departments are both important demanders and suppliers of macroeconomic output.

Today, the situation concerning the cost of resources has changed fundamentally: concerning the hardware and software resources needed, a 500 \$ laptop, in combination with a 500 \$ software, as, f. ex., the wide spread “EViews” (they do not pay me for this), will do it compared with several hundred thousand or even million dollars thirty years ago. Today, most fundamental macroeconomic databases, also for Russia, are available on the internet for free. Even small organisations and also many individuals can afford the hard- and software resources needed for macroeconomic modelling or the use of macroeconomic models.

Meanwhile formal education in macroeconomic model building, combined with the resources to do “hands-on” training is, not at least due to the massive decrease of hard- and software cost, more wide spread also on “normal” universities than in the seventies or eighties, but very much less than it could be.

The reason for that is mainly ideological: Surely most of the models build up to the beginning of the eighties where not focussing on modelling all the issues in the specific interest of labour, but they stood, as dynamic “circulatory models”, in the Keynesian tradition of system dynamic economics. This direction of bourgeois economics states, concerning the output and employment target, especially in economic crisis, a supremacy of macroeconomic politics on the level of the economy over a mere “invisible hand” approach, assuming “efficient markets” and the highest output resulting from the most deregulated markets (Neoliberal approach). As we know, the last approach got dominant in the politics of the most advanced capitalist countries, starting with Mrs. Thatcher in 1979 and followed by many others, also most of those parties under the label “social democrats” or “socialists”, with the results we actually see. Models showing, that macrodynamic “behaviour” on the level of national economies does not simply reflect aggregate behaviour of microeconomic entities, especially enterprises individual firm, did not meet “the spirit of time” anymore. This was supported by academic neo-liberals, spearheaded by the “chicago-boy” and Nobel laureate Robert Lucas [2], lending all his authority to a “fundamental” critique on macroeconomic models and stated them in general as useless for policy advising. In the aftermath, a lot of academic teachers jumped upon the neo-liberal bandwagon: in the case of Germany, macroeconomic model building nearly disappeared as an academic discipline of economics taught and practised at universities, with very few exemptions. For that reason, working on that “obsolete” subject was no way for fostering an academic career. Because macroeconomic model building is very work-time demand-

ing on one hand and gave not much benefits for an academic career on the other hand, the “dumb force of circumstances” prevented a lot of bright heads of doing this work and left the subject to some professional forecasters in big banks and international institutions and a few “maniacs” fascinated by the matter and its possibilities.

Actually, if you hear of “macroeconomic models” today, very often so called Computable General Equilibrium Models (CGE’s) are meant. These are mostly not dynamic and with weak empirical foundation and are — as already the name signals — based on a narrow theoretical concept. Formally, this type of model resembles more to linear programming models used in business than the classical structural macroeconomic models (SMEs) [1]. In general: while the SME-modeller checks the empirical data at first and afterwards decides, which theoretical concept(s) fits best with the empirical facts, CGE-modellers build their models prejudiced by the belief in the truth of the general equilibrium theory in line with this theory, whatever the empirical facts might be.

Meanwhile, and especially since the worldwide financial crisis that erupted in October 2008, things have changed dramatically: the neoliberal paradigm as a ruling ideology in the main capitalist countries has lost most of its intellectual credibility in public discussion. This process manifests itself also in the crumbling of the traditional party systems in the EU and the election of an extreme “Outsider” in the US as president. The obstacles piled up by neoliberal ideology against the potential use of macroeconomic models as useful tools for the task of making the effects of policy alternatives transparent for and by the people, could be moved aside with the total collapse of the credibility of this ideology.

That makes way for the use of this instrument in a process of democratization of the economic debate by getting more forward-looking transparency concerning the consequences of alternative policy options.

Well specified models, focussed on labour interest, whether centered on national or international questions, connected with model building capacities for adapting such models to special questions of interest, allows the evaluation of concepts developed by the social movements themselves; but in principle also the evaluation of every policy program of the political adversary found in the political debate. Both policy options developed by the peoples organisations and that of their adversaries can be evaluated and asked for their consequences on the living conditions of the working class, both in the active age, the children or retired. As already mentioned, affiliated

with and applied in democratic social movements, using the specialized scientists/economists related to this movements as “operators”, this models may contribute to a more democratic and participative debate on the theoretical and practical outlines of macroeconomic policy conduct and the true intentions of proposed politics. For example especially upperclass-based parties all over the world regularly try to sell their special interests as the true interest of “all the people”, as being in the interest of “freedom” and “human rights”. They never state: “We want to rob you”. Putting such programs on the test in simulating the proposed policy on an appropriate model can demonstrate, who really benefits and who loses in case of the realisation of a specific political concept. By this, democratic movements may take a qualified “look behind the curtain” and may assess, whether current or proposed economic policies have a democratic substance.

2. The Structural Macroeconometric Model “LAPROSIM WORLD” — a Brief Overview with a Simulation Example on Trade War against Russia

2.1. A Brief Description of the Model

In the last nearly thirty years, the models of the author were mainly built to deal with more or less complex tasks of German and EU economic policy and its alternatives. The different versions of LAPROSIM¹ GERMANY reach more than 1000 Equations, but need some exogenous input concerning the development of world trade.

While also the economic crisis starting in 2008/09 reawakened my interest in building an own world model, only the Ukraine crisis starting in 2014 gave the decisive impulse in starting this project. Its realized and possible feedback on world trade patterns, growth and employment, especially caused by the trade sanctions against Russia initiated by the US-led western alliance, brought to my mind, that complementary to my Germany/EU-centered models a global approach of modeling was needed for dealing adequately with the new challenges. The other important stimulus to start the work was the need to produce a tool able to support research on the global effects of European austerity policy.

In general, the main purpose of the model is the support of research on the effects of variant geopolitical developments from a macroeconomic perspective.

The philosophy and the basic macroeconomic structure of LAPROSIM WORLD (LPS-W) are

¹ LAPROSIM stands as an acronym for **L**angfrist**p**rog-**n**ose- und **S**imulations**m**odell (Long Term Forecast and Simulation Model).

similar to that of LAPROSIM GERMANY¹. Both models are in its core models of a Keynesian type, handling the economy as a dynamic and open circulatory system. But the national/regional submodels of the world model are far higher aggregated than the national model for Germany, due to the difference in the main tasks of the models (Around 60 equations per country in LPS-W against 1000+ in the model for Germany).

Usually most of the empirical time series used in the estimation process of structural macroeconomic models are based on National Account data, in the case of a world model mainly on the national account database of the United Nations and the Penn World Tables, which provides standardized data for almost all countries in the world. In LPS-W, the national account database starts in general with the year 1970. This allows the estimation of stable long term relations.

¹ As an example of a simulation study centered on health economics, with a lot of methodological hints, performed with LAPROSIM GERMANY, you may take notice of Klaus Bartsch (2011): Eine Simulationsstudie zu den Entwicklungen der Beitragssätze zur gesetzlichen Kranken- und Pflegeversicherung (A Simulation Study on the Development of the Contribution Rates to the Public Health and Care Insurances), performed for the parliamentary group „DIE LINKE“ in German parliament. <https://www.linksfraktion.de/fileadmin/user_upload/Publikationen/Sonstiges/120301-bu-rgerversicherung-lang-gesamt.pdf>

The National Accounts provide mainly country information on:

- the level and the structure of production.
- The distribution of the income derived from production on different social groups.
- The use of the income on different aggregate purposes.

The yearly National Accounts are “snapshots” of a certain historical state.

In general structural macroeconomic models (SME Models), and also the LPS-W are basically simplified dynamized National Accounts. The development of the National Account data over time are explained by structural equations, estimated from the historical data and catching the main cause and effect relations in a well specified model.

The other most important source for the LPS-W database are the UNCTAD trade statistics. This database allowed to implement empirical trade matrices starting from 1995 for the nine countries and regions represented in the base model LPS_W 0.19². The data allowed to estimate the imports of each of the nine entities from the other eight, so that the model was

² The Australian Public Affairs council prepared a static trade matrix for the G-20 Meeting in Brisbane 2010 for the 20 G-20 countries <dev.pac.org/content/G-20tradematrix>. The basic model of LPS_W produces dynamic trade matrices of this type for 9 countries and regions, depending on the scenario.

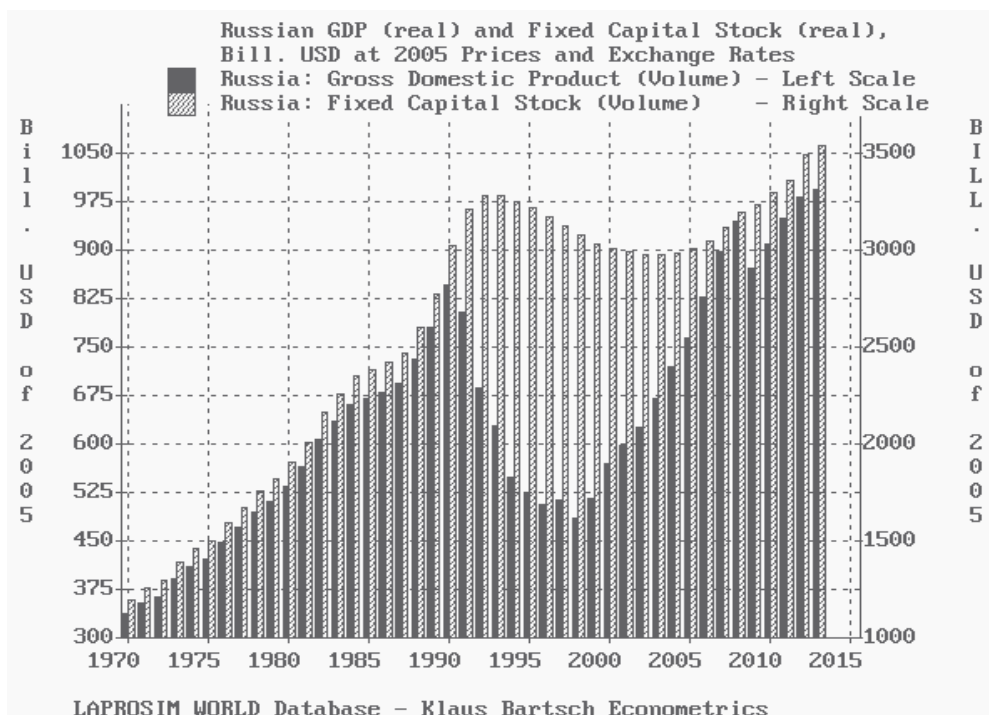

Fig. 1. An Example for Data from the LPS-W Database:
 Real GDP and Fixed Capital Stock of the Russian Federation, 1970—1990
 Backcast on the Base of Data for the Soviet Union

enabled to forecast and simulate complete dynamic trade matrices, dependent on the scenario input.

The base version LPS-W 0.19 includes 989 equations (simultaneous core: 389). It represents submodels for the following seven countries and two country aggregates:

Countries: *Brazil, China, Germany, India, Japan, Russia, USA*

Country aggregates: *European Union without Germany, Rest of the World*

Furtheron, aggregates for the BRIC countries and the core “Western” block (USA, EU and Japan) are derived.

In stylized notation, the main relations in LPS-W can be written as follows (“+” denotes positive, “-” negative impact of cause):

Supply side:

The “production function”:

Potential Output = F (Capital Stock and its Level of Modernity (+),

Working People and their average Skills (+))

Demand Side:

The consumption function:

Private Consumption = F (Income from wages(+), Income from

Profits(+), Interest rate (-)

The investment function:

Fixed Capital Investment = F (Change of Demand (+), Depreciation (+), Interest rate (-), Profits (+))

Imports and Exports:

The country/regional models are linked by the country/regional import and export functions in a dynamic 9 X 9 trade matrix.

The model includes a general “Keynesian type” function for the countries imports:

Imports of countries 1...m = F (Income <represented by disaggregated use> (+), relative price level towards other countries (-))

Exports of country i = Sum of Imports of country 1...m without i from country i (definitory)

The countries import structure from other countries may vary by their own and the other countries production structure.

For example: The Exports of Germany will benefit from high fixed capital investment demand in other Regions (production equipment), while Brazil might have a higher benefit from rising consumer demand (f. ex. coffee, meat).

The reliability of the model as a whole was tested with good results by dynamic ex-post simulations in the estimation period. This procedure tests, how the model tracks economic development in the past by only using the start values of the endogenous and the set of exogenous variables as predetermined values. The results are mainly assessed on the base of

the AAPE (Average Absolute Percentage Error), the RMSPE (Root Mean Square Percentage Error) and the proportion of the components of Theil’s error decomposition (bias, variance and covariance error) produced by the ex-post-simulation.

2.2. A Simulation Example: Possible Long Term Effects of Western Alliance Trade War on the World Economy

2.2.1. The “Scenario technique” as the basic Simulation Method

LPS-W as a well specified and evaluated SME-model is capable to perform simulations on the base of the “scenario technique”.

For setting up such type of simulation studies the following steps are performed:

A baseline scenario for the simulation period is computed. It includes mainly the assumptions of the most probable developments in the case of a political status quo respectively in the absence of external shocks.

Afterwards alternative scenarios are specified, including assumptions about policy changes. That can be for example changes in interest rate policy, public investment, the oil price or in the case of our simulation example, trade sanctions. Afterwards these alternative scenarios are computed.

In the next and last step, the absolute and/or relative differences between the alternative scenarios and the baseline scenario are computed and evaluated

So the simulation output presented here is always to be understood as numerical deviations of the values of the variables from the “baseline scenario”.

2.2.2. A Simulation Example: Trade War on Russia¹

Till now, the aggressive policy of the US-dominated Western Bloc is aiming on moving further towards the Russian borders, both with increasing military power in NATO-countries that borders on Russia and with gaining influence in (still) Non-NATO countries bordering to it with the aim of an even more tight strategic encirclement of Russia. In the strategy for crippling Russia as an independent and strong power, one important element are the trade sanctions against Russia. The core aim is to inflict economic turmoil, leading to a loss of support for the government, focussed on national interest, to replace it by some sort of Neo-Jelzinism, giving the western alliance access to Russia’s vast resources. As we know, all this stayed wishful thinking of the NATO-elites.

¹ The following simulation was first presented during my 2015 presentations in Mexico.

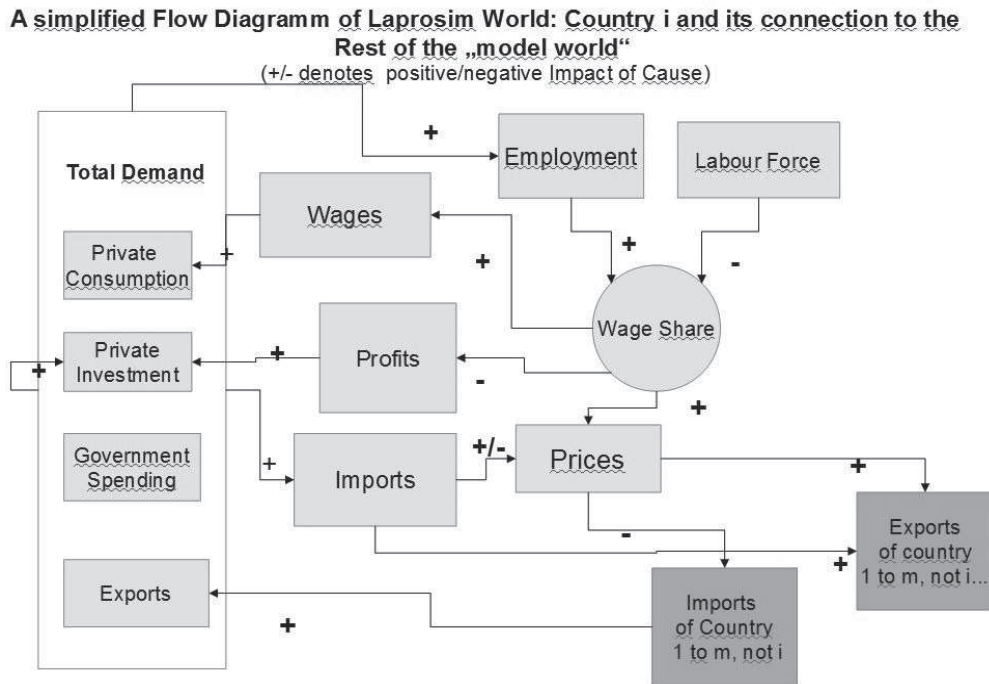

Fig. 2. A simple Flow Chart of LAPROSIM WORLD

The 2015 simulation took into account, that Germany alone lost 20 % of its exports to Russia in 2014 due to the sanctions in conjunction with the reunification of the Crimea with Russia.

The Scenario was based on the qualitative assumption, that this tensions could rise further. and lead to the assumption of much sharper export sanctions than actually realized since 2015.

So the following quantitative assumptions were made for the scenario: Core western allies (USA, the EU and Japan) reduce their exports to Russia by an absolute amount, that equals 50 % of the baseline exports to Russia of this group in 2015. Russia compensates this imports at 100 % by Chinese exports to Russia. So implicitly, an import substitution rate of 0 % was assumed. The absolute loss is kept in all following periods.

A key assumption on the long term effects of western export sanctions was the following: Loosing trust is like smashing a window: easy to do, but impossible to restore in the old framework. So Russia will keep in mind the difficulties with contracts concerning goods of strategic interest with western companies and will tend to substitute imports from the West gradually with imports from more reliable strategic partners, even if there might be quality differences concerning some products for a while.

As the results show in general, the negative Effects of “Western Alliance” export reduction hits mainly Germany, the “Rest of” the European Union and Rus-

sia. The USA as the driver of the sanction policy suffers nearly no negative effects.

Till 2017, Germany would have lost 0.7 %; The “Rest of the European Union” 0.9 % and Russia 1.0 % of real GDP towards the Baseline scenario. The slowdown in Europe decreases directly and indirectly Russia exports (Fig. 4 and Tab. 1). China would have gained 1.6 % of real GDP. For Japan and the USA only minor losses are calculated. Especially Japan would have had some benefits from a faster growth in China. For Germany, the biggest relative losses in employment are calculated (−0.8 % in 2017). The losses for Russia are relatively moderate (−0.2 %) (Fig. 5 and Tab. 2). The trade wars hit Germany and the other EU Countries in a similar way. Those with closer trade ties to Russia directly are hit harder than the others. Even those with a low share of exports to Russia would have felt the fallout of economic slowdown in the EU countries with the closer ties at so will be hit by indirect effects.

3. Final Note

Due to China’s fast growing economic strength, both in the quantitative and the qualitative dimension, Russia has a real and growing strategic alternative to its trade with the countries of the western alliance. In addition, Russia seems to progress in import substitution. Also the simulation supports the view, that, for European business, export sanctions are a shot in the

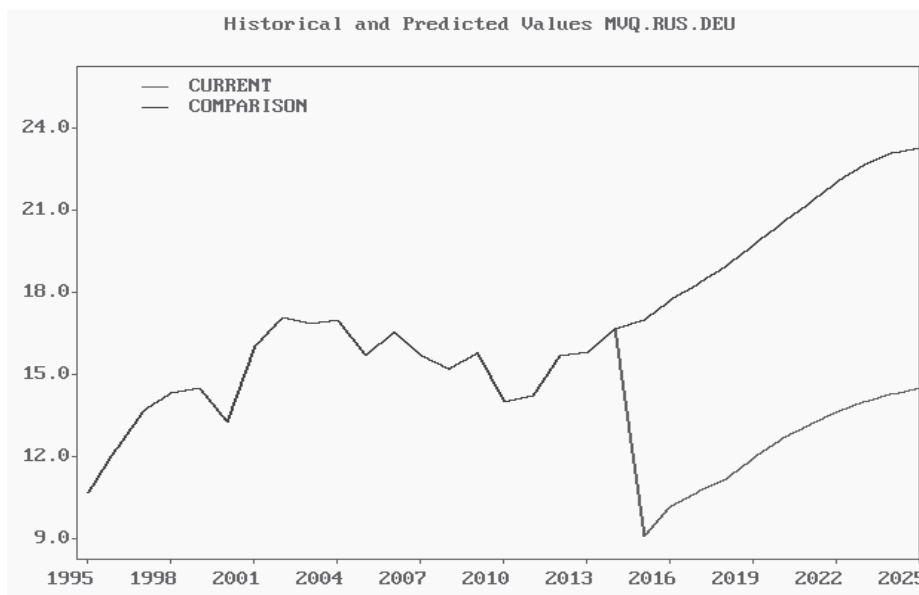

Fig. 3. Percent Share of Russian Imports from Germany in total Russian Imports: Baseline: Upper line Trade War Scenario: Bottom line

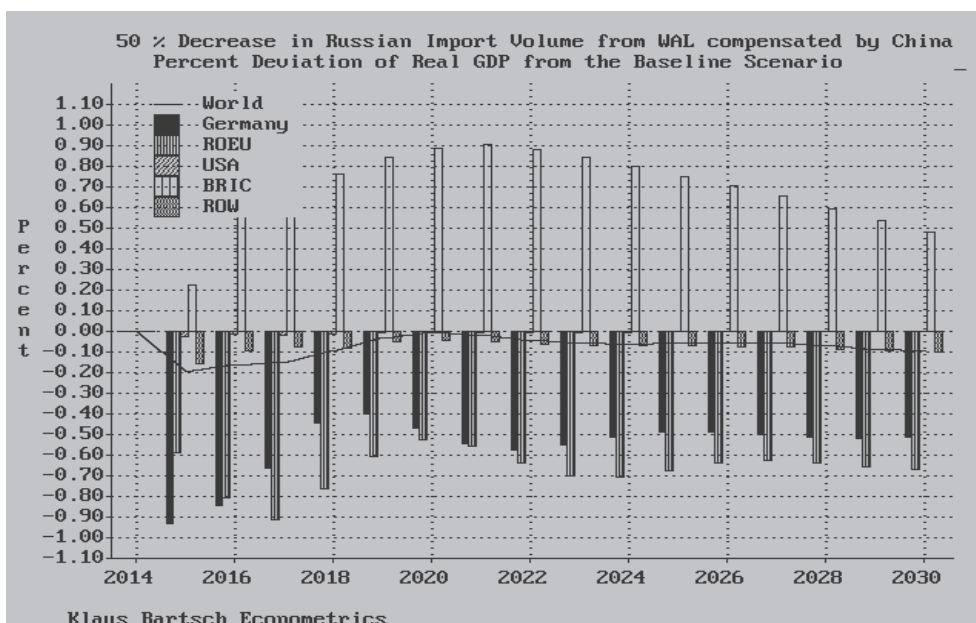

Fig. 4. Scenario Trade Wars: Percent Deviation of Real GDP from Baseline

own foot. In the last years, more and more of the ideological prejudiced political elite of Western Europe learned this fact and grasp, that it is self-defeating in the long run to proceed with the sanctions, but till now not with decisive change in actual policies. One reason may be, that parts of these elites are closely

affiliated with the most aggressive parts of the US financial sector elites. LAPROSIM has many options for its application in practice, and has already shown its high efficiency in evaluation and forecasting. Some further Studies Performed with LAPROSIM downloadable in the Internet [7—9].

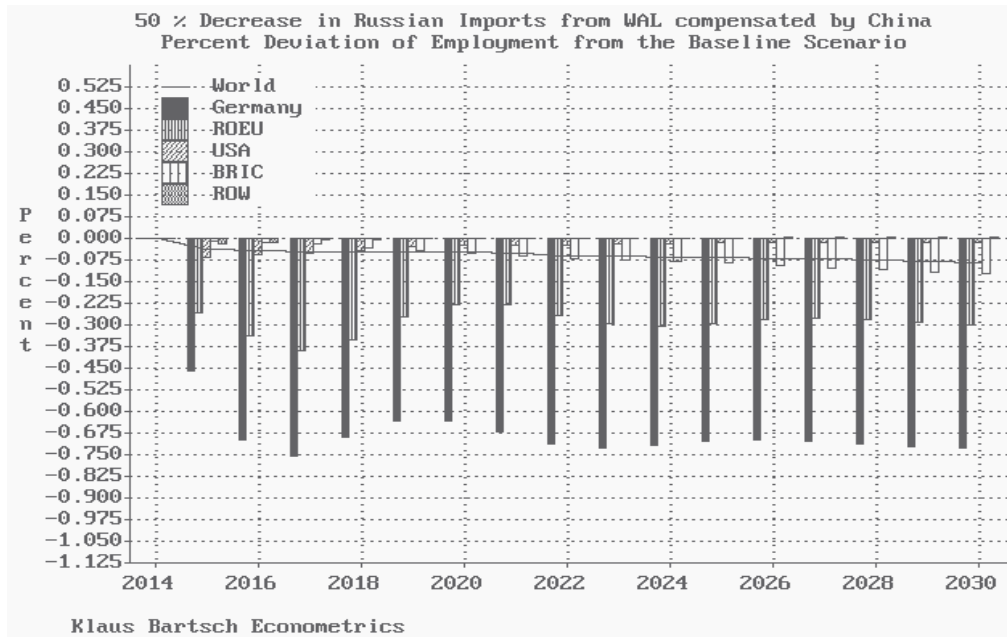

Fig. 5. Scenario Trade Wars: Percent Deviation of Employment from Baseline

Table 1

Scenario Trade Wars: Percent Deviation of Real GDP, Private Consumption and Fixed Investment from Baseline

	2015	2017	2020	2025	2030	2040	Acronyms:
P.DE3.GDPV	-0.9	-0.7	-0.5	-0.5	-0.5	-0.5	
P.EO3.GDPV	-0.6	-0.9	-0.5	-0.7	-0.7	-0.7	DE: Germany
P.US3.GDPV	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	EO: Rest of EU
P.RU3.GDPV	-1.8	-1.0	-0.6	-0.9	-1.3	-1.0	US: USA
P.VC3.GDPV	0.8	1.6	1.8	1.6	1.3	0.7	RU: Russia
P.IN3.GDPV	-0.2	-0.6	-0.4	-0.3	-0.3	-0.3	VC: China
P.BR3.GDPV	-0.2	-0.1	-0.2	-0.2	-0.3	-0.4	IN: India
P.JA3.GDPV	0.0	-0.1	-0.1	-0.1	-0.1	-0.1	BR: Brazil
P.RO3.GDPV	-0.2	-0.1	0.0	-0.1	-0.1	-0.2	JA: Japan
P.DE3.CPV	-0.1	-0.6	-0.6	-0.7	-0.7	-0.9	RO: Rest of World
P.EO3.CPV	0.0	-0.5	-0.6	-0.6	-0.6	-0.6	
P.US3.CPV	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	GDPV: Real GDP
P.RU3.CPV	-1.0	-1.3	-0.9	-1.8	-2.4	-1.4	
P.VC3.CPV	0.1	0.9	1.6	1.7	1.4	0.8	CPV: Private Consumption, real
P.IN3.CPV	0.0	-0.3	-0.5	-0.3	-0.4	-0.5	
P.BR3.CPV	0.0	-0.1	-0.2	-0.3	-0.3	-0.4	
P.JA3.CPV	0.0	0.0	-0.1	-0.1	0.0	0.0	
P.RO3.CPV	0.0	0.0	0.0	-0.1	-0.1	-0.1	IFV: Real fixed Capital Investment
P.DE3.IFV	-1.5	-0.3	0.1	0.0	-0.1	-0.1	
P.EO3.IFV	-1.4	-2.0	0.2	-0.7	-0.7	-0.6	
P.US3.IFV	0.0	-0.1	0.0	0.0	0.0	0.0	
P.RU3.IFV	-4.1	0.0	0.4	0.1	-0.2	-0.1	
P.VC3.IFV	0.3	2.1	2.1	1.8	1.3	0.6	
P.IN3.IFV	-0.1	-0.8	-0.5	-0.2	-0.3	-0.3	
P.BR3.IFV	-0.6	-0.3	-0.1	-0.3	-0.4	-0.5	
P.JA3.IFV	-0.1	-0.3	-0.2	-0.2	-0.1	-0.1	
P.RO3.IFV	-0.3	0.0	0.0	-0.1	-0.1	-0.2	

Table 2

Scenario Trade Wars: Percent Deviation of Export Volume, Import Volume and Employment from Baseline

	2015	2017	2020	2025	2030	2040	Acronyms:
P.DE3.XGSV	-2.1	-2.1	-1.5	-1.5	-1.5	-1.4	DE: Germany
P.EO3.XGSV	-1.8	-2.0	-1.5	-1.5	-1.5	-1.4	EO: Rest of EU
P.US3.XGSV	-0.8	-0.6	-0.4	-0.4	-0.4	-0.5	US: USA
P.RU3.XGSV	-1.9	-1.8	-1.2	-1.2	-1.2	-1.0	RU: Russia
P.VC3.XGSV	2.6	2.2	2.0	1.6	1.3	0.8	VC: China
P.IN3.XGSV	-0.6	-0.7	-0.5	-0.5	-0.4	-0.4	IN: India
P.BR3.XGSV	-0.9	-0.4	-0.3	-0.3	-0.3	-0.4	BR: Brazil
P.JA3.XGSV	-0.1	-0.3	-0.1	-0.1	-0.1	-0.1	JA: Japan
P.RO3.XGSV	-0.5	-0.2	-0.1	-0.1	-0.2	-0.3	

End of table 2

P.DE3.MGSV	-1.7	-1.8	-1.5	-1.6	-1.7	-1.9	RO: Rest of World
P.EO3.MGSV	-1.4	-1.8	-1.3	-1.4	-1.3	-1.3	
P.US3.MGSV	-0.6	-0.5	-0.3	-0.3	-0.3	-0.3	XGSV: Real Exports
P.RU3.MGSV	-2.7	-1.4	-0.9	-1.4	-1.7	-1.2	
P.VC3.MGSV	1.0	2.1	2.2	1.8	1.4	0.8	MGSV: Real Imports
P.IN3.MGSV	-0.1	-0.5	-0.7	-0.5	-0.5	-0.6	
P.BR3.MGSV	-0.7	-0.4	-0.1	-0.3	-0.5	-0.5	
P.JA3.MGSV	0.0	-0.2	-0.2	-0.1	-0.1	-0.1	ET: Total Employment
P.RO3.MGSV	-0.3	-0.1	-0.1	-0.1	-0.1	-0.2	
P.DE3.ET	-0.5	-0.8	-0.6	-0.7	-0.7	-0.8	
P.EO3.ET	-0.3	-0.4	-0.2	-0.3	-0.3	-0.3	
P.US3.ET	-0.1	-0.1	0.0	0.0	0.0	0.0	
P.RU3.ET	-0.3	-0.2	-0.1	-0.4	-0.6	-0.6	
P.VC3.ET	0.0	0.0	-0.1	-0.1	-0.1	0.0	
P.IN3.ET	0.0	0.0	-0.1	-0.1	-0.1	-0.2	
P.BR3.ET	0.0	0.0	0.0	-0.1	-0.1	-0.1	
P.JA3.ET	0.0	0.0	-0.1	-0.1	-0.1	-0.1	
P.RO3.ET	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	

Information about the author

Klaus Bartsch — self employed consultant, Ziegeleiweg, Germany. bartschbrandenburg@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 133—141.*

References

1. Fair C.R. Reflections on macroeconometric modeling; *The B.E. Journal of Macroeconomics*, 2015, no. 15 (1), pp. 445—466. Available at: <https://fairmodel.econ.yale.edu/rayfair/pdf/2013a.pdf>.
2. Lucas R.E. *Econometric Policy Evaluation: A Critique*; Carnegie Rochester Conference Series on Public Policy, Band 1. New York 1976. pp. 19—46. Available at: <https://fairmodel.econ.yale.edu/rayfair/pdf/2013a.pdf>
3. Marx, Karl. *Das Kapital — Kritik der Politischen Ökonomie- Zweiter Band: Der Zirkulationsprozess des Kapitals*; Berlin. 1958.
4. Public Affairs Council. *The “Mileage Chart” of Global Trade: Mapping the Bilateral Trade Relations of the G-20 Members*. Washington 2012.
5. Quesnay F. *Analyse du Tableau Economique*; in Daire, Eugene: *Physiocrates — Quesnay, Du Pont de Nemours, Mercier de la Riviere, L’Abbe Baudeau, Le Trosne*; Paris 1846. P. 1026.
6. Tinbergen, Jan. *Business Cycles in the United States of America, (Statistic al Testing of Business Cycle Theories,II)*, League of Nations. Geneva. 1939.
7. Bartsch K., Leithäuser G., Temps C. *Szenarioanalyse zur Zukunft des sozialen Deutschlands*; Report for the Friedrich Ebert-Stiftung, Bonn. 2009. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/wiso/06285.pdf>
8. Bartsch K. *Modellgestützte Simulationsstudien zu den gesamtwirtschaftlichen Auswirkungen der Umsetzung von Varianten einer innovativen Konzeption altersunabhängig geförderter Teilzeit*; Report for the Hans-Böckler-Stiftung, Düsseldorf. 2010. Available at: https://www.boeckler.de/pdf_fof/97339.pdf
9. Bartsch K. *Zu den fiskalischen Aspekten der Einführung eines allgemeinverbindlichen gesetzlichen Mindestlohnes in Deutschland — eine makroökonomische Untersuchung unter besonderer Berücksichtigung der Ergebnisse des IW Köln (Institut der Deutschen Wirtschaft Köln)*. 2011. Available at: <file:///C:/Users/Bartscheconometrics/Documents/Mindestlohn-Fiskalische-Effekte-Studie-Bartsch.pdf>.

УДК 339.9

ББК 65.9(5 Вье)

SOCIALISM AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN VIETNAM

Prof. Dr. Pham Van Duc

Vietnam Academy of Social Sciences, Graduate Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

The great success of the cause of renovation and openness in Vietnam and China has supplemented new elements to the ways and measures of building socialism for the countries taking the ‘abridged’ transition course to socialism. The success also affirms that the consistency of Marxism does not mean to apply it dogmatically and mechanically. Marxism should be applied scientifically and creatively in new historical conditions. The creativity in the application, supplementation and perfection of Marxism to make it appropriate to new historical circumstances is the correct way to defence and follow consistently Marxism. In the case of Vietnam, the practice of building of socialism, especially from the period since 1986 when Vietnam has engaged in the process of national comprehensive renovation, is the confirmation the creative implementation of Marxism Leninism to the specific cultural and social condition of Vietnam by the President Ho Chi Minh and the Communist Party of Vietnam.

1. Ho Chi Minh thought on socialism and building socialism in Vietnam

We must affirm that Ho Chi Minh’s thought on socialism is a direct result from his appropriation of the view of Marxism-Leninism on socialism. However, during the process of appropriation of Marxism-Leninism, Ho Chi Minh was able to implement creatively it into the concrete conditions of Vietnam, a country having a time-honoured Eastern culture. We can see it concretely in many his arguments, where he talked about the application of Marxism-Leninism and foreign experiences into the concrete circumstances of Vietnam.

The most valuable thing Ho Chi Minh found in Marxism is its dialectical method. He affirmed that Marxist dialectical method is a scientific world-view and revolutionary weapon that could bring felicity for humanity. The method helped him to apply universal principles in concrete conditions and circumstances. All kinds of dogma and mechanism are alien to the dialectical method. He pointed out that “Marx built his teaching on the foundation of a certain philosophy of history, but which history? The European history. What is Europe? It is not the whole humanity” [1. P. 464—465].

Thanks to the dialectical method of Marxism, Ho Chi Minh was able to deal skilfully the relationship between the particular and the universal, nation and humanity, tradition and modernity, individuals and society, theory and practice in the process of development. He realized the unity between theory and practice as the basic principle of Marxist dialectical method. Ho Chi Minh wrote “while emphasizing the importance of theory, comrade Lenin repeatedly mentioned that revolutionary theory is not a dogma but the lodestar guiding revolutionary actions; theory

is not some thing fixed and rigid but fully creative; theory must be constantly added by the new conclusions drawn from the living practice... we should concretize Marxism- Leninism to make it appropriate to every concrete circumstance and condition” [1. P. 464—465]. He pointed out that “to learn about Marxism-Leninism is to learn about its spirit to deal with all works, all peoples and one’s own self... learning is needed for acting. Theory should go together with practice. Learning should not be for the sake of rote learning or decoration” [6. P. 247].

Ho Chi Minh criticizes two erroneous tendencies in the mechanistic application of Marxism-Leninism: dogmatic tendency that ignores practice and the tendency that overvalues experience and consequently defies theory. Ho Chi Minh wrote “Some comrades are not willing to investigate the practice of Vietnam revolution. They do not understand that Marxism-Leninism is the lodestar for action but not the Bible. Therefore, what they do is to learn by heart some sayings of Marx and Lenin to bluff people. There are also some comrades, who insist only in individual experiences. They do not understand that theory is very important for the cause of revolution... Both tendencies are erroneous. The most erroneous is the dogmatic tendency because it deceives people by using the sayings of Marx and Lenin” [Ibid.].

Ho Chi Minh always reminded new generations to supplement and develop creatively Marxism in order to make it appropriate to the characteristic features and historical conditions of every nation, especially those in the East. He wrote “Anyway, it is not possible to prohibit supplementing historical bases by adding to them the materials, which Marx could not be able to obtain in his time” and it is necessary “to rethink Marxism in terms of its historical bases

and consolidate them by Eastern ethnography” [1. P. 464—465]. Therefore, Ho Chi Minh claimed that if we want to lead the revolution to victory, avoid errors and grope our way, we need to learn the experiences from brother countries and apply them creatively [3. P. 494]. At the same time, we need to promote the cultivation and education on Marxism-Leninism in order to apply the standpoints, views and methods of Marxism-Leninism to summarize the specific features of our country. In so doing can we gradually grasp the laws of development of Vietnamese revolution and map out concrete guidelines and steps for the socialistic revolution, which is appropriate to the situation in our country. Thus, it is necessary to learn theory and promote the common theoretical level of the Party, first of all that of Party’s key cadres [Ibid.].

So Ho Chi Minh always paid attention to the universality of Marxism-Leninism, but he also asked for the creative application of Marxism-Leninism. This very creativity will lead the cause of construction of socialism to victory and avoid the failure caused by dogmatism and mechanism. Ho Chi Minh wrote “at the moment we have abundant experiences of construction of socialism from brother countries but we cannot apply them mechanically because our country has its own specific features” [5]. The experience of the Soviet Union in construction of socialism was valuable but Ho Chi Minh reminded that we may have other way to socialism than that of the Soviet Union. He wrote “we cannot do the same as the Soviet Union does because the Soviet Union has its distinctive practice, custom, history and geography... we may have other path to socialism” [Ibid.].

Ho Chi Minh had his own way of articulation of the essence of socialism, which is imbued with the specific feature of Eastern nations emphasizing mainly on the problem of people’s livelihood, or as in Sun Yat-sen’s term: that of livelihood of the people, the existence of society, the welfare of the nation and the life of the masses. While Sun Yat-sen claimed that the principle of people’s livelihood is socialism and communism, Ho Chi Minh thought that the goal of socialism is to resolve the problems of people’s livelihood, bring welfare, freedom and happiness to the people.

Ho Chi Minh said that people are the root of revolution. He often reminded our cadres “to remember that people are masters. People are water, we [cadres] are the fish. All our power and strength are relied on people” [2. P. 101]. “The government is people’s servant. What government does is to achieve the only goal of bring freedom and happiness to the people Therefore people’s government must always give the highest priority to people’s interests. We should do what is benefit for the people and avoid what is

harmful for the people” [Ibid. P. 22]. The rights the Vietnamese gained are the right to live, the right to be happy and free. His only desire is “how to bring full freedom and independence to the people. And such kind of freedom and independence should be enjoy by all the people like the way all creatures enjoy the light of the Sun” [4. P. 45]

He affirmed that “I have only one desire, a most earnest desire — to achieve complete independence for our country, complete freedom for our people, and opportunities for all our countrymen to have adequate food and clothing and education [Ibid. P. 161—162].

To the question “what is socialism?”. Ho Chi Minh wrote “the goal of socialism is to improve constantly people’s living standards” [7. P. 31]. Therefore the policy of the Party and Government is to take *utmost care of people’s life* “If the people suffer from hunger, the Party and Government are guilty; if the people do not have enough clothes, the Party and Government are guilty, if the people cannot have access to education the Party and Government are guilty, if the people are sick, the Party and Government are guilty” [5. P. 575] “what the Party struggle for? For people to have adequate food, shelter and be free. What every Party’s member struggle for? For people to have food, shelter and be free too. What is socialism? People can have food, shelter, be happy and free” [6. P. 396].

Thus, socialism for Ho Chi Minh is first of all the problems of people’s livelihood, or how to deal with the necessary needs of the people. Without proper solutions to those needs the construction of socialism is meaningless and the people will not care about socialism. As Ho Chi Minh said to your cadres “with an empty stomach people pay no attention to what you say, regardless of how you may attractively speak” [Ibid. P. 411]. The goal of socialism is to bring welfare, education and happiness to the people “Briefly and plainly speaking, socialism first of all is to liberate the working people from poverty, bring employment, welfare and happiness to the people” [8. P. 17].

So far, while talking on socialism, Ho Chi Minh always stressed, first of all, the need to improve people’s living standards and provide all people with adequate foods, shelter and education “To sum up, particular attention should be paid to the works that can promote material and spiritual life of the people” [6. P. 396]. Ho Chi Minh affirmed that “we has gained independence and freedom but independence and freedom have no significance at all if our people still suffer from hunger and shortage. The people understand clearly the value of freedom and independence only when they are provided with adequate food and shelter” [Ibid.].

Those thoughts of Ho Chi Minh have been inherited and further developed by the Communist Party of Vietnam, especially during the cause of country's renovation oriented towards the goal of "wealthy people, strong country and a democratic, just, and civilized society", which expresses the essence of the socialist society the Vietnamese are building. The concrete manifestation of that essence can be seen clearly in the Party's strategy of fast and sustainable development, in which socialism and sustainable development are to create favourable conditions for all people of Vietnam to develop their potentials. Thus, we can say that the sustainable development in Vietnam is ultimately human development — the very development of man, for man and by man. Here is the intimate relation between sustainable development and the building of socialism in Vietnam.

2. Sustainable development and human development in Vietnam

In Vietnam the view on sustainable development was perceived and expressed very early in the official documents and resolutions of the Communist Party of Vietnam, especially since the beginning of the cause of Renovation in Vietnam. As early as in 1991 the Communist Party of Vietnam emphasized in the *Socio-Economic Development Strategy for 1991—2000* adopted at the 7th Party's Congress that *economic growth should be accompanied with social justice, social progress, cultural development and environmental protection*. The 8th Party's Congress (1996) highlighted the lesson that *"economic growth closely links with social justice, social progress, the preservation and development of national culture and the protection of the environment*". In the *Socio-Economic Development Strategy for 1991—2000* adopted at the 9th Party's Congress in 2001 the Communist Party of Vietnam affirmed *"to develop rapidly, effectively and sustainably, economic growth associates with social justice, social progress and the protection of the environment"*. The 10th Party's Congress in 2006 continued to emphasize the lesson of rapid and sustainable development. In addition to contents on socio-economic development and environment, it also added the requirements for comprehensive human development and practicing democracy. Besides, the Congress defined the general objective of the 2006—2010 five year plan as *"Further promoting both rapid, quality and sustainable economic development and human development"*.

In the *Socio-Economic Development Strategy for 2011—2020* adopted at the 11th Party's Congress in 2011 the Communist Party of Vietnam affirmed that *"rapid development must be closely attached to sustainable development, which is the*

throughout demand of the Strategy". This demand encompasses such key factors as *"developing sustainably the economy... Economic growth must harmoniously associate with social justice and progress. Constantly improving the quality of people's life. Socio-economic development goes hand in hand with environment protection and improvement"*. Among those contents of sustainable development outlined by the Party, there are two important points related directly to human development:

First, *the economic development must harmoniously associate with cultural and social development, the constant improvement of the quality of people's life, the realization of social progress and social justice in every step and every guideline of development*. Culture is considered as the spiritual foundation of the society, the constituting factor of stable and long-lasting value and particular national character of a nation. Culture operates as a mighty social driving force and penetrates into development process. The development of each era in each nation is imbrued with cultural character. Based on cultural foundation, human not only handles the relations with fellow-creature and natural environment in the present life, but also solves the relations with future generations in the course of development. In this sense, culture is both the result of rapid and sustainable development and the solid foundation for rapid and sustainable development. Therefore, cultural development should be put into equally-footing to and harmonious relationship with economic development. Efforts should be spared for developing healthy life, lifestyle and cultural environment. Promoting all cultural aspects so as to enhance fine values of the nation and absorb cultural quintessence of mankind and make it be both the spiritual foundation of society and driving force of development.

Practicing social justice and social progress is an important content of sustainable development. It is also the norm reflecting the nature of our regime. Serious inequity and polarization create social conflicts in a number of countries in the world and erode the growth. Therefore, Vietnam intends *to realize social justice and social progress in each policy and stage of development*. In fact, Vietnam has been focusing on poverty reduction, diversifying resources and mode of implementation so as to sustainably reduce poverty. People are encouraged to get rich legally, and at the same time the polarization is limited through income distribution policies and the development of open and effective social security and social welfare systems. Vietnam continues to streamline the mechanism of distribution at business entities and salary and wage policy in order to ensure equity of interests which, in turn, acts as the driving force for socio-economic development.

Additionally Vietnam pays particular attention to the cause of development of education and training, especially tertiary and vocational training, in order to turn out an appropriate structure of quality labour force in response to the need of the restructuring of the economy and transformation of growth model. Strongly enhancing medical services and promoting health care activities. Directing resolutely and comprehensively, and mobilizing the strength of entire political system to attain solid and apparent changes in the fight against corruption, social evils and traffic accidents.

Second, *the mastership of the people is to be brought into full play, democracy, especially direct democracy, is to be practiced widely, an open and consensus society is to be fostered.*

Practicing democracy is a constituent of sustainable development, and was stated clearly by the Party at the 10th Party Congress. Practicing democracy is to multiply the contents of sustainable development. It is stemming from a very important stance which considers *human is both aim and subject of the development*. Human resources are a long-term competitive advantage and decisive factor to the development of a nation. Widely practicing democracy will promote the creativity of individuals which contributes to the rapid and sustainable development of our country. The higher democracy the deeper social consensus is and the great national unity is further fortified.

In order to bring democracy into full play and make it become resources for development, two conditions should be satisfied: first, creating equal opportunity for everybody to learn and building a learning society in order to raise people's knowledge; second, practicing mastership of the people through institutional settings necessary for insuring democracy in all facets of social life and expanding direct democracy. Democracy is closely linked with discipline and laws.

Thus, the standpoint on sustainable development with concrete contents has been perceived and reflected very early by the Party and Government. Sustainable development has become a consistent policy in the leadership and governance of the process of national development in recent decades. Both within international and national level, the Vietnam Government has strongly committed to implement sustainable development as well as to *link sustainable development with all-round development of man and consider human development is both the aim and driving force of the socio-economic development*¹.

¹ Government's decision number 153 dated 2004 on the orientation of the strategy of sustainable development in Vietnam; the establishment of the National Council for sustainable development; the project on implementation

The issue is why does Vietnam pay special attention to the *role of man* and the *policy of human development* in the Strategy of sustainable development?

In the history of economics, some pre-Marxist bourgeois economists, for example Adam Smith, regarded labour as the source of all wealth. In his *Dialectics of Nature* F. Engels affirmed that labour could be the source of wealth but labour alone cannot sufficient for the generation of all wealth. Labour in the combination with nature, which supplies materials for labour, could generate all wealth [9. P. 641]. Therefore, the statement that man has a decisive role in creation of wealth does not mean to isolate man from natural and other resources. On the contrary, man should be put into relationships with all available resources. Thus, man plays his role both as the subject as well as the object of socio-economic processes.

In his relations to natural and other resources man acts as the subject of exploitation and utilization. Natural and other resources themselves cannot take part in socio-economic processes; therefore cannot be driving forces for socio-economic development. The role of driving force always belongs to man. Man itself with his strength and intellect is the decisive factor for the effectiveness of exploitation and utilization of natural and other resources. This is the very dialects between man and resources.

The reality shows that thanks to advantages of geographical conditions, richness of natural resources as well as the right way to explore those advantages, some countries in the region and in the world have become rich nations with high-growth rate economies. On the contrary, as examples we can list many cases, in which man faces serious and unpredictable environmental and ecological disasters due to his irrational and unaware exploitation of natural resources for the sake of pure economic benefits.

Man not only plays a decisive role in the effective exploitation and utilization of natural and other resources but also contributes to regenerate new resources. This relates to the inheritance between different generations in the course of development of human societies. Each generation inherits resources left by previous generations and at the same time creates new resources for future generations.

Today, almost all countries in the world are well aware and declare war against the negative results brought about by the development based on the old view on growth. However, fine intentions are not the real mechanism to prevent futureless growth. The complexities of the current globalization process, the interference and manipulation of the rich nations of the 21 Agenda and the goals of Millennium as well as other official documents.

tions, the lack of many kinds of resources prevalent in slow-developed economies, the prevalent situation of corruption in some countries... always cause serious threats for economies oriented towards sustainable development. Being well aware of that point, the Communist Party of Vietnam affirms that “the building and development of the economy must have a cultural aim and orient toward a just and civilized society and man’s comprehensive development. Culture is the result of economic development and, at the same time, a driving force of economic development. All components should be closely linked to the life and activity of the society in all spheres of politics, economy, laws, disciplines... in order to become the most important inner resources of development”.

As a subject, man not only decides the efficiency of the exploitation and utilization of presently — available natural and other resources but also contributes importantly to sustainable development in the future.

As an object, man becomes the object of exploitation, utilization, investment and development. While talking about the role of human resources as the object of exploitation and utilization, people often mention about the non-exhaustedness of human resources. In recent decades scientists and policymakers in all countries worldwide come to realize that natural resources, regardless of how rich they may be, will be exhausted under the exploitation of human beings and only human resources are unlimited and non-exhaustible.

While discussing about human resources, scholars often talk about their qualitative and quantitative aspects. The quantity of human resources is labour force and labour force availability for socio-economic development. Indexes of the quantity of human resources of a nation are its population, population growth rate, average life expectancy, population structure: the proportion of working-age population and number of non-working population... The quantity of human resources plays an important role in socio-economic development. The non-correlation between the quantity of human resources and development will impact negatively on socio-economic development. Some countries, especially developing ones, suffer from the excess of labour forces and therefore in those countries employment becomes a pressing issue. Unemployment brings about many negative effects and becomes one of the causes of crimes in some societies. By contrast, in some countries with high growth rate of development, there is high demand for labour force, especially seasonal labour force, low-skilled labour force or labour force in those industries that national workers decline to take. So those countries have to import labour forces

from other nations, especially from developing ones. The import of labour force helps the imported countries to deal with the demand for labour force but on the other hand, it creates some changes in their social life.

However, the most important element in human resources is not quantity but quality of human resources. The latter is a decisive factor for socio-economic development as well as the cause of industrialization and modernization. Quality of human resources means the intellectual component of human resources or “labourers with high intelligence, high skills, good moral qualities, who have been educated and promoted by an advanced education linked closely to modern science and technology”. The talking about unlimitedness and non-exhaustion of human resources means the mention about intellectual component of human resources. Alvin Toffler, an American futurist, claims that while all natural resources may be exploited to exhaustion, human intelligence will never be exhausted and “knowledge can be endlessly taken”.

Because of the importance of intelligence and knowledge, most countries in the world today strive to enhance the intellectual content of their labour forces. Education and training play very important role in enhancing the knowledge component within labour forces. Historical experiences have shown that no country or nation in the world can become rich and have a high economic growth rate without universalizing general school education. Newly-industrialized countries like Singapore and South Korea, who reached a high economic growth rate in 1970s and 1980s, had universalized general school education before their economic take-off.

On the other hand, empirical researches in recent years shown that capital investment plays only small role in economic growth. The quality of labour force plays a decisive role in the value of surplus products. Moreover, in the era of scientific and technological revolutions, information and knowledge become the core components of the whole modern system.

Vietnam at the moment is classified into the group of developing countries. If we take the time when countries have started the period of industrialization as starting point for comparison, there is a fact that natural resources of developing countries are poorer than that of developed countries. Vietnam is just within that common case. While being not really rich in natural resources and also affected heavily by wars as well as mistakes of the old mechanism, in order to carry out the strategy of rapid and sustainable development, Vietnam has no other choice than to uphold and utilize properly the role of human resources. This is the very way to bring into full play country’s in-

ner resources in order to accomplish successfully the national strategy of fast and sustainable development.

With the implementation of the strategy of fast and sustainable development, Vietnam has achieved very important and impressive outcomes in human development.

The average economic growth was about 7.3 %/year¹ which was one of those highest growth rates of countries in the region. Average GDP per capita in 2010 is about USD 1,200 which surpasses threshold of low income developing countries. Material and spiritual life of people is considerably improved. Real average income per capita has increased about 2.3 fold over the last 10 years. Poverty reduction has attained outstanding outcomes which is highly appreciated by international community. The income gap between urban and rural areas decreased from 2.3 times in 1999 to 2 times in 2008. Children have been given due care and protection. The percentage of malnourished children under 5 years old decreased from 33.8 % to less than 18 %. Average life-span of the people increased from 67 to 72 year old. Lower secondary education has been universalized across the country. Our human development index (HDI) unceasingly increased. Its 2008 index was 0.733 which fell into the upper average nations in the world. The level of cultural appreciation and access to information by the people was apparently increased. Social security and social welfare was attached great importance and gradually expanded. Besides great results in socializing the development of social sectors, State budget financing for these sectors has constantly increased. Medical insurance coverage has been expanded from 13.4 % in 2000 up to 62 % in 2010. Gender equity posted various progress, the ratio of women holding position of parliament members and important responsibility in the political system has increased. In 2008, Vietnam accomplished most of millennium goals set forth the year of 2015.

Democracy in the society is continuously expanded, the society becomes more open and consensus; the defence and security are stably maintained; our political and social life remain stable. There have been more positive changes in the face of the country; the position and status of Vietnam in the international arena are improved and heightened; many

¹ In 2010 GDP was 6.5 % while the average GDP for 2001—2010 was 7.2 %.

positive premises for fast and sustainable development have been created for improving the quality of the people.

Besides the aforesaid results, however, there exists a number of weaknesses and mismatch. Achievement attained do not match with potentiality. In the area of culture and society, there are a number of pending matters and pressing issues prolong in some aspects. Social evils tend to increase. Traffic jam and accidents are at serious level. Corruption is yet pushed back. Quality of education and training, especially at tertiary education and vocational training are poor and slowly improved. Hospitals are too crowded with low quality medical services. The above-mentioned limitation and weaknesses partly stems from objective reasons while subjective factors act as the main cause, such that: sustainable development has not been fully perceived and accordingly specified consistently in policies, programming, planning and regulatory tools. In management and operation, it is biased on growth rate without giving due consideration to quality and sustainability of the development. Drastic changes are not seen in resolution of pressing social problems. The process of programming and planning, the formulation of socio-economic development projects and construction thereof, the implementation of environment protection policy have not been closely incorporated and coordinated. There has been no apparent and effective mechanism of management and supervision of sustainable development. The mastership of the people, especially the direct democracy, has not been brought into full play.

The national cause of socialistic-oriented renovation, building and development in Vietnam under the leadership of the Communist Party of Vietnam has been underwent the path of more than 30 years. For that time, Vietnam has made many great and historically significant achievements in all areas of the social life. The standpoint of rapid and sustainable development has been being implemented steadfastly, especially in respect to *human development*. Man has been posited into the central position, both as the aim and the driving force of the socio-economic development. We can say that in Vietnam today, sustainable development aims for no other target than human development, improvement of the quality of human life; in its turn, human development serves as the basis and most solid foundation for the implementation of sustainable development. This is the dialectics of development in the modern society.

Information about the author

Prof. Dr. Pham Van Duc — Vice-President of Vietnam Academy of Social Sciences, President of Graduate Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam. ducphilosophy@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 142—148.*

References

1. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 1. The National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
2. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 4. National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
3. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 5. National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
4. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 6. National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
5. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 7. National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
6. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 8. The National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
7. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 9. National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
8. Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 10. National Political Publishing House. Hanoi, 1995.
9. Marx K., Engels F., *Complete works*, vol. 20. The National Political Publishing House, Hanoi, 1994.

ОБЗОРЫ, ДИСКУССИИ REVIEWS, DISCUSSION

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 149–156.

УДК 330.15
ББК 65.305.142

ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭНЕРГИИ ВЕТРА

*О. Г. Мартынова², К. Ш. Ямалетдинова¹, С. Т. Рахманова²,
Р. И. Ахметшин², В. В. Галиакберов²*

¹ *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

² *Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия*

Ветровая энергетика как один из видов альтернативных источников энергии требует тщательного анализа показателей ветра на территориях, где планируется строительство ветровых электростанций. В данной работе оценивается ветроэнергетический потенциал трех городов Республики Башкортостан и рассматривается перспективность использования ветровых электростанций (ВЭС) на территории данных городов. Строительство ВЭС могло бы способствовать решению проблемы обеспеченности энергетическими ресурсами растущих потребностей экономики и социальной сферы данного региона. Применение графического метода анализа позволило представить результаты статистических исследований в более доступном и наглядном виде.

Ключевые слова: *ветровая энергетика, эффективность энергии ветра, ветровая электростанция, графический анализ, энергетическая безопасность.*

Одним из ключевых направлений повышения эффективности экономики любого региона является обеспечение энергетической безопасности. И для достижения высоких темпов социально-экономического развития регионов необходимо бесперебойное и устойчивое обеспечение населения, организаций энергетическими ресурсами и прежде всего электроэнергией. По этой причине использование альтернативных источников энергии, в частности энергии ветра, могло бы способствовать решению проблемы обеспеченности энергетическими ресурсами растущих потребностей экономики и социальной сферы регионов. Развитию данной отрасли энергетике в России способствует тот факт, что страна изобилует природными возобновляемыми источниками энергии [3], а между тем на ее территории имеется множество отдаленных районов, подключение которых к центральным электросетям и газовым магистралям порой затруднено и даже невозможно [1; 16].

Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в России является одним из важнейших факторов модернизации экономики. Успешной реализации процесса модернизации способствует расширение производств инновационного типа, разработка новых технологий, развитие малого и среднего бизнеса. Впоследствии это приведет к

улучшению социальных условий, созданию новых рабочих мест, улучшению экологии [6; 17; 18].

Перспективность вовлечения в энергобаланс регионов энергии природных возобновляемых источников определяет актуальность проблемы энергоэффективности установок, использующих энергию ветра, солнца, потоков воды. В силу низкой энергетической плотности возобновляемых энергоресурсов и их крайней изменчивости стоимость производимой электроэнергии с использованием возобновляемых энергоресурсов в настоящее время обычно превышает тариф на электроэнергию, полученную традиционными способами. Поэтому конкурентоспособной областью нетрадиционной энергетики является малая энергетика, особенно в децентрализованных системах электроснабжения потребителей, находящихся в отдаленных, труднодоступных местах.

Также важно отметить, что успешное использование возобновляемых источников энергии во многом зависит от правильного выбора места установки электростанции. Например, энергия ветрового потока во многом зависит от рельефа местности и имеющихся наземных зданий и сооружений.

Поэтому выбор места установки каждой конкретной электростанции, использующей энергию природных возобновляемых источников, должен

производиться на основании проекта привязки к местности, который должен быть выполнен соответствующими специалистами [9].

ВИЭ приобрели большую актуальность в первое десятилетие XXI в. Общеизвестно, что разведанные запасы газа и нефти будут использованы в течение 30 с небольшим лет, а неразведанных хватит еще максимум на 60—70 лет. В связи с этим наблюдается неуклонный рост цен на основные виды энергоносителей. Решению проблемы обеспечения человечества дешевой и экологически чистой энергией и способствует развитие возобновляемой (альтернативной) энергетики. Альтернативная энергия — это энергия, получаемая из возобновляемых, неисчерпаемых источников энергии (ветра, солнца, биомассы, внутреннего тепла земли) [12].

Среди альтернативных источников энергии одной из самых привлекательных становится ветровая энергия [2], ресурсы которой чрезвычайно велики и широко распространены, в том числе в России. Наша страна обладает наибольшим в мире техническим и экономическим потенциалом энергии ветра — 16 500 ТВт·ч/год [4].

Ветровая энергетика является одним из дешевых ВИЭ. Проблема широкого использования ветроэнергетических установок (ВЭУ) в настоящее время связана с их экономической эффективностью в сравнении с традиционными источниками энергии. Стоимость ВЭС, в том числе ВЭУ, зависит от их мощности, стоимости производства соответствующего оборудования, расходов на транспортировку и стоимости строительства [7].

В России к началу нынешнего века использовалось около двух с половиной тысяч ветряков общей мощностью миллион киловатт. После 1917 г. ветряные мельницы остались без хозяев и постепенно разрушились. Однако интерес к ветроэнергетике не исчезал, и иногда предпринимались попытки использовать энергию ветра на научной и государственной основе. В 1931 г. в районе Ялты была построена крупнейшая для своего времени ветроустановка на 100 кВт.

В настоящее время в России возникли новые организации, занимающиеся ветроэнергетикой, постепенно налаживается сотрудничество с зарубежными партнерами. Созданы отечественные образцы ВЭУ мощностью до 100 кВт, например ВЭУ «Радуга». Однако недостаточный объем финансирования научных и опытно-конструкторских разработок не способен обеспечить не только развитие, но и поддержку научно-технического уровня, достигнутого в данной сфере [9].

Несмотря на достаточно несложные механизмы извлечения данного вида энергии и относительно низкую стоимость его преобразования в электро-

энергию, существенным препятствием на пути его массового и повсеместного использования является неопределенность с обеспеченностью климатическими ресурсами соответствующих преобразовательных установок. Для достоверной оценки потенциальных возможностей применения ветровых установок в том или ином месте, учитывают данные ветрового режима (среднегодовая скорость, годовой ход, роза ветров, повторяемость скоростей по градациям, максимальный порыв) в данном месте. Однако следует учесть, что показатели ветра также зависят от рельефа местности, шероховатости местности, наличия затеняющих элементов, высоты над поверхностью земли [11].

Главный показатель, определяющий энергетическую ценность ветра, — его среднегодовая скорость. В ветроэнергетике районы со среднегодовой скоростью ветра менее 5 м/с считаются малопродуктивными для размещения ВЭС, а со скоростью более 8 м/с — очень хорошими [5; 8; 10; 11; 14; 15].

В связи с этим изучение показателей ветра для оценки перспективности использования ветровой энергетики в том или ином регионе страны является актуальной задачей. В данной работе представлены результаты анализа ветровых показателей Республики Башкортостан.

Ветровой режим исследуемого региона формируется под действием барических центров и распределением атмосферного давления на всей территории Зауралья и Предуралья. На территории республики зимой преобладает антициклонический тип циркуляции с хорошей повторяемостью ветров (особенно в декабре и январе). Летом резкого преобладания процесса какого-нибудь одного плана, как зимой, не наблюдается [11].

Материалом для обзора послужили статистические данные метеорологических условий трех городов Республики Башкортостан — Акъяр, Уфа, Белебей — за 2014—2016 гг., полученные с сайта «Прогноз погоды» и обработанные коллективом авторов [13].

По рис. 1 и 2 можно судить о скорости ветра в трех указанных городах, находящихся в разных природных зонах. Сравнительный анализ показывает, что за рассмотренный период среднемесячные скорости ветра в Акъяре и Белебее выше, чем в столице республики. В Акъяре (Зауралье) годовой ход скорости ветра находился в интервале от 2,7 до 3,9 м/с в 2015 г. и от 2,7 до 4,1 м/с в 2016 г. Максимальные среднемесячные скорости ветра наблюдались в весеннее и осеннее время. В Белебее (Предуралье) максимальные скорости ветра наблюдались в зимнее время и составили 3,6—4,3 м/с.

Самые слабые ветры из трех городов были характерны для Уфы, среднемесячные скорости — в

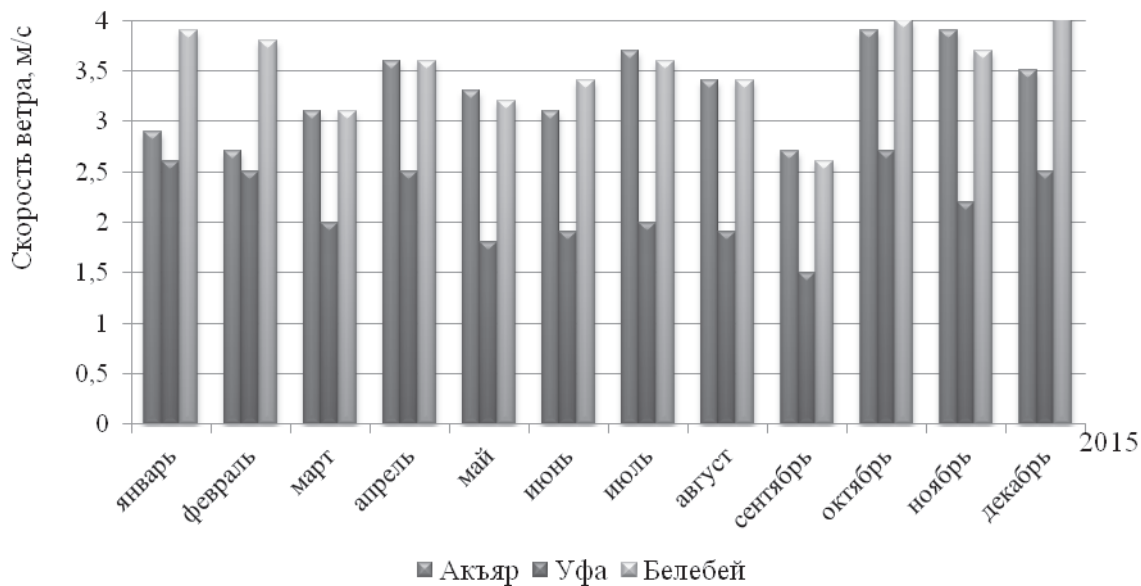

Рис. 1. Показатели среднемесячной скорости ветра в городах Акъяр, Уфа, Белебей в 2015 г.

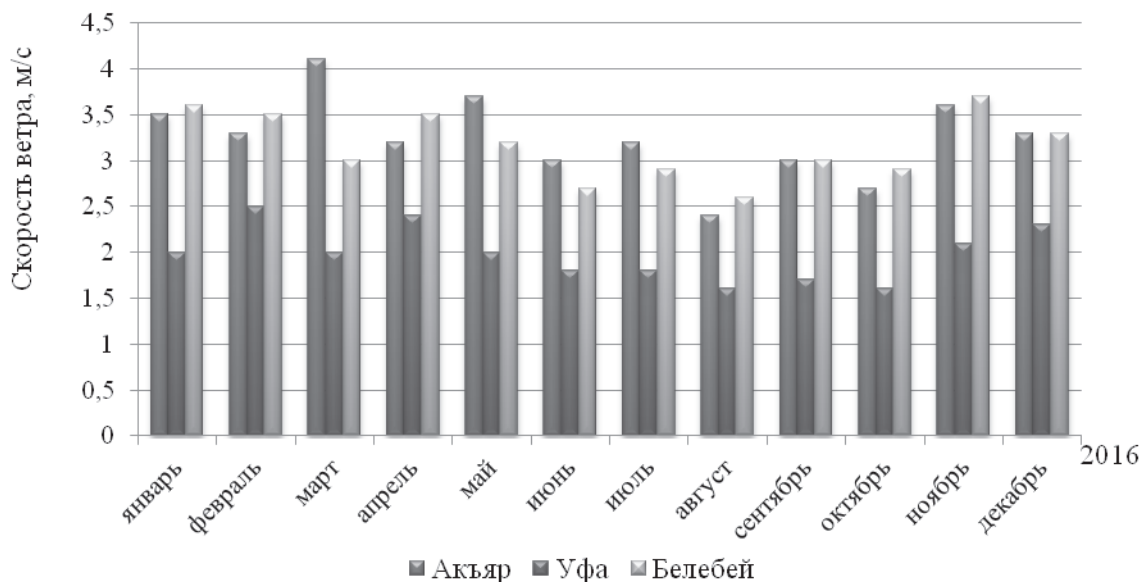

Рис. 2. Показатели среднемесячной скорости ветра в городах Акъяр, Уфа, Белебей в 2016 г.

интервале от 1,8 до 2,7 м/с в 2015 г., и от 1,6 до 2,5 м/с в 2016 г.

Розы ветров, построенные для трех городов региона, сильно различаются. На рис. 3 и 4 видно, что в каждом рассматриваемом городе наблюдается тенденция повторения господствующих ветров из года в год. Так, в Акъяре господствующими ветрами являлись западные (14,1 % от общего) и северо-восточные (7,5 %), а в Белебее преобладали в основном южные (15,4 %) и юго-западные (11,2 %) ветры. В столицу региона ветры в основном приходили со стороны юга (20,3 % в 2015 г. и 24,5 % в 2016 г.), то есть они господствовали.

По рис. 5 можно судить о количестве зарегистрированных случаев сильного порыва ветра

(со скоростью ≥ 10 м/с) в трех городах Республики Башкортостан за 2015—2016 гг. Как видно, самое большое количество таких случаев наблюдалось в Зауральском регионе (Акъяр), и по сравнению с двумя другими рассматриваемыми городами здесь сильные порывы наблюдаются в два раза чаще. Также интересным является тот факт, что за рассмотренный период максимальный порыв пришелся на столицу республики и составил 27 м/с. Также в Акъяре зафиксированы сильные порывы ветра, скорость которых достигала 22—24 м/с. Сравнительный анализ средних значений сильных порывов ветра между городами не выявил значимых различий. Среднее значение варьировалось в диапазоне от 11,4 до 12,3 м/с.

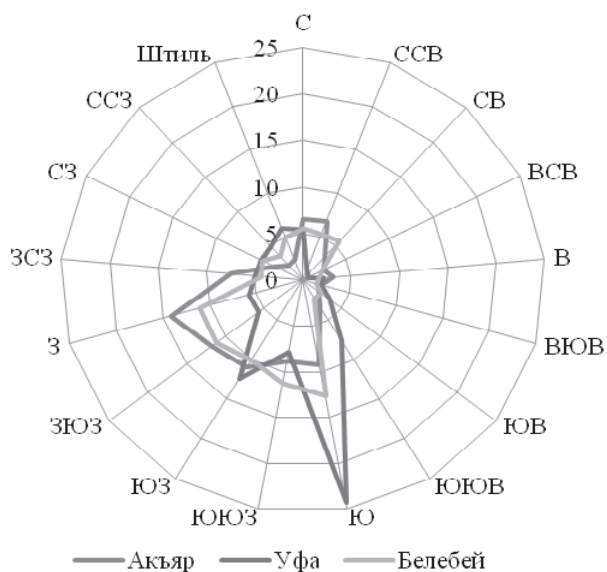

Рис. 3. Господствующие ветры в трех городах Республики Башкортостан в 2015 г.

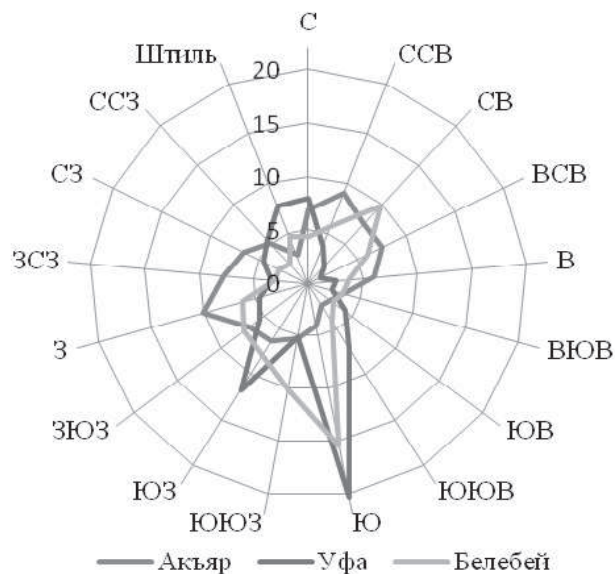

Рис. 4. Господствующие ветры в трех городах Республики Башкортостан в 2016 г.

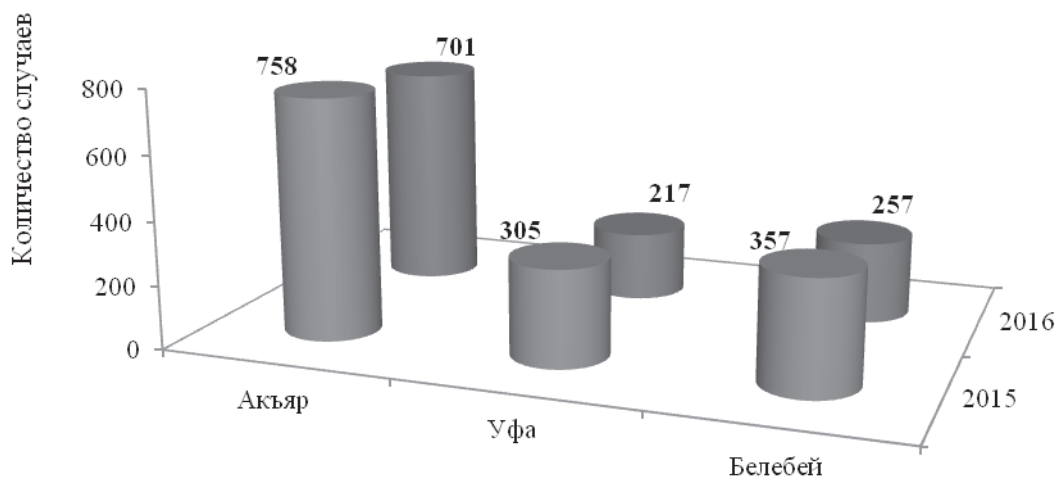

Рис. 5. Количество случаев сильного порыва ветра в трех городах Республики Башкортостан в 2015–2016 гг.

По рис. 6 и 7 видно, что в исследованных городах наибольшая повторяемость скоростей ветра приходилась на градации 1–3 м/с и 4–5 м/с.

Таким образом, по результатам исследований, можно сказать, что среднегодовые скорости ветра

и их повторяемость не позволяют эксплуатацию мощных ветровых установок на территории данных городов, это экономически невыгодно так как скорость ветра не достигает 5 м/с и получить от их работы существенного количества энергии не удастся.

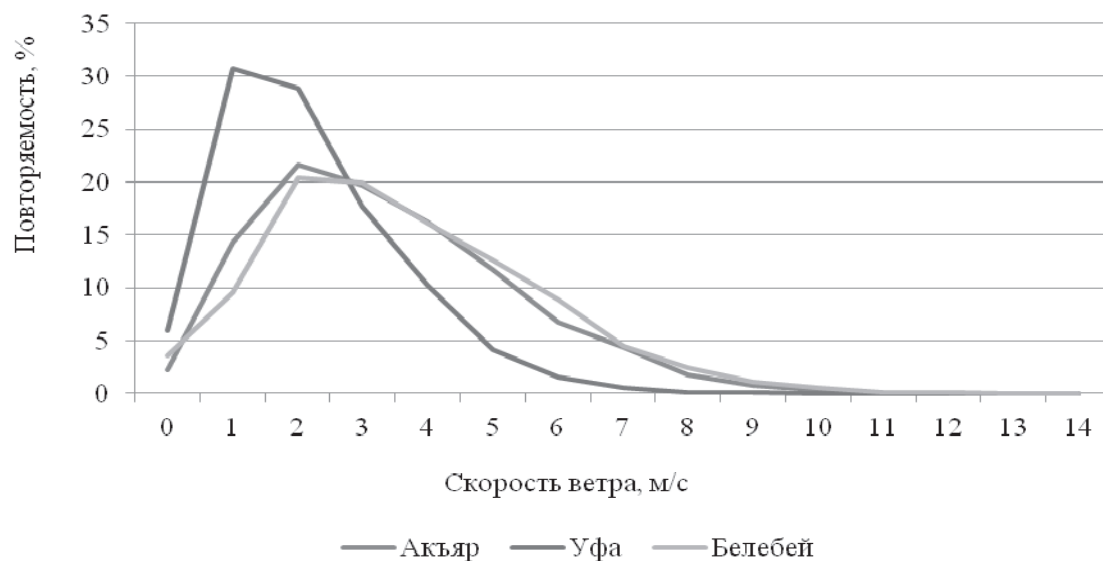

Рис. 6. Повторяемость ветра в трех городах Республики Башкортостан в 2015 г.

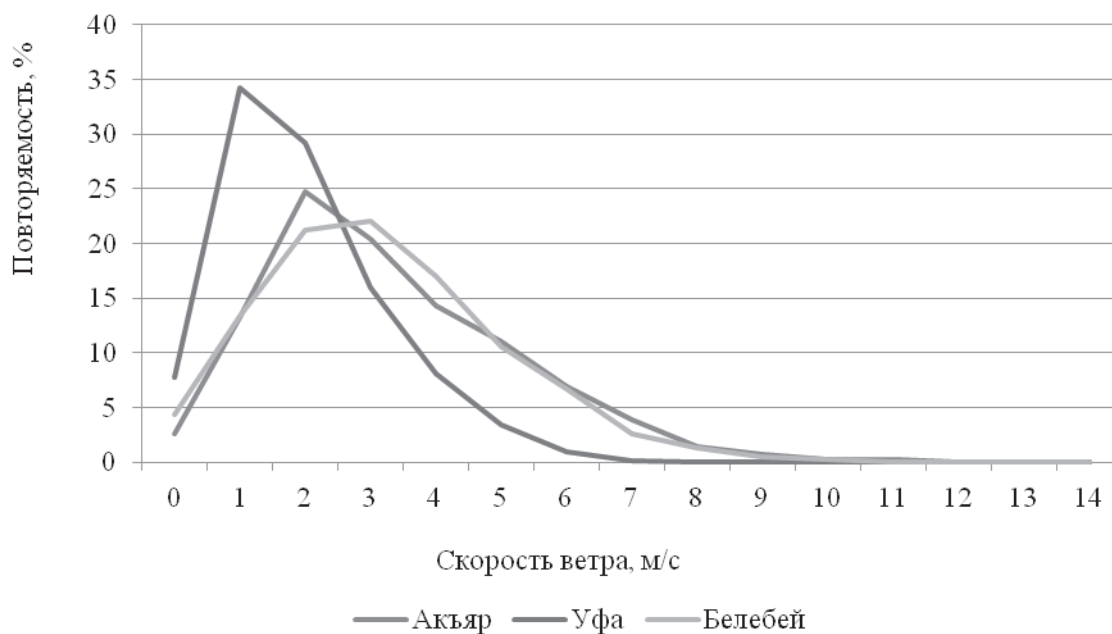

Рис. 7. Повторяемость ветра в трех городах Республики Башкортостан в 2016 г.

Список литературы

1. Абдрахманов, Р. Р. Электроснабжение сельскохозяйственных потребителей с использованием возобновляемых источников энергии (в условиях Республики Башкортостан) : автореф. ... дис. канд. тех. наук / Р. Р. Абдрахманов. — Челябинск, 2014.
2. Алексеенко, С. В. Нетрадиционная энергетика и энергосбережение / С. В. Алексеенко // Инновации. Технология. Решения. — 2006. — № 3. — С. 38—41.
3. Бердиев, Г. И. Горизонты использования альтернативных источников энергии / Г. И. Бердиев, М. У. Мусурмонкулов // Молодой ученый. — 2014. — № 4. — С. 473—475.
4. Гзенгер, Ш. Перспективы ветроэнергетического рынка России (март 2017) [Электронный ресурс]. Ш. Гзенгер, Р. Денисов. — URL: <http://www.wwindea.org/wp-content/uploads/2017/06/170612-FES-Windenergie-rus-print.pdf>.
5. Дакалов, М. В. Экономические аспекты развития возобновляемых источников энергии в странах ЕС : автореф. дис. ... канд. экон. наук / М. В. Дакалов. — М., 2015.

6. Егорова, М. С. Развитие возобновляемых источников энергии — мировой опыт и российская практика / М. С. Егорова // Вестн. науки Сибири. Сер.: Экономика и менеджмент. — 2013. — № 3. — С. 146—150.
7. Квитко, А. В. Характеристика ветра, особенности расчета ресурса и экономической эффективности ветровой энергетики / А. В. Квитко, А. О. Хицкова // Науч. журн. КубГАУ. — 2014. — № 97. — С. 1—12.
8. Кондаков, А. М. Альтернативные источники энергии / А. М. Кондаков. — М. : Прива, 2006. — 185 с.
9. Лукутин, Б. В. Возобновляемые источники электроэнергии : учеб. пособие / Б. В. Лукутин. — Томск : Изд-во Томс. политех. ун-та, 2008. — 187 с.
10. Игнатъев, С. Г. Развитие методов оценки ветроэнергетического потенциала и расчета годовой производительности ветроустановок / С. Г. Игнатъев, С. В. Киселева // Альтернатив. энергетика и экология. — 2010. № 10 (90). — С. 10—35.
11. Потенциал использования ветра как альтернативного источника энергии в Зауральском регионе Республике Башкортостан / Г. Р. Ильбулова, А. А. Аминова, Г. А. Ягафарова, Г. Ш. Кузина, А. Ю. Хисаметдинова // Доклад Башкир. ун-та. — 2017. — Т. 2, № 1. — С. 48—52.
12. Ожегова, Л. А. Пространственные особенности развития солнечной энергетики: глобальный и региональный аспекты / Л. А. Ожегова // Ученые зап. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: География. — 2014. — Т. 27 (66), № 1. — С. 68—82.
13. Прогноз погоды [Электронный ресурс]. — URL: <https://rp5.ru>.
14. Ресурсы и эффективность использования ВИЭ в России / под. ред. П. П. Безруких. — СПб. : Наука, 2007. — 314 с.
15. Сибикин, Ю. Д. Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии : учеб. пособие / Ю. Д. Сибикин, М. Ю. Сибикин. — 2-е изд., стер. — М. : КНОРУС, 2012. — 232 с.
16. Схема и программа перспективного развития электроэнергетики Республики Башкортостан на 2015—2020 годы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.garant.ru/files/8/6/733368/prilojenie_n_6.pdf.
17. Использование методов графического анализа для оценки фиторемедиационного потенциала сельскохозяйственных растений / Е. Н. Елизарьева, Ю. А. Янбаев, Д. М. Юнусова [и др.] // Естеств. и тех. науки. — 2018. — № 2 (116). — С. 28—32.
18. Моделирование экологических ЧС, вызванных загрязнением водных объектов / И. Ю. Кияшко, Л. Ю. Кияшко, А. Н. Елизарьев [и др.] // Успехи соврем. естествознания. — 2016. — № 2. — С. 159—163.

Сведения об авторах

Мартынова Ольга Галиевна — кандидат технических наук, доцент кафедры конструирования машин и механизмов Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. olgamar07@mail.ru

Ямалетдинова Клара Шаиховна — завкафедрой «Управление качеством», профессор Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. clara-yk@yandex.ru

Рахманова Светлана Талгатовна — старший преподаватель кафедры конструирования машин и механизмов Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. rahm.sveta@mail.ru

Ахметшин Рустам Ильясович — старший преподаватель кафедры конструирования машин и механизмов Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. ahmetshin@bk.ru

Галиакберов Василь Вакилевич — магистрант Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. galiakberov-94@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 149—156.*

THE GRAPHIC FEATURES ANALYZE THE ECONOMIC EFFICIENCY OF WIND ENERGY

O.G. Martynova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. olgamar07@mail.ru

K.Sh. Yamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. clara-yk@yandex.ru

S.T. Rakhmanova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. raxm.sveta@mail.ru

R.I. Akhmetshin

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. ahmetshin@bk.ru

V.V. Galiakberov

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. galiakberov-94@mail.ru

Wind power, as one of the types of alternative sources of energy, requires a careful analysis of indicators of wind in areas where planned construction of wind power plants. This paper evaluates the wind energy potential of three cities in the Republic of Bashkortostan and discusses the prospects of using wind power plants on the territory of these cities. The results of research interpreted in the form of images, allowed us to produce rapid analysis. The application of the graphic method of analysis allowed us to present the results of statistical research in a more accessible and visual way.

Keywords: *wind power, speed and repeatability of wind, wind power, graphical analysis.*

References

1. Abdrakhmanov R.R. *Elektrosnabzheniye potrebiteley s ispol'zovaniyem vozobnovlyayemykh istochnikov energii (v usloviyakh Respubliki Bashkortostan)* [Electric supply of agricultural consumers using renewable energy sources (in the conditions of the Republic of Bashkortostan)]. Chelyabinsk, 2014. (In Russ.).
2. Alekseyenko S.V. *Netraditsionnaya energetika i energosberezheniye* [Non-traditional energy and energy saving]. *Innovatsii. Tekhnologiya. Resheniya* [Innovations. Technology. Solutions], 2006, no. 3, pp. 38—41. (In Russ.).
3. Berdiyev G.I., Musurmonkulov M.U. *Gorizonty ispol'zovaniya al'ternativnykh istochnikov energii* [Horizons of the use of alternative energy sources]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2014, no. 4, pp. 473—475. (In Russ.).
4. Gzenger Sh., Denisov R. *Perspektivy vetroenergeticheskogo rynka Rossii (mart 2017)* [Perspectives of the wind energy market in Russia (March 2017)]. Available at: <http://www.wwindea.org/wp-content/uploads/2017/06/170612-FES-Windenergie-rus-print.pdf> (In Russ.).
5. Dakalov M.V. *Ekonomicheskiye aspekty razvitiya vozobnovlyayemykh istochnikov energii v stranakh YeS* [Economic aspects of the development of renewable energy sources in the EU countries. Abstract of thesis]. Moscow, 2015. (In Russ.).
6. Yegorova M.S. *Razvitiye vozobnovlyayemykh istochnikov energii — mirovoy opyt i rossiyskaya praktika* [Development of renewable energy sources — world experience and Russian practice]. *Vestnik nauki Sibiri* [Bulletin of Siberian science], 2013, no. 3, pp. 146—150. (In Russ.).
7. Kvitko A.V., Khitskova A.O. *Kharakteristika vetra, osobennosti rascheta resursa i ekonomicheskoy effektivnosti vetrovoy energetiki* [Characteristics of the wind, the features of calculating the resource and economic efficiency of wind power]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSU], 2014, no. 97, pp. 1—12. (In Russ.).
8. Kondakov A.M. *Al'ternativnyye istochniki energii* [Alternative sources of energy]. Moscow, Priva Publ., 2006. 185 p. (In Russ.).
9. Lukutin B.V. *Vozobnovlyayemye istochniki elektroenergii* [Renewable sources of electricity]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta Publ., 2008. 187 p. (In Russ.).
10. Ignat'yev S.G., Kiseleva S.V. *Razvitiye metodov otsenki vetroenergeticheskogo potentsiala i rascheta godovoy proizvoditel'nosti vtroustanovok* [Development of methods for estimating the wind energy potential

and calculating the annual productivity of wind turbines]. *Al'ternativnaya energetika i ekologiya* [Alternative energy and ecology], 2010, no. 10, pp. 10—35. (In Russ.).

11. Il'bulova G.R., Amineva A.A., Yagafarova G.A., Kuzhina G.Sh., Khisametdinova A.Yu. Potentsial ispol'zovaniya vetra kak al'ternativnogo istochnika energii v Zaural'skom regione Respubliki Bashkortostan [Potential of using wind as an alternative energy source in the Trans-Ural region of the Republic of Bashkortostan]. *Doklad Bashkirskogo universiteta* [Report of the Bashkir University], 2017, no. 1, pp. 48—52. (In Russ.).

12. Ozhegova L.A. Prostranstvennyye osobennosti razvitiya solnechnoy energetiki: global'nyy i regional'nyy aspekty [Spatial features of solar energy development: global and regional aspects]. *Uchenyye zapiski natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya Geografiya* [Scientific notes of the National University named after V.I. Vernadsky. Series Geography], 2014, vol. 27 (66), no. 1, pp. 68—82. (In Russ.).

13. *Prognoz pogody* [Weather forecast]. Available at: <https://www.rp5.ru>, accessed 20.01.2018. (In Russ.).

14. *Resursy i effektivnost' ispol'zovaniya VIE v Rossii* [Resources and efficiency of renewable energy use in Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 314 p. (In Russ.).

15. Sibikin Yu.D., Sibikin M.Yu. *Netraditsionnyye i vozobnovlyayemyye istochniki energii* [Non-traditional and renewable sources of energy]. Moscow, KNORUS Publ., 2012. 232 p. (In Russ.).

16. *Skhema i programma perspektivnogo razvitiya elektroenergetiki Respubliki Bashkortostan na 2015—2020 gody* [Scheme and program for the perspective development of the electric power industry of the Republic of Bashkortostan for 2015—2020]. Available at: http://www.garant.ru/files/8/6/733368/prilojenie_n_6.pdf (In Russ.).

17. Elizar'yeva E.N., Yanbaev Iu.A., Yunusova D.M., Dement'yev D.G., Martynova O.G., Akhmetshin R.I., Gibadullin I.Z., Rakhmanova S.T. Ispol'zovaniye metodov graficheskogo analiza dlya otsenki fitoremediatsionnogo potentsiala sel'skokhozyaystvennykh rasteniy [Using methods of graphical analysis to assess the phytoremediation potential of crop plants]. *Yestestvennyye i tekhnicheskiye nauki* [Natural and technical Sciences], 2018, no. 2 (116), pp. 28—32.

18. Kiyashko I.Yu., Kiyashko L.Yu., Elizar'yev A.N., Manyakova G.M., Gabdulkhakov R.R., Martynova O.G. Modelirovaniye ekologicheskikh ChS, vyzvannykh zagryazneniyem vodnykh ob'ektov [Modeling of ecological disaster, causing pollution of water bodies]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* [Progress of Modern Natural Sciences], 2016, no. 2, pp. 159—163.

УДК 339.137.2
ББК 65.011.33

ТЕОРИЯ КОНКУРЕНЦИИ: PRO ET CONTRA

Д. С. Бениц, Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрена краткая история развития теории конкуренции, а также современные направления исследований в области теории рынков. Острые дискуссии в научной среде лишней раз подчеркивают актуальность вопроса. Приверженцы теории совершенной конкуренции акцентируют внимание на эффективности такой рыночной структуры. Критики же показывают ее несостоятельность. Наряду с общепринятым представлением об эффективности конкуренции указывают на ее негативные последствия. Цель статьи — показать противоречия современной действительности и сложившихся подходов к исследованию конкуренции и конкурентных отношений. Приводя ряд примеров, авторы акцентируют внимание читателя на негативных сторонах конкуренции. В частности, исследование, проведенное авторами в 2015—2016 гг. при поддержке Совета по грантам президента, позволило «нащупать» отрицательные последствия конкурентной борьбы в аграрном бизнесе.

Ключевые слова: конкуренция, несовершенная конкуренция, монополия, неоклассическая теория, институциональная теория.

Конкуренция как явление — объект исследования многих направлений, как в экономической науке, так и в смежных гуманитарных дисциплинах. Несмотря на длительный срок существования теории и разнообразие используемых методов исследования, можно утверждать, консенсус относительно сущности и природы, а также последствий конкуренции в ученой среде, так и не достигнут. Данная тема вызывает острые споры в академических кругах и остается важной как для теоретиков, так и для регулирующих органов, а соответственно, для бизнеса, находящегося под регулированием (антимонопольным, прежде всего). Цель работы — рассмотреть особенности современных взглядов на природу конкуренции, показать основные противоречия и исследовать «теневую» сторону конкуренции.

Исторический аспект

Основы теории конкуренции были заложены классической политэкономией в XVIII—XIX вв. В частности, К. Маркс анализирует причины появления монополии, определяет ее природу и историческое место, а также социальные последствия конкурентной борьбы. Конкуренцию он рассматривает как фактор развития капиталистического производства, обеспечивающий научно-технический прогресс. Сущность конкуренции, по его мнению, «в законе, регулирующем общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства» [Цит. по: 5].

Далее в трудах представителей неоклассической школы рассматривается модель совершен-

ной конкуренции, которая идеализирует рыночную действительность. Неоклассическая теория конкуренции в принципе подчинена поиску оптимума, к которому необходимо стремиться, поскольку именно он позволяет достичь наилучшего удовлетворения потребностей каждого участника экономической деятельности. Монополия в этом учении — антипод конкуренции, обладающий лишь негативными характеристиками. Математическая школа (А. Курно, Л. Вальрас, У. Джевонс, Ф. Эджуорт) в качестве инструментария использует количественный анализ монополии и конкуренции. В частности, А. Курно анализирует рыночную ситуацию с участием чистого монополиста и уделяет внимание анализу методов монопольного ценообразования. Согласно его теории, монополия устанавливается при соблюдении следующего условия: объем производства достигает такого уровня, который обеспечивает максимальную прибыль монополисту в соответствии с функцией спроса. Именно А. Курно принадлежит вывод, что в рамках совершенной конкуренции рыночная цена должна быть равна предельным затратам фирмы.

Важный вклад в развитие теории конкуренции внес и А. Маршалл. Он продолжил традицию представителей классической политэкономической мысли восхваления достоинств свободно-конкурентной рыночной модели, разработав условия и последствия механизма взаимодействия спроса и предложения. По мнению А. Маршалла, именно совершенная конкуренция способствует достижению оптимального разделения труда,

что в итоге обеспечивает общую эффективность экономической системы. Он акцентирует внимание на том, что в рамках совершенной конкуренции достигается оптимальное распределение и использование всех экономических ресурсов. А. Маршалл систематизирует представление о преимуществах свободной конкуренции по сравнению с другими видами рыночных структур, выделяя в качестве главного способность совершенной конкуренции обеспечивать низкие цены. Он доказывает возможность достижения на рынке совершенной конкуренции равновесия, стабильность такового и наличие единой цены в точке равновесия. Отклонения цен от равновесных он объясняет колебаниями объемов продаж (в том числе запасами производства). В теории А. Маршалла монополия ставится в полное противопоставление конкуренции и уменьшает общественное благосостояние, причем всегда и везде [6].

Окончательное формирование теории совершенной конкуренции произошло в работах Ф. Найта. К ключевым условиям организации подобной рыночной структуры он отнес полную осведомленность покупателей и продавцов о ситуации на рынке; мобильность ресурсов; отсутствие затрат на перемещение ресурсов; делимость товара между множеством продавцов и однородность продукции.

Тем не менее реальные экономические процессы (промышленная концентрация, развитие инструментов и методов антимонопольного и отраслевого регулирования и т. п.) показывали несостоятельность подобного статического взгляда на конкуренцию. Неоклассическая школа в лице Э. Чемберлина, Дж. Робинсон и других исследует конкуренцию как динамический процесс, при этом совершенная конкуренция и совершенная монополия не являются крайними полюсами, а оказываются лишь моментами единого процесса развития рынка. Эти авторы исследуют различные формы несовершенной конкуренции, а также такие факторы их развития, как слияния и поглощения на рынках, барьеры, дифференциация и т. д. [8; 14].

Австрийская школа экономики (Й. Шумпетер, Ф. Хайек) обосновывает принципиальную недостижимость равновесия на рынке, а рыночные цены трактует как неравновесные. Й. Шумпетер предложил функциональный подход к объяснению развития конкуренции и конкурентных отношений. Основным фактором в конкурентной борьбе, на его взгляд, являются нововведения, в качестве которых можно рассматривать также новые комбинации имеющихся ресурсов. При этом любое нововведение усиливает тенденции моно-

полистической конкуренции на рынке. Й. Шумпетер открывает такие положительные черты монополии, как способность к накоплению капитала и дальнейшему его использованию для инвестиций в нововведения. Кроме того, монополия может быть гораздо устойчивее в финансовом отношении, чем другие типы рыночных структур [16].

Ф. Хайек также продолжает критику модели совершенной конкуренции. В концепции Ф. Хайека совершенная конкуренция — то состояние рынка, которое представляет собой лишь точку в реальном экономическом процессе. Конкуренция, по Ф. Хайеку, — это «динамический процесс, неотъемлемые особенности которого отбрасываются допущениями, лежащими в основании статистического анализа» [12].

Во второй половине XX в. активно развивается новое направление анализа рынка — теория организации отрасли, ее основоположниками являются Д. Бейн и Э. Мейсон. Для исследования рынка они предложили парадигму «структура — поведение — результативность», которая показывала, что структура рынка оказывает влияние на поведенческие стратегии фирм и их результативность, причем влияние может быть и обратным. Д. Бейн и Э. Мейсон выделили фундаментальные условия формирования рыночной структуры: это технологические характеристики производства (технология, объем выпуска, наличие или отсутствие продуктовой дифференциации, местоположение продавцов и покупателей и т. д.). В рамках парадигмы «структура — поведение — результат» конкуренция представляет собой процесс, в рамках которого различные хозяйствующие субъекты состязаются между собой, при этом предпринимаемые ими действия эффективно ограничивают способность каждого отдельного субъекта односторонне влиять на рыночные условия. С этой точки зрения именно совершенная конкуренция является наиболее эффективной, что продолжает смитовский подход к объяснению рынка и его фундаментальной роли. Однако в 1960—70-е гг. идеи Д. Бейна и Э. Мейсона были подвергнуты серьезной критике со стороны представителей чикагской экономической школы (Дж. Стиглер, Х. Демсец) за статичность в изучении рынков. В результате появляется концепция квазиконкурентных (соревновательных) рынков (У. Баумоль, Ж. Панзар, Р. Виллиг), которая эмпирически доказывает, что нельзя отождествлять монопольную власть и высокий уровень концентрации, поскольку в реальной практике распространены ситуации, когда монопольная власть существует при низком уровне концентрации (если рассматривать всю цепочку поставки продукции, напри-

мер, в аграрной отрасли в качестве монополии на локальном рынке может выступать торговое предприятие и устанавливать дискриминирующие цены для производителей). Так же часто возникают и обратные ситуации: на рынках с небольшим числом относительно крупных участников они действуют конкурентно, несмотря на высокий уровень рыночной власти, поскольку отраслевая специфика обеспечивает низкий уровень барьеров и высокую вероятность появления на рынке новых фирм.

Во второй половине 1980-х гг. развивается теория новой индустриальной экономики, в рамках которой конкуренция рассматривается как одна из форм взаимодействия фирм на рынке. В 1990-е годы появляется теория конкуренции на основе преимуществ ресурсов (С. Хант). Исследуя рынки по сути своей олигополистические, С. Хант обращает внимание на то, что фирмы на таких рынках на практике очень редко вступают в сговор (сотрудничают). В связи с этим С. Хант объясняет конкуренцию как эволюционный процесс, в принципе уводящий от равновесия. Важным фактором конкурентной борьбы он называет приобретение новых знаний и навыков, компетенций (использует термин «компетентность» как синонимом «конкурентоспособности»). Множество условий и факторов оказывают влияние на способность конкретной фирмы приобретать новые компетенции. Это и история существования фирмы, и отрасли, институты на всех уровнях, и инновационная политика, и др. Совершенная конкуренция в рамках этой концепции — это особый случай конкуренции, базирующийся на преимуществе ресурсов.

В конце XX в. развивается «концепция границ» (Дж. Саттон, лондонская школа экономики). Базовой предпосылкой данной теории является принципиальная невозможность установления однозначной зависимости между уровнем концентрации (конкуренции) в отрасли и величиной прибыли фирм в отрасли в сложных рыночных структурах. Второй предпосылкой является положение о том, что рынки динамичны. Поэтому единственной задачей эмпирических исследований становится определение границы допустимых рыночных исходов. При этом можно выделить лишь верхнюю и нижнюю границы, в рамках которых результаты взаимодействия фирм будут стабильными [13. С. 81].

Актуальность современных исследований организации рынков подтверждает тот факт, что в 2014 г. Нобелевскую премию по экономике за «анализ рыночной власти и регулирования» получил один из ведущих экономистов Ж. Тироль.

Он внес объяснения в целый ряд парадоксов чикагской школы, например, о том, что вертикальные ограничения неспособны нанести ущерб конкуренции. Ж. Тироль разработал модели, объясняющие закономерности назначения цены и конкуренции на рынках с двусторонними сетевыми эффектами потребления (это положительная зависимость полезности каждого потребителя от числа потребителей) и платформами, интернализирующими внешние эффекты. Такие платформы представляют возможность двум сторонам контрактных отношений повышать полезность друг друга. Регулирование Ж. Тироль рассматривает как исполнение договора между регулятором (государством) как принципалом и фирмой как агентом, при этом задача регулятора — стимулировать агента к правильным действиям [См.: 4].

Конкуренция: новые вызовы

Длительное время конкуренция выглядела тем идеалом рыночной экономики, к которому необходимо стремиться любой экономической системе. На базе методологии неоклассиков строились системы антимонопольного регулирования многих западных стран. Однако сегодня все чаще появляются работы, выступающие с жесткой критикой как самой свободной конкуренции, так и приверженности к излишней конкурентной политике. В чем же основные аргументы противников конкуренции? Первый довод сводится к тому, что конкуренция не способствует оптимальному распределению ресурсов. Миллионы компаний разоряются в результате конкурентной борьбы, при этом потраченные ресурсы часто остаются «выброшенными» впустую. Вторым серьезным недостатком — экологические угрозы, создаваемые в результате бесконечной погони за удовлетворением постоянно возрастающих потребностей человечества. На сегодняшний день на повестку дня вынесено достижение не просто развития страны, а именно устойчивого развития [11]. В то же время «общество потребления» как культурологическая парадигма создало угрозу существования всему человечеству с точки зрения устойчивости глобальной экосистемы.

Третий серьезный риск, который несет в себе конкуренция, можно назвать морально-психологическим. Фирмы в конкурентной борьбе, пытаясь удовлетворить (часто путем искусственного создания) все больше потребностей, используют все чаще не стратегии повышения качества и минимизации издержек за счет более производительных технологий, а информационные (рекламные) войны. Это порождает новые «болезни века», например шопоголизм.

С серьезной критикой свободной конкуренции выступают многие зарубежные ученые. Например, Чхан Ха Джун, ученый корейского происхождения, профессор Кембриджского университета, в ряде работ жестко критикует модель совершенной конкуренции, раскрывая политическую подоплеку ее исходных постулатов [15]. Определенный интерес вызывают и работы ученых из смежных гуманитарных наук, занимающихся проблемами конкуренции, например, с правовой стороны. В работе Эдвина Рокфеллера, американского юриста-практика в области антимонопольного права, утверждается, что антитраст — своеобразная религия, а «антимонопольное правоприменение является произвольным, политически мотивированным регулированием коммерческой деятельности, а не применением непротиворечивой совокупности норм, принятых конгрессом» [9].

Российский ученый в области институциональной экономики и теории реформ В. М. Полтерович также отмечает, что «в развитых странах роль механизмов конкуренции снижается, и в этом смысле они столь же преходящи, как и механизмы войны». В своих работах этот ученый рассматривает три типа взаимодействия (механизма координации): конкуренцию, власть и сотрудничество. В процессе эволюции преимущество получает тот механизм координации, который позволяет минимизировать совокупные общественные издержки, включая материальные, социальные и морально-психологические. В. М. Полтерович выделяет следующие источники экономических издержек конкуренции как одной из форм взаимодействия: банкротство (неоптимальное использование ресурсов, о чем уже шла речь ранее); неполный учет экстерналий; короткий плановый горизонт решений агентов (локальность во времени); образование «пузырей» на финансовых рынках как следствие локальности во времени; неустойчивость относительно рыночной власти, что находит отражение в тенденции рыночной структуры трансформироваться со временем в олигополистическую или монопольную; неадекватные трансакционные издержки (избыточная реклама, ценовые и информационные войны); избыточное неравенство и высокие социальные издержки; морально-психологические издержки.

В. М. Полтерович подчеркивает, что конкуренция как основа рыночной экономики обычно сравнивается с централизованным государственным управлением (плановая экономика), что не совсем верно, так как не рассматриваются другие механизмы координации и прежде всего сотрудничество. Особенность сотрудничества, согласно его взглядам, в том, что оно минимизирует власть, ос-

нованную на насилии, и предполагает свободу выбора партнеров и форм координации, а несовпадение целей и интересов происходит через поиск компромиссных решений. При этом в исследованиях В. М. Полтеровича отражены предпосылки снижения относительных издержек сотрудничества: усложнение технологий (новые формы сотрудничества, например социальные сети) и рост благосостояния (снижение значимости проблемы безбилетника, укрепление доверия). Однако сотрудничество может существовать в двух формах: позитивной и негативной. При негативной форме сотрудничества результат достигается за счет аутсайдеров (наиболее яркие примеры — деятельность мафиозных кланов, террористических групп, картелей). Позитивное сотрудничество связано с понятием коллаборативности (способность к сотрудничеству с множеством индивидов) и предполагает достижение общественных интересов. К институтам позитивного сотрудничества он относит моральные нормы, нормы гражданской культуры, уровень доверия и т. д. [7].

Еще одной современной теорией, пытающейся соединить конкуренцию и сотрудничество, является концепция кооперации (cooperation), разработанная А. Бранденбургером и Б. Нейлбаффом. Кооперация — это бизнес-ситуация, в которой независимые стороны кооперируют друг с другом и координируют свои действия, чтобы достичь взаимовыгодных целей, но в то же самое время конкурируют друг с другом, равно как и с другими фирмами. Особенности кооперации в межмуниципальных взаимодействиях исследует В. Л. Тамбовцев [10].

На сегодняшний день представители экономической науки разделились на два «лагеря»: приверженцы неоклассики продолжают возводить в абсолют идею о максимизации прибыли и полезности, в то время как представители новой институциональной школы расставляют акценты совсем иначе. В частности, все большую популярность набирает теория контрактов. Лишнее тому подтверждение — присуждение в 2016 г. Нобелевской премии по экономике О. Харту и Б. Хольмстрёму. Двое ученых — британец О. Харт, профессор Гарвардского университета, и финн Б. Хольмстрём, профессор Массачусетского технологического университета, — дополнили уже существующую теорию контрактов инструментами реальной оценки договоров между участниками бизнес-процессов.

Неоинституциональное направление является относительно молодым в современной экономической науке. Оно было сформировано и окрепло примерно 40—50 лет назад. А теория контрактов

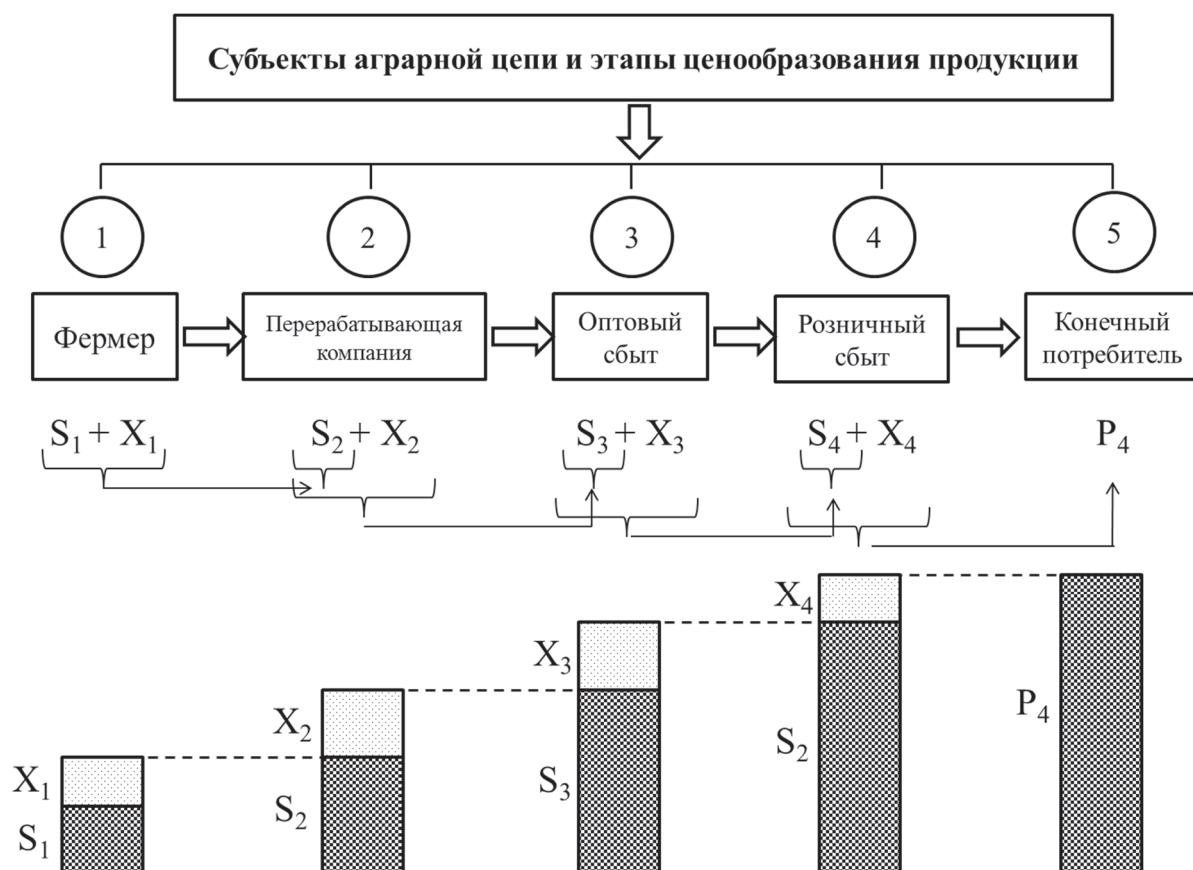
стала одной из базовых теорий новой институциональной школы. Если XX в. охарактеризовался доминированием неоклассической идеологии, то XXI в. изменил траекторию своего движения в русло неинституциональной парадигмы. Впервые теория контрактов была названа таким образом Джеймсом Бьюкененом. Он открыто заявил, что современная экономическая наука идет по неверному пути, излишне акцентируя внимание на вопросах максимизации прибыли и полезности [3].

С одной стороны, неоклассическая и неинституциональная идеологии имеют целый ряд противоречий. Это полностью прозрачная и доступная информация у неоклассиков против асимметрии таковой у неинституционалистов. Это и рационализм субъектов у неоклассиков против иррационализма у неинституционалистов. С другой стороны, такие «изъяны» рынка, как поведенческий оппортунизм и транзакционные издержки, могут быть продемонстрированы и в неоклассических моделях. В частности, авторы данной статьи, исследуя вопросы эффективности контрактных отношений в аграрной отрасли, построили модель, сугубо неоклассического толка. Контрактные взаимодействия субъектов аграрной

цепи и этапы ценообразования представлены на рисунке ниже [1].

Для первых четырех субъектов критерием благосостояния становится максимизация отпускной цены (P_1, P_2, P_3, P_4). Для конечного потребителя — максимизация приобретаемой полезности (U_5), которая будет обратно пропорциональна цене P_5 .

Опираясь на неоклассический инструментарий, авторы уточняют категорию «эффективность контрактных отношений в аграрной цепи», подразумевая под таковой способность этих отношений удовлетворять экономические интересы субъектов контрактных отношений на основе распределения цены конечного сельскохозяйственного продукта [2]. Иными словами, поиск оптимума (чему и посвящена вся неоклассическая идея) становится целью авторов. С другой стороны, исследование аграрной отрасли позволило авторам «нащупать» и провалы рынка в лице существующих транзакционных издержек и поведенческого оппортунизма субъектов аграрной цепи. Под транзакционными издержками понимаем издержки, вызывающие потери в благосостоянии субъектов контрактных отношений аграрной цепи, вызванные несовершенством институциональной среды [Там же]. А поведенческий оппортунизм приводит к тому,

Контрактные взаимодействия субъектов аграрной цепи. Этапы ценообразования

что налицо перераспределение транзакционных издержек между контрагентами. Такой феномен авторы определили как некую транзакционную ренту: полученный в результате несовершенства рыночного механизма доход, перераспределенный в пользу одного из контрагентов в процессе транзакции, в то время как есть все основания полагать, что этот доход должен принадлежать второму контрагенту при условии совершенства рынка [Там же].

Жесткая конкуренция в аграрной отрасли демонстрирует явные негативные последствия в виде существенного снижения качества и безопасности

продовольственных товаров в угоду снижения цены. В конечном итоге дорогие фермерские продукты лучшего качества, как правило, не находят своего потребителя, во-первых, в силу жесткой ценовой конкуренции и, во-вторых, в силу отсутствия прозрачности информации для потребителя. Последний не может быть уверен в том, что высокая цена фермерского продукта оправдана.

Таким образом, на сегодняшний день несостоятельность моделей неоклассического толка налицо. Тем не менее теория, находящаяся в поиске наилучшего оптимального решения, пожалуй, долгое время не потеряет своей актуальности.

Список литературы

1. Bents, D. Contradiction between the subjects of the contractual relations in the regional Agrarian Sector [Электронный ресурс] / D. Bents, E. Silova // 18th International Scientific Conference on Economic and Social Development Building Resilient Society : book of Proc. — 2016. — P. 28—38. — URL: <http://www.esd-conference.com/index.php?page=past-conferences>.
2. Benz, D. Imperfection of the Contractual Relations in the Regional Agrarian Sector [Электронный ресурс] / D. Benz, E. Silova // Mediterranean J. of Social Sci. — 2015. — Vol. 5. — P. 615—624. — URL: <http://www.mcses.org/journal/index.php/mjss/article/view/7684>.
3. Buchanan, J. M. What Should Economists Do? / J. M. Buchanan // Southern Economic J. — 1964. — Vol. 30. — P. 312—322.
4. Авдашева, С. Б. Нобелевская премия по экономике-2014: Жан Тироль / С. Б. Авдашева, А. Е. Шатитко // *Вопр. экономики*. — 2015. — № 1. — С. 5—21.
5. Волошин, А. В. Эволюция теорий конкуренции и конкурентоспособности в экономической науке / А. В. Волошин, Ю. Л. Александров // *Фундамент. исслед.* — 2017. — № 4. — С. 330—338.
6. Маршалл, А. Принципы экономической науки. Т. 1 / А. Маршалл. — М. : Прогресс, 1993. — 416 с.
7. Полтерович, В. М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции / В. М. Полтерович // *Вопр. экономики*. — 2016. — № 11. — С. 5—23.
8. Робинсон, Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции / Дж. Робинсон. — М. : Прогресс, 1986. — 362 с.
9. Рокфеллер, Э. Антимонопольная религия / Э. Рокфеллер. — Челябинск : Социум, 2012. — 207 с.
10. Тамбовцев, В. Л. Межмуниципальные взаимодействия с позиций экономического анализа / В. Л. Тамбовцев // *Terra Economicus*. — 2007. — № 3, т. 15. — С. 19—31.
11. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [Электронный ресурс] // *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=233558#05173891068302865> (дата обращения 25.02.2018).
12. Хайек, Ф. Смысл конкуренции / Ф. Хайек // *Соврем. конкуренция*. — 2009. — № 3 (15). — С. 18—27.
13. Хамитова, Э. В. Эволюция теории конкуренции и состояние конкурентной среды в России (на примере строительной отрасли) / Э. В. Хамитова // *Sci-article.ru*. — 2015. — № 2.
14. Чемберлин, Э. Теория монополистической конкуренции / Э. Чемберлин. — М. : Центр, 1997. — 302 с.
15. Чхан, Х. Дж. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм / Х. Дж. Чхан. — М. : АСТ, 2014. — 314 с.
16. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. А. Шумпетер. — М. : Прогресс, 1982. — 455 с.

Сведения об авторах

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 157—164.*

COMPETITION THEORY: PRO ET CONTRA

D.S. Bents

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

Ye.S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

In article the short history of competition theory and also the modern directions of researches in the field are considered. Constant discussions show relevance of the problem. Adherents of the theory of the perfect competition focus attention on efficiency of such market. Critics show her insolventy. They point to her negative consequences along with the standard idea of efficiency of the competition. The article purpose is to show contradictions between modern reality and the developed approaches to the competition. Showing a number of examples, authors focus attention of the reader on negative sides of the competition. In particular, the research conducted by authors in 2015—2016 with assistance of Council for the president's grants has allowed "to grope" negative consequences of competition in agrarian business.

Keywords: *competition, imperfect competition, monopoly, neoclassical theory, institutional theory.*

References

1. Bents D., Silova E. Contradiction between the subjects of the contractual relations in the regional Agrarian Sector. *18th International Scientific Conference on Economic and Social Development — "Building Resilient Society". Book of Proceedings*, 2016. Pp. 28—38. Available at: <http://www.esd-conference.com/index.php?page=past-conferences>.
2. Benz D., Silova E. Imperfection of the Contractual Relations in the Regional Agrarian Sector. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, no. 5, pp. 615—624. Available at: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/7684>.
3. Buchanan J.M. What Should Economists Do? *Southern Economic Journal*, 1964, vol. 30, pp. 312—322.
4. Avdasheva S.B., Shastitko A.E. Nobelevskaya premiya po ekonomike-2014: Zhan Tirol' [Nobel Prize on economy-2014: Jean Tirole]. *Voprosy ekonomiki* [Economy Questions], 2015, no. 1, pp. 5—21. (In Russ.).
5. Voloshin A.V., Aleksandrov Yu.L. Evolyutsiya teoriy konkurentsii i konkurentosposobnosti v ekonomicheskoy nauke [Evolution of theories of the competition and competitiveness in economic science]. *Fundamental'nye issledovaniya* [The Basic Research], 2017, no. 4, pp. 330—338. (In Russ.).
6. Marshall A. *Printsipy ekonomicheskoy nauki. T. 1* [Principles of Economics. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1993. 416 p. (In Russ.).
7. Polterovich V.M. Pozitivnoye sotrudnichestvo: faktory i mekhanizmy evolyutsii [Positive cooperation: factors and mechanisms of evolution]. *Voprosy ekonomiki* [Economy questions], 2016, no. 11, pp. 2—23. (In Russ.).
8. Robinson Dzh. *Ekonomicheskaya teoriya nesovershennoy konkurentsii* [Economic theory of the imperfect competition]. Moscow, Progress Publ., 1986. 362 p. (In Russ.).
9. Rokfeller E. *Antimonopol'naya religiya* [Antimonopoly religion], Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2012. 207 p. (In Russ.).
10. Tambovtsev V.L. Mezhmunitsipal'nye vzaimodeystviya s pozitsiy ekonomicheskogo analiza [Intermunicipal interactions from positions of the economic analysis]. *Terra Economicus* [Terra Economicus], 2007, no. 3, pp. 19—31. (In Russ.).
11. The decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 № 440 "On the Concept of transition of Russian Federation to sustainable development". *Spravochnaya pravovaya sistema "ConsultantPlus"* [Reference legal system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=233558#05173891068302865>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
12. Hayek F. Smysl konkurentsii [Sense of the competition]. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern competition], 2009, no. 3 (15), pp. 18—27. (In Russ.).

13. Hamitova E.V. Evolyutsiya teorii konkurentsii i sostoyaniye konkurentnoy sredy v Rossii (na primere stroitel'noy otrasli) [Evolution of the theory of the competition and condition of the competitive environment in Russia (on the example of construction branch)]. *Sci-article.ru*, 2015, no. 21. (In Russ.).
14. Chamberlain E. *Teoriya monopolisticheskoy konkurentsii* [Theory of the monopolistic competition]. Moscow, Centr Publ., 1997. 302 p. (In Russ.).
15. Chkhan Kh.Dzh. *23 tayny: to, chto vam ne rasskazhut pro kapitalizm* [23 Things They Don't Tell You about Capitalism]. Moscow, AST Publ., 2014. 314 p. (In Russ.).
16. Schumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Issledovaniye predprinimatel'skoy pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury* [The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russ.).

УДК 336.711
ББК 65.262.10-03

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1933—1937)

С. А. Лазарев¹, О. Г. Лазарева²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия

² Отделение по Челябинской области Уральского главного управления
Центрального банка Российской Федерации, Челябинск, Россия

С привлечением архивных источников рассматривается деятельность региональной конторы Государственного банка в первые годы после образования Челябинской области (1934—1938), когда остро встал вопрос о мобилизации средств на нужды промышленного производства и сельского хозяйства. Эту важную задачу пришлось решать молодым банковским сотрудникам, не имевшим достаточного опыта и знаний. Положение усугублялось сложной внутренней обстановкой, обусловленной политикой массовых репрессий и политических преследований. Впервые приводятся данные о вовлеченности в этот процесс банковских служащих, проанализирован партийный, национальный и социальный состав репрессированных сотрудников банков Челябинской области.

Ключевые слова: Государственный банк, Челябинская область, вторая пятилетка.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР значительно превышал задания первой пятилетки. Один только объем капитальных работ по всему народному хозяйству должен был в 2,6 раза превысить соответствующие показатели первого пятилетия [2. С. 12]. При этом должна была измениться структура промышленного производства. Легкая и пищевая промышленность (отрасли группы «Б») по среднегодовому приросту производства (18,5 %) должна была опережать тяжелую индустрию (группа «А», 14,5 %) [18. Ф. 7733, оп. 36, д. 2284, л. 663]. В этой связи потребовались разработка и внедрение новых форм планового кредитования хозяйства, проведения банковских расчетов, а также внедрение методов контроля за расходованием предприятиями средств на выплату заработной платы и сбором торговой выручки.

Эти задачи должен был решать прежде всего Государственный банк СССР, включая его территориальные подразделения. Необходимость обеспечения ускорения расчетов, улучшения учета, совершенствования организации документооборота, усиления внутрибанковского контроля привели к существенному росту нагрузки на банковских работников. При этом ситуация осложнялась тем обстоятельством, что в ходе перестройки кредитной системы на рубеже 1920-х и 1930-х гг. состав банковских работников кардинально изменился. На место опытных профессионалов, имевших еще до-революционный стаж работы, пришла молодежь из

рабочих и крестьян, в лучшем случае окончившая краткосрочные банковские курсы [3. С. 193]. Кроме того, именно на этот период пришелся пик репрессивной политики советского правительства, получивший в литературе название «большого террора».

Среди историков нет единого мнения о причинах массовых репрессий и политических преследований в СССР в 1930-х гг. Одни обращают внимание на сталинский тезис об «усилении классовой борьбы по мере завершения строительства социализма», другие видят в «большом терроре» инструмент подавления сопротивления центру со стороны региональных и местных элит, третьи ограничиваются замечанием о стремлении И. В. Сталина к единовластию. Вообще роль И. В. Сталина в организации репрессий и степень вовлеченности в этот процесс масс населения по-разному освещается в литературе, но, поскольку эти вопросы выходят за рамки нашей работы, мы ограничимся отсылкой всех интересующихся данной темой к историографическому обзору А. Г. Теплякова [12. С. 1146; см. также 14]. Деятельность Челябинской областной конторы Государственного банка начинается в 1934 г., когда Челябинская область выделяется из состава Уральской области, а Челябинское отделение Государственного банка, соответственно, приобретает статус областной конторы [17. Ф. 1356, оп. 2, д. 5, л. 22]¹.

¹ Постановление Правления Государственного банка СССР от 28 февраля 1934 г.

Ее первым управляющим был назначен Яков Ильич Острфельд, неординарный человек с причудливыми поворотами судьбы. Старый коммунист, он еще до революции занимался организацией боевых дружин, грабивших банки, за что был сослан в Туруханский край [15. С. 193]. Теперь он сам стал банковским служащим и 13 марта 1934 г. «вступил в исполнение обязанностей Управляющего» [17. Ф. 1356, оп. 2, д. 5, л. 22]. При этом Челябинское отделение Госбанка преобразовывалось в Городской сектор Челябинской областной конторы Государственного банка, к которому переходил весь штат Челябинского отделения, кроме секретариата и обслуживающего персонала (был передан в Административно-хозяйственный отдел конторы) и спецсектора (преобразовывался в Спецсектор конторы).

В структуре аппарата областной конторы, кроме того, были созданы следующие подразделения: кредитно-плановое управление, бухгалтерия, кредитно-расчетный сектор и секретно-шифровальная часть [Там же. Л. 29]¹. Одновременно в ее ведение из Уральской краевой конторы были переданы 62 филиала [Там же. Л. 3].

В приказе от 13 марта 1934 г. № 1 управляющий отмечал: «Обращаю внимание всех работников аппарата вновь организованной Челябинской Конторы Госбанка на чрезвычайно серьезные задачи, поставленные Партией и Правительством по организации нашей конторы. Нам необходимо быстро перестроиться и на ходу принять на себя непосредственное руководство 63 филиалами² Челябинской области не только без всякого ущерба для дела, но и с непременным улучшением этого руководства» [Там же. Л. 22].

Практически одновременно создаются областные конторы Сельхозбанка, Промбанка, Всекобанка и Комбанка, а также Центральная сберегательная касса.

Организационные мероприятия по созданию Челябинской области совпали с принятием второго пятилетнего плана на XVII съезде ВКП(б), который предусматривал в качестве основной политической задачи «преодоление пережит-

ков капитализма в сознании людей» [5. С. 305]. В области хозяйственного строительства главная задача заключалась в «завершении технической реконструкции промышленности, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей... в создании технической базы для всех отраслей экономики, в завершении коллективизации сельского хозяйства и повышении его товарности» [Там же].

Челябинская областная контора Государственного банка, используя доступные ей методы, активно участвовала в мобилизации средств на нужды промышленного производства и сельского хозяйства. В это время Челябинская область остается арендой грандиозного строительства, прежде всего предприятий тяжелой промышленности. Продолжается возведение Уфалейского завода — первенца отечественной никелевой промышленности, сооружение абразивного, цинкового и других предприятий, идет активная реконструкция старых заводов. С ростом крупных строек совершенствуется железнодорожный транспорт области: в апреле 1934 г. образуется самостоятельная Южно-Уральская железная дорога. В связи с этим вполне естественно, что наиболее существенная кредитная поддержка оказывалась областной конторой Государственного банка промышленным предприятиям: в 1934 г. доля данной категории заемщиков в совокупных кредитных вложениях составляла 32,7 %, или 63,6 млн р. [Там же]. При этом Комитету по заготовкам СНК было предоставлено кредитов на 52,7 млн р., или 27,2 %, предприятиям торговли — 48,8 млн р., или 25,1 %, сельскому хозяйству — 25,4 млн р., или 13,1 % [17. Ф. 1365, оп. 2, д. 2, л. 101].

Выстраивание региональных денежных потоков, обеспечивающих возрастающие потребности народного хозяйства, требовало высокой эффективности работы специалистов Государственного банка. Вместе с тем состояние материальной базы областной конторы было далеко не простым. В январе 1934 г. для ее размещения Оргкомитетом Челябинского облисполкома было предоставлено двухэтажное здание на перекрестке ул. Елькина и пр. Ленина³. При этом переезд сотрудников состоялся всего за один день (24 марта 1934 г.), а осенью начался капитальный ремонт, включавший надстройку двух этажей. В результате работать приходилось в неотапливаемых помещениях, часто в кабинетах, в которых вместо потолка были только балки перекрытий, а для того, чтобы вести записи, нужно было отогреть чернильницу либо дыханием, либо теплом собственного тела.

¹ Приказом от 5 декабря 1934 г. структура Областной конторы была несколько изменена: в ее составе создавались Кредитное управление, Управление учета и контроля, Городское управление, хозяйственный отдел, Стройконтора. Кроме того, при управляющем были организованы следующие группы: распределения кадров, подготовки кадров, эмиссионных, товарных санкций, секретариат (ОГАЧО. Ф. 1356, оп. 2, д. 5, л. 185).

² Скорее всего, в качестве 63-го филиала рассматривается Городской сектор Челябинской областной конторы Государственного банка.

³ В нем до сих пор находится Отделение по Челябинской области Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации.

Серьезные проблемы были и с жильем. Прибывшим в Челябинск работникам приходилось селиться в Центральной гостинице и гостинице ЧТЗ¹, которые в то время были, по существу, общегородскими общежитиями, где жили работники самых разных предприятий и учреждений города.

Из средств механизации в 1934 г. контора располагала только одной счетной машиной. Все операции осуществлялись вручную. Для отражения кредитно-расчетных операций, обслуживания клиентов были созданы бригады, состоящие из одного контролера, одного операциониста и двух «лицевиков». Нагрузка на одного «лицевика» составляла 163 записи в день, а отличники-«лицевики» проводили по 600—800 операций [17. Ф. 1365, оп. 2, д. 2, л. 16]. Частично недостаток необходимого имущества и инвентаря был компенсирован с помощью Свердловской областной конторы, из которой привезли пишущие машинки, столы, шкафы и другое имущество.

В области наблюдался настоящий «кадровый голод». Штат конторы был укомплектован не полностью, причем проблема заключалась не только в нехватке рядового состава: далеко не во всех отделениях имелись главные бухгалтеры, в некоторых отсутствовали даже руководители. Так, Управляющий конторой констатировал: «Организация областной конторы Госбанка одновременно с другими областными организациями вызывает в Челябинске целый ряд больших трудностей, в том числе и трудности по подбору квалифицированных кадров и даже обслуживающего персонала» [Там же. Д. 5].

С целью доукомплектования штата в Челябинск были переведены сотрудники Свердловской конторы, а также молодые специалисты, только что окончившие финансовые техникумы (Томский, Пермский, Московский, Ленинградский). Всего в 1934 г. был принят 31 человек. Молодежь в возрасте от 18 до 22 лет составляла 60—70 % счетно-бухгалтерского аппарата, чуть больше половины работников имели стаж более двух лет. Из 1213 человек, работавших в 53 подведомственных отделениях, лишь 13 имели высшее образование (4 управляющих и 9 кредитников), среднее специальное образование было у 23 человек (13 кредитников, 9 бухгалтеров и один инспектор по расчетам)².

¹ Из жилого фонда в то время контора имела всего лишь три небольших домика в разных концах города, по две квартиры в каждом.

² Данные на 1935 г. По материалам воспоминаний работника Челябинской областной конторы Государственного банка СССР М. С. Колмогорова, хранящихся в МЭФ Челябинского отделения Уральского ГУ Банка России [рукопись].

Недостаточный опыт молодых специалистов сказывался на уровне организации работы. Акты проверок свидетельствуют, что в это время в конторе имелись многочисленные нарушения, в частности не соблюдался один из основных принципов бухгалтерского учета, заключающийся в соответствии аналитического учета синтетическому, происходили постоянные задержки пересылки оплаченных счетов, документы обрабатывались с нарушением сроков, ряд торговых организаций был «перекредитованным» ввиду допущенных отступлений от порядка кредитования. За имевшиеся недостатки в работе, заключавшиеся в «перерасходе по капитальному строительству, а также за ряд нарушений в постановке учета, оперативной техники и некоторые нарушения в практике кредитования госторговли и сельского хозяйства» [18. Ф. 2324, оп. 21, ед. хр. 18871, л. 76] в 1935 г. Правлением Государственного банка СССР управляющему конторой был объявлен выговор. Однако затем, «учитывая исключительно тяжелые условия, сопровождавшие организацию Челябинской конторы», выговор был заменен постановкой на вид.

С 15 января 1935 г. Яков Ильич Острфельд был освобожден от работы управляющего Челябинской областной конторой Государственного банка в связи с его переводом в Уфу³. Управляющим был назначен его заместитель Виктор Григорьевич Барвинский.

В результате структурных преобразований, прежде всего в связи с переходом под управление Омской областной конторы 11 филиалов, расположенных на территории вновь организованной Омской области, на 1 января 1935 г. в ведомстве конторы осталось 49 отделений, одна расчетная касса и Городской сектор. 5 мая 1935 г. Городское управление было выделено в самостоятельную сметную единицу со штатом 166 единиц. Первым управляющим Городского управления стал А. К. Катаркевич [17. Ф. 1356, оп. 2, д. 7, л. 105].

Этот период характеризуется активным развитием конторы практически на всех направлениях деятельности: общая сумма средств, вложенных в кредитование народного хозяйства области, без просроченных ссуд за 1935 г. выросла более чем в 2 раза (с 194,3 млн р. до 398,6 млн р.), в том числе объемы кредитования промышленности — в 1,5, торговли — в 1,6 раза. Некоторое снижение наблюдалось только в сфере кредитования сельского хозяйства: сумма вложений в данную отрасль

³ Судьба Я. И. Острфельда сложится трагически. В июле 1937 г. он будет осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян (АП РФ. Оп. 24, д. 410, л. 77).

уменьшилась с 25,4 млн р. до 17,5 млн р., что было связано со списанием необеспеченной пролонгированной задолженности, образовавшейся в 1932 и 1933 гг. [17. Ф. 1356, оп. 2, д. 2, л. 101]¹.

Рост объемов кредитования сопровождался углублением экономической работы по изучению хозяйства, совершенствованием планирования и регулирования денежного обращения и кредита. В своем докладе В. Г. Барвинский отмечал: «Правильное осуществление кредитной политики возможно лишь при глубоком знании хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций. Поэтому вменяется в обязанность экономистов ежемесячный анализ хозяйственно-финансовой деятельности крупных предприятий, что даст возможность вскрывать прорывы в хозяйстве и с учетом этого выдавать кредиты»². Контора ставила перед собой задачу обязательного ежемесячного получения балансов по крупным предприятиям, в связи с чем под особое наблюдение была взята работа Магнитогорского, Златоустовского, Миасского и Кочкарского отделений банка.

Для поднятия заинтересованности в обслуживании колхозов³ контора объявила конкурс среди всех своих филиалов. В ходе его проведения в четырех филиалах были выделены отдельные помещения для оперативного обслуживания колхозников, в 20 — организованы специальные уголки колхозников: поставлены столы со всеми необходимыми принадлежностями и пособиями для совершения операций, вывешены плакаты и лозунги. Операции колхозов стали проводиться вне очереди. В результате к 5 июня 1935 г. договорами на расчетно-кассовое обслуживание было охвачено 100 % колхозов [Там же. Л. 34].

Большое внимание в 1935 г. было уделено упорядочиванию бухгалтерского учета и отчетности. Архивные данные за этот период свидетельствуют о резком переломе в отношении укрепления отчетной дисциплины филиалов, что позволило им в срок представить конторе почти бездефектные годовые отчетные ведомости. Произведенные документальные ревизии также не выявили значительных нарушений, имевшееся ранее расхождение между аналитическим и синтетическим учетом было устранено [Там же. Л. 46, 47].

¹ Данные приведены по остаткам на 1.01.1936.

² Братишкин М. И. Доклад к 50-летию Челябинской конторы Государственного банка СССР. Хранится в МЭФ Челябинского отделения Центрального банка [рукопись].

³ К филиалам конторы были прикреплены 90 подшефных колхозов, которым систематически оказывалась помощь в налаживании бухгалтерского учета.

За успехи, достигнутые конторой Госбанка в деле улучшения ее работы на большинстве участков, 15 октября 1935 г. управляющий премируется двухмесячным окладом, а в декабре 1935 г. получает благодарность Госбанка за хорошую организацию техучебы и успешное окончание сдачи техминимума руководящими работниками конторы [18. Ф. 2324, оп. 21, ед. хр. 969].

В 1936 г. объем кредитных вложений конторы в хозяйство области вырос на 28,2 % — до 511 млн р. [Там же. Д. 45, л. 14]. Однако качество вложений ухудшилось: в течение года 21,4 % кредитов было вынесено на счета по учету просроченных ссуд, в том числе по сельскому хозяйству — 63 %, торгующим предприятиям — 25 %, промышленности — 3,6 %. Столь существенный рост просроченной задолженности был следствием объективных причин, в частности недородов зерновых культур в 1936 г. Однако в качестве основной причины недостатков в работе и многочисленных авралов в документах той эпохи отмечается подрывная деятельность шпионов и вредителей при отсутствии «самокритики и критики, наличия зазнайства на работе».

Поиск внешних врагов и оправдание своих неудач вражескими происками постепенно становится доминирующим мотивом внутренней политики государственных и партийных органов. По мнению О. Ю. Винниченко, массовые репрессии против номенклатуры на Урале начались еще раньше: в 1933—1936 гг. среди работников низового звена, а уже, собственно, в 1937 г. — против средних и высших эшелонов власти. Толчком к этому послужило увольнение с последующим судебным разбирательством в конце 1936 г. председателя Свердловского облисполкома В. Г. Головина и весной 1937 г. председателя Челябинского облисполкома М. А. Советникова [1. С. 17]. 8—13 июня 1937 г. из 76 членов и кандидатов в члены Пленума Челябинского обкома ВКП(б) было арестовано 56 человек, почти весь руководящий состав области.

Конечно, было бы большим упрощением причины репрессий сводить только к поиску «стрелочников», тем более что экономическая ситуация в стране в целом улучшалась. Планы, поставленные перед второй пятилеткой, выполнялись и привели к бурному росту промышленного производства. По объему промышленной продукции к концу 1930-х гг. СССР обогнал Великобританию, Германию, Францию, заняв второе место в мире после США. А по темпам индустриального роста и вовсе вышел на первое место. Коллективизация, несмотря на все свои издержки, привела к постепенному оживлению сельского хозяйства,

что позволило в 1934—1936 гг. провести поэтапную отмену карточной системы. Снижались цены на продовольственные и промышленные товары. Но перед советским правительством остро встал вопрос достижения максимальной эффективности труда на вновь построенных предприятиях.

При существующей тогда системе партийно-административного хозяйствования добиваться существенного повышения производительности труда одними методами материального стимулирования было явно недостаточно. Поэтому стали широко использоваться нематериальные методы с упором на административно-карательные меры по поддержанию дисциплины и качества труда; в частности, была введена уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной продукции и даже за опоздание на работу. Любые ошибки, промахи и недостатки в работе мгновенно могли быть приравнены к вредительству и контрреволюционной деятельности. Репрессии в сталинской системе, по мнению В. Потехина, становились инструментом стимуляции высокопроизводительного труда на благо общества [10].

Кроме того, разворачивающиеся по всей стране репрессии позволяли И. В. Сталину решить и ряд других проблем: уничтожить оппозицию, укрепить режим единоличной власти, обеспечить наиболее сложные участки хозяйства страны практически бесплатной рабочей силой. Массированная идеологическая обработка привела к массовому психозу в стране. Практически по всем предприятиям и учреждениям прокатилась волна митингов и собраний с осуждением контрреволюционных элементов («троцкистов», «бухаринцев» и т. п.).

Так, в своем докладе по итогам 1936 г. управляющий Челябинской конторой В. Г. Барвинский отмечает: «Требуется до конца выкорчевать троцкистскую агентуру фашизма, их сообщников правых реставраторов капитализма и быстрее ликвидировать последствия вредительства. Поэтому от нас требуется немедленная перестройка работы таким образом, чтобы сделать впредь невозможным безнаказанное проникновение шпионов в наши организации, наши предприятия. Старый лозунг об овладении техникой необходимо пополнить новым — овладение большевизмом и политического воспитания кадров и ликвидации нашей политической беспечности» [17. Ф. 1356, оп. 2, д. 45, л. 2]. В ходе совещания с отличниками филиалов Челябинской конторы Госбанка вновь подчеркивается: «Мы забываем, что каждая банковская операция имеет политическое и народно-хозяйственное значение. Каждая цифра, которую проводит операционист-контролер имеет политическое значение. Мы, оторвавшись от по-

литики, увлекшись отдельными хозяйственными успехами, стали беспечны. Мы не сумели рассмотреть врагов» [Там же. Оп. 1, д. 46, л. 39].

На областном совещании управляющих отделений Госбанка в апреле 1937 г. выдвигаются лозунги о пересмотре всей нормативной базы с точки зрения ее политической лояльности, тем более что «враги народа» были выявлены и среди Правления Государственного банка.

В 1937 г. волны «большого террора» докатились и до Челябинской областной конторы. Сначала 2 декабря был арестован помощник главного бухгалтера городского отделения Госбанка А. Д. Калетин, который уже через шесть дней был осужден «тройкой» УНКВД Челябинской области и приговорен к расстрелу. А 15 декабря был арестован и управляющий областной конторы Виктор Григорьевич Барвинский, снятый с должности всего за месяц до этого. В июле 1938 г. он был осужден по трем статьям УК РСФСР: 58-7 (подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий), 58-8 (совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти) и 58-11 (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений). По приговору Военной коллегии от 19 июля 1938 г. В. Г. Барвинский был расстрелян.

Всего в Челябинской области, судя по Книге памяти жертв политических репрессий, было репрессировано 38 банковских служащих. Семь из них были работниками Челябинской областной конторы. Помимо В. Г. Барвинского и А. Д. Калетина, были арестованы и приговорены к разным мерам наказания экономист Р. Г. Гинзбург (10 лет), электромонтер И. С. Горностаев (8 лет), стенографистка А. И. Иванова (3 года), бухгалтер М. М. Козицина (3 года), старший бухгалтер М. П. Петрученик (расстрел). Позднее, уже в 1950-х гг., все они были реабилитированы.

Если проанализировать должности всех репрессированных банковских служащих, то бросается в глаза явное преобладание бухгалтеров (36 %), хотя «суровая рука правосудия» не миновала также инспекторов (12 %), экономистов (12 %) и вспомогательный персонал: конюхов, сторожей, охранников, разнорабочих. Очевидно, что органы НКВД не пытались представить эти аресты как некий «заговор банкиров», а забирали всех подряд, скорее всего, выполняя данную

им разнарядку. Не было в задержаниях и национального подтекста, среди арестованных есть и украинцы, и нагайбаки, и евреи, татарин, башкир, поляк, литовец, хотя большинство (68 %) составляли русские, что, впрочем, вполне объяснимо. Интересно, что среди репрессированных, лишь четверо были членами партии ВКП(б), из которых трое принадлежали к руководству (В. Г. Барвинский, управляющий Челябинской областной конторы, А. Т. Лопаев, управляющий Магнитогорского Промбанка, Г. В. Мишин, директор сектора Челябинского Промбанка), а один (П. С. Максимов) — служил инспектором Нагайбакского отделения Госбанка. Трое арестованных (бухгалтеры А. С. Перов, К. И. Федотов и кассир И. Е. Степанов) признали свою принадлежность к эсерам, хотя официально эта партия была распущена еще в 1923 г. Что касается социального происхождения, то 63 % арестованных банковских служащих были из крестьян, причем следователь, заполнявший личное дело, как правило, уточнял: из кулаков; 16 % были из служащих, 13 % — из рабочих и по одному из купцов, священнослужителей и дворян. При этом высшее образование имелось только у троих работников: экономист Челябинской областной конторы Р. Г. Гинзбург, начальник отдела по финансированию Челябинского Промбанка М. А. Ицкович и заведующий плановым отделом Челябинского коммунального банка В. И. Нагьин. Подавляющее большинство задержанных имели среднее или начальное образование, а то и вовсе были неграмотны, как, например, М. И. Боккерт, служивший старшим инспектором (!) Полтавского отделения Сельхозбанка [7].

После отставки В. Г. Барвинского обязанности управляющего конторой временно исполнял начальник Городского управления Госбанка А. К. Катаркевич, а с 13 декабря 1937 г. управляющим конторой становится Алексей Сидорович Кубышев.

За 1938 г. объем кредитных вложений Челябинской конторы Госбанка вырос до 583,1 млн р. [17. Ф. 1356, оп. 2, д. 8, л. 2], что в основном было связано с увеличением кредитов в легкую и пищевую промышленность, торговлю и заготовки. В это время проводилась большая работа по совершенствованию расчетов и укреплению платежной дисциплины в хозяйстве. Приказом по Государственному банку от 15 августа 1938 г. всем управляющим областными и городскими конторами было предписано: «...обеспечить окончательное изучение специализированных форм расчетов... и представить... исчерпывающую информацию о проведенной работе». Во исполнение данного приказа в Областной конторе и Горуправлении был проведен 10-часовой семинар [Там же. Д. 21, л. 543].

Таким образом, оценивая первые четыре года деятельности Челябинской областной конторы Государственного банка, можно отметить, что она стала надежным звеном системы, активно способствуя развитию денежно-кредитной политики региона. Трудно сказать, как на качестве работы сказалась атмосфера «большого террора». Во всяком случае в сохранившихся воспоминаниях работников того времени эта тема никогда не поднималась. Возможно, это объясняется тем, что число репрессированных сотрудников было относительно невелико. Согласно документам Объединенного государственного архива Челябинской области, всего в Челябинской области был репрессирован 37 041 чел., из них к расстрелу приговорены 11 592 [6]. На этом фоне 38 репрессированных банковских служащих составляют всего 0,1 %, что, однако, ни в коем случае не оправдывает политики правительственных органов и заставляет еще раз воздать должное тем людям, которые в этих сложных условиях делали все возможное для успешного утверждения банковского сектора страны.

Список литературы

1. Винниченко, О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) / О. Ю. Винниченко // История репрессий на Урале в годы Советской власти : тез. докл. науч. конф., 25—26 окт. 1994 г. — Екатеринбург : УрГУ, 1994. — С. 16—18.
2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). Т. 1. — М. : Госпланиздат, 1934. — 739 с.
3. История Банка России. 1860—2010 : в 2 т. Т. 2. — М. : Рос. полит. энцикл., 2010. — 679 с.
4. История индустриализации СССР 1933—1937 гг. Документы и материалы. — М. : Наука, 1971. — 311 с.
5. История Государственного банка СССР в документах. — М. : Финансы, 1971. — 790 с.
6. Книги памяти [Электронный ресурс] // Объединенный государственный архив Челябинской области. — URL: <https://arhiv74.ru/news/knigi-pamyati> (дата обращения 18.09.2017).

7. Книга памяти жертв политических репрессий. Челябинская область [Электронный ресурс] // Объединенный государственный архив Челябинской области. — URL: <http://archive74.ru/sites/default/files/knpramrep/index.html> (дата обращения 15.09.2017).
8. Книга памяти. Раскулаченные (база данных по документам государственного и муниципальных архивов) [Электронный ресурс] // Объединенный государственный архив Челябинской области. — URL: <http://bd-chelarhiv.eps74.ru/rask/index.html> (дата обращения 10.10.2017).
9. Книга памяти трудармейцев треста «Челябметаллургстрой» [Электронный ресурс] // Объединенный государственный архив Челябинской области. — URL: <http://archive74.ru/sites/default/files/knpramstr/index.html> (дата обращения 10.10.2017).
10. Потехин, В. Первая — сталинская индустриализация: вторая пятилетка 1933—1937 гг. [Электронный ресурс] / В. Потехин. — URL: <http://втораяиндустриализация.рф/vtoraya-pyatiletka/> (дата обращения: 30.08.2017).
11. Справочник административно-территориального деления Челябинской области // Законодательное собрание Челябинской области. — Челябинск : Челяб. Дом печати, 1997. — 224 с.
12. Тепляков, А. Г. Эпоха репрессий: субъекты и объекты / А. Г. Тепляков // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюгова. — М. : АИРО-XXI, 2013. — С. 1135—1169.
13. Хлевнюк, О. В. «Большой террор» 1937—38 гг. как проблема научной историографии / О. В. Хлевнюк // Историческая наука и образование на рубеже веков. — М., 2004. — С. 433—451.
14. Хлевнюк, О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы / О. В. Хлевнюк. — М. : Рос. полит. энцикл., 1996. — 304 с.
15. Чураева, С. Золотое колесо / С. Чураева. — Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2010. — 320 с.
16. Архив Президента Российской Федерации.
17. Областной государственный архив Челябинской области.
18. Российский государственный архив экономики.

Сведения об авторах

Лазарев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. lazarev-1956@mail.ru

Лазарева Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, начальник сводно-экономического отдела Отделения по Челябинской области Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации, Челябинск, Россия. lazarev-1956@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 165—172.*

THE ACTIVITIES OF THE CHELYABINSK REGION OFFICE OF THE STATE BANK IN THE YEARS OF THE SECOND FIVE-YEAR PLAN (1933—1938)

S.A. Lazarev

Associate Professor of the Department of World History,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. lazarev-1956@mail.ru

O.G. Lazareva

Central Bank of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia. lazarev-1956@mail.ru

This article analyses (using data from archival documents) the activities of the regional office of the State Bank in the first years after the formation of the Chelyabinsk region (1934-1938), when the issue of mobilizing funds for the needs of industrial production and agriculture was sharply raised. This important task had to be solved by young bank employees who did not have sufficient experience and knowledge. The situation was aggravated by a complex internal situation, conditioned by the policy of mass repressions and political persecution. Data on the involvement of banking employees in this process are presented, and the party, national and social composition of repressed employees of the Chelyabinsk region banks is analyzed for the first time in this article.

Keywords: State bank, Chelyabinsk region, the Second Five-Year Plan.

References

1. Vinnichenko O.Yu. Nomenklatura i repressii 30-kh gg. (na materiale mestnykh Sovetov Urala) [Nomenclature and repression of the 1930s (on the basis of local councils of the Urals)]. *Istoriya repressiy na Urale v gody Sovetskoy vlasti* [History of repression in the Urals in the years of Soviet power]. Yekaterinburg, 1994. Pp. 16—18. (In Russ.).
2. *Vtoroy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR (1933—1937 gg.). T. 1* [The Second Five-Year Plan for the development of the national economy of the USSR (1933—1937). Vol. 1]. Moscow, 1934. 739 p. (In Russ.).
3. *Istoriya Banka Rossii. 1860—2010: v 2 t. T. 2* [History of the Bank of Russia. 1860—2010 in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Russian Political Encyclopaedia Publ., 2010. 679 p. (In Russ.).
4. *Istoriya industrializatsii SSSR 1933—1937 gg. Dokumenty i materialy* [The history of industrialization of the USSR in 1933—1937. Documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 311 p. (In Russ.).
5. *Istoriya Gosudarstvennogo banka SSSR v dokumentakh* [History of the State Bank of the USSR in documents]. Moscow, 1971. 790 p. (In Russ.).
6. Knigi pamyati [Books of Memory]. *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk region]. Available at: <https://arhiv74.ru/news/knigi-pamyati>, accessed 15.09.2017. (In Russ.).
7. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy. Chelyabinskaya oblast' [Book of memory of victims of political repression. Chelyabinsk region]. *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk region]. Available at: <http://archive74.ru/sites/default/files/knpamrep/index.html>, accessed 15.09.2017. (In Russ.).
8. Kniga pamyati. Raskulachennye (baza dannykh po dokumentam gosudarstvennogo i munitsipal'nykh arkhivov) [The book of memory. Dekulakized (database on documents of state and municipal archives)]. *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk region]. Available at: <http://bd-chelarhiv.eps74.ru/rask/index.html>, accessed 10.10.2017. (In Russ.).
9. Kniga pamyati trudarmeytsev tresta "Chelyabmetallurgstroy" [The book of the memory of Labour Army members of the "Chelyabmetallurgstroy" trust]. *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk region]. Available at: <http://archive74.ru/sites/default/files/knpamstr/index.html>, accessed 10.10.2017. (In Russ.).
10. Potekhin V. *Pervaya — stalinskaya industrializatsiya: vtoraya pyatiletka 1933—1937 gg.* [The first is Stalin's industrialization: the second five-year plan of 1933—1937]. Available at: <http://vtorajaindustrializacija.rf/vtoraya-pyatiletka/>, accessed 30.08.2017. (In Russ.).
11. *Spravochnik administrativno-territorial'nogo deleniya Chelyabinskoy oblasti* [Directory of the administrative and territorial division of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, Chelyabinsk House of Printing Publ., 1997. 224 p. (In Russ.).
12. Teplyakov A.G. Epokha repressiy: sub"ekty i ob"ekty [The Epoch of Repression: Subjects and Objects]. *Mezhdru kanunami. Istoricheskiye issledovaniya v Rossii za posledniye 25 let* [Between Eves. Historical research in Russia over the past 25 years]. Moscow, 2013. Pp. 1135—1169. (In Russ.).
13. Hlevnyuk O.V. "Bolshoy terror" 1937—38 gg. kak problema nauchnoy istoriografii [The Great Terror of 1937—38 as a problem of scientific historiography]. *Istoricheskaya nauka i obrazovaniye na rubezhe vekov* [Historical science and education at the turn of the century]. Moscow, 2004. Pp. 433—451. (In Russ.).
14. Hlevnyuk O.V. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gody* [The Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moscow, Russian Political Encyclopaedia Publ., 1996. 304 p.
15. Churaeva S. *Zolotoye koleso* [The Golden Wheel]. Ufa, 2010. 320 p. (In Russ.).
16. *Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [Archive of the President of the Russian Federation].
17. *Oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [Regional State Archive of the Chelyabinsk Region].
18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* [The Russian State Archive of Economics].

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

FRESH VIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 173—179.

УДК 330.1
ББК 65.010.11

СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Д. В. Ермолаев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Анализируются основные теоретические подходы к определению понятий «институт» и «институциональный механизм» сформулированные с позиций различных авторов, раскрываются цели, сущность «институционального механизма». Исследование развития экономических систем с институциональной точки зрения помогает определить круг проблем, не допустить проявления кризисных явлений в экономике и выявить эффективные пути их решения. Институциональные механизмы, входящие в состав институтов, при эффективном внедрении и использовании способны трансформировать экономическую систему в целом. Автором обосновывается влияние институтов и институциональных механизмов на экономическую систему, и особенности их внедрения в переходные экономические системы, а также определяются показатели их эффективности.

Ключевые слова: *институт, институциональная экономика, институциональный механизм, эффективность институтов.*

На сегодняшний день современные экономисты дают различные определения понятия «институт». Данное понятие вследствие развития общества сильно эволюционировало, и эволюция происходила под влиянием различных факторов и условий. Изначально оно было заимствовано экономистами из смежных наук, одной из которых является социология. Для того чтобы определить особенности современных институтов, необходимо проанализировать различные определения понятия «институт».

Трактовку понятия «институт» можно найти в работах ученых из различных отраслей науки, от политической философии, экономики, до социальной психологии. В экономическую теорию данное понятие было включено Торстейном Вебленом. Под институтами Веблен понимал различные способы реагирования на стимулы; структуру производственного и экономического механизма; принятую в настоящее время систему общественной жизни. Также категория «институт» является одной из главных тем исследования Джона Ролза, который под институтами понимает систему правил, определяющих положения с соответствующими правами и обязанностями, властью и неприкосновенностью. Джон Коммонс определял институт как коллективное действие по контролю,

освобождению и расширению индивидуального действия. Уэсли Митчелл характеризовал институт как господствующие общественные привычки [См.: 2]. Одним из поздних определений понятия институт является трактовка Дугласа Норта, который определял институт как правила, механизмы, обеспечивающие выполнение норм поведения и структурирующие повторяющиеся взаимоотношения между людьми.

В последнее время в рамках теории о «новой институциональной экономике» институты трактуются как механизмы, с помощью которых регулируются контрактные отношения. Также одним из распространенных определений института является совокупность ролей и статусов индивидов, которые предназначены для удовлетворения их определенных потребностей.

Исходя из описанных выше определений, можно выделить основные составляющие понятия «институт»:

- формальные и неформальные правила, которые определяют поведение экономических субъектов (законы, правила);
- нормы и обычаи поведения в обществе (привычки, менталитет);
- учреждения и структуры (например, политические институты, финансовые институты).

Институты создаются индивидами для выполнения определенных целей и задач, которые возникают ежедневно при взаимодействии данных индивидов. Соответственно, главной задачей институтов является минимизация издержек при решении данных задач.

Эффективность институтов зависит от ряда факторов:

- величина общества;
- характер общества;
- величина издержек.

Величина общества определяет степень проявления издержек. Чем меньше группа (общество), тем, соответственно, однотипные сделки повторяются в обществе намного чаще, тем проще найти нарушителя норм и, соответственно, ниже издержки. И наоборот, если группа (общество) характеризуется большим составом индивидов, то однотипные сделки начинают происходить намного реже в силу наличия большего количества сделок в целом, тем труднее становится найти нарушителя, и, соответственно, издержки возрастают.

Характер общества отражает, насколько эффективно действуют установленные в нем формальные и неформальные правила. Если общество быстро изменяется (создаются новые правила, обычаи), то управление, основанное на нормах, не будет являться эффективным. Потому, как правило, социальные нормы изменяются очень медленно. И также, если общество находится в статичном состоянии и принятые нормы остаются неизменными, соответственно, управление через нормы будет происходить достаточно эффективно.

Величина издержек, как правило, определяется нарушителем, который подвергается наказанию. Данные издержки пропорциональны уровню дохода в обществе. В богатом обществе, где широко развиты различные системы альтернативных источников доходов, индивиды в меньшей степени подвержены влиянию данных издержек. В то же время общество с невысокими доходами будет сильно подвержено влиянию данных издержек.

Принимая во внимание понятие «институт», в теории институциональной экономики возникает понятие «институциональный механизм» (по аналогии с экономическим механизмом). Саму сущность институционального механизма можно определить, используя следующие подходы:

- институциональный;
- структурный.

При институциональном подходе институциональный механизм представляет собой определенную систему взаимодействия различных субъек-

тов экономики через институты. При структурном подходе институциональный механизм является одной из составных частей хозяйственного механизма. Принимая во внимание данные подходы, можно сделать вывод, что институциональный механизм представляет собой составную часть хозяйственного механизма, с собственной структурой взаимодействия, в основе которой лежит взаимодействие экономических субъектов через институты.

Стоит отметить, что четкое определение цели институционального механизма, а именно выполнение экономического процесса, который он обеспечивает, является важной задачей, поскольку от данной цели зависит структура институционального механизма, а также его внутренние и внешние взаимодействия.

Целью институционального механизма является обеспечение функционирования экономической системы в соответствии с функциями и правилами, определяемыми институтами.

Следовательно, институциональный механизм — это совокупность различных структур хозяйственного механизма, имеющая определенные организационные и институциональные элементы и особенности их взаимодействий, которая осуществляет общее функционирование и достижение целей механизма. Иными словами, институциональный механизм представляет собой часть экономического механизма, включающий его структуру, способы, методы взаимодействия, условия функционирования и другие институциональные факторы его внутренней и внешней среды.

Исходя из цели институционального механизма, можно определить его базовые функции:

1. Интеграция экономических субъектов и агентов в рамки одного института для общей деятельности через общие нормы и правила.
2. Разделение норм и статусов субъектов и агентов различных институтов.
3. Определение зоны взаимодействия субъекта института и его агентов (принимая во внимание установленные правила).
4. Преобразование новых правил и требований в привычки.
5. Определение и координирование взаимодействия между субъектами, относящимися к различным институтам.
6. Донесение информации до субъектов и агентов о новых правилах и нормах.
7. Регулирование деятельности субъектов, проявляющих оппортунистическое поведение.

Одной из важнейших особенностей институционального механизма является то, что он разрабатывается для каждого субъекта и агента в различ-

ных экономиках в соответствии со спецификой их деятельности [4]. То есть для того чтобы взаимодействие различных экономических субъектов и агентов было эффективным, необходимо, чтобы институциональный механизм учитывал особенности данных субъектов и агентов. В то же время для каждой отрасли экономики будут применимы только определенные институциональные механизмы, поскольку они просто могут не работать как универсальное средство. Например, институциональный механизм поддержки предприятий агропромышленного комплекса не будет работать так же, как институциональный механизм поддержки предприятий топливно-энергетического комплекса. В первую очередь это определяется тем, что данные отрасли имеют свои особенности (структура, доходность, уровень риска и т. д.).

Еще одной особенностью институционального механизма является то, что система институциональных ограничений в экономике может не работать в полной мере. Это может проявляться в том, что нарушение исполнения определенных институциональных механизмов может приносить доход определенным субъектам и агентам, то есть система ограничений для выполнения требований институционального механизма может являться неэффективной. Примером могут служить штрафы, накладываемые на экономических субъектов за неисполнение требований в области экологии либо налогового законодательства, поскольку они являются ничтожно малыми, по сравнению с доходом, который экономический субъект может получить при невыполнении требования институционального механизма ограничения.

Данное противоречие влияет на действие институционального механизма перераспределения между государством и экономическими субъектами. Это проявляется в неэффективном взаимодействии государства, организаций и общества. В данном случае индивиды не получают свои выгоды, так как доходы, получаемые при нарушении действующей системы ограничений, присваиваются определенной группой лиц, а не перераспределяются государством. Система, имеющая подобные противоречия, предопределяет развитие теневой экономики. И отсюда возникает вопрос эффективности институтов в регулировании общественной жизни.

Структурная составляющая институционального механизма проявляется в том, что приводит к появлению издержек в результате разработки, внедрения и адаптации институциональных механизмов [7].

В переходной экономике становление и развитие новых институциональных механизмов про-

ходит через заимствование институтов, то есть прежде всего через изменение формальных правил. Как правило, данное заимствование возникает в результате неразрешимой ситуации, которая характеризуется отсутствием необходимых институтов, позволяющих достигнуть компромисса (например, получить определенные выгоды для каждой стороны). То есть происходящий процесс заимствования заменяет процесс эволюционирования действующих институтов (узаконивание неформальных правил и придание им силы закона и превращение из неформальных в формальные).

Сами институциональные механизмы возникают для упорядочения взаимосвязей всех экономических субъектов, а не для повышения их эффективности и получения дополнительных выгод. При оптимальном упорядочивании взаимосвязей происходит снижение транзакционных издержек. Снижение транзакционных издержек должно проходить в двух направлениях: горизонтальном и вертикальном [12].

При горизонтальном снижении транзакционных издержек происходит упорядочивание взаимоотношений между государством, организациями и индивидами, относящимися к различным системам хозяйствования. При вертикальном снижении происходит упорядочивание взаимоотношений между государством, организациями и индивидами в целом.

Соответствие формальных и неформальных институциональных механизмов определяет «конгруэнтность» институциональных механизмов в целом. Таким образом, изменение институциональных механизмов должно происходить в первую очередь под влиянием используемых в обществе эффективных неформальных механизмов. То есть формальные и неформальные институциональные механизмы должны действовать в согласовании друг с другом, а не создавать проблемы, провоцирующие неэффективную работу.

В то же время на современном этапе развития экономических систем одной из важных задач при определении эффективности институциональных механизмов является задача определения степени согласования либо рассогласования формальных и неформальных норм и правил. Чем больше они не согласованы, тем сильнее индивиды будут их игнорировать.

Степень рассогласованности формальных и неформальных норм и правил ученые Дж. Калт и С. Корнел предлагают определять по следующим критериям:

- влияние структуры органов власти;
- полномочия органов власти;
- положение институтов власти;

— источники власти.

Возможность передачи права выбора от одного индивида другому определяет влияние структуры власти. Полномочия органов власти представляет собой круг полномочий, передающихся органам власти, и степень их соотношения с полномочиями индивидов. Положение институтов власти в обществе определяет модель взаимоотношений между обществом и органами власти. Источники власти определяют пути внедрения формальных норм в обществе (насильственное или ненасильственное).

Степень согласованности формальных и неформальных норм можно определять с помощью параметров Г. Ховстеда:

- 1) дистанция власти;
- 2) степень принадлежности индивидов к различным социальным и властным группам;
- 3) риск неопределенности;
- 4) ориентация на цели.

Дистанция власти показывает границу, до которой члены общества терпимо воспринимают неравенство в распределении власти. Степень принадлежности отдельных индивидов к различным социальным и властным группам определяет их восприятие в обществе как личности. Риск неопределенности возникает в случае недостатка формальных правил, если они не компенсируются неформальными правилами. Формальные правила, в свою очередь, снижают степень неопределенности в различных ситуациях. Ориентация на цели классически делится на краткосрочные и долгосрочные. Взаимодействия между индивидами могут строиться как на долгосрочную, так и краткосрочную перспективу в зависимости от того, какие цели они ставят перед собой [15].

Контроль за эффективностью институциональных механизмов осуществляется непосредственно организациями, созданными индивидами. Как следствие, появление новых организаций, которые должны выполнять данные функции, приводит к возникновению дополнительных издержек на их формирование и обеспечение.

Институциональные механизмы формируются одинаковым образом для абсолютно всех субъектов и агентов. В то же время, если механизм работает не в полную силу, он подвергается интериоризации. Интериоризация представляет собой процесс внедрения новых институтов и механизмов в повседневную деятельность экономических субъектов и агентов. Данное внедрение, как правило, требует больших временных затрат и создания стандартных моделей поведения, которые со временем закрепляются у индивидов. Период интериоризации характеризуется корректировкой

внедряемых институциональных механизмов, и данная корректировка происходит под влиянием индивидов. Сами индивиды являются главной единицей их изменения и не только создают, но и непосредственно внедряют их. Под их воздействием проходит адаптация институционального механизма, а также дальнейшее развитие и его трансформация до необходимого оптимального уровня.

В свою очередь для переходных экономических систем характерно заимствование институциональных механизмов и институтов из других экономических систем (как правило, из более развитых). Этот процесс получил название «трансплантация». Но заимствованные институты не учитывают социокультурных особенностей данного общества (привычки, правила, менталитет). И эти институты могут являться неэффективными и не дают должного эффекта.

Примером данного заимствования может быть заимствование зарубежных институтов функционирования хозяйственного механизма (реформы, проводимые в России в 1990-х гг.). В процессе данного заимствования могут проявиться следующие факторы:

- атрофия института или механизма;
- активация альтернативных институтов или механизмов;
- проявление институционального конфликта.

Атрофия института, как правило, приводит к перерождению института. Это проявляется в невостребованности института, если его функционирование не согласуется с традициями, привычками или институциональной структурой. В конечном итоге данный институт может исчезнуть. Если институт исчезает, это приводит к попыткам деструктивного его использования. То есть он может превратиться в инструмент теневой экономики [9].

Активизация альтернативных институтов происходит на фоне отторжения институтов, что, в свою очередь, приводит к активизации инструментов теневой экономики как альтернативы заимствованному институту. Следовательно, возникают институциональные ловушки.

Институциональный конфликт проявляется в том, что при заимствовании с попыткой имитации формальных правил может возникнуть институт, который будет функционировать, но по своим функциям и задачам будет существенно отличаться от изначального, что также может привести к его полной неэффективности, поскольку фиксируемые новые правила и нормы поведения предполагают формирование различных вариантов стереотипов поведения в зависимости от самой

среды, культурных особенностей взаимодействующих субъектов. То есть под воздействием новых формальных правил могут возникать различные неформальные правила и нормы.

Внедрение новых институциональных механизмов в жизнь общества, как правило, происходит через апробацию. Со временем происходит отторжение неэффективных видов. В то же время внедрение и корректировка неэффективных институциональных механизмов требует дополнительных трудовых и финансовых затрат, то есть говорит о специфических издержках на их внедрение.

Как правило, все субъекты и агенты экономической системы работают на основе неформальных институциональных механизмов, которые, как следствие, возникают из формальных институциональных механизмов.

Формальные институциональные механизмы создаются под действием формальных институтов, которые, в свою очередь, формируются различными организациями. Организации представляют собой группу индивидов, основной задачей которых является достижение определенной цели (регулирование отрасли, получение прибыли и т. д.). Внутри организации главным образом происходят процессы коммуникации между индивидами (взаимоотношения между подразделениями, сотрудниками). И данные процессы базируются на неформальных институциональных механизмах, которые позволяют им эффективно решать поставленные задачи. Эти механизмы позволяют предотвратить конфликтные ситуации на начальном этапе, связанные с взаимодействием индивидов (межличностное и межгрупповое). Но в то же время неформальный институциональный механизм формируется под воздействием формально закрепленных правил и норм поведения (формальные институциональные механизмы), которые складываются из социального взаимодействия индивидов.

Внедрение институционального механизма, как правило, происходит наиболее эффективно

в процессе эксперимента по его внедрению. Сам эксперимент может проводиться, например, в отдельно взятом субъекте экономики (отдельно взятый регион, со своими экономическими и географическими особенностями).

Эксперимент позволяет решить следующие задачи при внедрении новых институциональных механизмов:

- 1) избежать ошибок при их разработке;
- 2) выявить отрицательные особенности внедряемого институционального механизма;
- 3) исключить дополнительные издержки, связанные с внедрением.

Сам по себе институциональный механизм подвержен влиянию различных процессов глобализации и мировой интеграции. Данные процессы охватывают экономические системы различных стран. Результатом данных процессов является формирование международных институциональных механизмов. Примером данных механизмов может служить экспортно-импортная политика, которая способна влиять не только на экономику отдельных стран, но и на решение отдельных вопросов мировой экономики. В свою очередь страны являются участниками международных организаций, тем самым они оказывают влияние на установление и изменение международных институциональных механизмов. Но они, в свою очередь, должны им подчиняться.

Следует понимать, что хозяйственный механизм и формирующий его институциональный механизм способны оказывать огромное воздействие на развитие экономических систем. В случае когда институциональные механизмы дают сбой и формирующий его хозяйственный механизм неспособен выполнять поставленные задачи, трансформация отдельных элементов механизма или механизма в целом способна решить эти задачи и обеспечить экономический рост. В данном случае институциональный подход дает большую базу для научных исследований в области эволюции и трансформации экономических систем.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Эффективность институциональных форм в трансформируемой экономике: монография / В. И. Бархатов, Д. А. Сорокин. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. — 358 с.
2. Экономическая теория / В. И. Бархатов, Г. П. Журавлёва, Н. Н. Мильчакова, А. Ю. Шатин [и др.]. — М. : Финансы и статистика, 2007. — 1240 с.
3. Одинцова, М. И. Институциональная экономика : учеб. пособие / М. И. Одинцова. — М. : ГУ-ВШЭ, 2009. — 397 с.
4. Жук, С. И. Институциональный механизм как инструмент координации хозяйственной деятельности / С. И. Жук // Соц.-экон. и тех. системы. — 2009. — № 1. — С. 16—23
5. Истомин, С. В. Особенности институциональных механизмов в трансформируемой экономике / С. В. Истомин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 6. — С. 52—56.

6. Иншаков, О. В. Типология и классификация институциональных механизмов / О. В. Иншаков, Н. Н. Лебедева. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. — 434 с.
7. Полтерович, В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экон. наука соврем. России. — 2001. — № 3. — С. 24—50.
8. Олейник, А. Н. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли / А. Н. Олейник ; ред. кол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) [и др.]. — М. : ГУ-ВШЭ, 1998. — 509 с.
9. Яценко, С. О. Институциональный подход к анализу экономических механизмов / С. О. Яценко // Экон. анализ. Теория и практика. — 2012. — № 2. — С. 22—23.
10. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997. — 186 с.
11. Сухарев, О. С. Институциональная экономика : учеб. и практикум / О. С. Сухарев. — Люберцы : Юрайт, 2016. — 501 с.
12. Агапова, И. И. Институциональная экономика / И. И. Агапова. — М. : Магистр, 2017. — 272 с.
13. Петросян, Д. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопр. экономики. — 2007. — № 2. — С. 59—67.
14. Яценко, С. О. Сущность институционального механизма как составляющей экономической системы / С. О. Яценко, М. Е. Никифорова // Изв. ДВФУ. Экономика и упр. — 2014. — № 1. — С. 11—19.
15. Олейник, А. Н. Институциональная экономика / А. Н. Олейник. — М. : ИНФРА-М, 2005.

Сведения об авторе

Ермолаев Дмитрий Викторович — аспирант Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ermolaev.d.v.92@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 173—179.*

ESSENCE OF INSTITUTIONS AND INSTITUTIONAL MECHANISMS IN MODERN ECONOMIC SYSTEMS

D.V. Ermolaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ermolaev.d.v.92@gmail.com

The main theoretical approaches to the definition of the concepts “institution” and “institutional mechanism” formulated from the positions of various authors are analyzed, the goals, the essence of the “institutional mechanism” are revealed. The study of the development of economic systems from the institutional point of view helps to determine the range of problems, to prevent the manifestation of crisis phenomena in the economy and to identify effective ways to solve them. Institutional mechanisms that are part of institutions, with effective implementation and use, are able to transform the economic system as a whole. The author substantiates the influence of institutions and institutional mechanisms on the economic system, and specifics of their implementation in transitional economic systems, and also determines the indicators of their effectiveness.

Keywords: *institute, institutional economy, institutional mechanism, efficiency of institutions.*

References

1. Barkhatov V.I., Sorokin D.A. *Effektivnost' institutsional'nykh form v transformiruyemoy ekonomike* [Efficiency of institutional forms in the transformed economy]. Chelyabinsk, 2011. 358 p. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Moscow, 2007. 1240 p. (In Russ.).
3. Odintsova, M. I. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow, 2009. 397 p. (In Russ.).
4. Zhuk S.I. *Institutsional'nyy mekhanizm kak instrument koordinatsii khozyaystvennoy deyatel'nosti* [Institutional mechanism as a tool for coordination of economic activities]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye i tekhnicheskkiye sistemy* [Socio-economic and technical systems], 2009, no. 1, pp. 16—23. (In Russ.).
5. Istomin S.V. *Osobennosti institutsional'nykh mekhanizmov v transformiruyemoy ekonomike* [The peculiarities of institutional mechanisms at the transformed economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 6, pp. 52—56. (In Russ.).
6. Inshakov O.V. *Tipologiya i klassifikatsiya institutsional'nykh mekhanizmov* [Typology and classification of institutional arrangements]. Volgograd, 2002. 434 p. (In Russ.).

7. Polterovich V.M. Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia], 2001, no. 3. pp. 24—50. (In Russ.).
8. Oleynik A.N. *Voprosy istorii narodnogo khozyaystva i ekonomicheskoy mysli* [Questions of the history of the national economy and economic thought]. Moscow, GU-VSHE Publ., 1998. 509 p. (In Russ.).
9. Yashchenko S.O. *Institutsional'nyy podkhod k analizu ekonomicheskikh mekhanizmov* [Institutional approach to the analysis of economic mechanisms]. *Ekonomicheskiy analiz. Teoriya i praktika* [Economic analysis. Theory and practice], 2012, no. 2, pp. 22—23. (In Russ.).
10. Nort D. *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, institutional changes and economic performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala” Publ., 1997. 186 p. (In Russ.).
11. Sukharev O.S. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Lyubertsy, 2016. 501 p. (In Russ.).
12. Agapova I.I. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow, Magistr Publ., 2017. 272 p. (In Russ.).
13. Petrosyan D. *Sotsial'naya spravedlivost' v ekonomicheskikh otnosheniyakh: institutsional'nyye aspekty* [Social justice in economic relations: institutional aspects]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issue], 2007, no. 2, pp. 59—67. (In Russ.).
14. Yashchenko S.O. *Sushchnost' institutsional'nogo mekhanizma kak sostavlyayushchey ekonomicheskoy sistemy* [The essence of the institutional mechanism as a component of the economic system]. *Izvestiya DVFU, Ekonomika i upravleniye* [Proceedings of the University, Economy and management], 2014, no. 1, pp. 11—19. (In Russ.).
15. Oleynik A.N. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. (In Russ.).

УДК 338.242
ББК 65.209

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ

А. С. Баринов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается мошенничество как фактор проявления теневой экономики, способный негативно повлиять на экономику России. Проводится анализ статей мошенничества «159—159.6» Уголовного кодекса РФ с правовой и экономической точек зрения. Проанализирована статистика по совершаемым преступлениям по статьям мошенничества, установлена тенденция к снижению уровня раскрываемости преступлений, что свидетельствует о негативном тренде и падении доверия граждан к правовому механизму защиты. Также исходя из имеющихся в открытом доступе данных сделана попытка оценить минимальный размер материального ущерба и потенциальный непредотвращенный материальный ущерб, что позволяет оценить размах влияния мошенничества на экономику России на сегодняшний день.

Ключевые слова: *мошенничество, теневая экономика, экономическая преступность, оценка минимального материального ущерба.*

Теневая экономика является одной из приоритетных угроз экономической безопасности на сегодняшний день, так следует из Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. В частности, определяется, что основными вызовами и угрозами среди других являются: высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере и сохранение значительной доли теневой экономики [1. П. 19—20, ст. 12]. Согласно недавно опубликованной работе Международного валютного фонда (МВФ), в которой была проведена оценка размеров теневой экономики в 158 странах мира на основе разработок Ф. Шнайдера и Л. Медины, размер теневой экономики России в 2015 г. составлял 33,72 % (от ВВП). Для сравнения, в Швейцарии этот же показатель был на уровне 7,24 %, в Германии — 11,97 %, в США — 8,34 % (Шнайдер, Медин [14. С. 62—76]).

Несомненным является тот факт, что теневая экономика — неотъемлемый атрибут любой развивающейся экономики или экономики, которая находится под действием кризисных явлений. Принято считать, что к этому феномену стали проявлять настоящий интерес во второй половине XX в., с момента опубликования статьи американского экономиста П. М. Гутмана «Подпольная экономика» [12. С. 26].

Как отмечает Н. П. Купрещенко, «теневая экономика — это не просто сложное социально-экономическое явление, охватывающее всю систему общественных экономических структур, экономических отношений общества, прежде всего это неконтролируемый обществом сектор общественного расширенного воспроизводства в

процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и предпринимательских способностей, скрываемых от органов государственного управления...» [7. С. 6]. С приведенным утверждением нельзя не согласиться, так как само явление «теневая экономика» имеет экономический характер и способно влиять на социальную сферу общества. По своей сути это такая экономическая деятельность хозяйствующего субъекта, которая по большей части имеет неучтенный, то есть незаконный характер.

Другой группой авторов отмечается, что теневая экономика характеризуется прежде всего всеобъемлющим охватом хозяйственных отношений в обществе. Причем эти отношения происходят вне рамок действующих законов и недоступны прямому статистическому учету (Казанчев [6. С. 15]).

Развитие теневой экономики однозначно является деструктивным явлением, если в особенности в ней преобладает криминальная составляющая. Раздел восьмой Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) посвящен преступлениям в сфере экономики [2]. Само понятие преступления дано в статье 14 кодекса, и под ним понимается: «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Таким образом, все те преступления, которые согласно действующему законодательству отнесены к преступлениям в сфере экономики, можно назвать экономическими преступлениями, что, в свою очередь, и является содержанием криминальной составляющей теневой экономики. То есть в совокупности эта категория преступлений представляет непосредствен-

ную угрозу экономической безопасности страны и самому развитию экономики. Одним из таких преступлений является мошенничество, которое рассматривается и анализируется в данной статье.

Общепринятым является то, что в структуре теневой экономики следует выделять криминальную экономику, в рамках которой происходит или может происходить процесс криминализации экономических отношений. Мошенничество является одним из проявлений криминализации экономики. Так, С. П. Юхачев и П. С. Моисеев подчеркивают, что особую угрозу представляют организованная преступность, коррупция [11]. Схожее определение по своей сущности с чертой «криминализация» предлагает Е. С. Бирюков. По его мнению, теневая экономика — это совокупность экономических взаимодействий между субъектами рыночных отношений, основанных на использовании *внеправовых методов воздействия* (курсив наш. — А. Б.) на конкурентов, органы государственного управления и другие институты рынка [3. С. 21]. Здесь видится некий крен в толковании сущности теневой экономики в сторону ее криминальной характеристики. Этим подчеркивается, без преувеличения, опасность роста масштабов теневой экономики. В особенности опасность выражается в росте доли криминальной экономики в ее структуре.

В. В. Колесников определяет криминализацию экономических отношений как процесс, характеризующийся постепенным вытеснением легитимных экономических отношений их криминальными разновидностями, с одной стороны. С другой стороны, это качество особого социального явления, выступающего результатом расширения спектра и мультипликации бизнес-преступлений и роста масштабов экономической преступности, распространение делинквентного поведения в сфере экономической деятельности [8. С. 24]. Такой подход имеет место быть, так как он подтверждается определением мошенничества согласно УК РФ. Ст. 159 УК РФ: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотреблением доверием».

То есть с правовой точки зрения мошенничество — это такое общественно опасное деяние, которое совершается лицом с целью хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество посредством обмана или злоупотреблением доверием. С экономической точки зрения мошенничество можно рассматривать как переход экономических благ от одного лица к другому при несоответствии интересов одного из контрагентов, где такая передача носит явно незаконный характер.

Как справедливо отмечает А. В. Горшков, «мошенничество — явление экономической жизни, поэтому искать его объективные причины следует в экономической жизни», и далее «экономическое мошенничество можно определить как специфические экономические отношения, связанные с девиантным использованием экономических законов» [5. С. 197—198].

Эта точка зрения носит объективный характер и отвечает на вопрос о сущности явления мошенничества как такового. Иначе говоря, мошенничество как негативное экономическое явление способно нарушить функционирование экономической деятельности, так как посредством обмана или злоупотребления доверием один из хозяйствующих субъектов несет убытки, которые он не должен был нести в силу того, что данный обмен является противозаконным и подпадает под категорию мошенничества.

Структура мошенничества на сегодняшний день имеет следующий вид (УК РФ):

- мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1);
- мошенничество при получении выплат (159.2);
- мошенничество с использованием платежных карт (159.3);
- мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4; утратила силу);
- мошенничество в сфере страхования (159.5);
- мошенничество в сфере компьютерной информации (159.6).

Каждая квалифицирующая статья (159—159.6) имеет определенные характеристики. Так, например, ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» связана с получением гражданами пособий, компенсаций или иных социальных выплат. Статья 159.1 отражает преступления, связанные с хищением денежных средств заемщика путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. При этом каждая статья предусматривает, что пострадавшие лица разные: от физических лиц до юридических лиц. Это в особенности подчеркивает важность предотвращения данного вида преступления для общества и экономики в целом, так как законодатель, вводя в УК РФ данный вид преступления, предусматривал обеспечение защиты хозяйственных отношений субъектов. Тем самым, с одной стороны, повышается доверие лиц к правовому механизму защиты и государству в итоге, с другой — обеспечивается нормальное функционирование экономической среды, а также повышается защита населения с социальной точки зрения.

И. Ю. Фалинский в статье, посвященной показателям оценки экономической преступности для характеристики теневой экономики, проанализировал имущественные составы преступлений экономической направленности (ст. 159—159.6) и выделил следующие стоимостные характеристики получаемой нелегальной экономической выгоды [10. С. 130]:

- сумма похищенных средств и имуществ в сфере отношений собственности по поводу перераспределения имущественных благ;
- сумма похищенных денежных средств кредиторов в сфере кредитно-денежных отношений;
- сумма похищенных средств и имущества, законодательно установленных в виде социальных выплат в сфере бюджетных отношений;
- стоимость похищенного имущества владельца платежной карты в сфере перераспределения имущественных благ;
- сумма похищенных средств, привлеченных в виде страховых взносов;
- сумма похищенного имущества и имущественных прав в сфере компьютерно-социальных отношений.

Таким образом, можно отметить, что мошенничество имеет в основном три направления влияния на экономику, а именно:

- экономическая сфера;
- правовая сфера;
- социальная сфера.

Рост преступлений в экономической сфере, а именно мошенничества, и одновременно низкий уровень раскрываемости в совокупности ведут к нарушению функционирования экономики. Это своего рода сигнал субъектам хозяйственной деятельности, что правовой механизм противодействия не столь эффективен. В социальной сфере мошенничество проявляется, как правило, тогда, когда низкий уровень раскрываемости и неэффективная судебная система ведут к тому, что граждане становятся жерт-

вами, теряя свое имущество, и при этом не имеют соответствующего механизма защиты их прав.

Так как мошенничество является одним из проявлений экономической преступности, следует отметить признаки, которые также присущи изучаемому явлению: высокая степень распространенности, высокая степень ее серьезности, высокая степень повторяемости при полученном положительном эффекте и высокая степень организации (Османов [9. С. 121—122]).

На сегодняшний момент в РФ ведется открытая публикация статистики мошенничества по количеству зарегистрированных дел и количеству осужденных или оправданных судом лиц за отчетный период, которым является один календарный год. Общая оценка ущерба от данного вида преступления для нашей страны открыто не публикуется, ее можно получить только по специальному запросу в соответствующем органе. Это однозначно является недочетом нашей статистической системы, так как благодаря статистике можно как минимум строить прогнозы развития не только по количеству совершаемых преступлений, но и оценивать в стоимостном выражении наносимый ущерб. Открытая публикация должна иметь место быть хотя бы по той причине, что можно оценить размеры криминальной составляющей в рамках теневой экономики для нашей страны.

Так, например, в ФРГ в открытом доступе на официальном портале Федерального управления уголовной полиции ежегодно публикуется статистика по совершаемым преступлениям с учетом расчетного размера ущерба (см. таблицу).

В РФ, как отмечено выше, такая статистика имеет закрытый характер и потому представляет интерес оценить размер ущерба от мошенничества в минимальных приближенных значениях. Для того чтобы рассчитать такое значение, было взято за основу следующее рассуждение: так как необходимо оценить в минимальных значениях материальный ущерб от преступлений мошенничества, в основе расчетов лежат суммы, предусмотрен-

Официальный материальный ущерб от мошенничества в Германии на 2015 г. [15. С. 281]

Вид преступления	Рассмотренные случаи*	Процентная доля в законченных случаях					Общая сумма ущерба, млн евро
		ниже 15 евро	от 15 до 50 евро	от 50 до 500 евро	от 500 до 5000 евро	от 5000 евро	
Мошенничество в целом по всем статьям УК Германии	875 949	30,9	16,6	33,9	14,8	3,7	1952,5

* Ущерб обозначен только при рассмотренных случаях, когда выявлены преступник и сумма ущерба.
Источник: Годовая статистика преступлений, ФРГ, за 2015 год: <https://www.bka.de>.

ные самими статьями, — это крупный и особо крупный размер.

Каждая статья (159—159.6) УК РФ предусматривает ущерб в размере «крупный» и «особо крупный». Эти значения варьируются в пределах от 250 000 до 6 000 000 р. в зависимости от состава преступления. Если фактический ущерб потерпевшего составил более 250 000 рублей, то состав преступления будет квалифицироваться, например, по ст. 159 «Мошенничества» по пункту 3 «Мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере...» [2]. Таким образом, на основе статистики по количеству совершенных преступлений, публикуемой на официальном портале МВД РФ¹, и статистики по количеству осужденных лиц, публикуемой на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ²,

¹ Состояние преступности в России за 2003—2016 годы [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 28.09.2017).

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 и 2008—2016 годы [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 28.08.2017).

можно рассчитать составленный за год минимальный фактический ущерб, который может служить опорным значением для создания прогнозов и оценки размера теневой экономики (рис. 1).

Перед тем как переходить к оценке ущерба от мошенничества в рамках предложенного подхода, представим статистику по мошенничеству (рис. 2).

Изучая статистические данные, автор сознательно оставляет ст. 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательства» с целью сохранения общей структуры, так как вплоть до 2016 г. имеются данные по этому виду преступлений.

Уровень раскрываемости и судимости представлен на рис. 3.

На основе анализа статистических данных позволяется сделать следующие выводы:

- на сегодняшний день в РФ имеется довольно низкий показатель раскрываемости и наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению данного показателя;
- при этом отмечаются стабильные значения уровня судимости и наблюдается тенденция к повышению, но здесь это обусловлено прежде всего тем, что количество раскрытых дел с каждым годом снижается.

В рамках предлагаемого подхода к оценке мошенничества за основу минимальных размеров предотвращенного ущерба берется показатель «уровень судимости», так как имеется полная

Рис. 1. Подход к оценке мошенничества

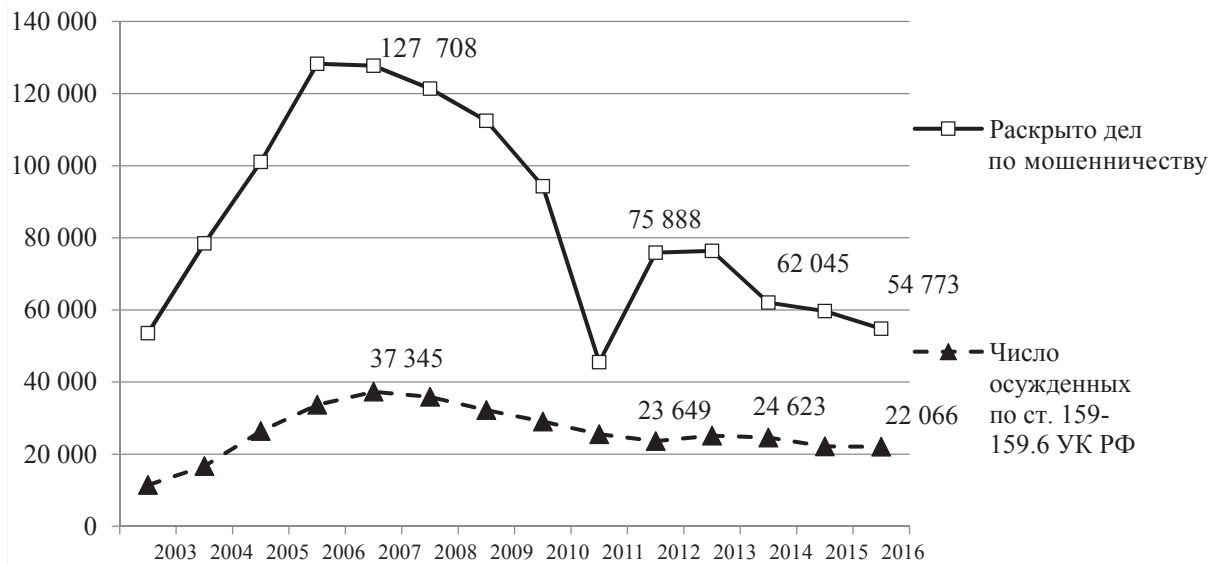

Рис. 2. Количество раскрытых дел и число осужденных лиц по ст. 159—159.6 УК РФ за 2003—2016 гг.*

* Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 и 2008—2016 гг.

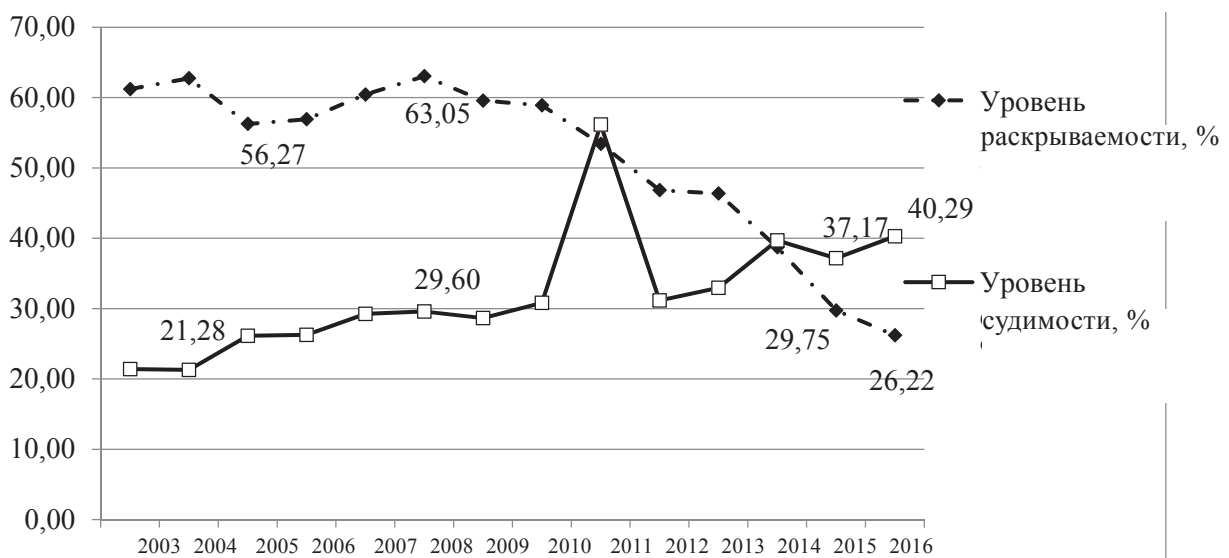

Рис. 3. Уровень раскрываемости и судимости в РФ*

* Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 и 2008—2016 гг.

и детальная статистическая база по каждому виду преступления с учетом пунктов каждой статьи мошенничества. Поэтому количество осужденных лиц по п. 3 и 4 является той суммой материального ущерба, которая носит минимальный характер и является фактической. В погрешности расчетов остаются п. 1 и 2, которые составляют ущерб меньше 250 000 р., а также стоит учитывать, что, например по п. 3 ст. 159 «Мошенничество в крупном размере», реальный материальный ущерб, нанесенный осужденным лицом третьему лицу, в действительности может превышать установленный законодательством минимальный размер. Но для того, чтобы оценить хотя

бы в минимальных значениях ущерб от мошенничества, требуется делать такие допущения. Таким образом, получается результат, отображенный на рис. 4.

Исходя из представленной на рис. 4 диаграммы, можно сделать следующие выводы:

- в 2016 г. при уровне раскрываемости 26 % и уровне судимости 40 % сумма материального предотвращенного ущерба составляет около 7 млрд р.;
- за последние годы отмечается небольшой рост расчетных значений, что свидетельствует о повышении эффективности деятельности органов;

— с учетом того, что полученная сумма носит минимальный характер, она является значительной. Потенциально настоящее значение может многократно превосходить полученный результат.

Если рассмотреть статистику ФРГ по мошенничеству за 2014—2015 гг., то обнаружится, что в Германии средний показатель раскрываемости находится на уровне 76 % против 30 % в РФ в те же годы и в целом количество зарегистрированных дел превосходит. Весьма показательной является диаграмма на рис. 5.

Так как показатель раскрываемости в РФ находится на низком уровне в сравнении с Германией, для оценки теневой экономики и влияния мошенничества как на экономику РФ, так и на экономическую безопасность страны следует предложить рассчитывать показатель потенциально непредотвращенного ущерба (далее авторское сокращение — ПНУ), который позволит оценить при низком уровне раскрываемости

ущерб, оставшийся вне правового регулирования. По своей сути это возможный метод оценки криминальной составляющей теневой экономики для нашей страны.

Базисом для построения показателя ПНУ является соображение, что в среднем остается такая же структура преступлений в отношении п. 3 и 4, что и при известной статистике осужденных лиц. То есть необходимо имеющиеся данные по показателю уровня судимости спроецировать на остальные значения на уровень раскрываемости и предположить, что если оба эти значения повысились бы хотя бы на 20 %, то, соответственно, получился бы иной показатель суммы минимального ущерба от мошенничества. Далее из предполагаемой суммы вычитается тот ущерб, который получается по имеющимся данным, и получаемая разность будет представлять собой потенциально непредотвращенный размер.

Формулу ПНУ можно представить следующим образом:

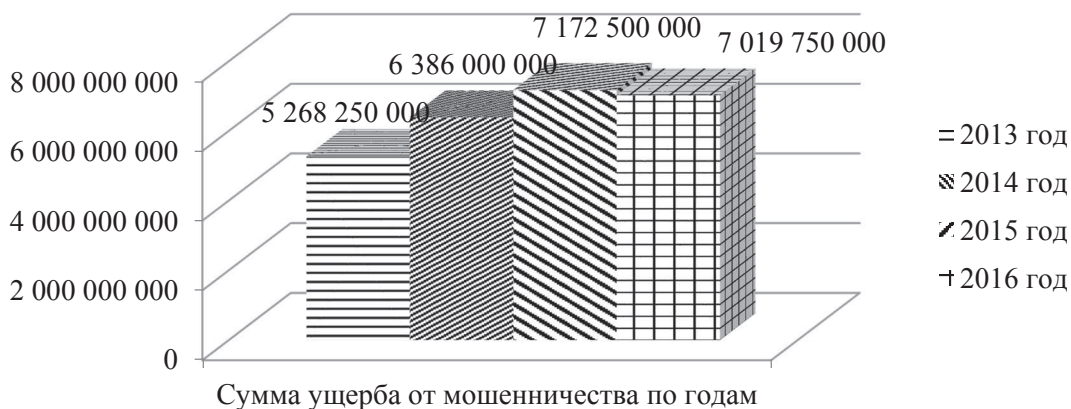

Рис. 4. Минимальный материальный ущерб, р.

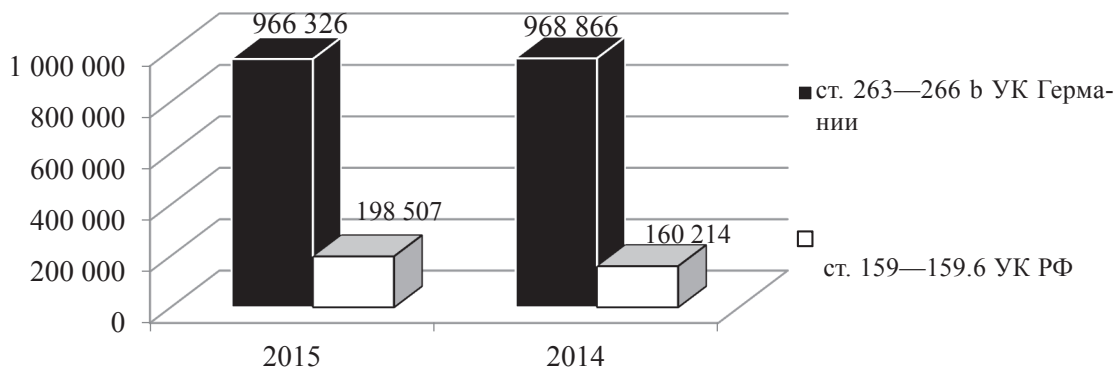

Рис. 5. Сравнительная диаграмма по зарегистрированным делам в Германии и России [13; 15. С. 273]*

* Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 и 2008—2016 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 10.09.2017).

$$\text{ПНУ} = \sum_{i=1}^n (\text{Кол-во зарегистр. дел} \times \text{Ур. суд.} \times \text{Ур. раскр.} \times d_{\text{статьи}, i} \times d_{\text{части}, i} \times \text{Мин. ущерб}_i - \text{Сумма предотвр. ущерба}, \quad (1)$$

где ПНУ — показатель потенциального непредотвращенного ущерба второго порядка;

n — количество рассматриваемых частей по всем статьям мошенничества;

i — часть конкретной статьи мошенничества;

Кол-во зарегистр. дел — количество зарегистрированных дел в отчетном периоде;

Ур. суд. — уровень судимости из расчета отношения числа осужденных к числу раскрытых дел;

Ур. раскр. — уровень раскрываемости, обычный исходя из отношения числа раскрытых дел к количеству зарегистрированных дел;

$d_{\text{статьи}, i}$ — удельный вес статьи в итоге, рассчитанный на базе фактических данных за предыдущий период;

$d_{\text{части}, i}$ — удельный вес части в рассматриваемой статье, рассчитанный на базе фактических данных за предыдущий период;

Мин. ущерб — сумма крупного и особо крупного размера, установленного в части соответствующей статьи;

Сумма предотвр. ущерба — сумма предотвращенного ущерба по фактическим данным.

В итоге получается определенный результат, который представлен в диаграмме на рис. 6.

Таким образом, получается, что в минимальных значениях, которые носят расчетный характер, при повышении уровня раскрываемости и уровня судимости на 20 % выходит разница в суммах ущерба на уровне 11,2—11,5 млрд р. Принимая во внимание погрешность данных значений, следует

отметить, что ниже данных значений составленный ущерб в отчетный год быть фактически не может, так как это противоречило бы статистическим данным и УК РФ. Полученные результаты подтверждают вывод, что ключевая роль в механизме обеспечения экономической безопасности, в том числе социальной безопасности, принадлежит государству и его органам (Быковская [4. С. 38]). Другими словами, рассчитанная выше сумма ущерба от мошенничества при более высоких показателях раскрываемости и судимости еще раз доказывает важную роль МВД РФ, так как именно благодаря его деятельности обеспечивается защита граждан от преступных посягательств.

Теоретическая полезность расчетов таких показателей состоит прежде всего в том, что при отсутствии официальной статистики позволяет дать оценку влияния того или иного преступления на экономику нашей страны. В дальнейшем дает это возможность принятия конкретных эффективных мероприятий по противодействию. В особенности ярким примером полезности открытой публикации такой статистики является тот факт, что, например, в ФРГ по преступлению «Инвестиционное мошенничество» или «Мошенничество в сфере кредитования» показатель раскрываемости составляет в среднем 95—96 % зарегистрированных дел [9]. Это свидетельствует о том, что реализуются бюджетные средства на обеспечение эффективной деятельности специальных служб по противодействию именно в этих сферах. Такой же опыт стоит перенять и нашему государству, так как это позволит детально оценить эффективность деятельности правоохранительных органов и видеть проблемные места.

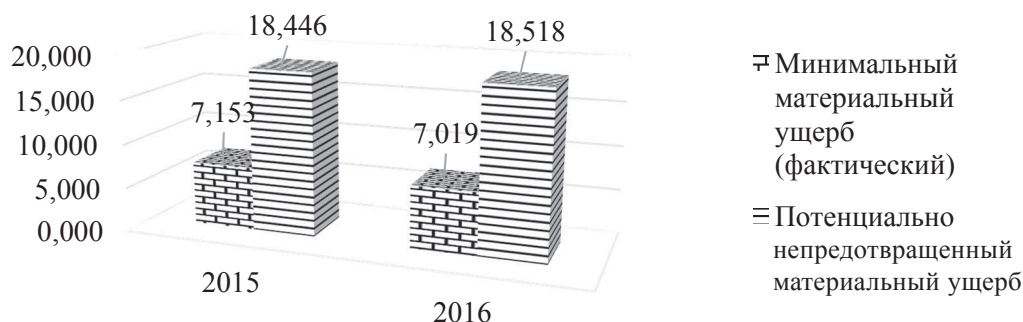

Рис. 6. Потенциально непредотвращенный материальный ущерб, млрд р.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации № 208 от 13.05.2017 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (21.09.2017).

2. ФЗ № 63 от 13.06.1996 «Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред. от 17.04.2017), ст. 159 «Мошенничество» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (09.04.2017).
3. Бирюков, Е. С. Альтернативные подходы к оценке теневого сектора экономики / Е. С. Бирюков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 27. — С. 21—25.
4. Быковская, Ю. В. Роль органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности в социальной сфере / Ю. В. Быковская // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 24. — С. 37—50.
5. Горшков, А. В. Природа экономического мошенничества / А. В. Горшков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 2. — С. 197—201.
6. Казанчев, В. Н. Возникновение теневой экономики и зарождение борьбы с ней в США / В. Н. Казанчев, В. В. Неволина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 5. — С. 15—18.
7. Купрещенко, Н. П. Теневая экономика : учебник / Н. П. Купрещенко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. — 199 с.
8. Колесников, В. В. Феномен криминализации в экономике: понятие, связь с реформами и правовым регулированием / В. В. Колесников // Рос. журн. правовых исслед. — 2016. — № 3. — С. 20—33.
9. Османов, Ж. Д. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности национального хозяйства / Ж. Д. Османов // Соц.-экон. явления и процессы. — 2015. — № 9. — С. 120—125.
10. Фалинский, И. Ю. Показатели оценки экономической преступности для характеристики теневой экономики: состав и методика расчет / И. Ю. Фалинский. // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. — 2015. — № 1. — С. 127—132.
11. Юхачев, С. П. Криминализация экономических отношений в России и ее влияние на экономическую безопасность / С. П. Юхачев, П. С. Моисеев // Соц.-экон. явления и процессы. — 2016. — № 11. — С. 112—119.
12. Gutmann, P. The Subterranean Economy / P. Gutmann // Financial Analysis J. — 1977. — Vol. 33, no. 6.
13. Strafgesetzbuch. Textausgabe mit ausführlichen Sachregister und einer Einführung von Prof. Dr. jur. Thomas Weigend (Stand:1.7.2015), 53. Auflage 2015. — Herausgeber: Verlag C.H.BECK, Nördlingen, München, 2015. — 352 s.
14. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? [Электронный ресурс] // IMF Working Paper. — 2018. — 76 p. — URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/01/25/Shadow-Economies-Around-the-World-What-Did-We-Learn-Over-the-Last-20-Years-45583> (дата обращения 22.02.2018).
15. Polizeiliche Kriminalstatistik der BRD, Jahrbuch 2015 [Электронный ресурс]. — Herausgeber: Bundeskriminalamt, Wiesbaden, 2015. — 396 s. — URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2015/pks2015_node.html (дата обращения 15.01.2018).

Сведения об авторе

Баринов Артём Сергеевич — аспирант кафедры экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. kfdaters@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 180—188.*

ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF FRAUD ON THE RUSSIAN ECONOMY

A.S. Barinov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg. kfdaters@mail.ru

In the article author considers fraud as a factor of the demonstration of the shadow economy, which can negatively affect the Russian economy and analyzes articles of the criminal code on fraud “159—159.6” from a legal and economic point of view. Was analyzed the statistics on crimes committed by fraud. Author has detected a trend to reduce the level of crime detection. This indicates a negative trend and decrease of citizens trust to legal mechanisms of protection. Was made an attempt to estimate the minimal amount and the potential non-prevented

material damage based on the data in the public access. It allows to estimate the scale of the influence of fraud on the Russian economy at this moment.

Keywords: *fraud, shadow economy, economic crime, estimation on the minimum material damage.*

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017 “On the Strategy for Economic Security of the Russian Federation for the Period to 2030”. *Spravochnaya pravovaya sistema “Konsul'tantPlyus”* [Reference legal system “ConsultantPlus”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (In Russ.)
2. Federal Law No. 63 of June 13, 1996, the Criminal Code of the Russian Federation (as amended on April 17, 2017), art. 159 “Fraud”. *Spravochnaya pravovaya sistema “Konsul'tantPlyus”* [Reference legal system “ConsultantPlus”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (In Russ.)
3. Biryukov Ye.S., Al'ternativnyye podkhody k otsenke tenevogo sektora ekonomiki [Alternative approaches to the assessment of the shadow economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 27, pp. 21—25. (In Russ.)
4. Bykovskaya Yu.V. Rol' organov vnutrennikh del v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti v sotsial'noy sfere [Role of internal affairs authority in provision of economic security in the social sphere]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National interest: priorities and security], 2014, no. 24, pp. 37—50. (In Russ.)
5. Gorshov A.V. Priroda ekonomicheskogo moshennichestva [Nature of the economic swindle]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 2, pp. 197—201. (In Russ.)
6. Kazanchev V.N. Vozniknoveniye tenevoy ekonomiki i zarozhdeniye bor'by s ney v SShA [The emergence of the shadow economy and the origin of the struggle with it in the United States]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 43, pp. 15—18. (In Russ.)
7. Kupreshchenko N.P. *Tenevaya ekonomika* [The shadow economy]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2013. 199 p. (In Russ.)
8. Kolesnikov V.V. Fenomen kriminalizatsii v ekonomike: ponyatiye, svyaz' s reformami i pravovym regulirovaniyem [The phenomenon of the criminalization of the economy: the concept, relationship with reforms and legislation]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies], 2016, no. 3, pp. 20—23. (In Russ.)
9. Osmanov Z.D. Ekonomicheskaya prestupnost' kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti natsional'nogo khozyaystva [Economic crime as threat of economic security of national economy]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Social and economic phenomena and processes], 2015, no. 9, pp. 120—125. (In Russ.)
10. Falinskiy I.Yu. Pokazateli otsenki ekonomicheskoy prestupnosti dlya kharakteristiki tenevoy ekonomiki: sostav i metodika rascheta [Indicators of an assessment of economic crime for the characteristic of shadow economy: structure and calculation procedure]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University MVD Russia], 2015, no. 1, pp. 127—132. (In Russ.)
11. Yekhachev S.P., Moiseyev P.S. Kriminalizatsiya ekonomicheskikh otnosheniy v Rossii i yeyo vliyaniye na ekonomicheskuyu bezopasnost' [Criminalization of the economic relations in Russia and her influence on economic security of the county]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2016, no. 11, pp. 112—119. (In Russ.)
12. Gutmann P. The Subterranean Economy. *Financial Analysis Journal*, 1977, vol. 33.
13. *Strafgesetzbuch. Textausgabe mit ausführlichen Sachregister und einer Einführung von Prof. Dr. jur. Thomas Weigend (Stand:1.7.2015), 53. Auflage 2015.* Herausgeber, Verlag C.H.BECK, Nördlingen, München, 2015. 352 s. (In German).
14. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? *IMF Working Paper*, 2018, 76 pp. Available at: <http://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/01/25/Shadow-Economies-Around-the-World-What-Did-We-Learn-Over-the-Last-20-Years-45583>, accessed 22.02.2018.
15. *Polizeiliche Kriminalstatistik der BRD, Jahrbuch 2015.* Herausgeber: Bundeskriminalamt, Wiesbaden, 2015. 96 s. Available at: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2015/pks2015_node.html, accessed 15.01.2018 (In German).

РЕЦЕНЗИИ REVIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 189—206.

УДК 330
ББК 65.01

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. И. КРЕТОВА «ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ БУДУЩЕГО»

К. А. Хубиев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Настоящая книга в целом и ее первая часть [1] представляют собой системное и последовательное исследование фундаментальной теории К. Маркса об экономике совершенной конкуренции с использованием современных достижений научной мысли. В первой книге представлена методология кибернетической эпистемологии (теории сложности), которая является естественно-гуманитарной наукой шестого технологического уклада. Следование логике и последовательности изложения, которые каждый может обнаружить в «Капитале», анализ представленных там положений в сравнимой и сопоставимой метрике и топологии, позволяют в очередной раз убедиться в грандиозности труда К. Маркса и в то же время понять его историческую исчерпанность как объяснительной теории.

Ключевые слова: социально-экономические отношения, человечество, цивилизация, предпринимательство, добротворение.

Книгу автор начал с простой истины. Все, что было, есть и будет на Земле, в равной мере принадлежит всем живущим на Планете растениям, животным и людям. По сведениям современной науки, биологическая жизнь с земным генетическим кодом на нашей Планете существует уже более 2 млрд лет. Если этот необозримый временной период силой научной мысли сжать в шесть дней «Божественного творения» всего сущего, то человеческая история, кажущаяся простым смертным необъятной, в таком осязаемом масштабе времени существует всего лишь около одной секунды. Именно под впечатлением мгновенности всей Человеческой цивилизации и ничтожности периода так называемого капитализма [1], вокруг которого разворачиваются нешуточные дискуссии современников, автором написана настоящая рукопись. Исчезающая несопоставимость истории Человечества по сравнению с Вселенским временем генезиса [6] Солнечной системы и Земли будет проходить красной нитью через все рассуждения и выводы.

Современная цивилизация занимает ничтожно малый период в истории биологического развития Земли. Но она уже оказала катастрофическое воздействие на Природу¹ через разрушительные

инновации «Человека Эгоистичного», негативно повлияв на естественный процесс эволюции. Два миллиарда лет без Homo Sapiens на Планете не было мировых войн за собственность и отсутствовал разврат снобистского потребления. Стички местного, если не сказать индивидуального, характера за жизненные (витальные) ресурсы и самок были, есть и будут, но заканчивались они, как правило, без жертв [2]. Особенно глубокие и предельно негативные последствия для Природы были «достигнуты» Человечеством именно после перехода от парадигмы сосуществования с необъятной и непознаваемой окружающей средой к ничем необоснованной уверенности в своей исключительности. Заблуждение погрязшей в гордыне так называемой западной цивилизации в возможности покорения Природы стало доминантой современной мировоззренческой парадигмы. Г. Т. Бокль еще в XIX в. заявил, что «в Европе преобладающим направлением было подчинение природы человеку, а вне Европы — подчинение человека природе» [3]. Этой вселенской ошибке Запада способствовали как современные религии, так и неверно трактуемые «инновационные достижения» науки, среди которых «Капитал» занимает одно из ведущих мест в современном мировоззрении.

и как ноосферы Солнечной системы и даже ноосферы Вселенной в целом.

---

¹ Здесь и далее, употребляя термин «Природа», мы будем иметь в виду ее понимание В. И. Вернадским как ноосферы, причем не только как ноосферы Земли, но

Для аксиоматического моделирования явлений переходной и будущей экономики в мире в первом томе рукописи автору пришлось ввести и определить несколько новых категорий и понятий.

Кибернетическая эпистемология (теория сложности) — это новая объединительная научная парадигма этапа, который относится по традиционной классификации к шестому технологическому укладу. В наиболее общем, философском понимании, это естественный мировоззренческий ответ человеческого самосознания на исторический тупик науки и человеческого бытия, куда завели их классические постулаты, включая Декартов дуализм, механистическую интерпретацию явлений, изучаемых науками о живом, социально-экономическими науками и другие исторически обусловленные заблуждения.

Кибернетическая эпистемология — это гуманитарно-естественная наука шестого технологического уклада, призванная методологически объединить три ветви современного миропонимания: науки об искусственном, науки о живом и социально-экономические науки. Предметом исследования кибернетической эпистемологии (теории сложности) являются сложные системы.

В эмпирическом и прагматическом отношении предпосылки классических наук устарели, потому что кибернетика, критическая эпистемология, теория сложных систем, холистическая медицина¹, гештальт-психология², теория глубокой экологии [4] и другие, несомненно, лучше и точнее объясняют мир живых существ и поведение людей. Перечисленные науки и некоторые другие в той или иной мере синергетически расширяют интегрирующее понятие «кибернетическая эпистемология» или «теория сложности».

Четыре принципа, которые лежат в сакральном фундаменте кибернетической эпистемологии:

- стремление к истине вопреки любым препятствиям;
- безграничное терпение в отношениях с окружающими соратниками и критиками;

¹ Холизмом называется философская позиция, полагающая, что объекты в целом обладают свойствами, не сводящимися к свойствам их частей. Науки об искусственном чаще применяют термин «синергия».

² В основе этой науки при исследовании психических явлений сознания лежит принцип целостности человека, его интеграции в эволюционные процессы Природы, а также в противоестественные, но реальные процессы генерирования бумажных законов и их объявления вечными и подлежащими исполнению под страхом наказания. Этим гештальт-психология отличается от механистической и ассоциативной психологии.

— осознанная и активная доброта по отношению к самому дорогому, что есть у Человечества, — к Природе-матери;

— возведение на престол развития деятельного исихазма³ в дополнение к традиционному гуманизму.

Простая система — это целостный набор отдельных элементов, собранных вместе, которые обеспечили в результате такого объединения получение новых синергетических свойств.

Сложная система — это такая и только такая система, которая одновременно обладает по крайней мере, следующими свойствами: синергия (холизм), аутопоэз, рекурсивность. Вкратце рассмотрим их по порядку.

Синергетика — научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах благодаря интенсивному обмену веществом, информацией и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. В таких системах наблюдается согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень ее упорядоченности, то есть уменьшается энтропия [5].

Синергия характеризует свойства системы, не сводимые к механистической сумме свойств входящих в нее элементов. Иными словами, у любой системы есть свойства, переходящие к ней от структурных элементов, и дополнительные свойства целостной системы, что и отличает ее от набора разрозненных элементов.

Данное понятие является банальным для науки и используется по тексту в традиционном понимании.

Аутопоэз (autopoiesis) (международный термин), или самосозидание (русский аналог), используется в современной научной литературе для характеристики объективного процесса самопроизвольного зарождения и развития сложных систем на бесконечном промежутке времени по сравнению с продолжительностью жизни человека. В разговорной речи наиболее близким аналогом аутопоэзного процесса является выражение «само по себе».

С общечеловеческих позиций введение данной категории явилось, может быть, самой грандиозной революцией в науке XX в., так как аутопоэз фактически соответствует понятию «непознанное», «принципиально непознаваемое» или даже «Бог». Рассмотрим его научную интерпретацию для прояснения ситуации. Компонентами подсо-

³ В основе доктрины деятельного исихазма лежит синергия, достигаемая в результате сознательной сонаправленности действий Человека и Божественных энергий (аутопоэза).

знательного образца (КПО) категории «аутопоэз» являются:

- непостижимый современной наукой процесс самозарождения сложной системы из «ничего»;
- создание самозародившейся сложной системой ограничительной границы-мембраны и правил взаимодействия подсистем и системы с надсистемой;
- имманентные импульсы развития системы;
- своеобразное «пищеварение» потребляемых из окружающего мира ресурсов и избавление от отходов, возникающих в результате процессов «самосозидания» системы;
- материализация процессов развития в конкретных осязаемых индивидуумами формах.

Рассмотрим перечисленные компоненты более подробно.

Первое. Исходной КПО аутопоэза является самозарождение без какого-либо внешнего целенаправленного субъективного воздействия. Классические ученые понимают самозарождение как счастливый случай в рамках теории вероятностей. Верующие люди считают, что все появилось «по воле» некоего божественного фактора. Тибетская философия и современные уфологи верят в неких «садовников» внеземного происхождения. Обыватель скажет: «само по себе». Все эти интерпретации первотолчка пока для человечества непознаваемы в принципе, то есть они имеют характер сакрального верования в религии или аксиомополагания в науке. Иными словами, самосозидание сложной системы начинается с объективного взаимодействия известных и неизвестных человечеству факторов окружающего мира и самопроизвольного зарождения сложной системы. Так, неживая Природа была однажды аутопоэзно дополнена неведомой ранее системой, называемой теперь жизнь, которая самосоздала Человека и наделила его человеческим сознанием. Этот аутопоэзный процесс невозможно остановить или отменить усилием воли индивидуумов. После появления сознания как фактора развития начался аутопоэзный процесс его эволюции.

Второе. Обособление некой совокупности процессов, явлений, фактов и прочего предполагает возникновение специфической компоненты — границы-мембраны сложной системы. В самом общем виде это аналогия мембраны с регулируемыми свойствами, позволяющими сложной системе самой управлять проникновением внутрь ресурсов, информации и выбросом наружу отходов. Она защищает сложную систему от смешивания с окружающей средой. Ее не надо понимать как колючую проволоку на границе двух государств

или линию на карте. Сюда относятся разграничительные маркеры семьи, производства, государства и т. п. При этом все внутренние подсистемы, находящиеся внутри такой мембраны, взаимодействуют по четким правилам энергетического совершенствования, а не саморазрушения.

Третье. Наверное, самым удивительным в аутопоэзе является то, что все процессы естественного и объективного самосозидания и дальнейшего развития сложной системы в целом и ее отдельных компонент происходят без волевого «принуждения» извне, на основе внутренних импульсов развития. Обобщенно можно согласиться, что внутренние импульсы порождаются так называемой рекурсивной обратной связью. Ее природа неясна, но факт существования надежно регистрируется как в Природе, так и в обществе. Это не означает, что сложная система полностью автономна и не получает информации, энергии и материи извне. Она способна сама, используя свою структуру и поступающие через границу энергию, вещество и информацию, генерировать свое устойчивое состояние в далеких от равновесия точках, что не свойственно большинству явлений неживой Природы, скатывающихся к максимально равновесным состояниям хаоса. Результатом этих процессов является постоянное восстановление подсознательного образца и топологически возможное изменение структуры системы или отдельных компонент в пределах допустимости паттерна организации системы, под воздействием информации от цепочек рекурсивных обратных связей. Эти процессы протекают в пределах допустимых теоретических моделей, в том числе и во время прохождения кризисов (точек бифуркации).

Четвертое. Любая сложная система в процессе аутопоэзного развития формирует своеобразное «пищеварение», то есть потребление из окружающей среды ресурсов, информации и энергии, и избавление от возникающих шлаков и отходов. Это «питание» поддерживает в равновесии теоретическую модель (структуру) сложной системы в допустимых пределах подсознательного образца, то есть в точке, далекой от естественной точки устойчивости данной системы.

Пятое. Мы реально наблюдаем материализацию процессов аутопоэзного развития сложных систем в конкретных формах, обнаруживаемых органами чувств человека и исследуемых научным инструментарием. Взаимовлияние внутренних компонент сложной системы, а также системы с надсистемой могут как регистрироваться существующими методами измерений, так и оставаться неизвестными нам в силу исторического

уровня развития науки. Последняя ремарка особенно важна, потому что законы Природы не ограничиваются тем известным минимумом, который человечество облакает в различные формы исторических научных парадигм на каждом этапе своего развития¹ и стремится объяснить ими многообразие явлений, просто отмахиваясь от всего, что под очередное клише классических наук не подходит. Эта «осязаемая» компонента подсознательного образца аутопоэза позволяет нам познавать сложные системы на основе регистрации их различных проявлений, материализаций и состояний во времени и в пространстве методом множественного сравнения, аналогом которого можно считать современный томограф.

Таким образом, введя в научный оборот категорию «аутопоэз», наука все еще непознанные и принципиально не познаваемые явления теперь называет этим понятием, а не словом «бог». Формируются непредсказуемые трещины на стекле — аутопоэз. Снежинки «изобретают» бесконечное множество неповторимых форм — аутопоэз. Каким-то образом появилась на Земле клетка — аутопоэз. Сформировался Человек в формате четырех рас — аутопоэз. Сознание в процессе эволюции осваивает четвертое, информационное пространство — аутопоэз, и т. д. и т. п. В подтверждение этого загадочного явления самосозидания, научно именуемого аутопоэзом, можно привести слова Н. П. Бехтеревой: «Всю свою жизнь посвятив изучению мозга человека, я прихожу к выводу, что понять создание такого чуда без понятия Творца практически нереально».

Рекурсивность — это иное метрическое сопоставление наук об искусственном (математики, физики) и реальной жизни.

В науках об искусственном «линейность» — это техническое понятие, выражающее такое отношение между переменными, которое на графике в прямоугольных декартовых координатах изображается прямой линией. Данное понятие является яркой иллюстрацией искусственности этой группы наук, так как в Природе прямая линия в

математическом значении встречается крайне редко и в очень специфических условиях. Математическая линейность противопоставляется всей прочей математической нелинейности.

В кибернетическом смысле линейный означает такое отношение между рядом причин или аргументов, при котором эта последовательность никогда не возвращается в исходную точку, то есть это природная линейность, в основе которой лежит необратимость, как всеобщее свойство Природы. Противоположность кибернетической линейности — рекурсивность. Она предполагает включение каждого нового результата взаимодействия сил Природы в качестве аргумента при следующем шаге своего развития, что приводит к пониманию фундаментального фактора неопределенности.

Рекурсией называется процесс с повторным выполнением циклов, при котором на каждом следующем шаге результат предыдущего используется как новый аргумент функции. Наиболее иллюстративными графиками рекурсивных функций являются странные аттракторы. Для формализации гуманитарных категорий и понятий кибернетическая эпистемология вводит понятия метрики и топологии в их эпистемологическом понимании.

Метрика (гуманитарных категорий) — эпистемологический термин, обозначающий правило или формулу для определения «расстояния» между двумя точками, понятиями и т. п. исследуемого пространства явлений и измеряемого в сравнимых и сопоставимых величинах. При этом в гуманитарных исследованиях расстояние необязательно измеряется парсеками, метрами, ангстремами и пр. Главным для оценки метрики гуманитарных категорий является любое приемлемое сравнение и сопоставление свойств категории в целом или компонент их подсознательного образца в рамках избранной метрической системы. Например, метрическим «расстоянием» между различными видами живых существ может быть их скрещиваемость. Это понятие в книгах не рассматривается подробнее, так как его известная математическая интерпретация достаточно точна, за исключением добавления к классической метрике гуманитарных объектов измерения и, часто, не цифрового учета расстояний.

Топология (гуманитарных категорий) — эпистемологический термин, изучающий свойства систем и явлений, не изменяющих своих существенных характеристик при «деформациях», осуществляемых без «разрывов» и «склеиваний» объектов деформаций. Классическая топология представляет собой специальный раздел математики, исследующий в самом общем виде явление

¹ Надо ясно понимать, что все открытые и еще непознанные законы Природы существовали всегда и определяли процессы развития всего сущего. Закон всемирного тяготения не появился в момент его формулировки. Также на нас оказывает влияние множество других законов Природы, которые пока нам неизвестны, но от этого их воздействие не оказывается сильнее или слабее. Мы объясняем мир на основе наших примитивных представлений об окружающей действительности, которые будут выглядеть весьма наивными на следующих этапах освоенных Человечеством знаний в меру аутопоэзного процесса эволюции сознания.

непрерывности. В гуманитарных науках топология важна для понимания неизменности сущностных свойств различных гомеоморфных теоретических моделей, компоненты подсознательного образца которых остаются неизменными при их деформациях в форматах подобных теоретических моделей под воздействием бумажных законов различных стран и даже эпох. В топологии важны не метрические свойства, например, табуретов различных модификаций, а примененные столяром «деформации», которые преобразуют табурет в кресло со спинкой.

Иными словами, топология вслед за изменениями производительных сил, производственных отношений и надстройки, должна фиксировать их состояние, когда можно говорить хотя и о сильно деформированной, но все еще капиталистической общественно-экономической формации без «разрывов» и «склеиваний». В точке исследуемого пространства, когда система производительных сил, производственных отношений и надстройки под воздействием имманентных деформирующих факторов развития «разрывается», исследователь топологических свойств «рыночных отношений» должен констатировать появление общественно-экономической формации качественно нового типа. В случае настоящего исследования делается вывод об объективном преобразовании «рыночной формы отношений» в принципиально новую форму отношений Гуманистической общественно-экономической формации под воздействием аутопоэзного фактора эволюции сознания.

Нельзя не вспомнить, что Аристотель считал фундаментальным принципом и началом любого явления форму. Он отождествлял материю и форму, но первую он считал как возможную, а вторую — действительной. Он считал, что форма предшествует материи, которая может существовать самостоятельно в форме духовных сил и разума человека. Не углубляясь в философские тонкости соотношения материи и формы, кибернетическая эпистемология рассматривает все явления с метрической и топологической точек зрения на всех трех уровнях научной абстракции: подсознательного образца, теоретической модели и процессов функционирования.

«Топология» также отдельно не анализировалась в силу ее хорошей аналогии с математическим пониманием данной категории. Констатируется лишь топологический метод фиксации перехода от формации прошлого типа (капитализм = капитализм + социализм) к формации будущего (гуманистическая формация добротворения), а также замена цивилизации покорителей Природы на цивилизацию сосуществования

с Природой. Глубина современного кризиса и историческая ретроспектива свидетельствуют о наступлении в нашей истории новой поворотной точки умирания «цивилизации покорителей Природы», заикленной на функционировании в рамках различных моделей рыночной парадигмы. Доминирующая лжеидея, что Природа должна служить человеку, а окружающий мир можно и нужно контролировать в целях удовлетворения не только витальных, но и снобистских потребностей, превратила процесс технического прогресса в варварскую вакханалию «уничтожения сука», на котором сидит все живое на Земле.

Просвещенческая идея покорения Природы благодаря закономерному и аутопоэзному процессу эволюции сознания меняется на новую эпистемологическую парадигму «взаимовыгодного общежития с Природой».

Для исследования процесса познания явлений окружающего мира автору пришлось ввести еще несколько новых понятий.

Подсознательный образец (русский термин), или *паттерн*¹ *организации системы* (международный аналог), в наиболее общем виде можно определить как минимальную конфигурацию внутренних процессов-компонент, синергетически определяющих сущностные характеристики явлений окружающего мира и проявляющихся в процессе внутреннего диалога подсознания и сознания для «превращения территории в карту». *Компоненты подсознательного образца дают сознанию самое точное и краткое понимание сущности вещи, процесса или явления, имеющих сравнимые и сопоставимые метрические и топологические свойства.* Это не выдуманная научными работниками сущность для защиты диссертаций, а природа любого понятия в Аристотелевском понимании. Библиотека компонент подсознательного образца формализуется в онтологии.

Онтология в теории информации — это современный метод научного препарирования

¹ Паттерн (англ. pattern — шаблон, образец). Термин широко используется в дисциплинах и технологиях в англоговорящих странах. В информатике это эквивалент оптимального метода решения типовых задач проектирования, в том числе и компьютерных программ. В психологии его используют для характеристики стереотипных поведенческих реакций. На биржах он применяется для выделения на графиках цен неких характерных участков. Паттерн также используется в музыке и некоторых других областях человеческой деятельности. Русский термин здесь вводится с двумя целями: для того чтобы уйти от западных стереотипов понимания данной категории, которые весьма далеки от эпистемологического смысла, а также с целью создания более адекватного отечественного понятия.

неформализованных, часто размытых гуманитарных понятий при помощи нового инструментария, элементами которого являются:

- «акторы», куда могут входить «экземпляры», «индивидуумы» и «знаки»;
- «категории», «классы» или «понятия», которые на основе абстрагирования от несущественных различий и консолидации значимых общих черт «акторов» превращаются в «абстрактные группы» или «коллекции»;
- «иерархии», или структурная организация и порядок взаимодействия, могут применяться как к «актерам», так и к «коллекциям»;
- «атрибуты» — значимые для исследования свойства, которые поддаются метрическому сопоставлению и топологической идентификации для нужд моделирования и сущностного осмысления явлений.

Исходный термин «онтология» был введен в науку немецким философом Р. Гоклениусом еще в начале XVII в. для выделения раздела философии, исследующего всеобщие основы, принципы бытия, его структуру и закономерности. Здесь используется информационная трактовка классического понятия. Наиболее целостное, практическое представление об информационной онтологии можно получить, изучая теорию мультиагентных систем.

Теоретическая модель системы (российский термин), или структура системы (международный аналог) — это допустимая, физическая материализация подсознательного образца (паттерна организации системы).

Процесс функционирования системы — это практическая, конкретная деятельность людей, направленная на адекватное или неадекватное применение допустимой теоретической модели (структуры) системы в реальных условиях жизнедеятельности (в самом широком смысле) и постоянное воспроизводство компонент подсознательного образца.

Мыслительный аппарат человека включает библиотеку компонент подсознательных образцов, которая формируется в процессе образования, и метис, отпечатывающийся в телесном сознании ребенка в ходе воспитания.

Метис — это древнегреческое понятие, которое возвратил в научный оборот американский ученый Дж. Скотт. Он отмечает: «В широком смысле он (“метис”) означает огромное множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно меняющимся природным и человеческим окружением» [7]. Здесь нам необходим данный термин, так как он наглядно свидетельствует, что три предыдущие категории

методом научной абстракции разделяют уровни осознания человеком явлений окружающего мира. Однако это лишь научная абстракция, так как в головах простых индивидуумов «подсознательный образец», «теоретическая модель» и «процессы функционирования» переплетены так сильно и органично, что без специальной подготовки и наличия таланта истинного ученого (как таланта художника, писателя, поэта и т. п.) разобрать данный «винегрет по полочкам» практически невозможно.

От избитой абстракции «система» автор переходит к пониманию системы как «живого» организма.

Диссипативная структура (международный термин), или *сложная неравновесная информационно-энергетическая динамическая система* (российский аналог) — это система, которая при определенных условиях, поглощая энергию из окружающего пространства и избавляясь от отходов своей жизнедеятельности, получая, обрабатывая и накапливая информацию, может либо разрушаться, либо аутопоэзно совершать качественный скачок к сохранению или даже усложнению своей теоретической модели (структуры) в более высоком состоянии равновесия.

Точка бифуркации (международный термин), или критический порог устойчивости (российский аналог) — это период жизни сложной диссипативной системы, достигшей граничных параметров допустимости теоретической модели в отношении конкретного подсознательного образца (паттерна организации), когда она может либо разрушиться, либо прорваться к одному из нескольких новых состояний порядка, то есть новой допустимой материализации данного подсознательного образца (паттерна организации).

Организационная структура диссипативной структуры включает две подсистемы.

Руководящая подсистема общества (РП) — это совокупность лиц, институтов и бумажных законов, выполняющих функцию подчинения управляемой подсистемы общества в целях эгоистичного, корыстного перераспределения природных ресурсов и создаваемых благ в интересах членов руководящей подсистемы.

Управляемая подсистема общества (УП) — это все индивидуумы и структуры гражданского общества, не получившие своего места в руководящей подсистеме и вследствие этого лишенные доступа к процессам принятия решений по распределению природных ресурсов и создаваемых благ.

Фундаментальным отличием представленного исследования от прочих аналогичных работ является классификация потребностей людей.

Витальные потребности (ВП) — это исторически обусловленная научная политэкономическая категория, которая характеризует социально приемлемый уровень потребностей (органическое строение витальных потребностей), обеспечивающих достойное существование людей на каждом конкретном этапе эволюции сознания.

Снобистские потребности (СП) — это потребности, не связанные с поддержанием жизнеспособности социума или индивидуума и проявляющиеся в потребности публичной демонстрации своего превосходства над другими людьми не благодаря своим личным моральным, нравственным и прочим человеческим качествам, а за счет превращения дорогих или эксклюзивных товаров в самодостаточный фетиш превосходства.

Решающим элементом экономики, которая представляет собой искусственную среду обитания человека, являются посредники при обмене между участниками разделения труда.

Деньги с демереджем (синонимы: метрические средства оборота, свободные деньги, деньги Гезелля) — средства обращения, выполняющие лишь две функции: меры стоимости и средства обращения. Демередж — это форма налога на владельца бумажных денег, который взимает эмитент — общество — за право владения данными деньгами. Этот налог уценивает номинальные денежные знаки и обеспечивает их «порчу», аналогично порче от времени всех прочих товаров, обращающихся на рынке. Это лишает их функций средства платежа и сокровища. Демередж платит пользователь денег, а доход их эмитента называется сеньораж. Данный налог в десятки раз ускоряет оборот этого средства обращения и, соответственно, снижает потребности реальной экономики в стоимостных посредниках на рынке. Это явление будет детально рассмотрено в тексте рукописи, как в сущностном, так и в историческом аспектах.

К трем исходным аксиомам¹, на которых строится все современное миропонимание, включая науку, религию, метафизику и эзотерику, автор в соответствии с теоремами К. Гёделя о неполноте добавил четвертую базисную аксиому, названную «эволюция сознания».

Эволюция сознания — это аутопоэзный, не зависящий от процессов в науке и образовании, имманентный процесс эволюции миропонимания

¹ Первая аксиома: все в мире есть результат роста энтропии в неживом мире материи и энергии. Вторая: живая клетка, огорожившись мембраной, сумела направить внутриклеточные процессы к снижению энтропии. Третья аксиома характеризует процесс взаимодействия неживой и живой материй, который мы называем «слепой эволюцией».

Homo Sapiens (возможно и других видов)² через телесное сознание, который имеет гуманистическую метрику и поверхностно материализуется в двух формах:

- инновации как способ усиления естественных человеческих способностей (зубов и когтей) для покорения Природы;
- бумажные законы как способ подчинения индивидуумов управляемой подсистемы (УП) общества интересам членов руководящей подсистемы (РП), для корыстного перераспределения создаваемого общественного продукта в интересах меньшинства.

Инновации — это результирующий феномен процесса аутопоэзной эволюции сознания, который материализуется в создании человеком все более сложных технических и технологических систем, развитии производительных сил общества в целях усиления естественных способностей индивидуумов для покорения Природы. Инновации контролируются аутопоэзными силами Природы. Когда Человек перекладывает на плечи машин свои функции по покорению Природы, эволюция лишает Человека замещаемых способностей выживать без данных инноваций. Поэтому любые инновации нельзя рассматривать в отрыве от осознания ответа на них слепой эволюции.

Бумажные законы — это результирующий феномен процесса аутопоэзной эволюции сознания, который материализуется в процедурах целенаправленной и умышленной генерации норм и правил, защищающих права руководящей подсистемы на жизнь за счет большинства населения — управляемой подсистемы общества. Бумажные законы — это обобщающая категория, характеризующая процесс сознательного формирования руководящей подсистемой комплекса искусственно созданных, корыстных и возведенных в исторический абсолют законов, норм, правил, обычаев и т. п. социально-экономического и политического развития. Они позволяют сакрально фетишизировать процессы нарушения законов Природы в интересах руководящей подсистемы в рамках исторически незначительных пространственных и временных периодов. Объективные законы Природы можно использовать, но нельзя отменить. Бумажные законы можно временно отменять и заменять их новыми при обострении отношений между РП и УП.

² Здесь имеются в виду некоторые научные сведения, которые позволяют весьма условно говорить о наличии у земных живых существ по крайней мере инстинктивного сознания, двигательного сознания. Абстрактно-мыслительное сознание, свойственное Человеку, позволило ему проникнуть в четвертое — информационное измерение мироздания.

Метрико-топологической меткой современного капитализма является понятие «бизнес», о существовании которого мало кто задумывался. Автор обоснованно разъясняет его отличие от предпринимательства.

Бизнес — это исторически обусловленная, регулярная, медленно эволюционирующая деятельность в сфере переработки ресурсов в потребительные стоимости и услуги, главной и отличительной особенностью которой является имманентное стремление к получению средней нормы прибыли на равный вложенный капитал в любых отраслях и сферах деятельности. При этом доходность, равно как и риски, в бизнесе минимальны.

Предпринимательство — это внеисторическая новаторская деятельность, которая свойственна всему живому на Земле. В человеческом социуме она нацеливает индивидуумов на осуществление неординарных, инновационных действий с целью интегрального снижения расходов ресурсов на единицу полезного общественного результата путем модернизации производительных сил и совершенствования производственных отношений. В исторический период сосуществования бизнеса и предпринимательства целью последнего также является получение инновационной сверхприбыли за счет интеллектуальной конкуренции с бизнесом. Предпринимательство олицетворяет тезис К. Маркса о невозможности достижения абсолютной монополии.

Переходя к социально-экономическим отношениям, автор предлагает читателям определения трех терминов.

Демократия характеризуется тремя компонентами подсознательного образца: собственностью, работающей на благо всего общества (экономическая демократия); меритократией, то есть бесплатной, естественной авторитетностью публично выдвигаемого лидера гражданского общества (социальная демократия); принципом отношений РП и УП «выиграл-выиграл» (политическая демократия).

Капиталистическая общественно-экономическая формация (КОЭФ) — это обобщающее название всей совокупности моделей, начиная от капиталистической и заканчивая советской социалистической, которые базировались на единых исходном и основном производственных отношениях, технологиях 3—5-го укладов, лишении всех индивидуумов из УП прав на безусловное удовлетворение витальных потребностей и подмене демократии олигархическим принципом взаимодействия РП и УП «выиграл-проиграл» под прикрытием акционерного права или идеологических догм.

Гуманистическая общественно-экономическая формация (ГОЭФ), которая в наиболее общем виде представляет органическую интеграцию технологий шестого уклада по Кондратьеву (производительные силы), третьего мотива человеческой деятельности по Гэлбрейту (производственные отношения), демократию «выиграл-выиграл» (эффективности по Парето) на основе меритократии (надстройка).

Здесь уместно уточнить данное понятие как принципиально новое для науки и современного этапа миропонимания. В рукописи ГОЭФ будет использоваться как интегральное наименование принципиально новой объяснительной интерпретации явлений окружающего мира. Однако в силу высокой содержательности слов русского языка целесообразно сформировать емкое понятие, которое можно использовать в рассуждениях за пределами политической экономии. По нашему мнению, наиболее точно будущее мироустройство, исследованию которого посвящается настоящая рукопись, можно именовать «ДОБРОТВОРЕНИЕ». ДОБРОТВОРЕНИЕ представляет собой неразделимое единство ДОБРОСТРОЯ и ДОБРОМЫСЛИЯ. Добрострой [8] характеризует объективные процессы преобразования материальной стороны человеческого бытия, которые происходят в результате аутопоэзного процесса эволюции сознания и проявляются в форме развития античной философии (науки) и римского права (бумажного законодательства). В самом общем виде Добрострой акцептует западный подход к миропониманию через явление, именуемое гуманизмом. Западный гуманизм есть синергия двух первых составляющих фундамента человеческого бытия: античной философии и римского права. В некотором смысле можно констатировать, что западный гуманизм — это научно-правовая историческая интерпретация границ допустимости отношений людей между собой и их взаимодействия с Природой. Это сугубо внешняя сила, которая вводит внутренние имманентные потребности, интересы и ценности индивидуумов в исторически допустимые «рамки приличия». Начиная с XIV в. западный гуманизм все более и более деформируется под коммерческим напором капитализма. Он противостоит духовности — третьей составляющей фундамента человеческого бытия, которая в наиболее полном виде представлена в исихастской традиции. Духовность, или ДОБРОМЫСЛИЕ, как третья опора базиса человеческих взаимоотношений оформилась в самостоятельный фактор развития нашей цивилизации благодаря подвижнической деятельности святителя Григория Палмы. Он сформировал целостное представ-

ление об исихазме как о действии Божественных нетварных энергий в мире и в человеке. Переводя данное выражение на современный язык, можно сказать, что он выступал за системное рассмотрение познанного, пока не познанного и принципиально непознаваемого при оценке состояния каждого человека, сообществ, «сообществ сообществ» и Человечества в целом. Понятие В. И. Вернадского о ноосфере можно представить как самое целостное научное учение, отвечающее изначальному понятию «исихазм». В основе данной доктрины лежит синергия, достигаемая в результате сознательной сонаправленности действий Человека и Божественных энергий (аутопоза). Лучшей иллюстрацией этого русского национального качества является специфический фатализм наших людей. Они верят в непоколебимое торжество своих идеалов, в неизбежную победу добра над силами зла, откуда бы они ни наваливались на нашу страну, а также во вселенское превосходство нравственной чистоты над западной грязью, корыстью и похотью.

Наиболее известный последователь ДОБРОМЫСЛИЯ, или духовности деятельного исихазма, в нашей стране — это Сергей Радонежский¹. Его вера в Святую Троицу и подвижническая деятельность, показывающая возможность развития общества не через науку и право, а благодаря внутреннему совершенствованию самой личности каждого человека, завершила формирование трех столпов Человеческой цивилизации: науки, права и духовности. Причем современный кризис наглядно показывает, что при выдающихся достижениях земной науки и огромном наборе правовых документов без деятельной духовности исихазма, сохраняемого в Православной религиозной культуре, дальнейшее развитие Человечества возможно лишь в форматах нового многовекового варварства информационной эпохи. Именно духовность, сохраненная этносом, опирающемся на Православный деятельный исихазм, является тем ключиком к будущему, который так безуспешно ищут западные, да и отечественные, научные работники.

Несомненный интерес имеют результаты проведенного автором сопоставительного анализа классической политической экономии, так называемого мейнстрима, шестого технологического уклада и кибернетической эпистемологии.

¹ Здесь нельзя не вспомнить монаха Авеля (1757—1841), в миру Василий Васильев, которого за правду и великую прозорливость Николай I (Палкин) гноил в арестантском отделении Суздальского Спасо-Ефимиева монастыря. Уже в те далекие годы он видел современный навал Запада на Россию и предсказывал новое возрождение страны.

Автор также нашел очень точные слова священников, с помощью которых в рукописи удалось показать духовный вектор развития нашей цивилизации.

Исследуя труды предшественников, автор справедливо отмечает: «Будучи мудрым задним умом, учение К. Маркса о капитализме можно, хотя бы частично, уличить в методологическом и сущностном указании ошибочного курса, приведшего нас к современному глобальному кризису цивилизации. Поэтому “Капитал” следует препарировать под современным углом зрения или вслед за К. Поппером осуществить его критическую фальсификацию, отдавая должное жизнеспособности данной искусственной теоретической объяснительной модели искусственной среды обитания — экономики в умах многих поколений людей».

Именно эта задача ставилась автором в начале исследования. Поэтому структура рукописи по возможности максимально приближена к структуре «Капитала». Предельно идентично использовалась последовательность повествования и методология К. Маркса, чтобы данная рукопись и «Капитал» были в топологически сопоставимом и метрически сравнимом формате. Таким образом автор добился понимания завершения исторического периода доминирования Марксовской социально-экономической парадигмы и осознания необходимости естественного перехода к следующему этапу развития экономической мысли в формате политической экономии будущего — политической экономии гуманистической общественно-экономической формации (ГОЭФ).

Вторая книга [9] девятитомника представляет собой, современное прочтение «Введения (из экономических рукописей 1857—1858 годов)» [10]. Здесь дан анализ предмета политической экономии будущего в соотношении с предметом исследования, заявленным К. Марксом. Предметом политической экономии ГОЭФ является вся совокупность социально-экономических отношений², обусловленных необходимостью

² Здесь мы возвращаем читателя к Адаму Смиту, который хорошо понимал, что экономические отношения неотделимы от всего многообразия социального существования любого социума и их невозможно понять без глубокого и всестороннего анализа устоев, нравов, традиций и обычаев любого исследуемого общества. Предельное упрощенчество и сужение предмета политической экономии позволило К. Марксу описать некую искусственную экономику совершенной конкуренции, но увело ученых и мыслителей от реальности столь далеко, что аутопозным силам Природы пришлось опрокинуть на «общество всеобщего капиталистического благоденствия» леденящий ушат глобального и тотального кризиса цивилизации.

бескризисного взаимодействия Человека с Природой, для удовлетворения органических витальных потребностей живущих поколений и расширения ресурсной базы для будущих жителей Земли под воздействием аутопоэзного процесса эволюции сознания: «изъятие ресурсов из Природы — производство БЛАГ для удовлетворения витальных потребностей индивидуумов — удовлетворение витальных потребностей — утилизация отходов — возврат обезвреженных отходов в Природу или в начало нового воспроизводственного кругооборота».

Предмет политической экономии, по К. Марксу, материализуется в таком очевидном разрушительном следствии: экономический рост в капиталистическом обществе создает узкий круг бенефициаров за счет ограбления большинства неудачников. Число наиболее крупных бенефициаров сокращается, а число неудачников растет в геометрической прогрессии.

Не менее значимым для всего последующего исследования является вопрос о научном инструментарии. Автором представлен анализ развития и дополнения блестящей Марксовой методологии некоторыми современными инструментами изучения сложных социальных систем. Квинтэссенцией развития классической научной методологии¹ является наложение на них инструмента множественного сравнения, что превращает «фотографию» явления в «видеоряд» процесса.

В третьей [11], четвертой [12] и пятой [13] частях рукописи практически построчно рассмотрен текст первого тома «Капитала» К. Маркса. Приступая к некоей конструктивной аналитической трактовке «Капитала» автор отметил, что гениальное произведение К. Маркса притягивало многих ученых, политиков, да и простых людей. Начиная с В. И. Ленина, чьи конспекты работ К. Маркса мы хорошо знаем, многие ученые пытались представить свою интерпретацию этого произведения. Автор вспоминает книгу Д. И. Розенберга «Комментарии к “Капиталу” К. Маркса» [14]. Эта книга спасла множество студентов на экзаменах, позволила наиболее продвинутым партаппаратчикам щеголять знаниями марксизма-ленинизма без лишних хлопот. Можно повторить мнение тысяч исследователей наследия К. Маркса, что книга Д. И. Розенберга является лучшей и наиболее близкой к духу оригинала интерпретацией. Прочие попытки целостных или частичных комментариев к данной работе недотягивают до поименованного образца.

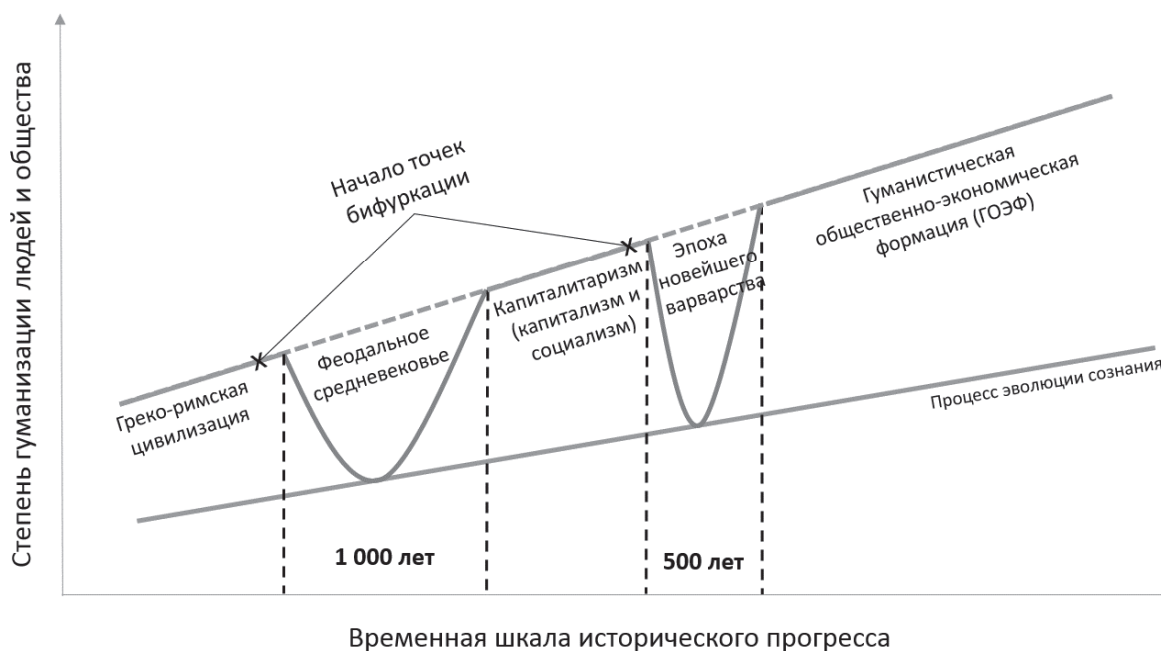
¹ Методы: дедукции и индукции, восхождения от простого к сложному, научной абстракции, каузальный, логический и исторический, а также математического (рекурсивного) моделирования.

Глубокое знание марксистской литературы позволило автору завершить окончательную фальсификацию базовых постулатов капитализма (рыночной экономики) в форматах классического марксизма, в том числе: исходного производственного отношения будущей формации в сопоставлении с аналогичной категорией К. Маркса; его двух факторов; развития форм стоимости в постмарксовый период; изменения сферы обмена, а также всех аспектов категории «деньги».

Автором представлен график развития человеческой цивилизации (см. рисунок на с. 199) и обосновывается изоморфность современного кризиса с периодом перед провалом античной цивилизации в тысячелетие темного средневековья.

Представленная автором исходная часть научного исследования политической экономии ГОЭФ составляет мостик между «Капиталом» К. Маркса и новой философской и теоретической моделью социально-экономических отношений, которые постоянно развиваются, не останавливаясь ни днем, ни ночью, ни на минуту. Отсутствие на интервале между 25 июля 1867 г. до нынешнего времени критического взгляда на великие открытия К. Маркса незаметно превратило их в догмы, цитатник, оторванный от реалий современной жизни. За этот период было предпринято множество попыток по-своему трактовать фундаментальные положения марксизма. Западная экономическая теория пыталась ускользнуть от всепроникающей методологии, обобщенной и успешно примененной К. Марксом в «Капитале», за термином-гермафродитом — «экономикс». Так называемая политическая экономия социализма заблудилась в идеологических фантазиях по поводу некоей особой социалистической плановости, но к ее бесспорным заслугам необходимо отнести следующее. Сгенерировав, как показалось идеологам социализма, принципиально новое исходное отношение — «плановость», советские ученые сумели сконструировать нежизнеспособную теоретическую модель политэкономии социализма, которая показала свою историческую ущербность. Однако данные, оторванные от практики, эксперименты с категориями в угоду идеологическим догматам позволили сохранить, а может, даже приумножить бесценное наследие классического марксизма — его научную методологию [15].

Критически рассматривая парадигму политической экономии прошлого, следует признать, что большинство классических постулатов претерпевают качественное развитие в теоретической модели политической экономии будущего. Однако сравнимыми и сопоставимыми прежняя и будущая модели остаются исключительно благодаря

Исторический процесс при учете четырех исходных аксиом

универсальному инструментарию научного исследования, который лишь слегка модернизируется вслед за объективными достижениями и открытиями наук на пороге шестого технологического уклада.

Вспомним, что К. Маркс написал «Капитал» и «Манифест коммунистической партии». Это были весьма сложные теоретические работы, осилить которые едва ли удалось членам будущей советской руководящей подсистемы. Но, ссылаясь на них как на новую коммунистическую Библию, В. И. Ленин свел суть теоретического марксизма к предельно простой миссии на уровне процессов функционирования: «Фабрики рабочим, землю крестьянам, мир народам». И все завертелось. То есть объединение высокой, почти сакральной цели «Капитала» и «Манифеста» с прагматическими лозунгами для управляющей подсистемы является единственно возможной и результативной стратегией ученых по возрождению суверенной России.

Исходное отношение капитализма — «товар» и «деньги» — было убедительно раскрыто и проанализировано К. Марксом в первом томе «Капитала». Автор в третьей части своей рукописи последовательно показал, что у будущей гуманистической общественно-экономической формации будет принципиально новый «посадочный материал — зернышко», которое в науке именуется исходной категорией, обозначающей исходное отношение. Такой первоклеткой ГОЭФ будет «благо» и «деньги с демереджем». описа-

ние фазового формационно-цивилизационного перехода к новой формации представлено в захватывающем стиле.

Основным производственным отношением капитализма марксисты признают «капитал»¹ и «прибавочную стоимость»². Основным социально-экономическим отношением ГОЭФ автор называет «знания» и «освоенные Человечеством ресурсы». Компонентами подсознательного образа основного производственного отношения ГОЭФ являются:

- «знания» = природный ресурс, обеспечивающий свободный доступ к факторам производства наиболее знающих, + общественное наследование знаний, материально-вещественных природных ресурсов и результатов общественного взаимодействия + бумажные законы «выиграл-выиграл»;
- «расширение ресурсной базы Человечества на основе новых знаний» = рациональность как следствие освоения новых знаний + вовлечение новых ресурсов в витальное

¹ «Капитал» = варварское первоначальное накопление + частное наследование захваченных природных ресурсов + защита узурпированного имущества бумажными законами акционерного права — «выиграл-проиграл».

² «Прибавочная стоимость» = теневое взаимодействие факторов производства под покровом юридического лица + неэквивалентный отъем у товаропроизводителя права товаровладельца под прикрытием данного юридического лица + защита бумажными законами прав капитала на изъятие максимальной части добавленной стоимости.

потребление как результат освоения новых знаний.

Это главные тезисы четвертой и пятой частей книги, но в ней еще есть захватывающий сюжет по 24-й главе «Капитала» — «Так называемое первоначальное накопление капитала». Автор доказательно показывает, что современный капитализм есть источник мирового терроризма, а терроризм — неотъемлемая составная часть капитализма.

Яркая и доказательная аналогия между «Капиталом» К. Маркса и средневековым учебником по выпестиванию крысиных королей, которых брали на борт моряки, бесспорно, демонстрирует читателям преступный характер капитализма (или как его с легкой руки Л. фон Хайека называют «рыночная экономика»). Автор показал, что посаженные в любую западную или советскую почву искусственной среды обитания людей — экономику исходное зернышки «товар и деньги Маркса» вырастают в формат крысиных войн за звание крысиного короля. Причем без правил, морали и нравственности. «Капитал» К. Маркса в самом общем виде есть практическое руководство по «воспитанию» крысиного короля — суперкапиталиста в человеческом социуме, спрятанное за абстракции «индивидуализм», «рационализм» и «конкуренция». Тем самым автор огласил приговор как капитализму, так и всем его апологетам, начиная с классиков и заканчивая так называемым мейнстримом.

Подводя итог прошлой истории и переходя к рассмотрению будущего мироустройства, автор приводит щемящую душу цитату. У. Черчилль, характеризуя крах Российской империи, писал: «Ни к одной стране судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми; Алексеев руководил армией; и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы. ...В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна» [16. Р. 227—229].

Это оценка прошлого. Автору удалось также найти невероятные мысли Нобелевского лауреата Э. Шредингера в книге «Мой взгляд на мир» [17]. Эту книгу относят к научному завещанию автора квантовой физики. Если же читать ее после настоящей рукописи, прослеживается тот же подход к мирозданию как к матери Природе, в которой мы, люди, всего лишь мелкие песчинки, но возымевшие гордыню покорителей. Читая с пристрастием, в его завещании можно найти все самые главные мысли настоящей рукописи. Изложены они в стиле абстрактного философствования прошлого века, без метрики и топологии. Но, если вспомнить, что любая информация в человеческом сознании имеет три ипостаси: «я знаю», «я понимаю», «я чувствую», — то книга Э. Шредингера приводит в еще больший восторг. Он, как величайший ученый, сумел переступить через первые два этапа познания и на уровне чувства изложил свою парадигму, в деталях совпадающую с представленной в настоящей рукописи более прагматической объяснительной теорией ДОБРОТВОРЕНИЯ. Под этим углом зрения, представляется важным для каждого продолжить свое научное путешествие по книге Э. Шредингера, которую он писал 35 лет и закончил в 1960 г.

В шестой части [18] автор приступил к описанию производных социально-экономических отношений. В первую очередь он исследовал отношения «человек — человек» и самое сложное отношение по поводу собственности.

В этом разделе автор впервые приводит типизацию собственности, выделяя первый тип — естественную собственность по праву силы — и частную собственность по факту ее закрепления за человеком бумажными законами. Вводится понимание ассоциированной частной собственности граждан (АЧСГ), которая составит базис ГОЭФ. Здесь много почти детективных сюжетов, квинт-эссенцией которых является неопровержимое доказательство того, что ПРИВАТИЗАЦИЯ В РОССИИ ПОКА ЕЩЕ НЕ ПРОИЗОШЛА! Прочсть шестую часть книги будет интересно каждому человеку, болеющему за судьбы России и своих потомков.

Седьмая часть рукописи [19] посвящена второму типу производных социально-экономических отношений. Данный предмет никогда не рассматривался с точки зрения политической экономики. Сеть отношений «Человек — Природа» столь многообразна и глубока по содержанию, что автор заранее ограничил себя лишь одним взаимодействием, которое сейчас объединено под понятием «ИННОВАЦИИ». Он поставил и

успешно выполнил две задачи. Первая: на примере анализа «инноваций» показан исчерпывающий образец исследования данного типа отношений с позиции кибернетической эпистемологии. Вторая: автору удалось сформировать принципиально новую объяснительную парадигму представления об инновациях в формате теоретической модели и методологии кибернетической эпистемологии.

Автор справедливо уничтожительно пишет о современном мире, который во главу угла поставил не дело ради дела и всеобщего блага, а бизнес ради личной прибыли узкого круга акторов руководящей подсистемы. Это не просто извращение Вселенских законов, а сознательная агрессия примитивных и малоразвитых существ против всей окружающей нас Природы. В реальности же — это банальная неизлечимая шизофрения, превратившаяся в эпидемию самоуничтожения рода людского. Законом ДОБРОТВОРЕНИЯ является следующее: «Каждому индивидууму надо самому жить честно, справедливо, хорошо, совестливо ради собственного счастья, но уважая сообщества таких же индивидуумов, как и он сам». Надо всегда стремиться к истине через науку и исихазм, быть бесконечно добрыми по отношению к нашей Матери-Природе и проявлять искреннее и великодушное терпение к людям и их сообществам. Это и есть сущность свободы. Причем изначально самая важная и определяющая оценка действий каждого должна быть направлена на себя. То есть это компонента подсознательного образца исихазма, как духовного путеводителя Человечества из тьмы цивилизации покорителей Природы на просторы вселенского сосуществования с Природой.

В своей повседневной жизни личность, нацеленная на самосовершенствование и развитие, должна придерживаться нескольких очевидных и неоспоримых принципов.

Первое. Ни мгновения без действия в интересах всех и каждого живого существа и Природы в целом.

Второе. Посильная помощь всем и каждому как высшее благо, дарованное нам Природой, без физических понуканий и материальных выгод. То, что названо солидарным мотивом труда.

Третье. Избавление от излишней энергии, то есть добровольный отказ от любых форм снобистского потребления, включая и отказ от капиталистического извлечения личной прибыли из убытков других акторов и накопительства в любых его формах.

Восьмая часть [20] рукописи посвящена третьему типу производных социально-экономических отношений. Данный предмет никогда не рассматривался с точки зрения политической экономии.

Сеть отношений «Производитель — Потребитель» чрезвычайно сложна. Исследование закономерностей развития данного типа отношений актуализировало Платоновскую триаду государства: «философы», «воины», «крестьяне». С помощью кибернетической эпистемологии автор привнес в ход рассуждений два раздела. Первый касается генезиса человеческого мозга (органа телесного сознания) как главного инструмента процесса познания. Во втором разделе он провел анализ коллективной и структурной составляющих отношения «Производитель — Потребитель». Такой целостный подход к проблеме функционирования искусственной среды обитания Человека, именуемой «экономикой» в политэкономическом исследовании, предпринят впервые.

Автор последовательно проводит мысль, что реальными Производителями в нашей жизни являются исключительно ученые, добывающие в природных «закромах» новые знания. К ним вплотную примыкают педагоги, наставники и все, кто разносит добытые знания во все уголки Человечества. Любые другие типы и виды деятельности, включая и пресловутый труд работников материального производства, являются банальным потреблением знаний ученых¹. Производительность всех видов созидательной деятельности определяется лишь количеством и сложностью знаний, полученных от ученых.

Автор убедительно доказывает, что у Человечества всего два фактора воспроизводства. Первый — это совокупность материально-вещественных и энергетических природных ресурсов, которые составляют «постоянный капитал» человеческого бытия. Этот «постоянный капитал» обращается в естественной среде — Природе — и искусственной среде обитания Человека — экономике, не покидая пределов Земли и не привнося никакого расширения производства и потребления. Второй — это знания, знания и еще раз знания, также добываемые учеными в Природе. Инструментом такой «добычи» служит специализированный

¹ Процесс материального производства следует понимать так. Встречаются два актора. Один накопил знания ученых в материальной форме, которую мы называем «средствами производства». Другой носит полученные знания в своем телесном сознании, и мы называем это «квалификацией рабочей силы». Соединение этих двух типов знания называется «производством», или более точно потреблением ранее полученных знаний в процессе топологического преобразования природных ресурсов в БЛАГА. Даже уборщица или дворник могут исполнять свои обязанности благодаря инновационным «венику» и «швабре», которые когда-то изобрели ученые того времени. Саму потребность в уборке также объясняют ученые с гигиенических высот знания.

приемник — человеческий мозг (телесное сознание). Причем, как он это делает и почему одни мозги на это способны, а другие нет, пока остается в разделе «непознанное». Но именно знания позволяют поступательно развивать как производство, так и потребление.

Последовательно отстаивая целостность и неразделимость науки, метафизики, религии и эзотерики, автор приводит простые формулы. Религия — это вера в догматы. Наука — это вера в аксиомы. Между догматами и аксиомами, наверное, существует множество одинакового и различного, но это на уровне сущности миропонимания непринципиально.

Не менее яркой авторской интерпретацией знаний, добытых известными учеными в области нейрофизиологии, включая Бехтерева и других, является переход от абстрактного деления акторов экономики на *Homo Economicus*, *Homo Sovieticus* и т. п. к классификации типов поведения людей на «Личностей-должен», «Субъектов-могу» и «Индивидуумов-хочу». Данная часть рукописи достойна самостоятельного опубликования, так как ее выводы переворачивают многие предыдущие представления о человеке и социуме с головы на ноги.

Добротворение как единение доброты и добромыслия автор возводит в ранг новой, четвертой идеологии¹ будущего мироустройства.

Из идеологии ДОБРОТВОРЕНИЯ вытекает и национальная идея всех народов, многие тысячелетия счастливо проживающих на обширных просторах нашей страны. В самом общем виде национальная идея народов России в рамках идеологии ДОБРОТВОРЕНИЯ будет представлять собой пространственно-временную живую диссипативную сложную систему, базирующуюся на нескольких структурообразующих принципах — компонентах подсознательного образа, которые являются результатом взаимовлияния античной философии (науки в ее современном исполнении), римского права и русского исихазма (духовности).

Духовное выше материального.

Семья значимее индивидуума.

Будущее важнее настоящего и прошлого.

Справедливость выше бумажных законов.

Общественное важнее частного.

Любая вера значимее безверия.

Обязанности приоритетнее прав.

¹ Предыдущие три базовые идеологические конструкции, включая фашизм, коммунизм и либерализм, полностью себя исчерпали. Их внутренняя разъединяющая сущность неприемлема в социуме, строящем гуманистическую формацию.

Понятно, что эта выстрадавшая веками легкой жизни нашего народа, да и всего Человечества, воссозданная идея сосуществования с Природой неизбежно потянет за собой серьезные изменения в государственном устройстве. Прежде всего это касается России, а дальше должно распространиться и на весь мир.

В девятой части [21] автор излагает свое представление о будущем мироустройстве и путях его достижения. Свою цель автор формулирует следующим образом: «Настоящая девятая часть рукописи посвящена процессу функционирования искусственной среды обитания Человека (экономике) на переходном этапе от капитализма к ДОБРОТВОРЕНИЮ. Солидаризм — это наиболее динамичная и турбулентная стадия социогенеза, так как она предполагает одновременное антагонистическое сосуществование рыночных и солидарных социально-экономических отношений. Завершение переходного периода ознаменует собой полную победу отношений ДОБРОТВОРЕНИЯ и солидарной модели экономики витального потребления, которые в совокупности откроют эру цивилизации сосуществования с Природой».

Автор отвергает любые модели капитализма на уровне исходного и основного социально-экономических отношений.

В наиболее расширительном виде будущее ДОБРОТВОРЕНИЕ можно представить в форматах следующей системы:

1. В стране нет ни одного наемного работника. Каждый желающий применить свои знания для всеобщего блага имеет беспрепятственный доступ к факторам производства материальных или цивилизационных БЛАГ, собственником которых он является.
2. Понятие «рабочий день» потеряло содержательное значение. Свободную созидательную деятельность солидарных собственников трудно отделить от получения прочих удовольствий жизни.
3. Витальная потребность в жилище удовлетворена полностью. Каждое сообщество регулирует размеры и качество жилья.
4. Люди, применяющие свои знания для пользы сообщества, в почете. Получать факторный доход за применение знаний престижно.
5. Свое свободное время каждый планирует самостоятельно.
6. Образование становится непрерывным, пожизненным и полностью бесплатным.
7. Барщина, кормление, оброк, коррупция представляются невероятной глупостью ушедшей цивилизации покорителей Природы.

8. Эволюционно осваиваемый принцип «выиграл-выиграл» и «живой» фрактальный организм сообществ полностью исключают любую несправедливость.
  9. Экономика в части, производящей материальные БЛАГА, растет согласно солидарным планам и пропорционально увеличению населения. Экономика цивилизационных БЛАГ растет безгранично, не нарушая интересов будущих поколений. Товарный фетишизм заменяется фетишизмом знаний.
  10. В городах преобладает бесплатный общественный транспорт. Личные автомобили сохранились лишь у чудаков — любителей старины.
  11. Все неработающие, включая студентов, пенсионеров и т. п. получают БГД, который позволяет удовлетворять органические витальные потребности без каких-либо условий и ограничений.
  12. Медицина прекращает лечить болезни, но обеспечивает естественное, природоподобное здоровье людей и абсолютно бесплатна.
  13. Люди, их сообщества и сообщества сообществ формируют целостную, разнообразную фрактальную структуру, познавшую фундаментальные законы Природы и ответственно относящуюся к своей миссии на Планете.
  14. Наука в самом расширительном значении становится главным вектором общественного прогресса. Производителей становится больше в каждом следующем поколении.
  15. Армия остается лишь на этапе солидаризма, пока на Планете есть капиталистарные государства. В дальнейшем она переориентируется на защиту Землян от внешних угроз, включая астероиды и пр.
  16. Национальный вопрос тонет в процессе солидарного единения всех Землян на фундаменте ассоциированной частной собственности граждан, которая плавно перерастает в общепланетарную частную собственность.
  17. Преступления, включая алкоголизм, наркоманию и т. п., полностью исчезают под напором роста благосостояния и образованности населения.
  18. Отношения мужчин и женщин становятся основополагающим фактором развития социума. Женщины получают в свое распоряжение БГД на себя и всех детей.
  19. Развитие социума характеризуется духовным, нравственным и интеллектуальным разнообразием, в основе которого лежат фундаментальные ценности Природы.
- Представленная автором целостная концепция будущего мироустройства является синергетическим результатом соединения исторического опыта развития разумной жизни на Земле и дедуктивного осознания фундаментального свойства Природы (Вселенной), которое автор назвал «эволюция сознания».
- В девятой книге автор констатировал, что он завершил представление целостной Концепции будущего мироустройства в формате политэкономической концепции — объяснительной парадигмы ДОБРОТВОРЕНИЯ. Внимательное прочтение всех девяти книг демонстрирует, сколь бережно он старался по крупинкам сохранить и преумножить достижения научной мысли предшественников. Гуманистическая общественно-экономическая формация, ДОБРОТВОРЕНИЕ и солидарный способ производства представляются как очередной возможный шаг Человечества в светлое справедливое будущее цивилизации сосуществования с Природой.
- После прочтения всех книг серии возникают закономерные вопросы:
1. Неужели какой-либо представитель Homo Sapiens может считать себя достойным человеком, даже просто человеком, после того как он извлек свою прибыль для роскошной жизни из карманов других людей, которые большую часть времени думают о выживании?
  2. Неужели не вышедший из ума человек, зная, что: зарождение капитализма связано не только с банальным грабежом сотен миллионов более честных людей, но и с физическим геноцидом малолетних работников, жизнь которых рассматривалась заводчиками как средство их сверхобогащения; тотальным низведением наемных женщин и мужчин до уровня рабочего скота, — может назвать себя капиталистом или бизнесменом?
  3. Неужели ужасы геноцида сотен миллионов жителей Америки, Африки, Азии и окраин англосаксонского сатанинского рассадника запредельной жестокости, безнравственности не рождают в головах людей достойного звания этим особям и их потомкам — не люди?
  4. Неужели беспрецедентный опыт строительства коммунизма в отдельно взятом Политбюро ЦК КПСС под циничными и ничего не

значащими лозунгами социализма и коммунизма не вызывает чувства омерзения к его большевистским реализаторам и безмерного чувства жалости к народам, поверившим этим подлым и лживым обещаниям библейского рая на Земле?

5. Неужели сейчас отчаянную борьбу кучки наследников самой тираничной, безжалостной, если не сказать мародерской, капиталистической формации, доведшей Человечество до реальности уничтожения жизни на Земле, можно и дальше терпеть людям на Планете?
6. Неужели простые, ясные, гуманистические и исихастские принципы ДОБРОТВОРЕНИЯ не усваиваются миллиардами людей на Планете в силу их рабской заботности, интеллектуального опустошения и морального упадка?
7. Неужели лучше погибнуть, раствориться в истории 5—6 миллиардам людей ради продолжения гламурного банкета нескольких тысяч крысиных королей, которые попискивают: «У нас все схвачено, за все заплачено», чем сделать смелый шаг вперед к счастью большинства жителей планеты Земля по дороге, которая описана в настоящих книгах, — дороге гуманистической общественно-экономической формации?

Закончил свои книги автор важными цитатами. «Если ты направишься к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели» [22].

«Не собирайте себе соковиц на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе соковища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где соковище ваше, там будет и сердце ваше»¹.

Однако Природа к нам милостива. Как однажды заметил Луис Ламур: «Придет время, когда ты решишь, что все кончено. Это и будет начало!»

¹ Мф. 6: 19—21.

Эти слова относятся к друзьям России. Враги и недруги должны постоянно помнить слова болгарского поэта Дончо Дончева [23]:

Не трогайте Россию, господа!

Ей больно и без вашего укора.

Она по части самоговора

Себе не знала равных никогда.

Не трогайте Россию, господа!

Что нужно Вам, и сытым, и одетым,
От той страны, что, выручив полсвета,
Сегодня и печальна, и бедна.

Припомните, как Вас она спасла
В годину разрушительных набегов.

И вот теперь не с Вашего ли берега
Несется равнодушная хула?

Не трогайте Россию, господа!

Теперь Вы славословите правдивость,
Но слепо верить в Вашу справедливость —
Занятие, достойное шута,

Россия не бывает неправы.

Уставшая то плакать, то молиться,

Она простит и вора, и блудницу,

Простит и Вас за глупые слова.

Она простит, а мне до склона дней —

Стыдиться Вас в смятении брезгливом

За то, что Русь по выкрикам визгливым
Узнает о Болгарии моей.

Не трогайте Россию, господа!

Ведь Вы ее не знаете, невежды.

Великая терпеньем и надеждой,

Она — иному миру не чета!

Не трогайте Россию, и она

И в этот раз уверенно и гордо

Без лишних фраз решит свои кроссворды,

Пречистою от зла ограждена.

Да Вы ее должны благодарить

Уже за то, что есть она на свете,

За то, что Вам и Вашим детям

Одну судьбу с ее судьбой делить.

А коль помочь не можете — тогда

Изыдите, хотя бы не мешая.

Иначе — за себя не отвечаю.

Не трогайте Россию, господа!!!

Список литературы

1. Кретов, С. И. Первая часть: тезаурус политической экономики и обзор современного состояния социально-экономических исследований / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2015. — 224 с.
2. Лоренц, К. Так называемое зло / К. Лоренц. — М. : Культур. революция, 2008. — 616 с.
3. Бокль, Г. Т. История цивилизации в Англии / Г. Т. Бокль. — СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1895. — 58 с.
4. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. — М. : София, 2003.
5. Большой энциклопедический словарь. Т. 2. — М. : Совет. энцикл., 1991. — 351 с.
6. Большой энциклопедический словарь. Т. 1. — М. : Совет. энцикл., 1991. — 286 с.
7. Скотт, Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / Дж. Скотт. — М. : Университет. кн., 2005. — 498 с.

8. Кретов, С. И. Добрострой — политическая экономия будущего в свете методологии кибернетической эпистемологии / С. И. Кретов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 12 (367). — С. 13—23.
9. Кретов, С. И. Вторая часть: предмет и метод политической экономии будущего / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2015. — 148 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Изд-во полит. лит., 1959. — С. 709—738 с.
11. Кретов, С. И. Третья часть: Исходное социально-экономическое отношение политической экономии будущего / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2016. — 214 с.
12. Кретов, С. И. Четвертая часть: Основное социально-экономическое отношение политической экономии будущего (начало) / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2016. — 180 с.
13. Кретов С. И. Пятая часть: Основное социально-экономическое отношение политической экономии будущего (продолжение) / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2016. — 192 с.
14. Розенберг, Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса / Д. И. Розенберг ; под ред. Н. А. Цаголова. — М., 1984. — 720 с.
15. Курс политической экономии : в 2 т. / под ред. Н. А. Цаголова. — М., 1973. — 670 с.
16. Churchill, W. The World Crisis. 1916—1918. Vol. 1 / W. Churchill. — New York, 1927.
17. Шредингер, Э. Мой взгляд на мир / Э. Шредингер. — М. : УРСС : Либроком, 2014. — 152 с.
18. Кретов, С. И. Шестая часть: Производные социально-экономические отношения политической экономии будущего: «Человек — Человек». Отношения собственности / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2016. — 232 с.
19. Кретов, С. И. Седьмая часть: Производные социально-экономические отношения политической экономии будущего. Отношения «Человек — Природа» / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2017. — 220 с.
20. Кретов, С. И. Восьмая часть: Производные социально-экономические отношения политической экономии будущего. Отношения «Производитель — Потребитель» / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2017. — 210 с.
21. Кретов, С. И. Девятая часть: Солидарный способ производства. Россия-2117 / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2017. — 250 с.
22. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. — СПб. : Изд. Ф. Стеловского, 1918.
23. Дончев, Д. Не трагуйте Россию, господа! / Д. Дончев. — Наш современник. — 1994.

Сведения об авторе

Хубиев Кайсын Азретович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. kaisyn@econ.msu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 189—205.*

REVIEW OF S.I. KRETOV'S BOOK “HUMANISTIC SOCIO-ECONOMIC FORMATION. THE POLITICAL ECONOMY OF THE FUTURE”

K.A. Khubiev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. kaisyn@econ.msu.ru

This book as a whole and its first part [1] are a systematic and consistent study of K. Marx's fundamental theory about the Economics of perfect competition using modern achievements of scientific thought. The first book presents the methodology of cybernetic epistemology (complexity theory), which is a natural-humanitarian science of the sixth technological order. Following the logic and sequence of presentation, which everyone can find in the “Capital”, the analysis of the provisions presented there in a comparable and comparable metric and topology, allow once again to verify the grandiosity of the work of K. Marx and at the same time to understand its historical exhaustion as an explanatory theory.

Keywords: *socio-economic relations, humanity, civilization, entrepreneurship, peace-making.*

References

1. Kretov S.I. *Pervaya chast': tezaurus politicheskoy ekonomii i obzor sovremennogo sostoyaniya sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy* [The first part: the thesaurus of political economy and a review of the current state of socio-economic research]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2015. 224 p. (In Russ.).
2. Lorenz K. *Tak nazyvaemoye zlo* [So-called evil]. Moscow, Cultural revolution Publ., 2008. 616 p. (In Russ.).
3. Bokl', G.T. *Istoriya tsivilizatsii v Anglii* [History of civilization in England]. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1895. 58 p. (In Russ.).
4. Capra F. *Pautina zhizni. Novoye nauchnoye ponimaniye zhivykh system* [The Web of life. New scientific understanding of living systems]. Moscow, Sofia Publ., 2003. (In Russ.).
5. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. T. 2* [Large encyclopaedic dictionary, vol. 2]. Moscow, Soviet encyclopaedia Publ., 1991. 351 p. (In Russ.).
6. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. T. 1* [Large encyclopaedic dictionary, vol. 1]. Moscow, Soviet encyclopaedia Publ., 1991. 286 p. (In Russ.).
7. Scott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Good intentions of the state. Why and how failed projects to improve the conditions of human life]. Moscow, University book Publ., 2005. 498 p. (In Russ.).
8. Kretov S.I. Dobrostroy — politicheskaya ekonomiya budushchego v svete metodologii kiberneticheskoy epistemologii [Dobrostroy — political economy of the future in the light of the methodology of cybernetic epistemology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 12 (367), pp. 13—23. (In Russ.).
9. Kretov S.I. *Vtoraya chast': predmet i metod politicheskoy ekonomii budushchego* [Second part: the subject and method of political economy the future]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2015. 148 p. (In Russ.).
10. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Political Literature Publ., 1959. 738 p. (In Russ.).
11. Kretov S.I. *Tret'ya chast': iskhodnye sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego* [The Third part: the Initial socio-economic ratio of political economy of the future]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2016. 214 p. (In Russ.).
12. Kretov S.I. *Chetvertaya chast': osnovnye sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego* [Fourth part: the Basic socio-economic relationship the political economy of the future (the beginning)]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2016. 180 p. (In Russ.).
13. Kretov S.I. *Pyataya chast': osnovnye sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego* [The Fifth part: the Main socio-economic ratio of political economy of the future (continued)]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2016. 192 p. (In Russ.).
14. Rozenberg D.I. *Kommentariy k "Kapitaly"* [Comments to Karl Marx's "Capital"]. Moscow, 1984. 720 p. (In Russ.).
15. *Kurs politicheskoy ekonomii v 2 t.* [The course of political economy in 2 vol.]. Moscow, 1973. 670 p. (In Russ.).
16. Churchill W. *The World Crisis. 1916—1918. Vol. 1.* New York, 1927.
17. Shredinger E. *Moy vsglyad na mir* [My view of the world]. Moscow, URSS Publ., Librokom Publ., 2014. 152 p. (In Russ.).
18. Kretov S.I. *Shestaya chast': proizvodnye sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego* [The Sixth part: Derivative social and economic relations of political economy of the future]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2016. 232 p. (In Russ.).
19. Kretov S.I. *Sed'maya chast': proizvodnye sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego* [The Seventh part: Derived socio-economic relations the political economy of the future]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2017. 220 p. (In Russ.).
20. Kretov S.I. *Vos'maya chast': proizvodnye sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego* [Eighth part: derivative socio-economic relations of political economy of the future]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2017. 210 p. (In Russ.).
21. Kretov S.I. *Devyataya chast': Solidarnyy sposob proizvodstva. Rossiya-2117* [The Ninth part: Joint mode of production. Russia-2117]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2017. 250 p. (In Russ.).
22. Dostoevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. St. Petersburg, F. Stellovsky Publ., 1918. (In Russ.).
23. Donchev D. *Ne trogayte Rossiyu, Gospoda!* [Don't touch Russia, gentlemen!]. *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 1994. (In Russ.).

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. ЗИНГАЛЕСА «КАПИТАЛИЗМ ДЛЯ НАРОДА. ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ КОРРУМПИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ» (М., 2016)

Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Один из самых цитируемых экономистов современности Луиджи Зингалес (см., например, его работы [7; 8] взялся за злободневную тему [9], которой занимаются лучшие умы социальных наук современности, в том числе Т. Пикетти [12], Дж. Стиглиц [13], Ф. Котлер [10], А. Гринспен [4], Дж. Акерлофф и Р. Шиллер [2], П. Кокшот и Э. Котрелл [1], П. Друкер [6], М. Гудвин [5], Ч. Уилан [14], Х. Д. Чанг [15; 16], А. В. Бузгалин и А. И. Колганов [3], С. И. Кретов [11].

Л. Зингалес ставит знак равенства между капитализмом и экономикой совершенной конкуренции, то есть изначально пишет про идеальную модель, которой в реальности не удалось никому достичь. И все устремления создать подобие мира, нарисованного Адамом Смитом в «Богатстве народов...», заканчивались неудачей. Фондовые рынки, по своим формальным характеристикам наиболее приближенные к совершенной конкуренции, в действительности являют собой машину для перераспределения доходов, управляемую крупными игроками. Рыночной экономики как системы, системы устойчивой и работающей более-менее долго, не существовало и не существует. А значит, и капитализма в «зингалесовском» понимании — тоже. Он говорит о мечте, мечте достойной и популярной, — создать мир, в котором каждый получал бы вознаграждение по заслугам, не было бы монополии и коррупции. Однако неизменно возникает вопрос: почему же такая система, если она предпочтительна для общества и о ней уже более 200 лет известно, так и не возникла нигде в мире? Что этому мешает? Или кто? А может быть, она просто нежизнеспособна в силу ряда объективных причин и ограничений. Ведь «экономический человек» А. Смита, обязательный, системообразующий элемент рыночной экономики, — это желаемый образ, а не описание реального, действующего в экономике субъекта.

Означает ли это, что книга теряет свой смысл, раз объект ее внимания не наблюдаем? Отнюдь. В современной науке очень часто обращаются к

моделям абстрактным, ненаблюдаемым, но предсказываемым в сознании человека. И здесь именно такой случай. Но только это надо понимать, когда читаешь, и воспринимать написанное именно как теоретические упражнения, но отнюдь не как практические рекомендации. Однако у автора иное мнение. Он настойчиво возвращает нас к мысли о возможности изменения существующей экономической системы к лучшему. Капитализм 2.0, так сказать. И с этим как раз очень трудно согласиться. Если в Италии, США и других странах сложилась коррумпированная система, то этому были свои объективные причины. Не стоит преувеличивать в этих процессах роль личности, будь то С. Берлускони или любой другой политик.

Осознанно или нет, Л. Зингалес в своих рассуждениях допускает ключевую ошибку, когда корень зла он видит в монополиях и коррумпированных чиновниках, в действительности это лишь следствие реальных причин, скрытых от внешнего наблюдателя и одновременно лежащих на поверхности. И эта причина, на мой взгляд, в разбалансированности системы мотивов человеческой деятельности. В триаде «принуждение, личный интерес и социальные нормы» доминируют первые два начала, в результате чего любые преобразования не приводят к возникновению жизнеспособных форм организации общественного производства и жизнедеятельности общества вообще.

«Спасти капитализм»... автор пребывает в той же иллюзии, что и большинство других ученых, пишущих на эту тему, — в иллюзии управляемости общественно-экономической формации. Это похоже на то, что метеоролог написал бы статью про «спасти лето...». Да, давайте построим большой ангар, закроем двери и включим отопление. И лето сохранится. Может быть. Частично. Локально. Но затраты на его сохранение (энергия, люди) будут очень велики. То же и с капитализмом — мы можем в лабораторных условиях конкретного рынка и конкретной страны создать систему, похожую на капитализм по Зингалесу. Но

будет ли такая система впоследствии развиваться и распространяться и на другие рынки и другие страны? Нет. И главной причиной этого является не отсутствие политической воли или понимания важности подобных преобразований.

Структурно книга состоит из двух частей. Первая озаглавлена «Проблема» и на самом деле посвящена объемному (и по количеству страниц, и по качеству проделанной работы) описанию современной дисгармоничной капиталистической экономики. Книга изобилует примерами кланового капитализма в Италии, на родине автора, и в США, его месте постоянной работы. Пытаясь вскрыть проблему по принципу «хорошая система попала под влияние плохих парней», автор шаг за шагом убеждает внимательного читателя, что такая проблема не разрешима в принципе. Начинается повествование с констатации того простого факта, что современная капиталистическая экономика, и в первую очередь ее «витрина» — экономика США, несправедлива. Далее следует кейс-стади кланового американского капитализма. Ранее к подобным выводам приходили и другие, но здесь вывод звучит убедительнее, поскольку он исходит из одного из ярких сторонников капитализма как модели развития экономики на долгие времена. Дальше — больше. Клановость в финансовой сфере, с легкой руки Голливуда также ставшая притчей во языцех у критиков современного американского (и мирового) капитализма, тоже помещается Л. Зингалесом под микроскоп, и он беспощадно критикует столпов мощнейшей финансовой системы: ФРС, инвестиционные банки, частно-государственные партнерства. «Страна экстренной финансовой помощи», как называет автор США, провоцирует деградацию предпринимательского начала в бизнесе, вставая на защиту крупных игроков, когда те «заигрываются» на рынке. О, да! Это как раз то, о чем и говорят непримиримые критики капитализма.

Далее автор переносит фокус внимания на сферу идеологии, на современную роль элит и их обособленность от народа (книга была издана в оригинале в 2012 г., но произошедшее через 5 лет на выборах президента, когда элиты — читай: Х. Клинтон — проиграли простым американцам, на которых сделал ставку Д. Трамп, отлично иллюстрирует этот тезис). Сфера «создания смыслов» перестает получать постоянную подпитку от реальных чаяний народа и по этой причине утрачивает свое влияние на него. Заканчивается первая часть символично — главой «Популизм», отражающей не только специфику современной экономики (так было еще со времен рождения тезиса «покупатель всегда прав»), но и

общества в целом. Современные информационные технологии, «цифра» наделяют экономически сильных игроков такой властью над рынками и общественными отношениями, какой не было с начала времен. Big data — не только инструмент пассивного наблюдения за потребителями и конкурентами, но также (и даже в большей степени) средство формирования и потребительских предпочтений, и конкурентной стратегии. Благодаря капиталистической организации экономики человеком возникли условия, когда большая власть порождает еще большую власть и ощущение своей исключительности, непотопляемости и вседозволенности. Речь и о финансовых гигантах, и о промышленных корпорациях, и о торговых сетях, и о лидерах интернет-индустрии. Еще А. Смит и К. Маркс подчеркивали стремление капитала к концентрации и самовоспроизводству, а В. И. Ленин в деталях описал этот процесс, используя концепцию империализма. По факту Л. Зингалес этот самый империализм и описывает — в котором воедино сплетаются, срastaются промышленный, банковский, политический, «социальный» и многие другие виды капитала, в который инвестируют, которым пользуются для извлечения прибыли, который есть универсальная мера всего. Ведущие экономические формы и институты, посредством которых реализуются экономические отношения капитализма, работают на преумножение капитала, поскольку самим корпорациям, банкам и фондам это просто выгодно, они ради этого и существуют, а персоны, формирующие стратегии государственных органов власти и средств массовой информации (так называемой четвертой власти) напрямую зависят от них. Не секрет, что карьеры политиков и чиновников в США (вплоть до уровня вице-президента) вполне успешно продолжают в крупных корпорациях.

Итак, корень зла современного капитализма — клановая и монополярная экономическая система, появившаяся в ходе эволюционного (а иногда и революционного) развития современного общества. Эта система взяла старт от буржуазных революций XVIII—XIX вв., когда молодой, дерзкий и внушающий надежды капитализм пришел на смену «клановому» и «монополярному» позднефеодальному строю. И почему не предположить, что сейчас мы стоим на пороге очередного качественного изменения системы экономических отношений. Однако автор упорно завет нас назад, апеллируя к классикам, призывая нас предпринять все усилия для возврата к истокам, к конкурентному и дерзкому капитализму.

И как именно он предлагает это сделать? Об этом — вторая часть книги. Пробежимся по заго-

ловкам: «Равенство возможностей», «Борьба с неравенством за счет конкуренции», «Потребность в рыночной этике», «Ограничения лоббирования», «Простота прекрасна», «Хорошие и плохие налоги», «Реформа финансовой сферы», «Данные — народу». Основной фокус внимания у Л. Зингалеса, как и прежде, — на конкуренции. Если обеспечить условия для конкуренции на всех рынках, и даже на потенциальных рынках, которые пока что остаются вотчиной распределительной системы государства, то большинство проблем капитализма разрешатся сами собой... так говорит автор. И, читая его труд, очень хочется с ним согласиться. Однако... Подобно барону Мюнхгаузена Л. Зингалес рассказывает о том, что можно вытащить себя из болота за волосы. Бумага все стерпит, но для профессионального экономиста подобный трюк сразу заметен. Клановость есть порождение государственной машины в экономике. Монополии есть продолжение конкурентной борьбы. Автор призывает бороться с проблемами теми методами, которые, по сути, проблемы и создают. Яркие образы, которые рисует автор, вместо того, чтобы вызывать стремление изменить мир к лучшему, скорее разочаровывают в нем. Чего стоит хотя бы такой: «Председателем совета директоров... был Деннис Козловски, сегодня он отбывает двадцатипятилетний срок... Обществу он известен как человек, заплативший 1 миллион долларов за ледяную копию микеланджеловского Давида, который мочился водкой на праздновании сорокалетнего юбилея его второй жены» (с. 242). И далее — по списку. Да, это все есть. И — да,

это можно исправить, планомерно вводя новые законы, правила, директивы. Но становится ли от этого система более совершенной, более правильной, более гармоничной? Нет и еще раз нет. Сила капитализма всегда была в его предпринимательском начале, в его «драйве». Сегодня, когда Л. Зингалес пытается победить одного «зверя» — клановость, выпуская другого — условно «антиклановое» регулирование посредством новых законов, направленных на поддержку конкуренции. Критикуя преференции одним, автор, пусть и косвенно, предлагает создавать преференции другим. А это, при всем уважении к автору, не выход.

В завершение краткого обзора этой, безусловно, рекомендуемой к прочтению книги необходимо отметить, что называемые ключевые точки, на которые нужно воздействовать для улучшения экономической системы, названы верно. Это образование и этика. Однако в деталях автор уходит в сторону, пытаясь сохранить ту идеальную рыночную картину мира, которая в действительности никогда не существовала. Пытаясь исполнять роль Адама Смита XXI в., Луиджи Зингалес собирает внушительное досье на все несовершенства современного ему капитализма. И он вполне может стать возвестником новой эры, но не той, о которой он пишет. «Капитализм будет побежден своими же достижениями», — говорил Й. Шумпетер. И здесь мы наблюдаем именно констатацию факта не болезни, но гибели капитализма. И то общество, та экономическая система, что придет ему на смену, будет лучше и справедливее. По крайней мере, в это хочется верить.

Список литературы

1. Cockshott, P. Towards a New Socialism / P. Cockshott, A. Cottrell. — Nottingham, UK : Spokesman, 1993.
2. Акерлофф, Дж. Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана / Дж. Акерлофф, Р. Шиллер. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 320 с.
3. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал 2014 : в 2 т. Т. 2: Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы (Капитал re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. — М. : Ленанд/URSS, 2015. — 912 с.
4. Гринспен, А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования / А. Гринспен. — М. : Альпина Паблицер, 2018. — 412 с.
5. Гудвин, М. Экономикс. Как работает экономика (и почему не работает) в словах и картинках / М. Гудвин. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 384 с.
6. Друкер, П. Задачи менеджмента в XXI веке / П. Друкер. — М. : Вильямс, 2018. — 286 с.
7. Rajan, R.G. Financial Dependence and Growth / R. G. Rajan, L. Zingales // American Economic Rev. — 1998. — Vol. 88, no. 3. — P. 559—586.
8. Rajan, R. G. The great reversals: The politics of financial development in the twentieth century / R. G. Rajan, L. Zingales // J. of Financial Economics. — 2003. — No. 69 (1). — P. 5—50.
9. Зингалес, Л. Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики / Л. Зингалес. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. — 368 с.
10. Котлер, Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики / Ф. Котлер. — М. : Эксмо. — 288 с.

11. Кретов, С. И. Гуманистическая общественно-экономическая формация. Политическая экономия будущего : в 9 ч. / С. И. Кретов. — М. : Добротворение, 2015.
12. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. — М. : Ад Маргинем, 2016. — 592 с.
13. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. — М. : Эксмо, 2015. — 512 с.
14. Уилан Ч., Голая экономика. Разоблачение унылой науки / Ч. Уилан. — М. : Манн Иванов и Фербер, 2017. — 384 с.
15. Чанг, Х. Д. Как устроена экономика / Х. Д. Чанг. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 304 с.
16. Чхан, Х. Д. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм / Х. Д. Чхан. — М. : АСТ, 2014. — 314 с.

Сведения об авторе

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 207—211.*

REVIEW ON THE BOOK OF L. ZINGALES “CAPITALISM FOR THE PEOPLE. LIBERAL REVOLUTION AGAINST CORRUPTED ECONOMY” (Moscow, 2016)

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

References

1. Cockshott P., Cottrell A. *Towards a New Socialism*. Spokesman, Nottingham, UK. 1993.
2. Akerloff J., Schiller R. *Okhota na prostaka. Ekonomika manipulyatsii i obmana* [Hunting for a Simpleton. Economics of manipulation and deception]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2017. 320 p. (In Russ.).
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Global'nyy kapital 2014 v 2 t. T. 2: Teoriya. Global'naya gegemoniya kapitala i yeyo predely (Kapital re-loaded)* [Global capital 2014. In 2 vol. T. 2: Theory. The global hegemony of capital and its limits (Capital re-loaded)]. Moscow, Lenand/URSS Publ., 2015. 912 p. (In Russ.).
4. Greenspan A. *Karta i territoriya. Risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya* [Map and territory. Risk, human nature and forecasting problems]. Moscow, Al'pina Pabliher Publ., 2018. 412 p. (In Russ.).
5. Goodwin M. *Ekonomiks. Kak rabotayet ekonomika (i pochemu ne rabotayet) v slovakh i kartinkakh* [Ekonomiks. How the economy works (and why it does not work) in words and pictures]. Moscow, Mann Ivanov and Ferber Publ., 2017. 384 p. (In Russ.).
6. Drucker P. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [The tasks of management in the XXI century]. Moscow, Williams Publ., 2018. 286 p. (In Russ.).
7. Rajan R.G., Zingales L. Financial Dependence and Growth. *American Economic Review*, 1998, vol. 88, no. 3, pp. 559—586.
8. Rajan R.G., Zingales L. The great reversals: The politics of financial development in the twentieth century. *Journal of Financial Economics*, 2003, no. 69 (1), pp. 5—50.
9. Zingales L. *Kapitalizm dlya naroda. Liberal'naya revolyutsiya protiv korrumpirovannoy ekonomiki* [Capitalism for the people. Liberal revolution against corrupt economy]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2016. 368 p. (In Russ.).
10. Kotler F. *Konets kapitalizma? 14 antidotov ot bolezney rynochnoy ekonomiki* [The End of Capitalism? 14 antidotes against diseases of market economy]. Moscow, Eksmo Publ. 288 p. (In Russ.).
11. Kretov S.I. *Gumanisticheskaya obshchestvenno-ekonomicheskaya formatsiya. Politicheskaya ekonomiya budushchego v 9 ch.* [Humanistic socio-economic formation. Political economy of the future in 9 pt.]. Moscow, Dobrotvoreniye Publ., 2015. (In Russ.).

12. Piketti T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2016. 592 p. (In Russ.).
13. Stiglits Dzh. *Tsena neravenstva. Chem rassloeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The price of inequality. How does the stratification of society threaten our future?]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 512 p. (In Russ.).
14. Uilan Ch. *Golaya ekonomika* [The Naked Economy. Exposure of a dull science]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2017. 384 p. (In Russ.).
15. Chang Kh.D. *Kak ustroyena ekonomika* [How the economy works]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2015. 304 p. (In Russ.).
16. Chkhan Kh.D. *23 Tayny: to, chto vam ne rasskazhut pro kapitalizm* [23 secrets: something that you will not be told about capitalism]. Moscow, AST Publ., 2014. 314 p. (In Russ.).

УДК 330.101
ББК 65.013

REVIEW OF THE NINTH INTERNATIONAL VANGUARD SCIENTIFIC CONGRESS ON “100 YEARS OF REAL SOCIALISM AND THE THEORY OF POST-CAPITALIST CIVILIZATION”

Nguyen Thu Trang

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

Keywords: *real socialism, the theory of post-capitalist civilization.*

On the occasion of the 100th anniversary of the Great Russian October Revolution, during two days from 26—27 September 2017, the Vietnam Academy of Social Sciences (VASS) in collaboration with the National Foundation for Science and Technology Development (NAFOSTED) and the Metropolitan Autonomous University, Mexico and The World advanced research project (WARP) organized an international scientific workshop with the title: “100 Years of Real Socialism and the Theory of post-capitalist civilization” at No. 1 Lieu Giai, Ba Dinh, Hanoi. It was also the ninth Annual Forum of the World advanced research project (WARP) by international scientists in many areas such as political economy, mathematics, Theory of Computational Complexity, information theory, network theory, environmental biology, politi-

Laos, Singapore, the Federal Republic of Russia, the United Kingdom, the Federal Republic of Germany, Norway and Mexico.

In particular, representatives of the Russian and Mexican embassies in Vietnam were also present.

On the Vietnamese side, there were the participation of Prof. Dr. Nguyen Xuan Thang, Member of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam, Director of the Ho Chi Minh National Academy of Politics (HCMA), Vice Chairman of the Central Theoretical Council; Prof. Dr. Nguyen Quang Thuan, President of the Academy, Vice Chairman of the Central Theoretical Council and other Vice Presidents of the Academy: Associate Prof. Dr. Bui Nhat Quang, Alternate Member of the Central Committee of the Communist Party; Associate Prof. Dr. Pham Van Duc and with the participation of experts and scientists from the research institutes of the Vietnam Academy of Social Sciences, the Ho Chi Minh National Academy of Politics, the Central Theoretical Council, the Communist Review and other universities and institutes.

On behalf of the Academic Leadership, opening remarks at the workshop, Prof. Dr. Nguyen Quang Thuan warmly welcomed the attendance of the participants; At the same time, he highly appreciated the historical value and era meaning of the Russian October Revolution on the world level and the achievements of socialism had become reality in the Soviet Union and Eastern European countries. Accordingly, Prof. Thuan affirmed that the October Revolution in Russia played the leading role in the history of modern humanity and was a shining example of encouraging and motivating the peoples all over the world to build a society for human beings. In addition, Prof. Dr. Nguyen Quang Thuan also analyzed the opportunities and challenges of the Fourth Industrial Revolution for the development of socialism; wishing that, through the workshop and follow-up activities, international and Vietnamese

*President of the Academy —
Prof. Dr. Nguyen Quang Thuan
made the opening speech at the workshop*

cal science, military science... and Prof. Dr. Heinz Dieterich, the German-born Mexican was the chairman.

Attending the workshop, On the international side, Prof. Dr. Heinz Dieterich, Chairperson of the Association of World Political Economy (WAPE), President of the World advanced research project (WARP), and with the participation of scientists, experts and scholars from leading universities and institutes in China,

Prof. Heiz Dieterich, President of WARP, said welcome at the workshop

scientists continue to have deeper and more comprehensive studies from all perspectives on realistic and prospects of Socialism in the 21st century in the context of the Fourth Industrial Revolution, aiming to promote increasingly effective scientific cooperation.

In the welcome speech of the workshop, as well as in his report, Prof. Heiz Dieterich, President of WARP, outlined the necessity of a post-capitalist civilization after the Soviet socialist model of 20th century socialism collapsed and the capitalist civilization based on the market economy that is always at potential risk of crisis and is not capable of solving the problems that humanity is facing today such as inequality, the gap between the rich and the poor, unemployment, climate change, habitat destruction... Socialism of the 21st century must be the socialism based on the most advanced achievements of the development of modern science and technology, the non-humanist market economy must be replaced by a “comparable economy” non-monetary basing on working time. The task of building a post-capitalist civilization must be the effort of the socialist countries under the leadership of the Vanguard revolutionary Party... The combination of revolutionary parties with advanced scientific theory based on the achievements of modern science and the fourth industrial revolution will be an important factor in the formation of post-capitalist civilization. Instead of dreams of each individual ethnic and nation, let us reflect together about the dreams of all humanity, striving for the true humanistic purposes of the whole of humanity. As such, WARP President emphasized the need for a strategic orientation for society and humanity, so the socialist countries must unite, creating the power to help other countries wish to participate in the movement of human development.

In the workshop report, Prof. Dr. Pham Van Duc, Vice President of the Academy emphasized the important meaning of the seminar’s theme, which not

Prof. Dr. Pham Van Duc, Vice President of the Academy Prof. Heinz Dieterich, President of WARP presided over the plenary session

only showed the deep concern of the leaders of the Academy and the Vietnamese academics for the development of a socialist model suitable for Vietnam, but also expressed the enthusiasm of the international research community on the hot issues of development practice in human society today.

Basing on the study and synthesis of speeches, the Vice-President of the Academy highlighted the main contents of the workshop:

1. Russian October Revolution: the lesson of history and current meaning.
2. Socialist model of the 20th century and lessons learned for the socialist construction process of the 21st century.
3. Innovation and the cause of socialist construction in Vietnam
4. China’s Policy of “One Belt, One Road” in the Process of Socialist Reform in China: Opportunities, Challenges and Issues for Vietnam and the Modern World.
5. Socio-economic models and social innovation trends for the realistic socialist construction in Laos, Korea, Cuba, Latin American model (XXI century) and some other countries in the world: success, experience and challenges.
6. Post-capitalist civilization and the future of socialism of the 21st century.
7. The impact of the Fourth industrial revolution on the process of building post-capitalist civilization and development orientation of the socialist model of the 21st century.
8. New world order and geopolitical issues with the rise of China and Russia’s return in the process of globalization.

Under the chairmanship of Prof. Dr. Pham Van Duc and Prof. Heinz Dieterich, two plenary sessions drew the attention of experts through the very high-quality reports of the GS speakers. William Paul Cockshott, Glasgow University, UK; Assoc. Prof. Vo Dai Luoc, VASS; Dr. Stefan Rehfus, Federal

Conference Overview

Republic of Germany, Assoc. Prof. Dr. Luong Dinh Hai, Director of the Institute for Human Research, VASS; Prof. Gernot Ernst, University of Oslo, Norway; Prof. Konstantin Sivkov from National Russian Geophysical Research Institute, Russian Federation; Prof. Luo Yuding, Wuhan University, China; Prof. Dmitri Pletnev from Chelyabinsk University, Russian Federation. These scholars have addressed the issues of Big Data and supercomputers (the foundation of

technological communism); Governance under the Marx-Darwin-CTS model and China's transforming (transitional) socialist model: (productive forces, class conflicts, and the role of the Vanguard Party); Capitalism (crisis, adjustment and adaptation); Threat to the socialist brain (the neuroscience foundation for collective behavior); The geo-strategic situation of the world superpowers and the global military-political trends of evolution in the world system; de-

Discussion activities at sub-committees

Participants took photo at the workshop

velopment in terms of the soft power of the socialist states...

Besides, the conference was also divided into sub-committees for discussing issues such as: Sub-committee 1, real socialism; Sub-committee 2, the 4.0 technology revolution, the Vietnamese social practice and international issues; Sub-committee 3, Russian October Revolution and the practice of socialist construction in Vietnam. The exchanges of experiences and debates of international and Vietnamese scholars on relevant issues suggested new research directions that would contribute to the development of both theory and practice about Socialism as well as the future of human civilization. The valuable presentations by Vietnamese scholars have partly helped international scholars to realize that the success of Vietnam's renovation has added new details to the way, to build socialism for those countries that have taken the "short" transition, not through the stage of capitalist development; Vietnam insisted that Marxist perseverance did

not mean to apply in a purely mechanical way but to apply scientifically and creatively their ideas in new historical conditions. The creativity in manipulation, the addition and perfection of the Marxist principles in accordance with the new historical context of the times, are the right way to protect Marxism, to persevere in pursuit of the Marxism.

The frank exchange of international scholars also provides Vietnamese scholars with multi-dimensional assessment and views on Marxism, socialism, capitalism, neo-liberalism, market economy, post-capitalist civilization...

After two days of exciting and fruitful work, the workshop ended successfully. The conference was also a forum for exchanging scholarships and sharing useful experiences of Vietnamese and international experts and scholars, thus contributing strongly to the scientific cooperation and scientific research organization to carry out projects, towards peace and sustainable development in the future.

Information about the author

Nguyen Thu Trang — specialist, Department of Data-Information, the Center of Applied Information, Technology, Vietnam Academy of Social Sciences. Hanoi, Vietnam.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 3 (413). *Economic Sciences. Iss. 60. Pp. 212—215.*

